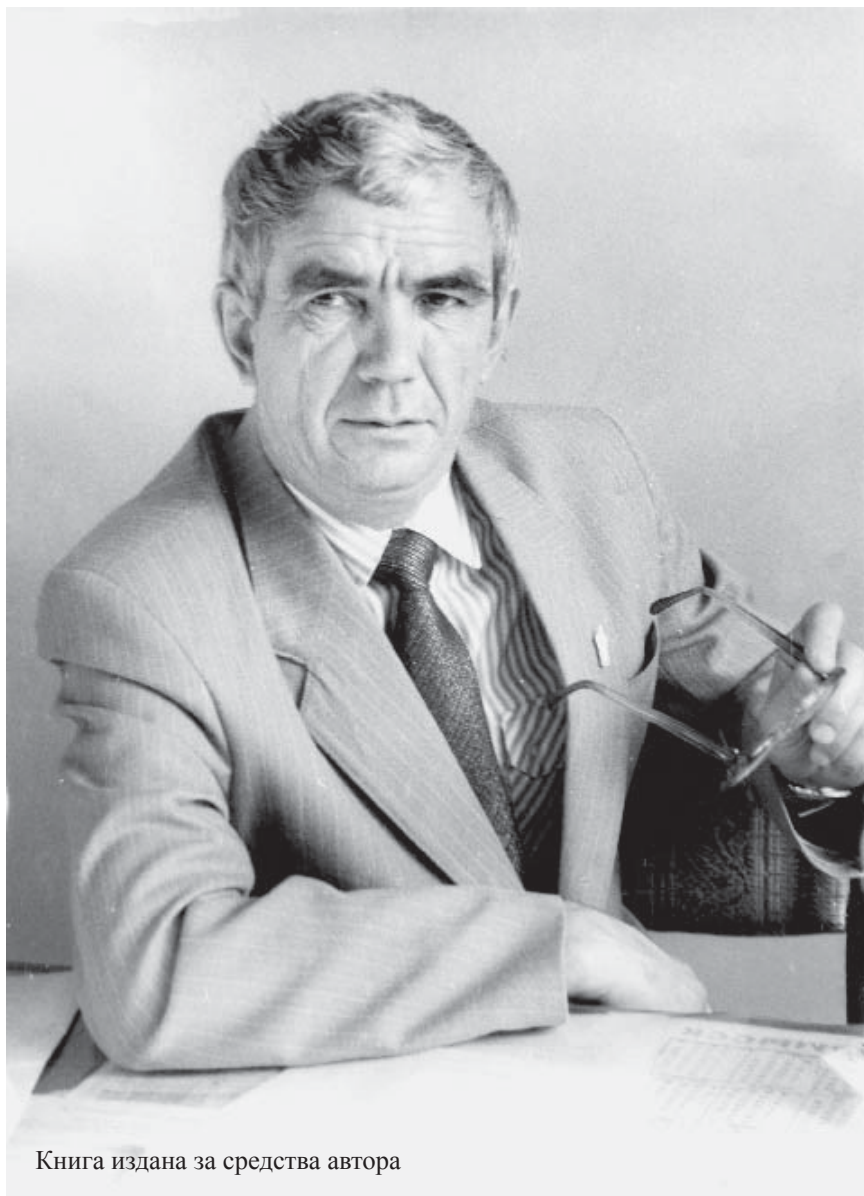

Владимир КОЖЕВНИКОВ

ВНУКИ и ПРАВНУКИ

Р О М А Н

ББК 84. Р7

Книга издана за средства автора

©Владимир Иванович Кожевников

Патриотам России посвящаю

1

Когда он смотрел в сторону Большого Кавказского хребта, то не уставал дивиться величию и красоте его острых вершин, ледников и утесов, краскам разнообразных цветов и оттенков, которыми наградила природа этот райский уголок земли. От белого, голубого и розового цветов по ясным утрам до палевого и светло-красного, что зависело от времени дня и положения в небе солнечного светила. Думалось, что природа-художник каждый раз меняет свои тона, показывая горы то нежными и приветливыми, притягивающими взор и зовущими к себе, то оранжевыми или красно-свинцовыми, недовольными и сердитыми, даже мрачными, как защитники осажденных укреплений, которые трудно одолеть противникам. Иногда вершины казались ему зубьями железной пилы или башнями древних крепостей, тысячелетиями стоящих на защите этой горной жемчужины. И тогда в душе поселялся легкий страх.

Не раз по утрам и вечерам с дачного участка или балкона квартиры любовался неповторимой горной картиной южноуральский казак Овчинников, бывший поездной диспетчер отделения и управления Северо-Кавказской железной дороги, куда с далекого Урала занесла его непредсказуемая судьба-индейка. Высокие горы напоминали ему далекую родину. А неласковая судьба нередко в его воображении походила на непокорные реки Кубань или Большой Зеленчук, которые в половодье несли огромные льдины, похожие на доисторических животных, или вывернутые с корнем деревья и сажали их в низовьях на прибрежную мель, где они будут долго таять и гнить, пока не превратятся в прах. Прах этот тоже унесут стремительные волны какого-нибудь очередного половодья. И ничего не останется от него, как и от льдин и деревьев, словно его и не было на све-

те. И природа будет продолжать цикл старения, как и человек, невесело рассуждал Владимир Иванович.

- И тебя вот так же когда-нибудь унесет в небытие, не оставив и следов на этой брэнной земле!- полусерьезно-полушутливо вздыхал седовласый старик, глядя вдаль из-под нависших на глаза густых и лохматых бровей.- А вместе с тобой умрет и память, которая, по всей видимости, ненадолго переживает ушедшего человека. Тоже превращается в прах...

Он долго и невесело думал, перебирал в голове неласковые мысли, будто неподходящие товары в хозяйственной лавке. А потом спрашивал себя:

- А как же память о Пушкине живет две сотни лет и еще будет жить века? О других славных людях, об Иисусе Христе? Значит, нужно сделать что-то значительное, полезное для общества,- догадывался белоголовый, как кавказский ледник, человек. И чело его, взгляд когда-то черно-карих глаз начинали светлеть.- А ты много сделал добра на этом Божьем свете? Часто радовал людей и окружающую природу, которая не жалеет тепла и света для всего живого, поит и кормит его? Вот как чист ее лик!- показывал он уставшей дланью на сияющие на голубом горизонте вершины.- Потому и не мрачные, аж светятся от счастья и радости, будто живые, будто в них есть душа и разум, вложенные Всевышним. Потому живут и красуются на солнце миллионы лет, словно стремятся наделить людей и природу добром и оптимизмом, любовью к ближним и окружающему...

От таких мыслей у него слегка кружилась голова, будто выпил на радостях кружицу легкого виноградного вина, отдающего запахами близкого луга и неувядающего лета, мягких волн говорливого Зеленчука и знойных ветров степного Ставрополя.

И он глубоко задумывался, вспоминал и выносил на душевный суд не только свою жизнь и поступки, но и историю всей своей фамилии, которую знал, начиная с пугачевских вре-

мен, как будто он обязан ответить за всех. В ней, конечно, не все было гладко и солнечно. Случались светлые и темные полосы. Но ведь из истории, как из песни слов, не выбросишь ничего, ни одной даже самой плохой запятой или никудышного междометия. Ведь как ни правили, ни подделывали историю кровожадные цари и неблагоприятные политики, она все равно всплывает своими нестираемыми временем гранями и глубинами. И доносит до будущих поколений матушку правду. На то она и история – неподкупная, беспощадная, истинная. Потому ее ценят и боятся люди, ведь она, как суд Божий, честна и неговорчива.

И все чаще уносился мыслями в исторические дебри потомственный казак Владимир Иванович Овчинников, будто черпал из них живительную силу, способную продлить его увядающую жизнь. А может, и закончить. И вспоминал многое. И вытаскивал почти из небытия на свет Божий и человеческий суд. Возможно, и домысливая что-то, дофантазируя, на что способна его казачья душа, чтобы поставить, где надо, последнюю точку. Не оставить невозвращенного, неосмысленного. И бережно передать потомкам, чтобы они не стали Иванами, не помнящими родства. Не допускали известных ошибок. И как бы проверял на этом фоне семейной истории правильность своих дел и поступков.

* * *

Чем дольше он жил, тем чаще задумывался о далеких предках, которых знал по воспоминаниям помнящих их людей, родителей, дедушек, бабушек. Знал фамильное древо, как он предполагал, непростительно мало, не как роды Пушкиных, Лермонтовых и Толстых – до шести сот лет и, наверно, колена до двадцатого, поэтому на каких-то далеких перекрестках пересекшиеся. То есть ставшие родственниками. Так, может, и все люди являются родственниками друг другу, задавался он вопросом. Еще отцов дедушка Степан рассказывал тому, как

они сменили фамилию Кожевниковых на Овчинниковых, ибо хотели запутать следы, чтобы избежать расправы императрицы Екатерины Второй за участие в пугачевском бунте. Оказывается, казаки Кожевниковы прятали на своем хуторе предводителя крестьянского восстания Емельяна Пугачёва, непочтительно называемого царицей и дворянами Емелькой Пугачём.

За укрытие главного бунтаря яицким и оренбургским казакам грозила виселица, отправленная вместе с тысячами других казненных вниз по волнам Урала. И крепко взялись тогда правители за казаков и примкнувших к ним крестьян, башкирцев, не согласных с жестокой эксплуатацией и несправедливостью. Беспощадно вешали, четвертовали, выдирали ноздри! И за что? За то, что охраняли дальние рубежи России, клали буйные головы за батюшку царя и Отечество? За то, что им не давали обещанной воли? Вот и зверствовали дворяне, расправлялись с ними, как с дикими зверьми.

Еще Пушкин поведал, что Петр Великий принял первые меры для введения яицких казаков в общую систему государственного управления. И в 1720 году их войско было отдано в ведомство Военной коллегии. Казаки возмутились, сожгли свой городок с намерением бежать в киргизские степи, но были жестоко усмирены полковником Захаровым. Им была сделана перепись, определена служба и назначено жалованье. Государь сам назначил войскового атамана.

Его последователи хотели исполнить Петровы намерения, решили преобразовать внутреннее управление яицкого войска. Но большая часть из предписаний осталась без исполнения до вошествия на престол государыни Екатерины Второй.

С самого 1762 года яицкие казаки начали жаловаться на различные притеснения, претерпеваемые ими от членов канцелярии, учрежденной в войске правительством. На удержание определенного жалованья, самовольные налоги и нарушение старинных прав и обычаев рыбной ловли. Чиновники не хотели их удовлетворять. Казаки неоднократно возмущались, и ге-

нерал-майоры Потапов и Черепов прибегли к силе оружия и к ужасу казней.

Кзаки покушались справедливые свои жалобы довести до императрицы. Но были схвачены в Петербурге, заключены в оковы и наказаны как бунтовщики. Было велено отрядить несколько сот казаков на службу в Кизляр. Правительство имело намерение составить из казаков гусарские эскадроны и повелело им брить бороды.

Генерал-майор Траубенберг, присланный для того в Яицкий городок, навлек на себя народное негодование. Кзаки волновались. Наконец, в 1771 году, мятеж «обнаружился во всей своей силе».

Подлили масла в огонь и обиженные правительством калмыки, верно служившие России и решившие уйти в Китай. Приказ - задержать их - казаки выполнять отказались. Тамуженные начальники прибегли к строжайшим мерам для прекращения мятежа, но наказания уже не смогли смирить ожесточенных. Кзаки потребовали отрешения членов канцелярии и выдачи задержанного жалованья. Генерал-майор Траубенберг пошел им навстречу с войском и пушками. Велел стрелять. Кзаки бросились на пушки. Произошло сражение. Мятежники одолели. Генерал бежал и был убит у ворот своего дома. Члены канцелярии посажены под стражу, а на место их учреждено новое начальство.

Мятежники отправили от себя выборных в Петербург, дабы объяснить и оправдать кровавое происшествие. Но на их усмирение послали генерал-майора Фреймана с гренадерами и артиллерией. Мятежники выехали против него. Сошлись с ним у Яицкого городка. По ним ударили картечью. Потом в Оренбурге учредили следственную комиссию. В тюрьмах мятежникам не хватало места. Зачинщиков наказали кнутами, сослали в Сибирь. Других отдали в солдаты, из которых они бежали.

- То ли еще будет! - говорили восставшие. - Так ли мы тряхнем Москвою!

Казачи все еще были разделены на две стороны: согласную и несогласную, то есть на послушных и непослушных. Происходили тайные совещания по степным уметам и отдаленным хуторам. Все предвещало новый мятеж. Недоставало предводителя. И предводитель сыскался, названный бродягой, который в смутное время шатался по казацким дворам, нанимаясь в работники и принимаясь за всякие ремесла. Он был свидетелем мятежа и казни зачинщиков. Отличался дерзостью своих речей, поносил начальство и подговаривал казаков бежать в области турецкого султана. Сей бродяга был Емельян Пугачёв, донской казак и раскольник.

Его-то и прятали на своем хуторе Кожевниковы, которые, по словам Володькиного прадеда Степана, и сменили фамилию на Овчинниковых, чтобы не быть преследуемыми императрицей Екатериной Великой. Так, вспомнив родовую историю, думал потомственный оренбургский казак Владимир Овчинников.

- А правы они были в своих поступках или нет, никто не знает. Скорее, правы, ибо защищали свою жизнь, свои права, про которые по требованию Запада неистово стрекочут нынешние продажные политики,- размышлял вслух последний сын рода Ивана Аверьяновича Овчинникова - Да и как не защищаться, не противиться злу, когда такие вельможи, генералы, полковники, как Голицын, Михельсон, Декалонг, Чернышов, Симонов, Бибиков, перли с войсками на нищих казаков? С ними был даже любимец армии генералиссимус Суворов. Значит, мои деды не посрамили казачьего имени, царство им небесное. На то они и казаки. Настоящие казаки...

И на душе Овчинникова становилось теплее.

2

Чем привлёк Овчинникова Северный Кавказ? Он и сам толком не знал. Наверное, многим. Еще учась в начальной школе, он полюбил книги об этих загадочных местах Пушкина,

Лермонтова, Толстого, других авторов, раскрывших перед ним совершенно другой и незнакомый мир, природу, непривычных людей, их поступки, отношение к жизни. Чуть позже с интересом прочитал роман Семена Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды», который раздвинул его еще очень скромные горизонты географических и духовных познаний. Показал, что в его родной стране есть совершенно иные, не уральские или сибирские земли, где текут удивительные реки, растут незнакомые деревья и фрукты, экзотические кипарисы и теплолюбивые пальмы. Где бывают бесснежные зимы и за сотни километров видны вершины и ледники Большого Кавказского хребта, не тающие даже жарким летом.

- Как это не тающие летом?- спрашивал он себя и не находил ответа.- В Бишкеке возле железнодорожной бани, в заброшенном колодце, тоже до июня лежат лёд со снегом. Но ведь, в конце концов, они растаивают, хотя лето на Урале намного короче. А тут такие высокие горы, вымахавшие под самое горячее солнце, не могут растопить какие-то паршивые ледники! Что-то не так в горном королевстве.

Интересовала и незнакомая Кубань, которую писатель Бабаевский нарисовал непокорной, бурной и до мелочей живой. Зовущей в полуденный зной броситься без раздумий в схватку с ее могучими волнами и выйти из нее победителем. Там, где вырос Володька, таких быстрых и безрассудных рек не было. Разве что Миасс, находящийся за несколько километров от Бишкека. Против его течения тоже не уплывешь. Но он был гораздо уже и маловодней, рассыпал и крутил на поверхности воронки, винтами уходящие вглубь, извивался змеей между кустов и холмов, словно хотел запутать следы и спрятаться от кого-то.

Но самым большим потрясением явился для юноши шолоховский «Тихий Дон». Впервые он увидел так умело и широко показанных казаков, их незнакомый быт и яркие характеры. Неповторимый местный колорит, услышал языковой диалект. Он знал, что казаков когда-то притесняли, причем и при царях-

императорах, и при Советах. Его дальние предки вроде даже сменили фамилию и место жительства. Да и родители вместе с бабушкой Ариной и дядюшкой Веней не от легкой жизни бросили казачество, станицу, убежали на глухую станцию и стали железнодорожными рабочими.

А ведь донские казаки, если верить историкам, были пра-родителями уральских. То есть родичами, братьями. И Овчинников-младший с неподдельным интересом стал изучать неповторимую шолоховскую эпопею. Художественная литература стала для него приятней сладостей. И со временем он превратится из любителя чтения в знатока художественной литературы. Даже сам попробует взяться за перо. Будет хорошо знать произведения многих классиков, прекрасных русских и советских авторов. Ко многим станет относиться с большим уважением. Но самым любимым и авторитетным из прозаиков на всю жизнь останется для него донской казачий писатель Михаил Шолохов, которого считал не только лучшим в Союзе, но и во всем мире. Не зря же он был признан лауреатом Государственной и Нобелевской премий. И ему дважды присваивалось звание Героя Социалистического Труда.

И когда Овчинникову предложили работу диспетчера на Северном Кавказе, он раздумывал недолго и согласился. Да и многие из его железнодорожных друзей и однокашников уезжали тогда на все четыре стороны огромного Советского Союза. Кто в поисках романтики, высокого заработка, интересной и перспективной работы, кто - экзотических уголков планеты. А иные, глядя на других, тоже срывались с родных, насиженных мест и летели за тридевять земель, чтобы людей посмотреть и себя показать, как многие его родственники. Ведь молодости свойственна непоседливость.

Собрали Овчинниковы пока еще небогатые пожитки. Погрузили в железнодорожный контейнер. И отправились в неблизкий путь, в душе очень надеясь обрести в незнакомом краю удачу и счастливую долю.

Но чужая земля для пришлых часто оказывается мачехой. Об этом Овчинников догадался сразу после приезда. Обещанного жилья ему, конечно, не предоставили. А чтобы устроиться на работу, нужно иметь постоянную прописку, встать на воинский учет, ведь это не Крайний Север, а теплый Юг, где с работой было туго. И начальники отдела кадров кочевряжились при приеме на какую-либо должность. А уж если на хорошую, то тем более. И Овчинникова встретили неприятливо.

- К сожалению, молодой человек, места диспетчера уже нема, занято,- объявил брюхатый чиновник, беспомощно разведя лоснящимися руками и блестя сальным лицом.

И Владимиру показалось, что хозяин кабинета был даже рад такому положению дел.

- Нужно ждать, пока освободится место другого диспетчера, дежурного по станции или хотя бы весовщика. А пока можем предложить должность стрелочника или ремонтного рабочего.

- Это специалисту с высшим образованием, известному диспетчеру?- чуть не задохнувшись от негодования, недовольно выпалил посетитель.- У меня же вызов! Как выразался дипломат Грибоедов, чин следовал ему, а он уехал в Кострому...

- Мы не виноваты, шо вы опоздали,- снова развел руками начальник.- Тут желающих стико много, шо нет отбою, не Крайний Север, бачишь?

- А чего вы кобенитесь?- выкрикнул осерчавший Овчинников, и у него от обиды непроизвольно сжались кулаки.

- Это вам не Омск, Томск, Чита, Челябинск – кошка бросила котят, хай мурлычут, як хотят! Каждый норовит, где теплейше,- с ехидным прищуром глаз ответил чиновник, очевидно, показывая вид, что разговор окончен.- Или соглашаетесь на мое предложение?

К такому неожиданному обороту южноуралец был совершенно не готов, словно его шарахнули по голове кирпичом. Ну а что делать, куда деться в его незавидном положении? Зачем

тогда тащился три тысячи верст? Ведь начальство упрашивало остаться, ругал он себя. Друзья не советовали бросать хорошее место. Обещали даже назад взять. Но как вернешься, с какими глазами? Лучше сквозь землю провалиться, чем вернуться с позором! Может, тут все постепенно устроится? Подумать бы надо хорошенько, с супругой посоветоваться. Да когда думать и советоваться, решал он, ведь этот кадровый кровопийца и часа не подождет? Душа Овчинникова разрывалась от безвыходного положения. И нужно было срочно принимать это важное решение по трудоустройству. Не наломать бы дров, а то всю карьеру, всю судьбу переломашь. От безысходности даже застучало в его висках.

- Соглаша-аюсь,- еле выдавил он из себя. И как-то сразу поник, ссутулился, стал ниже ростом.

- Цэ правильно мозгуешь. Тогда малюй заявление, сибиряк. Дам направление на комиссию. И улаживай з пропиской, хатыной для жилья. Без прописки не треба,- смиловивился кадровик. Он выдавил подобие улыбки и, как показалось посетителю, одутловатым конопатым лицом стал похож на болотную жабу.

Шла середина января, на удивление снежного и ветреного. Снегу выпало чуть не до колена. И набегающий то и дело непримиримый зимний ветер-астраханец наметал из него небольшие сугробы. Лез за воротник и полы пальто. Морозил уши, и Владимир поднимал шалевый воротник привезенного с Урала полупальто, почему-то называемого в народе «москвичкой». А если был в осеннем пальто, то даже опускал уши шапки, чего он не делал даже на холодном Урале. Хотя в юности по неопытности не раз примораживал свои уши. Там ветер зверствовал только во время метели, а в крепкий мороз обычно стояла безветренная погода.

- Вот, шайтан, дает прикурить!- не то смеялся, не то выражал недовольство бывший диспетчер.

Ему нужно было срочно найти жилье для семьи. Но в горо-

де затеяли комсомольскую стройку химического комбината, на которую ежедневно приезжали десятки людей. Общежитий и квартир не хватало, и большинство из них желали снять жильё в частном доме. Считаю, весь город, все тихие и глухие улочки-переулки обошел Овчинников, обшарил внимательным взглядом, надеясь на удачу, обходя злых собак, ненавязчиво стуча в ворота, чтобы не всполошить привередливых хозяев, все больше нервничая и негодуя. Наконец в закубанской части города ему улыбнулась удача в лице деда Ивана и бабки Марфуши по фамилии Беседы, у которых на днях освободилась времянка.

- Семьи-то сколько?- любопытствовал хозяин, подозрительно ощупывая квартиранта маленькими беспокойными глазками, смахивающими на пороссячи.

- Трое с женой и сынишкой.

- Фюлиган, небось? Лётать будет по двору, груши да яблоны обламывать.

- Он послушный, да и мал еще. Мы за ним будем приглядывать,- успокаивал стариков обнадеженный Овчинников.

- Дров треба, угля для печки, мил человек. Без топки замерзнете, как цуцинята,- как бы пугал и отговаривал хозяин, которому, видать, не понравился наниматель. Но потом вроде подобрел:- Тут угольный склад рядом. А куда устраиваешься-то?

- Я – бывший диспетчер. На станцию,- нехотя ответил Владимир. Уж больно ему не хотелось говорить сейчас на эту трудную для него тему.

- А-а, на ста-анцию? Знакомо дело. Я на контейнерной работал на Зеленчуке. Значит, свой брат-железнодорожник! Так сразу бы и сказал.

- Выходит, свой, с «железки».

- Тогда давай паспорта для прописки. Двадцать рублей в месяц будешь платить. Завозите топливо и заселяйтесь. Глядите пожар не наделайте. И чтоб никаких пьянок, чистота и порядок были,- разрешил старик.

Он был небольшого роста, но ладный из себя и подвижный, как вьюн. А бабка Марфуша наоборот казалась медлительной и дебелой. И за время всего разговора даже слова не проронила. И молча смотрела, будто немая. И квартирант догадался, что всеми делами правил Иван Семенович, бывший работник контейнерной станции.

- А ты в замках что-нибудь шурупишь?- вдруг обратился он к Овчинникову.- А то нам надо поменять на веранде.

- Себе менял. Давайте попробую, я ведь из семьи плотников,- тут же подхватил постоялец. Он был рад помочь хозяевам и показать себя с хорошей стороны.

Работа спорилась. Веранда находилась рядом с садом, дерева которого запорошило снегом, и они походили на зимние копёшки и стога сена. И это напомнило Овчинникову свои родные места, снежную зиму. Старик Беседа внимательно следил за работой, что-то даже советовал, подавал стамеску, молоток, другой инструмент, имевшийся у заботливого хозяина. И, по всему виду, был доволен работой.

- Заселяйтесь быстрее, Володя, а то желающих хоть пруд пруди,- проговорил он на прощание, закрывая за ним крашеную калитку.

И Овчинников, скрипя по снегу резиновыми подошвами ботинок, испытал первую радость за успех в новом городе, что обнадеживало на будущее. А много ли радостей будет впереди, он, конечно, не предполагал. Да разве до предположений в такой ситуации? Как бы обратно в Челябинск не наострить лыжи. Тут уж куда кривая выведет, думал молодой мужчина.

3

И снова пришлось, как он считал, начинать с нуля. Своевременно подметать и переводить стрелки. Орудовать метлой и лопатой, пока не появился воздухопровод, который, как языком, вылизывал всю пыль. Следить, чтобы не попал случайный

предмет между стрелок, что помешает их перевести и приведет к аварии. Запускать на намеченный диспетчером путь поезда и отправлять с него. Производить отцепы и прицепы вагонов. «Разбирать» и «собирать», загонять на запасные пути и в тупик. Отправлять на заводские ветки, комплектовать сборные составы. Пропускать в депо локомотивы. Следить, чтобы с вагонов не свисали концы проволоки и другие опасные предметы. Вовремя докладывать дежурному по станции или маневровому диспетчеру. А такой беспокойный дежурный, как Середа, и сам не раз позвонит или спросит по радио, которое рабочие почему-то называли матюгальником:

- Подал вагоны на третий путь? А что у тебя на четвертом? Торопитесь, движенцы! Нужно пропустить пассажирский и грузовой.

- Я не задерживаю, - отвечал Овчинников, если была рядом микрофонная стойка или телефон. - Соберу в один отцеп и сразу раскидаю, чего вожжаться с каждым вагоном отдельно?

- Правильно мыслишь, уралец, по-новаторски! Это экономит время и быстрее освободит пути, - хвалил его седовласый Середа. В душе он был добрым и выдержанным человеком. - На работе должно все кипеть, ведь это не ямщицкий тракт, а ее величество железная дорога!

- Никогда не скажет «да» наш дежурный Середа! - заочно смеялся над ним Овчинников. Однако быстро исполнял его распоряжения, ибо производственную и исполнительную дисциплину считал главным залогом успехов.

И его заметили. Правда, первое время начальство присматривалось к нему и работе, а потом стало прислушиваться к высказываниям, пожеланиям и предложениям.

- Почему бы нам не завести журнал учета не только главных, но и мелких второстепенных работ и дельных предложений? - высказался он на собрании.

- Думаю, хорошее предложение, нужно обмозговать, - согласился начальник станции. И вскоре такие журналы были за-

ведены, где сотрудники подавали ценные предложения и деловые советы.

- При сборе состава и даже при маневрах нужно учитывать не только оси, но и конструкцию вагонов. По вместимости грузов один четырехосный вагон заменяет два двухосных. А по общей длине они не одинаковы, ибо у двух двухосных четыре автосцепки, а у одного четырехосного только две. Усекли? Надо выбирать и оптимальное место для малогрузных вагонов и легких платформ, чтобы их на ходу не выдавило из состава,- предложил он в другой раз.

- Казачок-то с маслом в голове,- признался однажды дежурный по станции Серeda, скупой на похвалу железнодорожный ветеран.

На доверенных ему стрелках и в стрелочной будке всегда были чистота и порядок. У входа даже лежала мокрая тряпка, чтобы не заносили на ногах грязь и мазут. И когда из отделения дороги приезжали комиссии, то станционное начальство вело их в первую очередь в отдаленное хозяйство Овчинникова, чтобы с первых шагов создать благоприятное впечатление.

- Как вам это удается?- иногда спрашивали его.

- А что тут сложного – просто думать немного надо, и все. Добрая мысль сама придет и поможет в работе. И дисциплину соблюдать, ведь она на железной дороге должна быть железной, как справедливо выражался Иосиф Виссарионыч. Встречаешь поезд – смотри, где и что болтается, гремит. Прислушавшись к стуку колес, на которых может появиться «ползун». Побьет рельсы, приведет к крушению. За жульем присматривай, чтобы не потрошили вагоны, не крали нужные промышленности страны грузы. Чтобы по путям не шастали случайные люди. Мой отец, путевой обходчик, даже вредителей в войну обезвреживал,- ненавязчиво и складно рассказывал новый стрелочник.

И большинству слушателей его доверительное повествование нравилось непосредственностью и правдивостью. Они понимали, что он говорил не для краснобайства, а как бы давал

полезную информацию, мысли из которой можно практически использовать на транспортных участках отделения.

К счастью, такие люди не остаются незамеченными, ведь их поступки оцениваются по делам, принесенной пользе и поведению. Сначала его стала выдвигать общественность. То ответственным за подписку на газеты и журналы изберут, то председателем цехового комитета профсоюза, помощником командира народной дружины.

- Не Бог знает, какие назначения,- стеснительно оправдывался он перед супругой,- да ведь курочка по зернышку клюет, а яйца исправно несет.

Со временем стали отмечать и по производственной линии. То старшим стрелочником назначат, то подменным дежурным по их большой узловой станции, когда кто-то заболит или уйдет в трудовой отпуск. И все это как бы получалось само собой, спонтанно, словно так и положено, словно другого варианта и не могло появиться. Ведь он особо не выпячивался, не налетал по-петушиному грудью, не греб когтями землю. Даже не лез в споры, очертя голову. А в большинстве случаев говорил негромко, но как-то доходчиво и убедительно, что ему верили, с ним соглашались.

Он на зубок знал инструкции по правилам технической эксплуатации и техники безопасности, которые «на отлично» сдавал на станционных экзаменах, не говоря о правилах сигнализации и других профессиональных дисциплинах и премудростях, жизненно необходимых в работе движенцев. И шел разговор, что так не знают даже сами принимающие эти экзамены транспортные инженеры и специалисты. Поэтому сослуживцы часто консультировались у Овчинникова и верили ему больше, чем должностным лицам. Правда, признание его пришло далеко не сразу, как и высокие должности.

А жизнь и быт текли своим чередом. Привезенные ими с Урала деньги на удивление быстро закончились. А надо было на что-то питаться, одеваться, покупать топливо, платить за

временку двадцать рублей в месяц. Сумма вроде бы небольшая, только где ее взять? На дороге не валяется. Зарплата у стрелочника, прямо скажем, очень скромная. И жену Анну долго не могли устроить, ведь большое строительство города только начиналось. Это со временем будут обклеены все заборы объявлениями о требуемых рабочих и служащих. А в то время с устройством была проблема. И надо было ухитриться прожить на одну зарплату троим.

Его родители, Мария Алексеевна и Иван Аверьянович, догадывались, что детям приходится трудно приживаться на чужой земле, хотя в письмах сын не жаловался, успокаивал, мол, все «хоккей», живем-радуемся. Заморские фрукты-ягоды прямо с деревьев срываем и едим «от пуза». Но родительское сердце сразу чувствует, что их родимой кровинке несладко и невыносимо тяжело. Подкопили они пенсию, собрали посылку с подарками. Владимиру прислали шелковую рубашку в зеленую клетку, которую сын ценил и берег как самый дорогой подарок. Не забыли они и сноху с внуком. А еще прислали переводом триста рублей. «Это тебе на мотоцикл», написали в записке.

Но какой там мотоцикл, когда есть нечего?! И деньги пошли на прокорм. Сыну так было стыдно перед стариками, что он написал им, чтобы больше не присылали. И как ни предлагали они в последующие годы, он не принял ни копейки. Уверял себя: это ниже сыновнего достоинства. Не они, а ты им должен помогать.

Зимой были еще большие беды. Не давала необходимого тепла печка. Уголь-семечка разгорался плохо, вяло тлел до самого утра, не то, что родной, копейский или красногорский, горящий жарким пламенем. И на нем было почти невозможно сварить пищу. Да еще и дым часто заполнял и без того холодную комнату, и приходилось распахивать двери. Морозить ребенка.

А тут еще только начавший ходить сынишка нечаянно свалился с крыльца и сломал ногу. Было все к одному. Аннушка,

чтобы не расстраивать мужа, даже плакала тайно. А Владимир все больше грустнл, становился мрачным. И все чаще тосковал по родине.

- Может, вернемся на Урал?- изредка спрашивал жену, не в силах переносить тяготы.- Ну ее к чертям собачьим, эту экзотическую землю-мачеху... Лучше махнуть на Север. Там хоть заработки приличные.

С одной стороны, ему было стыдно от этих признаний, мол, скис, сдался, не выдюжил бытовых трудностей. С другой стороны, выжить было почти невозможно. Косило под корень хроническое безденежье. Там, на родине, снова бы набрал силу, выкрутился из положения. В конце концов, помогли бы родители, близкие. А тут он оказался чужим, хотя и жил в своей стране, инородным телом общества. И такая невыносимая тоска наваливалась на молодого мужчину, хоть накладывай на себя руки. Такое существование ему казалось несправедливым и вредным.

- А как тогда Аннушка, Игорь? Ведь без тебя им хана! Ты – мужчи-ина, муж, отец, ты должен выстоять и вынести все. Рано или поздно по закону вероятностей должно наступить просветление в жизни. Господь не оставит в беде,- долго и неоднократно убеждал он себя чуть не со слезами. И в душе все же надеялся на лучшее. А что ему оставалось делать, ведь он был не инвалидом-калекой, а нормальным мужиком, просто оказавшимся в тяжелой ситуации.

- Ну, где взять денег?- мучился он от бессилия.- Пойти воровать, подломить магазин? Даже конфет сыну, жене и себе бо-соножек не на что купить! Почему так несправедлива судьба? Одни с жиру бесятся, другие не знают, как выкрутиться?

А вскоре ему подвернулся подходящий случай. Той зимней ночью мела неласковая метель и дул холодный восточный ветер. Он шумел мерзлыми ветвями деревьев, задирали, как юбки, камышовые крыши, гремел кастрюлями на балконах. Нес беспрерывную поземку. По такой погоде не хотелось выходить на

улицу. Но нужно было следить за стрелочными переводами, встречать и провожать дико гремящие на морозе поезда. И он брал фонарь, выходил на мороз из дежурки, пряча лицо за воротник.

В один из таких выходов он вдруг услышал далекие глухие звуки, будто чем-то ударили по дереву. Звуки то затихали, когда удалялись составы, то возрождались вновь, когда по стальным путям двигались вагоны.

- Что там за дятел стучит, который с ума спятил?- обратил внимание стрелочник. И хотя для сохранности грузов существовали специальные охранники – дубаки, как их называли станционные, его ноги сами по себе двинулись на подозрительные звуки. И чем он ближе подходил к стоящей в тупике платформе с деревянными контейнерами, тем звуки доносились отчетливее.

Он замедлил шаги и стал тихо продвигаться вперед, пока не увидел стоящего у крайнего контейнера человека с топором в руке. Увлечшись работой и заинтересовавшись добычей, тот не заметил крадущегося стрелочника. Что-то вытаскивал из пробитого контейнера и быстро толкал в сумку. Подкравшись сзади, сильно ударил его рядом с кистью. Топор вырвался из руки, описал полукруг и улетел на междупутье.

- Попался, голубчик!- строго рявкнул Овчинников.- Пошли в линейный отдел. Там дубаки быстро разберутся.

Опешив в первые секунды от неожиданности и преодолевая боль в руке, взломщик, а это был мужчина лет сорока, смерил его оценивающим взглядом и понял, что перед ним не какой-то хилак или юнец, а крепкий молодой мужик, справиться с которым с его ноющей от удара рукой, наверное, невозможно. Да и топор улетел куда-то. Но это был не милиционер, не дубак, а простой железнодорожный рабочий. Значит, не из богатых, почему-то подумал вор. Этого можно попробовать уломать.

- Слышь, корешок. Тут дорогие лепни, бостоновые костюмы. Нам обоим хватит за глаза. Прифрахеримся, как пижоны. И будем поплевывать в потолок...

- Ты меня с кем-то путаешь, кент,- вставил блатное словечко Овчинников.- Я не фрайер и не шакал. И своему родному государству не сую палки в колеса. Оно и так после жестокой войны тяжело поднимается. Пошли в ментовку.

- Да ты чо, керя, в натуре? На кого бочку катишь? На вора в законе? Да я тут от Минвод до самого Кропоткина всю железную дорогу простреливаю и пасу, понял? Хошь, чтобы тебе шнифты выбил или мочкой пописал, пёрышком поколол? Дело хозяйское,- с гонором прохрипел тот и полез за пазуху.

- Хватит брать на рэ, не у Проньки, не пролезет. Бери сидорок с ворованным и спускайся с платформы, пока вывеску не своротил. Канаем в линейное отделение!- пригрозил Овчинников и повел взломщика на станцию.

- Ты сука, что ли, или фрайер?- пытался воздействовать на Владимира блатным жаргоном вор - Или из наших? Не будь бакланом, будет хороший навар...

Но Овчинников отвечал ему тоже на блатном жаргоне, на так называемой «фене», который когда-то познал, работая в вагонном депо и часто ездя на электричках. И взломщик сильно недоумевал.

Когда вернулся в дежурку, долго тихо и довольно улыбался.

- Ну, как, разбогател на ширмака? А ведь вроде готов был и на такое. Только этим не разживешься и греха не оберешься. Да и не так мы воспитаны, советские люди. Рожденный ползать украсть не может. Овчинниковы никогда не попадали под влияние блатняков и политических вралей. Не меняли совесть на ворованные тряпки и подачки,- сам с собой разговаривал возбужденный стрелочник и, как мог, успокаивал себя.- Вспомни и пойми изречение Экклезиаста: «Все суета сует и томление духа». И тебе станет легче. И удача еще придет, только надо верить...

Тяжелое материальное положение, тоска по родине оставили в душе Овчинникова своеобразный отпечаток. Он то неоправданно нервничал, то находился в состоянии уныния, вывести из которого его мог только маленький сын, с которым он любил возжаться. Держать его на руках, подкидывать вверх, как мячик, брать за руки и кружить вокруг себя, аж малыш закатывался смехом от удовольствия. Возить на санках зимой и катать с горки. А летом вместе с женой водить его в парк, ходить на берег Зеленчука, купаться в его стремительных волнах. Горная река казалась норовистой и несговорчивой, могучей, особенно в половодья и после дождей. Подмывала берега, вырывала с корнями столетние деревья и несла неумолимым течением в сторону Кубани, куда врезалась всей своей водной мощью. И уносимые деревья казались Овчинникову огромными китами, а их лохматые комли - широкими усами и бородами.

- Смотрите, Игорек, Аня, бородастый и усатый кит плывет!- с радостной улыбкой кричал он жене и сыну. И тот таращил глазенки на невиданное чудо.

- А разве бывают усы и бороды у китов?- спрашивали его.

- Ещё какие! Недаром охотятся на китовый ус. Джек Лондон писал, что индейцы замораживали его в жиру и кидали медведям. Жир таял в их утробе, ус распрямлялся, как сталь, и убивал зверя. Таким макаром американские индейцы добывали ценное мясо и шкуры косолапых, предварительно убив кита...

Подвижный и деятельный по натуре, Владимир часто не знал, чем бы ему заняться в свободное от вахты время. Когда ходишь в квартирантах, не особенно разойдешься под строгим оком хозяев, казалось ему. То не тронь, это не твое. Ходи по одной половине, а еще лучше летай по воздуху, чтобы краску не обшаркать с этой половины. А то и совсем не живи, только денежки выкладывай регулярно. И хотя старик Беседа не был слишком принципиальным и привязчивым, в душе Овчиннико-

ва как бы находился невидимый тормоз, который удерживал от нежелательных и неблагоприятных поступков, что может кому-то не понравиться. И это угнетало. А Володька с детства, как говорится, лез во все дырки, по выражению матери, был совким и любопытным. Его интересовало все, чего он не знал, и он старался поглубже вникнуть и разобраться во многих явлениях. Даже поймал себя на том, что стал больше думать о жизни, ее законах, над чем раньше совершенно не задумывался. И у него о многом начали складываться свои понятия и трактовки.

Иногда это казалось изобретением велосипеда. А порой и удивляли глубина и свежесть мыслей, образность мышления. И ему даже хотелось поделиться ими с другими людьми. Вынести их на суд общественности. Поначалу он записывал интересные мысли и метафоры в старый блокнот. А потом его всей душой потянуло заняться этим серьезно. Даже попробовать силы на литературном поприще, ведь не боги горшки обжигают. А время на это было вечерами и в выходные. И на ночном дежурстве иногда выпадали длинные окна между поездами, во время которых можно обдумывать литературные сюжеты и образы героев. Все будет заделье, и не так потянет спать, все чаще приходил он к мысли.

И однажды вечером, когда семья мирно пускала пузыри в постели, а его тревожную голову осаждали беспокойные мысли, он достал из тумбочки старую общую тетрадь и начал записывать то, что ему казалось интересным и важным. Даже попробовал написать какое-то подобие стихов. Потом переделывал и перекраивал их недели две. Вновь нервно и с недоверием перечитывал, боясь, как врага, каждого неосторожного слова:

Я вышел в лес, он спал во сне,
Как вся планета, беспробудно.
И тут подумалось мне,
Что я один на всей земле,
И жизнь мне показалась нудной...

Он долго ломал голову над получившейся строфой, мол-

чал, терзался, пока не набрался храбрости и подавленно не признался:

- В огороде бузина, в Киеве – дядька! Видать, стихоплёта из тебя и полёта от стихов не получится. В общем, если тебе стихотворец имя – имя крепи мозгами своими,- процитировал он с ехидной улыбкой и небрежно забросил объемистую тетрадь в нижний отдел тумбочки.

На душе было тоскливо. А тут еще подала недовольный заспанный голос проснувшаяся супруга:

- Чего полуночицаешь? Иди спать, завтра на работу...

И он неохотно поплелся в постель, твердо решив, что с литературным творчеством навсегда завязал. Лучше дачный участок завести и копать на нем. Все польза будет, овощи там, фрукты всякие. Все в дом, не из дома...

* * *

Неделю-другую не брался он за злосчастную тетрадь. Даже не хотел о ней думать и тревожить свои беспокойные мысли. Но они сами лезли в голову, словно навязчивые тараканы, с которыми невозможно бороться доступными методами.

- Что вы, дурные мысли, пристаёте ко мне?- возмутился не раз Овчинников.- Хоть несмышленную голову срубай и выбрасывай на помойку!

И однажды не выдержал. Снова достал свою ночную подругу – тетрадь, которая помогала ему коротать длинные зимние вечера. Даже нежно провел по корке ладонью, стараясь очистить от пыли. А потом с боязнью и трепетом стал медленно листать, выхватывая глазами отдельные слова и строчки. Иногда шепча:

- Всё суета сует и томленье духа...

В этом он вроде бы и соглашался с далеким библейским Экклезиастом. Однако уже ничего не мог поделать с собой.

- Как пьяница не может отказаться от рюмки, так и ты уже не можешь без писанины-мешанины!- безжалостно выругал он

себя, дойдя до чистого листа и взяв в руку пачкающую пальцы авторучку.- Брось изводиться, ведь ты только в начале пути. В литературе столько много форм, только отыщи свою и твори. Почему бы не попробовать себя в прозе, где непочатый край возможностей?

Посредине верхней линейки он даже написал слово «Рассказ» и надолго задумался.

- Что ты скажешь читателям нового, интересного, чем удивишь людей? Или станешь пережевывать давно набившую оскомину пошлятину?- придирчиво спрашивал себя Овчинников.- Знающие специалисты говорят, что в литературе всего сто пятьдесят сюжетов. А писак на свете тысячи, если не миллионы. Все давно известно, избито и старо, как этот пошлый мир. Все повторяется, как гегелевская спираль, только не всегда в более совершенном виде. Графоманов значительно больше, чем настоящих писателей. А гениальный Шолохов один на многие столетия. Не про него ли сказал Цезарь, что лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме? А он и в городах стал первым. Литературный феномен... Почему ж тогда утверждают, что не боги обжигают горшки? Ведь попытка – не пытка... Чего тут предосудительного, не грабить же и убивать собрался, а мирные книжки писать?- лихорадочно соображал сбитый с панталыку начинающий автор, не замечая, как от волнения и непривычки подрагивают пальцы и зажатая в них авторучка.

Он долго убеждал себя и настраивал, но больше не написал в тетрадь ни единого слова. Слова будто испугались его и разбежались, как клопы на свету. И он устало сидел с опущенной головой, растерянный и беспомощный, словно случилась непредвиденная авария. Переживал и казнил себя, что взялся не за свое дело. Но какое еще могло получиться дело, когда за него принялся впервые в жизни, не имея опыта и, возможно, таланта?

- Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало,- однажды откровенно высказалась Анна, пряча улыбку. И он это проглотил, как должное.

На второй или третий вечер его рассказ, как ему показалось, значительно продвинулся вперед. И хотя заголовок он еще не придумал, но начало тексту положил: «По небу плыли легкомысленные тучи...»

- Почему «легкомысленные»?- недовольно спросил себя.- Это неправильное сравнение. Тучи могут быть тяжелыми, черными, серыми, свинцовыми, дождевыми, большими, маленькими. А легкомысленными бывают только женщины. Думай над значением слов и запомни это, начинающий автор! Даже заруби на носу.

И постепенно буква за буквой, слово за словом добавлялись в его тайной коричневой тетради, которую он прятал даже от супруги, как нечто скрытное и невообразимо дорогое, чего не должны видеть посторонние люди. Оказывается, он плохо знал или помнил правила русского языка и литературного построения предложений, стилистики и синтаксиса. Пришлось купить толковый и орфографический словари, освежать память и присматриваться к правильному написанию. Заглядывать в учебники русского языка и литературы, прочитать массу книг известных писателей и классиков, в которых можно почерпнуть что-то полезное для творчества. Вернее, для работы, ибо таких громких слов, как «творчество», он еще даже не осмеливался произносить. И называл свое творчество ремесленничеством.

- Так сподручнее и честнее. Другого ты еще не заработал,- доказывал себе Овчинников.- И неизвестно, когда заработаешь? Если вообще заработаешь. Если хватит у тебя тям, духовных и физических сил.

Но, к счастью, южноуральский казак иногда становился упорным. И чем больше у него тогда что-то не получалось, тем больше он заводился и принимался с новыми силами, даже порой с остервенением. Не зря выражался : «Курочка по зернышку клюет».

«Наклевала» и его творческая курочка на первый рассказ. Даже не рассказ, а рассказик.

Или, точнее, зарисовка. Да суть не в названии, а в случившемся факте. А аппетит приходит во время еды, как утверждают оптимисты.

Рассказ или какая другая вещь – неважно, он ведь автору, словно дите. Особенно первый. Ну, написал, а что с ним делать? Кому показать или куда послать? Да чтобы не обсмеяли, не опозорили перед людьми, не отбили руки и душу, как говорится? Не каждый ведь рад, что у его соседа или знакомого неожиданно-негаданно обнаружился талант. А ежели этот талант из каких-нибудь слюнтяев, нищевродов или личностей недалеких, тогда тем более! С посконной-то мордой, да в суконный ряд! Насмешек и издевательств не оберешься. А то и настоящего позора, мол, писака-кака выискался. Его отец тележного скрипу боялся, а он, собака, литератором себя возомнил. Лев Толстой отыскался!..

Будешь не рад, что связался с таким творчеством. Белый свет проклянешь, не только свои неумелые каракули, прилипшие к бумаге, как коровьи шаньги.

Этих-то разговоров-рассуждений и боялся поскромневший вдруг Овчинников. Хотя вроде недавно считался боевым и смелым, напористым, которому в рот пальца не клади – с плечом отхватит. Да ведь он теперь не на Урале, где голыми руками его было трудно взять. Родные стены помогали. А тут он устроился, можно сказать, на птичьих правах. Человек тут чужой, никого не знает, родни не имеет. Никто в трудную минуту и не заступится за него, мало ли тут понаехало с Волги, Дона и всякого там Тобола на строительство химического комбината? Раньше дворовые ворота не запирали, а сейчас и избушку на клюшку. Не ровен час – оберут, прохиндеи! Потом локоть кусай.

Поэтому Владимир и не показывал того, над чем долго корпел. Но литературное творчество чем-то схоже с молодым виноградным вином, которое любит гулять и бродить, вырываться наружу, пока не отстоится. Иначе испортится и закиснет.

И большинство авторов это понимают. Да и какой смысл что-то выдумывать, маяться, записывать, а потом прятать за семью запорами?

Понимал это и Овчинников.

- Надо рассказ кому-то показать знающему, ведь он посвящен первому сыну, на которого ты не можешь нарадоваться. А жена по своей литературной необразованности может на смех поднять. Знакомых педагогов и литераторов у тебя нет. В редакцию газеты отнести? Если даже и плохой, то там тебя не знают и не осудят. А если опубликуют, то все равно в городе тебя никто не знает, кроме двух-трех стрелочников. Да и те, небось, газет не читают,- делал он душевный расклад.

И однажды осмелился и занес в городскую газету. С волнением постучал и вошел в кабинет редактора.

- Проходите, пожалуйста, садитесь,- вежливо пригласила его редактор.- Меня звать Лидия Ильинична Бутенко, а вас? Вы по какому вопросу?

- Да я... вот... не знаю, как выразиться... изобразил тут...

- Статью или стихи,- сдержанно помогала она.

- Да что-то вроде рассказа, если правильно я понимаю,- деревянным языком пытался объяснить посетитель.

- Хорошо. Оставьте. Покажем специалистам. Вы кем трудитесь?

- Стрелочником...

- Это на которых все беды сваливают?

- Вроде так...

- Извините, я пошутила. В общем, автор из трудовой среды? Это мы приветствуем,- заявила редактор, и ее голубые откровенные глаза ему показались честными и сочувствующими. Засветились пониманием и теплом.- Не стесняйтесь, Володя, пишите. Приходите еще. У нас работает даже литературная группа. Там помогут, если захотите.

С душевным трепетом покидал редакцию Овчинников. Как-то было непривычно и за что-то совестно перед интелли-

гентной женщиной, будто украл или оскорбил своим рабочим присутствием, неожиданным появлением.

- Зачем брался за незнакомое дело? Твое дело – железная дорога, вагоны да стрелки. А ты, кретин, журавля с неба хотел сорвать! Никто тебя, дубину, и не напечатает...

Правда, он особо и не надеялся. Никому не говорил о своем походе. Но однажды, по весне, не успел он прийти с работы, как к нему подступила супруга.

- Ты ко всем своим недостаткам еще и писака?

- Какой писака?- оторопел он.

- Читай вот в городской газете рассказ.

- Как у Шукшина, «Раскас»?

- Как у Овчинникова,- неуверенно ответила та, протягивая свежий номер газеты.

И он увидел его, своего первенца, и впился глазами, ввинтился, как шуруп. И, не веря им, трижды перечитал. А потом, смежив ресницы, произнес непривычным тоном:

- Господи, свершилось! Неужели, правда? Вот и на нашу улицу, Анька, заглянул праздник!

Она тут же подошла к нему, и они радостно заключили друг друга в объятия.

5

Он с детства думал, что память его далеко не самая лучшая. Когда в школе задавали выучить наизусть стихотворение, он долго читал-перечитывал его про себя и вслух, мучился и изводился, думая, что совершенно не способен на это. Ловил себя на том, что его ералашные мысли тянут его абсолютно в другую сторону и к другим событиям. Хотел на игрища с мальчишками, чьи звонкие, как колокольчики, голоса доносились из-за окна. Или грезил не то походами, не то экспедициями на холодный Север или в другие края Земли, где жизнь может ока-

заться захватывающей и интересной, а природа поистине незнакомой и экзотической.

На уроках, когда не баловался, нередко сидел задумчивым, витая мысленно в облаках. То открывал далекие земли и планеты, то конструировал самолеты-звездолеты, на которых можно улететь на Марс, а то и попасть в другую галактику, где люди передвигаются прыжками, а похожих на львов и тигров животных запрягают в телеги и сани, словно ямщицких лошадей. Он так отключался от всего, что не слышал слов учителя.

- Овчинников, повтори, о чем мы сейчас говорили?- спрашивал его тот.

- О том, что на планете Звериус львов запрягают в телегу,- медленно поднявшись и не представляя, о чем шел разговор, невпопад отвечал мальчишка, и класс заходился в хохоте.

- Он на планете Звериус витает! А на землю Бишкилиус не хочешь возвратиться?- недовольно замечал преподаватель.- А мы, между прочим, о науке алгебре говорили, которая тебе пригодится в жизни. О чем ты думаешь, как задачки будешь решать, сдавать экзамены, ведь темы не запоминаешь, потому что не слушаешь?

Володька с сожалением пожимал плечами, мол, чего вы ко мне пристали? А класс продолжал смеяться.

- На Звериусе он рассекает, а про Бишкилиус забыл и темы не знает!

А мальчишка думал, что у него плохая память, что большого ума у него и отроду не имелось. Но ведь позже учился в институте, где даже был среди лучших. Как это понимать, искал он ответ. Или просто повзрослел и поумнел?

Вот и сейчас, на восьмом десятке лет жизни, ему вспоминались многие эпизоды из прошлого. Конечно, далеко не все. Но все-таки некоторые были такими ясными и четкими, будто смотрел их на видеозаписи. И мысленно уходил в те далекие годы, от которых, как думалось ему, даже пыль рассеялась по свету и растворилась.

На занятиях литературной группы часто было шумно. Люди, а это в основном молодежь, рабочие с предприятий, студенты, старшеклассники местных школ, не только увлекались чтением литературы, но и сами пытались что-нибудь написать значительное. Безусловно, это были первые несмелые шаги, и у многих произведения, если можно их так назвать, получались очень слабыми. Предложения корявыми, режущими слух, как рожок путейца, сюжеты неинтересными. И при их разборе пыль поднималась до потолка. Одни с жаром отстаивали, другие с азартом критиковали, не оставляя от трудов начинающих авторов камня на камне. И почти все норовили показаться умными и начитанными. Не каждый выдерживал такой критики и обиды. Иные с литературным творчеством завязывали навсегда и не жалели об этом. Искали другие увлечения в жизни, где можно безболезненно проявить себя. А то и заводили семьи, детей, в чем тоже находили своеобразную поэзию, и с улыбкой вспоминали потом годы «творческой молодости».

Не из таких оказался Овчинников. Он активно участвовал в разборах рассказов, стихов начинающих авторов. Предлагал на обсуждения свои. Говорил, как умел, по-своему, ибо еще не знал профессиональной терминологии, да и стеснялся ею козырять, не особо разбирался в формах и жанрах литературных произведений, течениях и многих вещах, связанных с литературным творчеством и книгоизданием.

На заседаниях литгруппы заметно выделялся голубоглазый журналист городской газеты Станислав Старченко. Он был примерно ровесником Овчинникову. Такой же сухой, высокий, он с первого знакомства показался не только образованным, но и приветливым, хотя в суждениях был принципиальным, задиристым. И многие побаивались попасть под его критическую струю. Даже не струю, а целое вулканическое извержение, не без страха думал Овчинников. Мол, куда с твоими способностями и теоретическими знаниями ходить в литгруппу, когда тут объявились такие литературные критики-зубры, знающие не

только советскую, русскую, но и мировую литературу. Небось, под стать самому несгибаемому Виссариону Белинскому, который даже Гоголя брал в оборот.

- Если посмотреть на композицию вашего рассказа, то она какая-то вялая, размытая. Нечеткие переходы в построении. Посмотрите, как ею умеючи орудовали Тургенев, Толстой и другие русские классики!- тряхнув кудрявой шевелюрой, безостановочно шпарил Старченко.- Желает лучшего и стилистика. Ваши предложения похожи на колхозный обоз, который едет кто в лес, кто по дрова. Стилистика – это целое искусство, наука о стилях языка и художественной речи. Вспомните, как ей владел великий Бунин! Ни одного лишнего или недостающего слова. Как в здании – кирпичик к кирпичику!

На него смотрели с открытыми ртами, ведь многим слесарям, каменщикам, малярам это было мало понятно. И им казалось, что в его голубых и доверчивых глазах загорались искры и летели на слушателей, заполняли комнату и готовы были взяться пламенем.

Попадало и рассказам Овчинникова. И в такие моменты он считал себя самым необразованным человеком на свете, ругал, что не слушал лекции знающих литераторов, что прочитал мало книжек по художественному мастерству и творчеству. Ведь он любил в основном художественные фолианты и не присматривался к таким деталям и мелочам, как композиция, компиляция, стилистика, стихотворные ямбы, хорей, считал их с юных лет литературной шелухой, не заслуживающих внимания серьезных людей, производственников.

- Вот и досчитался, дубина, что теперь стыд головушке перед каким-то провинциальным шелкопёром!- откровенно ругал себя Овчинников и стыдился посмотреть в глаза журналиста, будто в чем-то виноват перед ним...

Но вместе со стыдом за свою литературную необразованность в душе его потянуло к этому начитанному человеку, на первый взгляд такому же простому и не чванливому, как сам

Овчинников. Его говор, произношение слов походили на уральские и приятно ласкали слух. И они быстро познакомились и сошлись, без всяких выпендронов, как называл лишние условности и ужимки южноуральский казак.

- Стасик,- представился тот.

- Володя,- ответил другой.

- Ты где живешь?

- На фабрике.

- Так мы с тобой земляки! А на какой улице?

- В Есенинском переулке...

- Видал, как тебе повезло!- бесхитростно восхищался Старченко.- А я по Матросова... Что тебя потянуло в литературу?

- Наверно, бытовая скука. А может, специальность,- с улыбкой ответил Владимир.- Движенцы – люди говорливые. Бают, и после смерти язык у них болтает еще две недели.

- Тогда у тебя безвыходное положение, и ты попал в самую точку.

- Куда-то попал, лишь бы ни пальцем в небо,- улыбнулся Овчинников.- А то вчера в партию вступил, а сегодня в дерьмо ступил...

Так и сдружились. После заседания литературной группы топали на автобус «единичку» или пешком из старого города в Закубанье, минуя кривые казацьи улочки, автомобильный кубанский мост. Выходили на улицу Матросова. И, конечно же, говорили о литературе, ее новинках, писателях. Рассказывали и о себе.

- Моего отца убило на фронте,- негромко и ненавязчиво повествовал разговорчивый Станислав.- Они с мамой жили на Среднем Урале. А его родители здесь. Вот я и мотался от дедушки с бабушкой к матери. Она работала директором школы. С ней живет и моя сестра. И им трудно.

- Так мы земляки!- радостно воскликнул Овчинников.- А я с Южного Урала. И только здесь хорошо понял, что такое зем-

ляк. Порой он ближе кровной родни. Однажды встретил на путях пьяненького мужичка с чемоданом.

- Ты что тут делаешь? Нельзя посторонним ходить по полотну дороги,- говорю ему.

- Да вот заблудился. Я из Петропавловска приехал, с Северного Казахстана,- чуть не со слезами отвечал он.- А надо в Черкесск, к родне.

Из Петропавловска? Бывал я там. Выходит, ты мне земляк! С Южно-Уральской железной дороги. А я из Челябинска. Нельзя тебе в таком состоянии ехать. Уголок,- показал я на чемодан,- потеряешь или в милицию загребут. Можешь, в моей кладовке полежать, проспаться. А вечером я тебя на черкесский поезд посажу.

- Так и сделал,- продолжил через время стрелочник.- Да он ближе родного показался. Земеля!

- А я окончил филфак Уральского университета. Немного поработал в школе. Потом потянуло на романтику, захотелось постранствовать. Устроился в Мурманске в рыбный флот. Ловили в Атлантике селедку, другую рыбу. Атлантика любит соленого парня – с обветренной грудью, кривыми ногами, как выражался Светлов. Ходили к Канаде. Я в основном шкерил рыбу. Потрошил, грузил бочки, аж поясница трещала. В авралах участвовал. А потом приехал к старикам. Они в преклонном возрасте. Нужен догляд. Устроился в местную газету литсотрудником. Прочитал вот о Федоре Тютчеве. Впечатляет. Хочешь, дам почитать?

- Давай, мне еще много нужно чего почитать, не хватает опыта и знаний.

- Это тоже неплохо,- поддержал спутник.- Каждый что-то должен знать и уметь хорошо делать. Пусть это будет железная дорога. А всего хорошо даже гении не знают. А мой первый рассказик в конце пятидесятых напечатал альманах «Ставрополье»,- как бы между прочим сообщил Станислав.

* * *

Ему понравился журналист: по-уральски открытый, прямодушный, начитанный. Да еще и земляк. Настоящий, не то, что пассажир из Петропавловска. И он, как аккумулятор, набирался от него литературных знаний. Во всяком случае, так казалось Овчинникову. Не боялся задавать наивных вопросов. Дотошно переспрашивал и старался запомнить, ведь это могло пригодиться в творчестве. И, конечно же, усиленно читал художественную литературу, которую ему любезно подбирали в фабричной и станционной библиотеках. Брал и центральные журналы. Знакомился с произведениями современных авторов, за которыми гонялись многочисленные читатели.

Однажды в разговорах возвращались они из редакции уже затемно. И на скамейке у одного из домов увидели теплую компанию. Ребята громко говорили, смеялись, и было видно, что им некуда деть энергию.

- Это что за кенты?- грубо спросили прохожих.- Городские, что ли? А ну канайте сюда!

- Видно, блатные,- негромко предположил Овчинников и обратился к сидящим: - В чем дело, ребята?

- В шляпе. А та на папе. Кто такие будете?- не отставали те, окружая со всех сторон.

- Мы вас трогали?

- Не хватало еще, чтобы нас трогали! Вы чо богуете? На кого бочку катите?

- Ни на кого не катим, хиляем мимо своей дорогой,- ответил Владимир, подозрительно озираясь и не зная, чего ожидать.

- Понесли их по кочкам!- кто-то выкрикнул сбоку и ударил мирно стоящего Станислава, аж тот от неожиданности растянулся на дорожке.

И Овчинников понял, что дело плохо. Их хотят элементарно поколотить или ограбить. Только чем у них поживишься? Тут надо самим наступать, ведь лучшая защита – это нападение. Не

раздумывая, он подскочил к обидчику и со всей силы звезданул его прямым и длинным ударом в живот, аж тот сложился вдвое и юзом пошел по асфальту. «Держись, Вовка, сейчас за здорово живешь отмолотят!»- приказал он себе и спиной отступил к забору, чтобы не обошли сзади. Конечно, он мог убежать, ноги длинные, но нельзя бросить в беде товарища, который сидел на земле и стонал. А один в поле не воин.

- Ша, кореша!- вдруг донесся от скамейки мужской хриплый голос.- Отвалите от них, фабричные босяки, да я вас на пятаки порубаю! Мы же не бакланы, а нормальные хулиганы. Кого вы прихватываете? Это – фабричный пацан Стаська-газетчик. А это кто?- обратился он к натянутому, как струна, Овчинникову.

Тусклый свет от недалекой лампочки осветил лицо невысокого и мордатого мужчины лет тридцати пяти с блатной челочкой и золотой коронкой во рту.

- Я – Сашка-Партизан, а ты что за фрайер?- прикартавливая, произнес главарь и пальцами пригласил его подойти поближе.

- А я железнодорожный стрелочник Овчинников,- недовольно сообщил тот.

- Это который поезда под откос пускает, бля? Так мой дед тоже пускал под откос вражеские составы, за что нас и прозвали партизанами. А эти урки хотели с тебя овчину содрать. А я вот с блатняками богую да сроки тяну.

- Ничего я не пускаю под откос. Наоборот слежу, чтобы другие поезда не пускали!- немного обиделся Владимир.

- А Митьку-Рашпиля кто сдал ментам? И ксиву на него накатал? Я все знаю, в курсе всех подлостей.

- Ворюга он, взломщик,- слегка расслабившись, оправдывался стрелочник.

- Я ему говорил, не тронь социалистическую собственность, а потроши фраеров-ворюг. Так он не послушал. Пусть теперь парится, баклан. Он и сюда, на контейнерную, прикань-

вал. Да тут капитан Цындрич быстро его повязал. Этот, черт, хоть кого повяжет! Гнался однажды за мной. Я достал ТэТэ и стал шмалять. Но он бесстрашный, ментяра, взял меня мастерски. Ладно, топайте дальше, пацаны. Пузырь когда-нибудь поставите, когда Партизан будет с похмелюги. Вас не тронут, рвите когти...

Овчинников помог Станиславу подняться, и они заспешили вдоль забора, боясь, чтобы не вернули назад и не расправились за здорово живешь.

- А что это за Партизан?- спросил он.

- Сашка. Местный блатняк и хулиган. Главарь у этих молодых волков. А ты здорово врезал Олегу. Шестерит он у Сашки...

- Да уж так получилось,- скромно отмахнулся спутник, не забывая о последствиях, которые могут случиться. Но не дело ретироваться с поля боя и оставлять товарища в беде. Тем более – интеллигента, а не бойца-кулачника.

6

В первые годы жизни на Северном Кавказе Овчинникову хотелось понять характеры местных людей, диалект и язык, несколько отличающийся от уральского, общественные порядки, лучше узнать природу, втянуться в эту жизнь, вжиться, ибо чувствовать себя чужаком как-то неловко, словно ты сирота на всем белом свете. И приходилось постоянно присматриваться, прислушиваться к людям. Знать или хотя бы угадывать, чего можно ожидать от того или иного человека? Чем может закончиться знакомство с ним? Как повлияет на тебя или твою семью? И любопытство это было не меркантильным, а скорее всего психологическим.

Возьми тот же случай со стычкой с местными хулиганами. Чем он может обернуться – примирением или очередной стычкой и дракой, а то и поножовщиной? От этих парижан, как

звали таких горячих людей на Урале, можно всего ожидать. Опыт предыдущих лет, а он паинькой не был, говорил ему, что едва ли эта история закончится миром и благополучно. С одной стороны, они вроде бы были квиты: те ударили его спутника Старченко, а Овчинников справедливо ответил обидчику. Но это самый оптимальный и выгодный вариант. С другой стороны, ребят было много, целая шайка, которая верховодит во всем закубанском районе, а может быть, и в городе. Какая же уважающая себя банда потерпит обнаглевшего чужака, размахивающего на их территории кулаками? И не встретиться с ними даже случайно невозможно на такой небольшой территории. А как они себя поведут при встрече, не полезут в карман за пиками, он знать не мог. И чего от них ожидать? Выйти один на один он бы не побоялся, не струсил. Но против нескольких выходить одному если и не смешно, то бесполезно, он ведь не боксер Попенченко. И как себя поведет тот же Олег Рвач, как его кличут приятели? Послушается ли своего атамана, далеко не великана на вид?

- Кто такой Сашка-Партизан?- спрашивал он у знакомых, не выказывая интереса.

- Босьяк. Предводитель местной шайки. С ним лучше не связываться. Авторитет! Он и милиции не боится, мусорами их дразнит,- популярно объясняли ему.- Была у них фабричная хаза, где шалман кучковался. Шумели, драки устраивали, и соседи пожаловались. И их решили выгнать оттуда. Пошел Сашка к директору Королеву. В приемной спросил у секретарши Лидии Даниловны: - Красавица, барин дома?- Какой барин, директор, что ли? Нет его. - Тогда скажи ему, чтобы дал босятве дожить до зеленых помидор. А там босятва не погибнет...

Слушает его эта шантрапа или нет, не раз ломал голову Овчинников, которому не хотелось начинать жить на новом месте с драк и ругани.

Он как чувствовал, что рано или поздно встретится в узком переулке с этой теплой компанией. Вел он однажды утром сына

в детский садик. Возле бани стояла бочка с разливным пивом. А за углом поставлены глубокие скамейки, на которых сидели партизанские приятели. И асфальтовая дорожка на территорию садика проходила между ними. Ребята пили пиво и закусывали вяленой рыбой. Среди них находился и Олег. Он что-то рассказывал товарищам, а потом коротко пропел:

- Губит людей не пиво, губит людей вода...

От неожиданной встречи Владимир даже замедлил шаг. Но тут же взял себя в руки и произнес, как ни в чем не бывало, будто старый их кореш:

- Привет фабричной шпане!

- Привет станционным стрелкам!- вроде мирно ответили те.

Оставив сына с воспитателем, Овчинников двинулся обратно. Конечно, можно было выйти через другие ворота и уйти другой дорогой. Но у него выиграло мужское самолюбие, мол, пацаны могут подумать, что испугался и ломанул, как ишак по кукурузе. Семь бед – один ответ. Все равно рано или поздно придется встретиться. И серьезного разговора не миновать.

- Будь, что будет!- тихо вымолвил он и пошел обратной дорогой.

- Хилай сюда, Вовчик!- весело окликнул его Рвач и протянул руку.- Держи краба. Глотни пивка.

- Немного можно. У меня выходной,- ответил стрелочник.

Они неспешно тянули свежее жигулевское пиво, неприужденно болтали.

- Ну, ты ничего не имеешь против меня?- как бы между делом спросил его Олег. Он выглядел покрупнее Овчинникова, но казался мирным и кротким, будто был давним знакомым.- Ты уж не сердчай, керя, все нештук, с кем не бывает.

- Ладно. Я уже и забыл. Ты-то хоть не сердисься?

- Чего тут сердиться, слышал, что Шурик сказал: «Ша, кореша»? Это для нас закон. И ты не держи зла.

С легким сердцем уходил от веселой компании Овчинников,

словно скинул с плеч тяжелый груз. И недавняя стычка с местными хулиганами обернулась для него не бедой, а благом. Ибо больше никто не приставал к нему, не задирался. И знакомство с ними даже в какой-то степени помогало ему, ведь он был близок с местными хулиганами.

* * *

Нередко воскресными вечерами, когда горячее солнце сбавляло свой пыл, на лавочке возле дома деда Беседы собирались почтенные старики и старухи, прятались в тени широких вишен. Телевизоры тогда еще были редкостью, и все поселковые новости узнавались от соседей. Да и так было заведено веками. Люди были дружными, незлобными и сами искали общения. Они или мирно беседовали, или играли в подкидного дурака, между делом говорили о чем-либо серьезном или второстепенных мелочах. Иногда беззлобно споря и выясняя, чей ход картой или кто смухлевал?

Нередко среди них находился степенный соседский старик Иван Ильич. Высокий, подтянутый, жилистый, с седой головой, он своей статью смахивал на гордое каменное изваяние. Взгляд отцветающих глаз был стремительным, цепким, словно у ястреба, высматривающего с высоты добычу. И вместе с этим умным, понятливым, будто привык решать сложные жизненные задачи. А порой и хитроватым, надменным, словно хотел заявить: Ну что вы смыслите в этой жизни?

Он ходил быстрым и уверенным шагом, но в руке непременно держал алюминиевую трость. И Овчинников не раз с интересом гадал: зачем ему костыль, может, вместо пашки, ведь он местный казак? Или отбиваться от собак, которые почему-то не очень жаловали его? В суждениях выглядел резковатым, но выражался коротко, не словоблудил напрасно и не крутил карусель ненужных слов, как это любили делать некоторые его сверстники, экономил свое и чужое время. Он подходил неслышно, как осторожный волк, выныривая из-под абрикосовых

веток, недоверчиво свесившихся из-за забора. Тихо, но четко приветствовал:

- Поклон вам, господа казаки!

- Доброго здоровьица, Иван Ильич.

- Садись с нами, сыграем в подкидного.

- Напрасная трата времени и ума,- со знанием говорил он, присаживаясь на край скамейки и подозрительно оглядывая присутствующих.

- Видал, у него еще и ум есть, не весь выжил,- подначивали пришедшего.

- Мозоли-то не натерли?

- На руках или на языке?

- И на носу, по нему ведь хлещете проигравших дураков.

- До свадьбы усе заживет, як говорытся. А мы не будем дивиться, хай козыряться,- с улыбкой отвечали картежники.- Лучше сидай рядом та поиграй ладком.

- Когда я в ссылке был, мы там тоже играли. Только под интерес. На корянку хлеба, табак, портянки. А иные и на жизнь. Я два раза остался без пайки и навсегда бросил эти дурные колотушки. Так они, блатные сволочи, играли и на меня. И одному доходяге выпало меня зарезать. Накинулся он с ножом, хотел пырнуть. Но я вовремя перехватил руку и завернул. С тех пор меня стали бояться блатняки.

- Вы, как Максим Горький,- услышав из-за решетчатого забора его рассказ, вступил в разговор Овчинников.

- А как Горький, ну-ка, ну-ка?- живо заинтересовался старик.

- Да заказали его новгородские купчишки, невзлюбившие правдолюба. И однажды во время праздничного гуляния или ярмарки набросился с ножом какой-то босяк и ударил его в грудь, видно, метил в самое сердце. Но, к счастью, в его кармане оказался портсигар, который спас мирового классика. Алексей Максимыч был человеком жилистым, сильным. В момент скрутил его и рявкнул:

- Говори, подлец, кто тебя нанял, иначе приблю?!

- Купцы новгородские,- признался босьяк.

- И за сколько?!

- За триста целковых...

- Продажные торгошники!- смертельно обиделся писатель.- Лучшего сочинителя России оценили в триста рублей, хриstopродавцы, скряги!

- Забавно, вьюноша,- похвалил старый казак.- А меня вот приравняли к пайке хлеба. Правда, я не сочинитель, а репатрированный, бывший кулак-ксплуататор,- с презрительной усмешкой заметил старик и надолго замолк, словно сказал лишнего.

Чем-то казак понравился бесединскому квартиранту. И он однажды признался хозяину:

- Интересный экземпляр этот Иван Ильич. На вид даже слегка интеллигентный. Наверно, много знает.

- Еще бы – такую жизнь прожил, грёб его по пузе. Но он почти не рассказывает о себе. Темнит или боится. Его руки, говорят, по локоть в рабочей и крестьянской крови. В волчьей стае генерала Шкуро безжалостно расправлялся с трудовым людом. И в банде беломечетского полковника Васюка побывал. А когда армавирский чекист Емец и фабричный комсомолец Петька Степанов в Беломечетке расстреляли эту зарвавшуюся банду, он благополучно ускользнул от возмездия, грёб ее по пузе, шкуровского волка! Единственный ускользнул, видать, в рубашке родился.

- А чо вы, бывший красный боец, тогда с ним якшаетесь?!

- Да ведь не пойман – не вор. Да и сколько можно воевать и сердиться, мы же из одного народа. Всю нацию перехлещем. Пора покаяться и простить друг друга.

Вскоре Овчинников понял, что Иван Ильич питает к нему скрытую симпатию. При встрече он останавливался и первым подавал руку, даже пытался заговорить. А когда Владимир проходил мимо его дома, то приглашал посидеть на лавочке в тени

фруктовых деревьев. Подолгу и изучающее глядел.

- Ты откуда будешь, вьюноша?- спрашивал.

- С Урала,- отвечал тот бесхитростно.

- Вот как! Славно девки пляшут. По голосу-то заметно, что не здешний. Земеля, стало быть. А я на Урале работал, в Соликамске.

- А чего здесь потеряли?

- Я ведь здешний, из казаков. А там отбивал ссылку. Напороли мы тут дел. Да ладно, замнем для ясности, как говорят пермяки. Пойду я чай пить, старуха уже два раза звала,- быстро поднялся дед и спешно исчезал за высокой калиткой.

Овчинников уже догадывался о причине неподвиженного обрыва разговора. Но не торопил старика, ждал, пока тот не осмелится и не признается сам.

- Я ведь был ссыльным, репатриированным, как это ныне говорится. Небось, нельзя всего-то болтать, а то еще какую холеру накличешь. Слышал, тебя в газетке печатают? Так про меня не пиши, пока живой. Я – враг. А там уж на твое усмотрение...

Он выдавал информацию, казалось его собеседнику, непростительно маленькими порциями, как тюремную пайку. И стремительно исчезал, порой даже не закончив фразы. Но, видно, наболело на душе у старика, и он уже не мог держать эту боль в себе и постепенно выпускал ее, стравливал, как перегретый в котле пар. А может, и не случайно он выбрал в собеседники молодого и энергичного человека, способного выразить мысли на бумаге, писать рассказы? Ведь он проживет долго, и дело может дойти до выпуска книжек? Небось, потомкам станет интересно узнать о своих предках и их сложных судьбах? Ведь у этого парня все еще впереди!

- Почему я долго живу?- неожиданно спросил он в следующий раз.- Да потому, что с самых пупенок трудился на сенокосе и базу, на пахоте и уборке. Что закалился в боях и походах. А посла и на выселках, на добыче соли, без которой не может

жить ни человек, ни скотина. Дюже она нужна им. Только добывать ее – труд адский, подневольный, который просолит тебя до последней жилки, как свиное сало. А твое тело и после смерти не испортится долго, как у Ленина. А ты сам-то каких кровей?

- Тоже казачьих. Раньше их называли оренбургскими, исетскими. Потом Челябинская область отделилась от Оренбургской. И наши казаки как бы негласно между собой стали называться южноуральскими. А род Овчинниковых по отцовской и материнской линии казачий. Только от этого казачества ни шиша не осталось. Моего деда Алексея Васильевича, его сына Василия вместе со станицей Травниковской снял с места адмирал Колчак при отступлении в Сибирь и положил их под Красноярском.

- Любо, казачок! Добро, что помнишь свои корешки. Да мы с тобой чуть ли не единоутробные родичи. Почуял я это в тебе нутром. Недаром трошки присматривался. А эти все - нищebroды. Тогда тебе я доверю свою историю, свою судьбу-злодейку, которая солёней самой богатой соли, горше самого горького горя. Только не торопи и не спеши поперёд батька. Всякой ще – своя приправа. Занесло меня к полковнику Шкуро...

- В волчью сотню? Это которая с волчьими хвостами на шапках, как опричники, и волчьими повадками рыскала по городам и весям?

- У него не только сотня бывала, но и полки, дивизии, корпуса. Такой был отчаяюга, что я тебе дам! Непоседливый, бесстрашный, ярый.

- И грабил яро, и убивал бесстрашно?!

- Был и грабеж, само собой,- соглашался старик с длинным сиплым вздохом.- И даже песня была:

С волчьей сотней своей я поеду

И разграблю хоть сто городов...

- И трусливо сбежал потом, как и Врангель с Деникиным, в Константинополь, в Европу,- недовольно вставлял фразы Овчинников.- Положив тут миллионы невинных людей.

- Вскружили они головы простому народу и пахарю,- вновь соглашался Иван Ильич.- И они поверили им, дворянам и офицерью. Это мы потом разобрались и поняли. Только уж было поздно. Кому за это пришлось поплатиться собственной жизнью, кому свободой.

- И вы пошли за таким шибздиком, мелкотой Шкуро? Он самовольно присвоил себе звание генерала, потрошил предгорные станицы и низовую Кубань, Бекешевскую и Боргустанскую, Баталпашинскую, Невинномысскую и другие? Слышал я, что после захвата станицы или города напивался. Вылетал с подручными на майдан и с упоением плясал лезгинку. А однажды ему показалось, что официант ресторана специально занизил сумму расчета. И он смертельно оскорбился, мол, я не нищий. И в ярости стал бить бокалы звонкого чешского хрусталя, крушить стены, до потолка отделанные венецианскими зеркалами. Потом бросил на стол пачки денег и приказал заклеить ими поврежденные места. Это ли не вакханалия и маразм, не агония погибающего человека и строя?

- Случалось и такое,- мрачно и беспомощно качал головой седой старик, нервно перекладывая из руки в руку трость.- Да ведь война была, люди доведены до скотского состояния. Сейчас жив, а через час сложишь буйную головушку и даже не поймешь, за что,- лопотал он, закатив глаза под лоб, будто пытался там увидеть те далекие и несправедливые годы.

- А как вы объясните поведение командира карательного отряда, который пьяно кричал проходящим мимо гусям: «Не смей высоко поднимать головы перед русским офицером!» И шашкой рубил эти гусиные головы?- не успокаивался расплавленный Овчинников, порозовев от негодования лицом.- Это последняя стадия маразма.

- Дури много, шо тут гутарить?- вроде как оправдывался кубанский казак, переплетая русскую речь с местным наречием. И такое случалось тогда, когда он сильно волновался и переживал. Но не срывался с места, не убегал, как случалось

раньше. Видно, поднятая тема задела его за самое нутро.- Красные, думаешь, не вытворляли? На выдумки все одинаковы, как два сапога – пара.

- Сапоги-то только парами и бывают. Но зачем казачьи атаманы и Временное правительство развязали Гражданскую войну, которая унесла пятнадцать миллионов невинных жертв? Откуда-то вдруг появились защитники царя и отечества, которые хуже собак грызлись друг с другом за власть. Те же Деникин с Врангелем. И предавали не только один другого, но и батюшку Государя вместе с отечеством? Воевали против него на стороне гитлеровских фашистов! А генерал-лейтенант войск СС Шкуро мечтал получить казачий корпус, очистить от большевистской нечисти Баталпашинскую (ныне Черкесск) и выпотрошить другие станицы. Хорош патриот Святой России. Деникин хоть сам отказался, когда ему предлагали возглавить войско против его родины. Мол, я с русским народом не воюю. А этот мечтал и просил.

- Мы в этих стихиях ничего не шурупим.

- За что же тогда воевали?

- За дом свой и казачью долю воевали, за землю-матушку,- оправдывался сбитый с панталыку обескураженный Иван Ильич.

- Разве у вас дворцы были? Да и земля у нас стала народной, колхозной. Иди и трудись, никто не помешает, не отберет. А как труд-то крестьянский облегчен! Какая техника пришла, тракторы, комбайны. Вода на поля подается. Наука на подхвате! Проводятся агротехнические мероприятия. Разве мало дала селянам Советская власть? А профсоюзы, отдых в санаториях и на турбазах! Заграничные туристические поездки за копейки, а то и бесплатно! Ну, где ты еще найдешь такую страну, такой рай, против которого вы пластались не на живот, а на смерть? Не жалели своих и чужих голов! Каких домов для колхозников настроили! Да и ваш собственный - вон какой кирпичный красавец! И личный автомобиль у сына в гараже. И все вам плохо?

- Домишко, конечно, у нас был тогда саманный, накрытый соломенной крышей. Во время дождей побелка текла по стенам. И лошадемок было две-три. А у машины нашей под сотню лошадиных сил. Но все равно жалко чего-то...

- И что означает это самое «чего-то»?- не отставал принципиальный стрелочник.

- Да ляд его знает!- уже сердито отмахивался старик.- Чего ты прилип, как банный лист?

- И из-за этого «чего-то» по дороге в Ставрополь генерал Покровский вместе с вашим любимцем Шкуро устроили завтрак в станице Темнолесской и перед окном комнаты на перекладине крыльца повесили двух комиссаров Красной Армии, видимо, для того, чтобы лучше разыгрался аппетит у господ офицеров. А какую мясорубку устроили в Майкопе, зарубив на площади полтысячи пленных красноармейцев и работников местных Советов. Совсем ополоумели от преданности своему батюшке царю и отечеству! Вот и за Уралом адмирал Колчак наворочал дел: мундир японский, правитель омский. Миллионы невинных положил, гад, и уморил тифом. Запер в концлагеря, кстати, первым в мире. В одном Екатеринбургe расстрелял и повесил двадцать пять тысяч рабочих и казаков. А вы его в святые прочите...

Не вынеся дальнейшего разговора, оба вскакивали и расходились чуть ли не врагами.

- Вот какой упорный казачок, всю душу мне перевернул, поганец, будто приговор читал!- сердито бубнил старый кубанец, сильно ударяя тростью по дороге, словно хотел отвести этим душу.- А ведь в чем-то прав он. И историю, видать, знает. Мы-то ведь тогда темными да неграмотными были. Вот и наворочали дел, наворочали, что полвека не разгребем...

- Почему так, чем дольше живу, тем чаще вспоминаю те далекие годы юности, детства, более поздней поры?- с недоумением спрашивал себя Иван Ильич бессонными ночами, которые повадились к нему в последние годы.

И они не только напоминали о прошлом, мысленно и зрительно возвращали картины былого, но и заставляли оценивать их с высоты прожитых им лет, которая была немалой. Придирчиво обсуждать и даже судить правоту тех далеких дней и поступков, как будто внутри его, в глубинах старческой души, которую никогда и ни перед кем не распахивал, завелся строгий и неподкупный судья, непримиримо требующий истины. И он даже представлял себе этого грозного судью, в руках которого был обоюдоострый меч правосудия, готовый обрушиться на его седую голову в любую минуту. И старик нередко крестился, осеняя себя ото лба до живота и по плечам большим крестным знаменем, надеясь, чем больше он захватит площади брэнного дряхлого тела, тем больше снимет грехов. Нередко со стоном опускался на колени перед иконой и горячей лампадкой и бил до земли поклоны. И его зловеющая тень, будто подбитая перепелка, металась по стенам, темным углам, потолку, словно отыскивала там его былые грехи, за которые непременно нужно ответить перед людьми и самим Господом Богом. Грехи смертные, непрощаемые.

- Господи, прости мне, заблудшему агнцу, мои земные деяния,- жалобно и с надеждой просил он. И с его редких и коротких ресниц срывались крупные слезины, текли по дряблым щекам и падали на тканый половик.- Не мы это придумали, дьявол правил нашими грешными душами, натравливал брата на брата, сына на отца. Отпусти душу на покаяние...

А разные видения проявлялись все четче и ярче, превращались в живую картину. Вот Ванюшка крадется за огороды к высокому берегу Кубани. Боится попасться кому-нибудь на

глаза, особенно въедливым беломечетским старикам, которым почему-то до всего есть дело. И которые могут придраться ни к чему и ни за что отругать. Да еще прикажут отцу доложить. А тот уж непременно отругает и накажет, а то и налыгачем отходит, будто Ванька ему не сын, а нездешняя наброда.

Правый берег Кубани непреодолимой скалой нависал над неугомонной горной рекой, чьи стремительные волны вырезали в его серо-голубых камнях русло, будто нельзя было взять левее, где была небольшая равнина. Впрочем, наверно, это было старое русло, заросшее в последние десятилетия травой и кустарником. За ними же, в нескольких сотнях саженей, мчал свои ледниковые воды младший сын Кубани – Малый Зеленчук, впадавший в нее чуть ниже. Он был поспокойнее матушки, нес воды меньше, И Ваньша с мальчишками там любили рыбачить. Ставили мережу и таскали на удочку крупных и гибких, как ивовый прут, усачей, чернопузов и мелкую плотвичку, проку от которой немного, лишь на корм котам, а спешки хоть отбавляй. Только мешала серьезной рыбе отведать вкусного огородного червяка.

В знойные летние дни, когда выдавалось свободное от работы время, казачата пропадали на реках, рыбачили, купались, купали коней. Потом мчались на них наперегонки. И к осени становились черные от загара, только блестели, как у эфиопов, белые зубы да светлые глаза. А длинные волосы принимали цвет мериноса местных овец-шпанок, за которые их нередко трепали девчонки.

На юге, где-то за станицей Баталпашинской и Карачаем, стояли неприступные зубья гряды Кавказского хребта, похожие на стальную пилу. Казалось, протяни туда руку и уколешься об эти злые зубья, закаленные ледниковыми ветрами и горячим солнцем, стоящим почти в зените. Сколько сказок, легенд пришло на кубанскую землю оттуда – не перечить! Да и сама казачья земля уже стала легендой. И ей нельзя было не гордиться.

И Иван сызмальства гордился ею. И готовился к защите от

непрощенных врагов, к царской службе. Вот только коня доброго у них не имелось. А без коня какая служба казаку? Только пластуном быть, колени обдирать по стерне и каменным косогорам и воевать пешим. Это доля самой последней казачьей бедноты.

- На такой службе не только не разбогатеешь, но и досыта не натевкаешься,- не раз назидательно говорил Ваньше отец, Илья Спиридонович, которого дразнили Илья Спросоныч. Станичники знали, что он любил поспать, и на поля выезжал всегда одним из последних, как и последним молотил зерно.- Вон у кума Елисея какой славный жеребчик пидрастает – кабардинец, гнедой, горбоносый! На нем будешь первым в полку.

- Сладка каша, та не наша,- грустно отзывался сын.

- На чужой каравай рот не разевляй,- поддерживала его мать, Серафима Мокеевна.

- На наш труд все разевляют, ксплуатируют бедных людей, а мы не разевляй! Рылом не вышли!- не соглашался супруг, как грабли, запустив в бороду кривые, словно грушевые сучья, пальцы.- Падчерица у него есть, Ульяна. Видная, работящая. Признался он мне, если возьмет ее Ваньша, в приданое отдаст кабардинца. Присылай сватов, гутарит.- Поладим...

- Уля-то нарядная девка, с приданым, одной шпанки, небось, у них с сотню,- вроде бы соглашалась Серафима Мокеевна.- Только с пороком. Сломанный палец не гнется, и ручка помятая. И разговоры о ней нехорошие. Гутарят, отчим по пьянке захотел снасилить, а она, бедняжка, не давалась. Помял он ее, бугай тебердинский, и оставил на всю жизнь меченой. Возьмет ее Ваньша в жёнки, и станет каждый зенки пялить и пальцем казать, мол, меченая, как овечка, порченая. А ты готов подтюриться.

- Да ведь с ее порчи не щи или кулеш хлебать. Наружу не вытащишь, не покажешь, а во тьме кто и чего разберет?

- Забожалось ему скакуна, и он готов завацьканэ белье напялить! А от злорадства станичников куда ховаться станешь?

В кубанскую прорубь сигать? И твой хлопец всю жизнь будет мандрыкаться с ней. И на свою выю ярмо тестево наденет, шоб батрачить на нёго, як прибега какая. Хозяева будут кирьяком сливки питы, а зятя глызьявым хлебом кормиты...

- А ты поглядь, як Уля смотрится в плюшевой полечке! Не хуже царицки Катерины,- с минуту подумав, продолжал агитацию муж. Уж очень ему хотелось породниться с богатыми людьми.- Конечно, Ванюшке придется и поработать, ведь он не лыгавый, а работающий. Зато все богатство потом достанется ему, как манна з неба, обрушится!

- Кажу тобі – рот не разевляй. Можа, Елисей для красного словца тобі казав? А придешь сватать, он тебе чайник навяжет. Откажет и посмеется, мол, надули дурака на четыре кулака. Есть же у Ваньши подружка Катеринка Надеева. Кровь с молоком. Умница. Уважительная. Здоровкается с поклоном.

- Да ведь голь безлошадная!- противился все больше негодующий супруг.

- Ты дюже лошадная, глянь на него! Да ты наряди ее в суконную гейшу с бархатом и плюшем, отделанную кружевом, тесьмой или гаруском. Надень модельные гусары на высоких каблуках со шнурками пид колено та снизу доверху на пистонах! Не казачка буде, а королева, богиня!

- Во что ты ее оденешь, много ли добра нагондобили?

- Чего ее одевать? Мать природа одела!- не соглашалась Серафима Мокеевна.

- Ей – брито, она – стрижено, невинская казачка!- вспливал муж и убегал от греха подальше на баз, чтобы несговорчивую бабу не огреть сгоряча нагайкой.- Хоть хуже, но по-еённому.

Однако затеи своей не забывал. И когда станичный писарь сказал Илье Спиридоновичу: «Готовь парубка к службе. По осени смотр устроим, наличие коня, седла, сбруи, переметных сумок проверим», он вернулся домой растерянным, с кислой физиономией.

- Писарчук казал, шоб хлопца к службе готовили. Смотр будут делать. А иде конь строевой, на старом мерине, никак, поедет? Позор на усю станицу. На весь отдел.

- Это ты, Баглай Спросоныч, виноват. Не мог сыну справиться доброго коня. А там и второй воитель на подходе. Во что его снаряжать?

- Як ни мерёкай, ни вылыскувайся, а сватать придется Улю, ийти на поклон Елисею Вавилычу,- сказал последнее слово казак. И это сразу поняла его благоверная, не решившаяся больше перечить, если не хочет получить плети. Тут даже самый затруханый казачишка вправе поступать так, как ему вздумается. И ломать казачьи традиции ей не под силу. И дело было решено.

- Куда денешься?- согласилась, наконец, жена.- Давай в следующий выходной пидем к Рясным.

Услыхав эту новость, Иван чуть не завыл волком. Долго сидел с опущенной головой, ничего не видя вокруг сквозь затмившие глаза слезы. Потом вытер их рукавом и поднялся, стройный, высокий. Таких статных казаков в царскую охрану берут. Да ему на поле брани и равных не сыщешь! А его, молодого, сильного, в примаки-батраки!

- Го-осподи, за что такое наказание!- дребезжащим голосом проговорил он.- Не хочу-у! С собой покончу...

- Я те покончу вожжами по вязам! Кончатель найшевся!- рявкнул отец, поднимаясь с лавки.- Ты кого задумал ослушаться, бузынок? Перед батькой с маткой ерепенишься! Вот тебе Бог, а вон порог. Сам выбирай. В неделю пидэм свататься...

Это были последние слова Ильи Спиридоновича, обычно всегда тихого и спокойного, а ныне расхोдившегося, как горячий самовар. Других слов сын уже не слышал. Он выбежал из хаты и понесся вдоль улицы в сторону высокого берега Кубани. Первая мысль была утопиться. Броситься с высокого скалистого берега в водяную прорву, в беспощадные высокие волны, частенько тащившие вместе с лохматым комлем смытые вековые деревья, и пусть они занесут тебя под неподдающиеся

заторы или гранитный берег. И навсегда похоронят. Только напоследок нужно увидеть Катюшу. Рассказать ей, извиниться и попрощаться. А может, и вместе с нею прыгнуть в эту кипучую могилу...

- Но при чем бедная девушка? Это же непростительный грех – накладывать на себя руки. Самоубийцам даже на кладбище не дают места и хоронят за изгородью. Господь не простит такого,- словно в бреду, говорил сам с собою Иван, обливаясь горячими слезами.

Немного приведя себя в порядок, он вышел к ближним дворам и обратился к пробегающему мальчишке.

- Хошь заработать крючок?- вытащил он из картуза рыболовный крючок и подал веснушчатому пареньку дорогую для того снасть.- Сходи к Кате Надеевой, пусть придет вечером на верхний берег. На наше место...

И мальчишка с нескрываемой радостью попылил по нагретой от солнца дороге.

* * *

Она появилась, когда пригнали домой стадо и хозяйки успели подоить коров. Когда солнце миновало ногайский Эркен-Шахар и пряталось за западными склонами Предкавказья. Увядающей на глазах кромкой оно еще касалось садов станицы, крася пирамидальные тополя и фруктовые деревья в нежный розовый цвет, так похожий на утренний. И Ваньше показалось, что это уже был восход, и солнце вставало почему-то с другой, непривычной стороны. А оно прощалось на ночь с полями, степью, боязливо отступившими от жилья на восток, немилосердно перечеркнутыми длинными вздыбившимися холмами, нередко переходящими в глубокие или мелкие ущелья, овраги, где текли прохладные ручьи, стояли сказочные озера или болотца с водой, поросшие камышами с бархатными метелками. Ванюшка знал, что в этих камышах водились тонконогие косули, пугливые зайцы, птицы и даже волки, чей заунывный

вой часто слышен зимними вьюжными ночами. На них охотились любители лесной и полевой добычи. И в основном не ради мяса, оно имелось в каждом дворе, а ради забавы и шкур, из которых шили теплые дохи и шубы. Ради гордости и спортивного интереса, ведь те же волки в зимние месяцы заходили на окрайки станицы и могли положить не одну стельную корову, а то и стадо овец. Нанести непоправимый урон хозяйству.

Иван сидел на их привычном месте, где обычно встречался с Катей. Минувшей весной он даже соорудил между деревьев небольшой шалашик, укрывающий их от дождя и ветра, который трудно заметить со стороны. Местные люди почти не ходили по этому высокому берегу, особенно в темное время, боясь свалиться с обрыва. Уперев локти в колени и опустив на ладони отяжелевшую голову, он не заметил, как тихо подошла любимая девушка, с которой сотни раз обсудили свое будущее. Оно им предвиделось счастливым и светлым. Они непременно построят свою хатенку на любимом берегу. Разработают землю для огорода. Заведут худобу, чтобы быть с молоком, мясом, овощами. И, конечно же, много детишек, чтобы шумно и весело было в их хате и краю, чтобы росла батьке с мамкой помощь и защита под старость. Но, видно, они родились не под счастливой звездой. И не сегодня-завтра их призрачное счастье должно безжалостно рухнуть. А они сами, любящие молодые люди, навсегда разойтись, потерять друг друга. «Ведь это, как в один миг умереть», - невесело думал юный казак, еще ничего толком не понимая в смерти, как, впрочем, и в жизни.

Они, словно весенние змеи, сплелись в крепких объятьях, покрывая один другого влажными поцелуями, плакали и громко рыдали, будто по покойнику.

- Токо тебя одну люблю на усём белом свете!- признавался юноша, крепко прижимая ее к самому сердцу.

- И я тико тоби!- без стеснения шептала она, чуя, как бьется готовое разорваться ее юное сердце. - Я буду ждать тебя всю жизнь! И буду верна тебе, как преданный пес.

- Почему мы такие несчастные, Господи? Почему разрушают нашу любовь?- молил небо юный казак.- Помоги нам хоть ты, ведь нам самим ничего не сделать...

В полночь поднялся ветер. Закачались, зашумели скрипучие деревья. Сильнее прежнего забеспокоились кубанские волны. Видать, сама природа возмутилась людской вопиющей жизни. Природа была на их стороне, сочувствовала молодым. Но на противной стороне находились несговорчивые родители и сам Всевышний. Они оказались сильнее природы и непоколебимого желания юных существ.

- Господи, покарай нас громом и молнией, принеси потоп и смой с земли, как подлых тварей, червей, всю эту нечисть, все наши муки!- прокричал Иван умоляюще и поднял на руки любимую девушку, отнес в шалаш. И они проливным дождем отгородились от станицы, бури и всего мира, который очень любили и который ничего хорошего им не сулил.

А вскоре сыграли свадьбу, на которой гуляла половина станицы. Гости от души веселились, много шутили, пели, плясали, как это и бывает на сельских свадьбах. Даже неожиданно появились цыганки. И одна из них, вызвав на пляску самого жениха, долго плясала вокруг него вприсядку, дробила ногами, словно хотела вбить его самого в землю. И заговорщически шептала:

- Ты, сокол, предал любимую. Только она тебе могла принести счастье, найти много детей. А вторая птица не летает высоко, не соколица. С ней не увидишь неба, касатик. Она скоро черный дырка уйдет...

На всю жизнь Иван Ильич запомнит последний прощальный вечер с любимой Катей и слова размалеванной молодой цыганки в черной цветастой шали, фигурой и взглядом смахивающей на Катю.

С каждым годом Иван Ильич все больше уставал от жизни, которая не только не была для него медом, не приносила жизненных радостей, а давила на сердце и угнетала, словно он приходился ей нелюбимым пасынком. Особенно в последнее время.

- Го-осподи! Устал я маяться на этом свете! Прибери меня, грешного, на небеса. Пусть не в рай, его, небось, я не заслужил. Но хотя бы рядом куда, на побегушках у архангелов. Устал я жить на земле, видать, грехи меня гнут...

Он просяще смотрел на небо и облака, и иногда ему чудилось, что кто-то бородатый и строгий выглядывает из-за них с недовольной улыбкой. Но не принимает в свои небесные выси.

- Грехи не пускают,- констатировал старик, осеня себя крестным знаменем.- Кто мне их отпустит, ведь не по своей воле грешил? То цари нами верховодили, помещики, воеводы, то комиссары и секретари с директорами да председателями. Как неразумную шпанку, гоняли по степи, словно Моисей заблудших евреев по жаркой пустыне. Кто снимет грех, который полвека ношу в душе? Поймет, посочувствует? Может, Володька-движенец, начитанный и образованный хлопец, что тоже из казачьего рода-племени? Его предки, служившие царям и отечеству, не меньше твоего испытали лишений и несправедливости. Правда, он вроде бы с красным уклоном, но выдержан, не оборвет, выслушает до конца. И, похоже, поймет, не осудит...

И старый казак намеренно искал с ним встречи, чтобы исповедаться, снять с души непосильный груз и почувствовать облегчение, как после парной бани. Конечно, он не священник, не причастит, но ведь священники в его деле не помощники. Не один раз к ним обращался с надеждой, а толку нет. Не зря религию опиум для народа кличут. Душу сковало, словно неразрывными цепями, от чего он не может найти себе места.

А вот после разговора с Володькой ему вроде бы станови-

лось полегче, будто тот часть его боли брал на себя. И старик решил раскрыть перед ним душу, выложить все, что его повседневно угнетало. А там, может, и Господь пойдет ему навстречу и приберет милосердно грешника к себе на небеса...

- Что мы понимает в счастье, Володя?- рассуждал Иван Ильич, сидя на теплой лавочке с внимательно слушавшим Овчинниковым.- Ничего в нем не петрим. Мои батюшка с мамашей хотели мне счастья, а вышло наоборот. Не скажу, что меня плохо приняли Рясные. Старики ко мне благоволили. Кабардинца, как и обещали, подарили. Надежды питали. Молодая жена в глаза заглядывала, сама не съест – мне отдаст. А у меня как будто кол в голове вырос. Сверлит и сверлит мозги: не мила, не пригожа она, разлучница. С желтозубым отцом согрешила. Не принесет тебе счастья и радостей. Каждую ночь снилась любимая Катенька, которую я по милости родителей предал и бросил. Любую свободную минуту думал о ней, сердешной. Мысленно гладил ее голову и ласкал упругое тело. И все больше ненавидел Ульяну, как будто она виновата во всем. Ясно видел, как она изводилась, переживала, бедная, а мне это как бы в радость.

Она ко мне с услугой и уважением, а мне все не так. Все взбрыкивал, как молодой жеребенок. Тесть с тещей заметили это, и Елисей Вавилыч как-то строго спросил меня на току:

- Ты якого биса мордой крутишь, вытрыбенькуваешься? Не надоело в хате батька голым задом сверкать? Взяли тебя в добрый курень, приголубилы, приборахлилы, а ты кочевряжишься, як пьяный кочет! На мягкие пуховые перины и высокие подушки в горенке положили. Шубу сшили из овчины и свитку не забыли. А якого скакуна пидарили, быстрее ветру несется! Ростом боле двух аршин с вершком, что и треба по уставу. Сотни десятин земли имеем, не как вы с батькой – тико две-три, которые скоро достанутся вам. Што шче треба? Можа, будет с тобой тюлюлюнькаться? Мотри у меня! Видишь, якие руци, не руцы, а бугры?- показал он кулаки величиной чуть не с кавун.- Як хворост переломаю!

- Вы не правильно меня поняли, батя,- оправдывался я.- Не обвык я шче к вам гарно. Придет время – все уляжется. А за внимание вам низкий поклон. Отбатрачу, не сумлевайтесь.

- Отбатра-ачу! Якись поганое слово. Ты нам не батрак, а сын. Человек единственной дони. Наследники вы с ней.

- Я и гутарю, шо отработаю за все. Вот и ныне еду на поля посмотреть всходы. На кошару. Стрижку овец пора зачинать.

- Это по-хозяйски. Ну, с Богом,- сдобрился тестюшко, и его волчий взгляд, как мне казалось, стал мягче.

Работы было действительно много, и я выполнял ее наравне с батраками. Пахал поля и молотил хлеба. Косил сено и метал в стога, привозил в усадьбу. Принимал ягнят на сакмане и пас отару на толоках. Почти все лето в поле. Да не плакался на судьбу, ведь мне так не хотелось возвращаться в станицу, видиться с нелюбимой женой и терпеть ее рядом с собою.

А вскоре началась война с германцем. Говорят, Кубанское Казачье Войско выставило на нее тридцать семь конных полков, а также гвардейские сотни, пластунские батальоны, шесть артиллерийских батарей и другие отряды. Не отстал и наш, Баталпашинский, отдел. Казаки в нем были со всего света: и линейные, и хоперские, и черноморские, терские. Поэтому и говор разный, хотя хорошо понимали друг друга. Правда, мне особо повоевать не удалось. Пока суд да дело – время летело. И я на фронт попал аж в пятнадцатом году. В одном из первых же боев меня ранили, а коня-кабардинца, мою гордость и любовь, убили. Падая на всем скаку, он подмял и крепко помял мое тело, переломал кости. Хорошо, что земляки вывезли с поля боя. И я долго валялся по госпиталям. Заново учился ходить, управлять руками и ногами. Но Бог тогда был милостив ко мне. Наконец, комиссовали, и я прибыл в родную станицу, где пуще всего были нужны рабочие руки, ведь многие казаки воевали на фронте или уже погибли.

Родина, она нам не только мать, но и фершел. Родная земля, близкие, сама обстановка врачуют раненых и больных. И я

втянулся в работу и быстро пошел на поправку, набрался былых сил и сноровки. Тесть с тещей не могли нарадоваться, ибо пострадавшее было хозяйство быстро пошло в гору. А про Улю и говорить нечего, ведь она без меня родила дочь, которая уже бегала своими ногами и начинала говорить. Я полюбил ее с первой встречи. Сердцем потеплел к Ульяне. И старался забыть бывшую любимую Катю Надееву. Жить нормальной семейной жизнью с Ульяной и ее стариками, здоровье которых пошло на убыль. И в хозяйстве требовалась крепкая мужская рука. И хотя еще всем верховодили старики, я почувствовал себя в их богатом доме тоже не последним человеком, от которого зависело будущее семьи. Видно, во мне завелась меркантильная жилка, неистребимый червь собственника, который еще столько творит в моей судьбе, что и вспоминать страшно...

* * *

На новом месте жизнь Овчинникова потихоньку налаживалась. Не успел он зарекомендовать себя с хорошей стороны, показать умелым стрелочником и активным общественником, как к нему стали больше приглядываться и прислушиваться, а нередко и спрашивать совета. И хотя повышения в должности на их станции местные специалисты ждали десятилетиями, пока кто-то не умрет или не уйдет на пенсию, удача ему улыбнулась значительно раньше. Да ведь у него не только обнаружились способности, но еще и была за плечами учеба в железнодорожном институте – ВЗИИТе, которая потомственному железнодорожнику давалась не особенно трудно, а специальные предметы он щёлкал, как семечки, ведь родился и вырос на станции Бишкиль, где отец его, Иван Аверьянович, считался одним из лучших путевых обходчиков.

Заболел кто-то из дежурных по станции или собрался в отпуск, вместо него нужен подменный дежурный.

- Кого назначим? - советовался начальник станции с секретарем парткома и председателем месткома.

- Одна кандидатура – Овчинников!- в один голос заявляли те, зная, что потомственный казак не подведет их доверия.

В другой раз и на Зеленчукский разъезд, что находился в километрах двух-трех и рядом с его домом, поставят дежурным. На разъезде отходила ветка на Черкесск, шерстомойную фабрику, маслозавод и мельницу. И там тоже был нужен опытный движенец, способный быстро отцепить и растолкать порожние и груженые вагоны. Подать, куда надо. Особенно летом, когда после стрижки овец начинался на шерстомойке сезон приема руна нового настрига. А за лето, вместе с автомобильной подачей, фабрика принимала более ста тысяч тонн грязной шерсти. И пятьдесят тысяч тонн отправляла мытой.

И во время сезона массовой заготовки на шерстомойке начиналось столпотворение. Колонна груженых автомобилей от ворот проходной тянулась до самого кубанского моста. Оттуда поворачивала на улицу Матросова, взбегала на Ивановскую гору и достигала села Ивановского. На помощь фабрике, где трудилось несколько тысяч рабочих, приезжали сотни командированных не только из Ставропольского края, но и предприятий легкой и текстильной промышленности всей России. И это не случайно, ибо тонкорунная шерсть в этом хлебном крае приносила прибыли больше, чем даже зерно. 60 процентов городского бюджета и 25 краевого содержалось за счет шерстомойной фабрики имени Ленина. И если автомобили везли сырье местных колхозов и хозяйств Южного региона, то вагоны – немытую шерсть, приходившую в советские морские порты со всего света: Австралии, Индии, Турции, Аргентины, других стран и советских республик.

И подачей вагонов надо было умело распорядиться. Не суетиться, не подавать или забирать каждый вагон отдельно, ведь чтобы подать с главной станции, нужно было каждый раз пересекать встречный путь, находить «окна» между поездами и договариваться с поездным диспетчером, задействовать бригаду тепловозников, стрелочников, составителей, весовщиков,

стараться, чтобы не допустить простоя вагонов, захламления, поломки. Эта была целая наука и профессиональная технология, которой овладеет далеко не каждый смертный.

А движение на железной дороге было невообразимо напряженным. С каждым годом увеличивался грузовой и пассажирский поток, добавлялись пассажирские поезда дальнего следования, местные и туристические. Особенно во время летнего курортного сезона. И молодой дежурный по станции чувствовал себя в этом нескончаемом железном потоке, как рыба в воде.

- Как же ты, не успев сесть на место дежурного, так умело справляешься с таким диким потоком?- удивленно спрашивали его товарищи по работе.

- Надо уметь кошку греть, чтобы не царапалась,- стараясь не засмеяться, отвечал Овчинников.

- Ну, как, серьезно?

- Знаешь, как работает врач-ударник? Приходит пациент, мол, моча не бежит. – А сколько вам лет? – Семьдесят четыре.- Вся вышла, следующий!

Беременная жалуется: - Ребенок идет не той стороной.- Извините, а кто вы по национальности? – Еврейка. – Выкрутится, следующий!

- Ну, как, в самом деле?

- Ударными темпами, чтобы паники не создать у пассажиров. – Увага, увага! Грамодяне пассажиры! Поезд Кисловодск – Воркутю прибывает на пятую путю,- объявляю им.- Шютю, на першую путю... Тю-ю, чо я туфтю – на сёмую путю... И никакой паники и задержки. Пассажиры скачут с пути на путь, как дикие лоси,- уже откровенно хохотал он вместе со слушателями.

Получалось и с литературным творчеством, которое он, конечно, не считал основным занятием в жизни. Но из второстепенных или вспомогательных оно постепенно становилось первым, хотя он этого пока не замечал. Это было увле-

чение души, как бы отвлечение и разрядка от основной деятельности. Он даже выкроил деньжонок и приобрел печатную машинку, на которой быстро научился печатать. Сидел свободными вечерами, ночами или праздничными днями за рукописями. И с каждым месяцем прибывали рассказы. Сначала небольшие, в пять-шесть страничек. А потом их количество нередко переваливало и за десяток. А иногда и стихи, для души, как он скромно считал. Реденько даже доставал из-под кровати гармонь хромку, тихонько играл и пел, чтобы никому не помешать. Громко стыдился, мол, люди подумают, что пьяный:

Когда в ночи бушует вьюга,
Когда в печи горит огонь,
Я достаю родного друга –
Свою надежную гармонь.

Мы говорим на полутоне
И чувств глубоких не таим.
И нам тепло в сосновом доме,
И уваженье мы храним

К России и далеким предкам,
К земле суровой, но родной.
И нам внимают табуретки,
И нет проблемы ни одной.

Трещат веселые поленья,
И печка русская гудит...
Редееет наше поколенье
И сходит с жизненных орбит.

И все ж, пока гармонь играет
И весело поет огонь,
Душа моя забот не знает,
Мне продлевает век гармонь.

Он с радостью отмечал, что стопка рукописей неизменно растёт. Надо было что-то делать с ней, кому-то показать знающему. А тут и краевой семинар молодых писателей наметился. И городская газета в первую очередь рекомендовала его как подающего надежды рабочего. Человека труда заслуженно ценили и выдвигали на передовые позиции. Государство на него надеялось, ведь он ни в бою и ни в труде не подводил. На то он и рабочий класс.

С непривычным трепетом входил он в помещение краевого отделения Союза писателей, находившегося на одном этаже с редакцией главной газеты Ставрополя – «Ставропольской правды». На семинаре присутствовали секретарь Союза писателей Леонид Соболев. Местные классики Михаил Усов, Карп Черный, Василий Грязев. Молодые, но уже подающие большие надежды поэты и прозаики Владимир Гнеушев, Андрей Губин, Александр Екимцев, Вадим Чернов, Александр Мосинцев, Виктор Колесников и многие другие, на которых начинающий литератор из бывшей казачьей станицы Невинномысской смотрел восхищенными глазами, присматривался к каждому их жесту, прислушивался к каждому слову, наивно принимая его за необыкновенно умное и полезное в творчестве напутствие и совет. Не слова, а изречения, афоризмы и даже наставления. Они ему казались чертовски ёмкими и правильными. А литература - святой и справедливой частью жизни, как сам Христос, по которой нужно учиться жить. Он справедливо считал, что еще ничего в ней не смыслил, как неразумное дитя. Но приложит все силы, чтобы овладеть этим божественным искусством. И научиться писать произведения, за которые ему не будет стыдно.

Рукописи молодых обсуждали на семинарах прозы и поэзии, которые вели известные литераторы, авторы многих книжек. Высказываться по их поводу мог любой присутствующий. И их противоречивые мнения порою были совершенно нелестными и разгромными. И авторы то краснели лицом, то бледнели, как стеариновые свечи, не зная, куда себя деть. Наконец,

очередь дошла и до обсуждения рукописи Овчинникова, который сразу сжался в комок, будто его должны бить физически, или речь пойдет об его жизни и смерти. Поднялся руководитель краевой писательской организации Карп Григорьевич Черный, седовласый и вальяжный старик с умным взглядом и интеллигентным видом. И негромко заговорил:

- Вот и еще один новый автор появился на литературном горизонте творческого Ставрополя. Из рабочей среды, из самых масс. И пишет он о трудовом люде, о производстве. А ведь сам Алексей Максимович Горький рекомендовал нам в тридцатых годах повествовать о фабриках и заводах, о жизни трудящихся и добрых метаморфозах молодого социалистического общества. Не все в его произведениях гладко. Нужно еще работать и работать, ведь он в самом начале трудного литературного пути. И задача нашего Союза – помочь молодому автору в овладении писательским мастерством. Почувствовать под ногами твердую почву и принести Отечеству неоценимую пользу. А теперь предоставляю слово товарищам по перу.

Казалось, ни жив ни мертв сидел красный, как рак, стрелочник Овчинников. И всеми клетками чуткого тела и порами кожи слушал слова литературного аксакала, всем обликом подходящего не так на человека, как на статую. Он показался Овчинникову таким умным и всезнающим, что он даже не предполагал, как можно говорить с таким богочеловеком, профессором педагогического института? Это тебе не с казаками или стрелочниками балакать.

А выступающие оппоненты говорили все громче и яростнее, как будто автор был виновником в чем-то, кого-то незаслуженно оскорбил или предал.

- По всему видно, что Овчинников еще не овладел мастерством писателя, ведь это не стрелки переводить и пускать в тупики вагоны. Тычется в тексты и образы, как слепой котенок, - утверждал с пеной у рта один.

- Пишет про «лисий хвост» на химкомбинате, пытаюсь вы-

глядеть оригинальным. Какой «лисий хвост», когда это совершенно новые технологии? - доказывал второй выступающий.

- Похоже, Овчинников не равнодушен к хвостам! - безапелляционно поддержал третий. - Вот и в рассказе «Путевой обходчик» главный герой двинулся «в хвост поезда»...

- А как скажешь иначе, если эти вещи так называются! - не выдержал и вспыхнул стрелочник. - Видно, вы такие специалисты, что ни черта не смыслите в производстве, лишь бы с панталыку сбить!

- Ну, это дружеские пожелания, и вы не должны принимать их близко к сердцу и обижаться. Впереди их будет еще целое море. Самое главное – это язык, колоритный, ёмкий, народный язык. И это ваш неоценимый плюс и козырь, - поднялся невысокий старик – Михаил Васильевич Усов, чье лицо было изборождено глубокими продольными складками. Он был фронтовик, долго работал в газетах. Издал десятка два книг, в том числе «Длинные ружья», «Степные пригревки», «Судьбы». Его уважали и с его мнением считались. - Не все в рассказах гладь и благодать. Есть неточности и шероховатости, над которыми необходимо хорошо поработать. Пояснее и поярче выразить метафоры. Но это дело опыта и будущего. А сейчас я с радостью думаю, что на Ставрополье родился новый прозаик.

После теплых и благожелательных слов литературного ветерана Овчинников облегченно вздохнул и немного расслабился. Но обсуждение еще продолжалось. Слово предоставили самому яркому и талантливому писателю Андрею Губину, потомственному терскому казаку, чей роман «Молоко волчицы» всюду гулял по читательским просторам не только Советского Союза, но и Чехословакии, Англии и других европейских стран. Этот казачий роман, считал Овчинников, был под стать «Тихому Дону» и «Даурии», которые ему очень нравились. Нравился и автор. Он был солидным фигурой, с острым умом и неиссякаемыми шутками. Хорошо знал себе цену и, когда надо, умел вести себя с достоинством.

- Мужики, вы дико ошибаетесь,- заговорил он, не показывая улыбки.- Не дает вам покоя такая мелочь, как хвосты не то бесов, не то женских платьев. Абсолютно правильно он называет эти вещи, профессиональными терминами. Я как бывший кочегар и машинист паровоза это подтверждаю. К любому произведению можно придраться, в том числе и к моему. Но надо знать цель этих придинок. Великий литературный технарь Иван Бунин придирался к пространным фолиантам гениального Толстого. Даже пробовал их править на свой лад, сделать лаконичными, как собственные. Но не в коня пошел овес, потерпел фиаско и не постеснялся признаться. Даже в этом, кроме всего прочего, тоже проявилось величие классика!

Андрей Терентьевич замолчал, видимо, решил перевести дух. Обвел веселым взглядом присутствующих, лукаво подмигнул слушавшему с открытым ртом Владимиру и закончил:

- Предлагаю семинару рекомендовать его сборник к изданию. Конечно, с авторской и редакторской доработкой. Пусть нашего полку прибудет...

Это была небольшая и очень трудная, но победа, радостно подумал Овчинников, поднимаясь после обсуждения. К нему подходили товарищи по семинару, жали руку, с завистью поздравляли, желали удачи. И вся эта литературная братия проплывала перед его уставшими глазами, словно в тумане. Расплывчатыми были и его растерянные мысли. И он не знал: радоваться надо или грустить? Даже не предполагал, что ожидает его в будущем – победы или поражения, ведь творческий хлеб – горький хлеб. И не всегда приносит радость и счастье. Да он о нем и не думал.

Ничего хорошего, кроме горя и страданий, не принесла война с германцем, которую позже начнут называть Первой мировой. Пять миллионов погибло в ней только славных русских воинов – казаков, крестьян, рабочих и дворян-офицеров, не щадивших чужих и своих жизней кто за родное Отечество, а кто и за царя-батюшку, который считался Верховным главнокомандующим. Но главнокомандующий из этого плюгавого воителя получился никакой, как и из многих главных воинских начальников-министров и генералов. Их не научил достойно воевать опыт войны с японцами в начале XX века. И начавшиеся, было, победы на поле брани стали оборачиваться позорными поражениями. Народ не видел разумной причины развязывания войны. И убийство сербскими националистами в Сараеве наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда считал, как и весь здравый мир, провокацией, которую германские империалисты использовали для развязывания всемирной бойни.

Только со стороны Антанты в войну ввязались вместе с колониями около 40 государств, в том числе и Россия. Император Всея Руси Николай Романов, кстати, родственник императора Вильгельма Второго, не только не замял конфликт с противоположной стороной, но сам втянул Россию в мировую мясорубку.

Народ был против потерь на фронтах невинных жертв, против немилосердной войны. Не случайно не успела свершиться Октябрьская революция, как Советское правительство издало Декрет о мире и обратилось ко всем воюющим державам с предложением о заключении справедливого демократического мира. Ввиду отказа Антанты во главе с Англией и США принять это предложение Советы 15 декабря 1917 года вынуждены были без их участия заключить с Германской коалицией перемирие и приступить к мирным переговорам, которые затем вылились в заключение Брестского мира.

Много копий сломают по этому поводу политики и идеологи капитализма, обозвав большевиков и Ленина предателями. Да, многое отдано за этот долгожданный мир, но этим «предательством» были сохранены миллионы солдат, которые бы отдали свои жизни на полях сражений. И всего-то по вине двоих милых своячков, стоящих во главе России и Германии. Ведь для них человеческие жертвы и страдания не дороже комариной смерти.

Недавние фронтовики бросали оружие, братались со вчерашними противниками, оставляли места расположения частей и окопы, по одному и целыми отрядами добирались до своих губерний, родного дома. Одни на конях, железнодорожных поездах, другие на перекладных или пешком разбегались и разбредались по необъятной России, словно бессловесные тараканы, которых травили вонючей губительной серой.

- Будя! Навоевались!

- Покормили крестьянской кровью окопных вшей и блох!-наперебой рвали глотки вчерашние фронтовики.- Теперича только домой, на родные базы, к земле, которую обещают большевики, к семьям!

Возвращались и в станицу Беломечетскую оставшиеся в живых казаки. Переступали со слезами на глазах пороги родных хатенок, по которым смертельно соскучились, обнимали постаревших родителей, любимых жен и детей, заметно подросших за время их отсутствия. А базы требовали хозяйского глаза и трудовых рук. Земля с нетерпением ждала пахаря и жнеца, ибо заросла выше головы сорняками, заколодила, как и многие дворы и поместья. Только одни колючие головы татарника, похожие, на хищных монголов, сверкали в степи красными шапками. И не предвещали ничего хорошего.

И все вернувшиеся фронтовики, кто был с целыми руками и ногами, мог видеть и взять в руки топор, вилы, вожжи, с рассвета и до заката хлестались, как выражались местные, на своих хозяйствах и полях, покосах и овчарнях, хуторах и пасе-

ках. И начали подниматься разваленные хозяйства. То в одном, то в другом краях стали слышаться веселые голоса ребятишек и женщин.

- Хлопцы, у нас батя пришел! Теперь заживем!

- Пахать начал человек-то! Мабудь, с урожаем будем! И деток на ноги подыдем... С такой опорой не пропадём! И России не дадим пропасть...

Только не всем нравилась мирная жизнь. Свергнутый глава Временного правительства и бывший Верховный главнокомандующий Керенский с начальником Генерального штаба Духониным отдали приказ командующим войсками фронтов и внутренних военных округов, атаманам казачьих войск начать военные действия против Советской власти и выделить надежные части для похода на Петроград и Москву. Керенский двинул на Петроград конный корпус Краснова. Казачьи правительства Дона, Кубани и Оренбурга под руководством атаманов Каледина, Филимонова, Дутова не признали Советского правительства и развязали войну против Страны Советов, хотя обвинять в этом потом будут Ленина.

Начнется Гражданская война. Во многих регионах необъятной России появятся местные правители и божки, якобы посланные самим царем, а то и Господом Богом на защиту отечества и усмирение бунтарей. И появятся новые правители России – адмирал Колчак, генералы Деникин, Корнилов, Краснов, Шкуро, барон Врангель и прочие «защитники» окровавленной России, не щадящие жизней не только военных противников, но и их мирных семей. Залившие потоками крови городские улицы и хутора, деревни и луга. Унесшие жизни еще 15 миллионов российских граждан.

Но разве их тем, кто предпочитал «мундир английский, сапог японский и был правитель омский», жалко? Жалко своих банков, поместий, дворянских гнезд, косяков лошадей, миллионов десятин земли, нажитых трудом и потом рабочего люда и крестьян. Так пусть же эти низменные рабочие твари и необра-

зованные мерзавцы не щадят своих жизней и гибнут, отстаивая их воровские миллионы!

Поднимали змеиные головы и «защитники святой России» рангом пониже и капиталом пожиже типа тамбовского эсера и контрреволюционного заговорщика Антонова, екатеринодарского полковника Шкуро, самочинно присвоившего себе сладкое звание генерала, бывшего беломечетского полковника Васюка, барсуковского кулака Маслюка и им подобных «доброжелателей» и «народных героев». Правда, на них находились свои Чапаевы, Кочубеи, Балахоновы и другие истинные народные герои и любимцы, не жалевшие свои жизни за его будущее, за Советскую власть.

На Кубани и Ставрополье такой глубокий след оставил после себя полковник Андрей Григорьевич Шкуро, чья настоящая украинская фамилия Шкура, как утверждал впоследствии его биограф Владимир Гнеушев. Он родился в 1887 году в станице Пашковской под Екатеринодаром. И имел офицерское звание (был сыном войскового старшины, то есть подполковника), как повествует Гнеушев. Поначалу он оказался как бы не слишком здоров, вяловат, пользовался у сверстников репутацией пацана, которого всегда можно безнаказанно толкнуть и на котором можно легко сорвать обиду.

В четыре года отец подарил сыну кинжал вместе с полным казачьим обмундированием. Кинжал, хоть и настоящий, был маленьким по размеру, что не помешало четырехлетнему воину в одной из ссор с мальчиком старше себя опасно ранить того.

Военная карьера предопределялась не только происхождением, но и большим личным желанием. Он успешно окончил 3-й Московский кадетский корпус, затем Николаевское кавалерийское училище, где в первый же по прибытии в Москву день вместе с одностаничником отколотил какого-то господина, непочтительно отозвавшегося о казачатах. В Николаевском училище за ним установилась прочная репутация скандалиста и коновода в рискованных шалостях, «явно враждебных хорошему тону».

Словом, ни скромностью, ни излишней воспитанностью будущий скандальный генерал не отличался с юности. Но именно отсутствие этих качеств выдвинуло его в ряды истинных народных вождей Гражданской войны, в число ее героев и мучеников, утверждал биограф.

С помощью отца Андрея перевели ближе к дому, в полк, стоящий тогда – перед началом 1-й мировой войны – в станице Усть-Лабинской. Будучи незаменимым собутыльником и обожаемым рядовыми казаками начальником, Андрей Григорьевич в то же время – желанный кавалер. И потому ненавистный соперник для штатских молодых людей в станице. И в одной из стычек со станичным львом в штатском, разбогатевшим греком, выхватил из ножен кинжал и воткнул тому глубоко в руку.

Неприятности подобного рода не оставляли Шкуро всю жизнь. На его характер не повлияли ни женитьба, ни начавшиеся вскоре боевые действия на германском фронте, куда Шкуро попросился добровольцем и был зачислен в Хоперский полк. Но в полку ему не понравилось. Натура требовала самостоятельных действий. У него зародилась мысль о создании партизанского отряда, с которым он мог бы действовать в тылу противника. Дело дошло до Верховного главнокомандующего Николая Второго, который вызвал к себе еще неизвестного казачьего сотника, горячо пожал руку и сказал: «С Богом, в добрый час».

Вернувшись в корпус, Шкуро быстро собрал необходимые деньги и 600 добровольцев-головорезов. И брал не только казаков, но и солдат. Он представлял себя знаменитым Денисом Давыдовым, героем Отечественной войны 1812 года. Судьба его несла, как выражались сослуживцы. Шел 1915 год.

Из воспоминаний сослуживца Николая Туземцева. «Тихая зимняя ночь. То здесь, то там раздается винтовочный выстрел. И опять тихо.

На сторожевой немецкой заставе, убаюканные тишиной ночи, спокойно дремлют солдаты, положившись на бдительность часовых. Но таинственна и загадочна ночь.

Там с русской стороны, неслышно скользя, змеится темная лента. От нее отделилось несколько бесшумных теней, которые, накинув на себя что-то белое, сразу же потонули, припавши к белоснежному покрову земли. Это партизанский отряд Шкуро послал вперед свои смертоносные глаза и уши.

Проходит томительный час. Вдруг со стороны немцев раздается короткий, заунывный волчий вой. Отряд вздрогнул, заволновался и короткой рысью понесся навстречу вою. Там уже все кончено. Устремивши удивленные глаза в неведомую темноту неба и раскинувши руки, лежит немецкий часовой, сраженный смертоносным жалом неожиданной таинственной смерти. А дальше, среди трупов заставы, спокойно вытирая о полы чужих шинелей кинжалы, стоят и тихо делятся впечатлениями виновники этого зовущего условного воя.

- Он, было, хотел в меня стрельнуть, а я его как полосну по горлу, из него и пар вон.

- Мой-то и про ружье забыл, так перепужался.

- Ловко обделали. И языка достали. Командир спасибо скажет...

Подходит отряд. И после недолгого, но решительного разговора через переводчика с «языком» и нескольких отметок на карте, движемся дальше в тыл противнику, ловко лавируя среди разбросанных боевых частей.

Огненным, неуловимым вихрем носится Шкуро со своим отрядом по вражьему тылу, сея за собою взрывы мостов и артиллерийских складов, порчу дорог, разгромы обозов и небольших неприятельских отрядов.

За русскими частями с изображением оскаленной волчьей головы на знамени посылаются крупные отряды с пушками, но партизаны, вдоволь натешившись, благополучно ускальзывают от погони и темной ночью прорываются к своим.

Много таких дерзких налетов совершил Шкуро со своими лихими партизанами.

Немецкое командование взбешено и, видя, что не взять в

честном бою лихого партизана, прибегло к своему излюбленному способу – к подкупу. Буйная голова Шкуро оценивается в 60000 рублей. Все равно – живая или мертвая.

- Дорога ж моя голова немцам. Дороже, чем мне самому, мрачно шутит Андрей Григорьевич, узнав о таком немецком приказе. И в ответ на это совершил еще более дерзкий налет на вражеский тыл. Забравшись за тридцать верст в глубину противника и наделав ему массу неприятностей и урона своей недельной прогулкой, он опять без вреда для себя вернулся к своим и привез настоящего, живого немецкого генерала, командира дивизии, штаб которого попался на пути его стихийного лета.

К концу 1915 года война приняла позиционный характер, и работа партизан значительно усложнилась...»

Как свидетельствовали протоколы Лубянки, куда, в конце концов, попал Шкуро, до 1916 года он состоял в различных казачьих подразделениях и действовал на реке Висла, в районе Иван-Города, на реке Сан, в районе города Кельцы, Черновицы, в Полесье и в Карпатах. В 1916 году получил чин полкового старшины и в связи с тем, что сначала войны не пользовался отпуском, в декабре выехал на Кубань на отдых. В начале января 1917 года поехал в Петроград, где представлен к назначению на должность командира 2-го Линейного полка экспедиционного корпуса генерала Баратова в Персии.

Одновременно посетил члена Государственной думы, депутата от казаков Кубанской области Кондрата Бардижа. «Он информировал меня о политической обстановке в России. Рассказал, что в Петрограде назревают революционные события, что революция неизбежна. Наша задача, сказал Бардиж, не допустить, чтобы революция всколыхнула народные и солдатские массы, она должна пройти изолированно от армии...»

Революцию полковник Шкуро воспринял с глухой, неутолимой яростью. Он понял ее как бунт, неизбежно ведущий Россию к общей катастрофе. России без царя он не представлял, на

компромиссы к изменникам, как называл всех революционеров, идти не собирался. И потому по прибытии в армию немедленно принял все меры к пресечению революционных настроений. Его командир генерал, граф Келлер, заручившись поддержкой офицерского состава, дал телеграмму руководителю монархического крыла в Думе Гучкову – о верности армии монархическому строю.

Но комитеты в полках уже делали свое дело. И оно было тем разрушительно, что опиралось на лозунги, близкие солдатскому сознанию. И Келлер ушел в отставку.

Поразмыслив и поняв, что ни примириться со свершившимся, ни сдаться не может, Шкуро отобрал две сотни преданных ему казаков и уехал в Персию к генералу Баратову, куда и был недавно назначен. Но до Персии доехал не сразу. Сначала два месяца стоял с казаками на станции Кавказской. Они искали добровольцев. Там снова встретился с Бардижем, теперь уже комиссаром Временного правительства на Кубани. Призывавшим к войне до победного конца, что Шкуро нравилось.

В конце мая добровольцы на Персидский фронт погрузились в эшелон и направились в Баку. На станции Невинномысская четырехсотенный отряд получил пополнение. К вагону подошел молодой белокурый парень. Оправил старенькую черкеску под наборным кавказским ремешком.

- Хлопцы, заберите меня с собой,- попросил на кубанском наречии.

- Кто таков, откуда? - строго спросил Шкуро, пребывавший в плохом настроении.

- Баталпашинского отдела, хутора Роцца казак Иван Кочубей! - отрапортовал парень.

- Маловат вроде для войны. Чего натворил?

Иван Кочубей не умел врать и признался:

- Хуторского атамана зарубил, который по пьянке хотел залезть в хуторскую кассу. А я сторожил сейф. Отговаривал его, а он полез. Я и рубанул шашкой. А потом кинулся в Невинку.

- Будешь при мне,- после продолжительного молчания согласился Шкуро.- Верность долгу – не такое уж плохое качество.

Не знал подполковник, что принял будущего непримиримого врага буржуазной власти.

Корпус генерала Баратова рассыпался на глазах, в чем отрицательную роль сыграли комитеты солдатских депутатов, требовавшие возвращения домой. Большинство казаков поддерживало эти требования. Сам Баратов с отрядом пошел на службу к англичанам. А Шкуро решил бороться с революцией наиболее эффективно и дома. Отрастив бороду и переодевшись в солдатскую форму, как опытный конспиратор, он в январе 1918 года пересек на пароходе холодный и буйный Каспий. В Махачкале побрился, надел погоны. К немалому удивлению казаков, распорол пояс с зашитыми в него пятьюдесятью тысячами рублями золотом и двумя тысячами ассигнациями и начал сколачивать новый казачий отряд. Набрал около трехсот человек, погрузил в вагоны и направился на станцию Невинномысскую. Очень надеялся в пути уговорить своих избранников на беспощадную борьбу с большевиками.

Но на пути ждал красный заградительный отряд. И казаки отказались его штурмовать. Пришлось Шкуро снова снять погоны и маскироваться под рядового гражданина, добирающегося до дому. Он доехал до Кисловодска, где его ждала жена Татьяна Шкуро в маленькой удобной гостинице «Минутка». Город был занят красными, и Шкуро боялся высунуть носа на улицу. Искали контрреволюционеров. Было много беглых дворян. Полковник познакомился с родным братом графини Воронцовой-Дашковой, а через него и с полковником Слащевым, который вскоре и станет начальником штаба его отряда.

Они искали контакта с высшими офицерскими чинами, и Шкуро не отказывался от сопротивления Советам. Даже был арестован, но, словно скользкий змей, благополучно всегда выскользывал из крепких объятий неблагоприятной судьбы. Вел

борьбу до самого разгрома Белой армии.

В мае 1918 года обосновался на «Волчьей поляне» в Бекешевских лесах, в районе беспокойных станиц Бекешевской и Боргустанской. Опираясь на казаков и офицеров, все еще веривших в батюшку царя и монархию, Шкуро создал лесные отряды, ликвидировал в станицах Советскую власть и попытался поднять восстание в станицах Баталпашинской и Суворовской. Даже печатал листовки, где немало привирал и приукрашивал. Мол, в помощь им идут казаки из Персии, отряда корпуса генерала Баратова, что уже на подходе к Бекешевской. Что на севере Кавказа успешно действует Добровольческая армия Деникина. Что часы Советской власти сочтены. По селениям были разосланы агенты и агитаторы, развернувшие широкую пропаганду по вовлечению казаков в отряд.

Агент сообщил из Суворовской, что проводится мобилизация казаков в Красную Армию. И Шкуро с отрядом в сорок конников пронесся в день призыва по станице, ворвавшись на центральную площадь. Бравый вид конников на прекрасных, конфискованных в других населенных пунктах лошадях, и с волчьими хвостами на мохнатых шапках так взбудоражил станичников, что в тот день станица влила в ряды шкуровцев несколько сот конных и три сотни пеших суворовцев.

Подобное явление произошло и в станице Беломечетской. Так стал шкуровцем и выходец из бедной казачьей семьи Иван Ильич, зять станичного богатея Елисея Вавиловича Рясного.

* * *

Эта встреча произошла осенью, когда с деревьев дружно облетал лист и богато покрывал землю в садах и огородах, словно хотел на всю зиму сберечь в ней летнее тепло. Пахло яблоками, арбузами, дынями, которые продавались на каждом углу и возле которых роились навязчивые осы, готовые залететь даже в жующий рот. Солнце уже садилось за горизонт, и ясное небо то и дело закрывалось живыми тучами возвращающихся

с полей ворон, жирно облепляющих высокие пирамидальные тополя поселковых улиц и могучие белолистки парка культуры и отдыха фабричных шерстяников.

- Сам черт занес меня к этому Шкуро. Вскоре на Волчьей поляне он сформировал Первый и Второй Хоперские полки, пластунский батальон и Первую Кубанскую батарею. А из самых преданных и лютых казаков и офицеров сколотил, как называли ее, «Волчью сотню». Для этих джигитов создали и особую форму: папаха из волчьей шкуры и волчий хвост на башлыках. Это символ силы и беспощадности,- неспешно рассказывал Иван Ильич. И Овчинникову показалось, что он, как пекарь, доставал слова-булки с печного пода и сваливал в кучу, при этом, даже не смазав, как водится у пекарей, маслом.

- В Кисловодск ворвались утром со стрельбой и диким воем. Захватили оружейные склады, банк и здание Совета. Вывезли тысячи винтовок, десять бомбометов, несколько пулеметов и сто тысяч патронов. Бойцов собралось тысяч пять, и Шкуро повел их на Ставрополь, навстречу армии Деникина, ведь красные готовились к нашему уничтожению. Окружали Боргустанские и Бекешевские места. В Кугульте был задержан комиссар Ставропольской губернии Петров, и его публично повесили. И Ставрополь взяли.

Помнится, как принимало наш отряд село Донское, как избавителя от большевистского зла. Сам губернатор, генерал-лейтенант Валуев приезжал. Деникин приказал Шкуро ехать в Баталпашинскую, чтобы поднять восстание и сколотить из оставших казачью бригаду. Казаки в отряде подобрались оторви да брось. Кутили, грабили и обирали население, насиловали женщин, делили имущество складов. А больше всех кутил сам Шкуро. Меня он не раз использовал как посыльного и связного, и я был в курсе многих событий. И старики-кубанцы ворчали: «Не для того мы шли в отряд, чтобы защищать буржуев и мародерничать... Какой он командир – легкомысленный пацан без опыта? Ему ли верховодить? И с полковником Улагаем сню-

хался. В Добровольческую армию влился. Мы не за Москву и Питер пришли воевать, а за кубанские земли...»

А Андрей Григорьевич вроде бы на вид незначительный и беспомощный, слабый силенками, творил дела пуще иных богатей. Да эти маленькие и плюгавенькие мужичошки бывают такими яркими и беспощадными, норотившими показать свое превосходство и власть, что я тебе дам! От него и мы заражались злобой. Помню, в одном селе устроили большой разбой. Засели там красные партизаны из мужиков и советчиков. Грохнули мы из пушек, прочесали село из пулеметов и окружили. Потом погнали в центр главных зачинщиков. Виселицы, похоже на гусаков, соорудили. Население собрали, и давай вешать. Одна бабенка пришла со взводом детишек. Когда ее мужик закачался в петле, она не выдержала и с ревом набросилась на нас с командиром. Я пьяный был, не в себе после боя и увиденной крови. Хотел ее плашмя шашкой огреть, а она полоснула острием и развалила ей бок. Как-то нехорошо на бабу шашку поднимать казаку. Детишки, как волчата, подняли вой. Я и на них кинулся, да товарищи остановили. А то бы и их порубал, як капусту,- честно признался старый казак, и из его выцветших глаз полились слезы раскаяния и тоски.

От его признаний молодой Овчинников пришел в ужас. Взгляд его посуровел, выражал ненависть и презрение. Кулаки непроизвольно сжались, словно он хотел наброситься на Ивана Ильича и отомстить ему за все бесчинства, что натворил на этой доброй кубанской земле. Но он сумел вовремя остановить себя: «Ты же не шкуровец!» И стал успокаивать, мол, было такое несправедливое время, когда напал на народ сатана вместе с бесами.

- Не забывается случай в Баталпашинской. Атаман отдела полковник Касякин публично повесил в станице двух пленных комиссаров Красной Армии. Не остались в стороне и шкуровцы, решившие повесить на площади захваченных в Кисловодске комиссаров. Помнится, есаул Николаев тут же вздернул

одного. Что стало с остальными – не знаю. Всего запомнить невозможно...

Старику стало плохо. И он, прислонившись спиной к забору, чтобы не свалиться, вновь зарыдал. И между рыданиями с его черно-матовых губ срывались не всегда понятные слова:

- Ой, горе мне... го... мучителю, пал-лачу-у...

Не выдержав нервного напряжения от услышанного, Овчинников рывком поднялся и, не оборачиваясь на рыдающего собеседника, пошел прочь.

10

Иван Семенович Беседа был бойким стариком. Просыпался чуть свет. Выходил на веранду. Осторожно, чтобы не скрипнула, отворял дверь во двор. И выглядывал из-за нее, сначала высунув длинный и крючковатый нос, который квартирант с улыбкой называл гоголевским, будто принимавшаяся к погоде и всему тому, что находилось на дворе. Потом появлялись растерянные серо-голубые глаза, пучок редких светлых волос над сморщенным лбом. Не заметив ничего подозрительного, открывал шире дверь и ступал на невысокие ступеньки крыльца. Слышал скулеж темно-рыжей собаки Каштана, вылезавшего из небольшой конуры и преданно позванивающего цепью, мол, я на службе, все вижу и слышу.

Между верандой и невысоким забором сада был неширокий проход, не более полутора метров, который практически и охранял этот ерепенистый пёсик, подчиняющийся только хозяину. И квартиранты, постоянно проходящие к своей времянке, старались прошмыгнуть подальше от конуры, боясь, что непутевый кобелишко набросится и порвет одежду, а то и тело. Иногда он и вправду набрасывался, когда находился в плохом настроении. Тогда маленький Игорек пугался и плакал, а его осерчавший отец давал кобельку крепкого пинка, что тот вмес-

те с цепью влетал в конуру и до ночи не вылезал из нее, зло взлаивая и обидчиво скуля.

- Значит, за квартиру деньги плати, а по двору не ходи! На крыльях летать, что ли, как летучим мышам?- сердито выговаривал Владимир, а жена цыкала на него:- Тише ты, а то и из этого жилься выпрут!

- Чо вы пужаетесь, грёб тебя по пузе?- наивно удивлялся хозяин.- Каштанка – кобелишка мирный.

- Не Каштан он, а хочет нас оставить без штан,- не соглашался квартирант. - Недаром имя-то у него бабье, женского рода. Об этом еще Чехов сказал. Ничего себе мирный – порвал мне штанину, на ноге шрам оставил!- не соглашался постоялец, уже не сдерживая себя.

Но жена предупредительно дергала его за рукав, он умолкал, и мужчины не ругались. Обходились миром.

- Вы нам, как родные дети,- не раз признавались умиленные постояльцами старики.- Наш-то единственный сынок погиб на фронте, и нам скучно и одиноко. Кто в старости присмотрит да приберет? Анечка-то вон, какая заботливая да скромная! Мы бы и дом тому отписали, и все барахло. Живет у нас племянник в Красной Деревне, так выпивоха, как скаженный, и горлохват. Приде в гости – вина требует. Нехороший мужик. Разве такой досмотрит? При живых хозяевах усе спустит. А я ведь с басмачами боролся на Кара-Бугазе. Считаю, герой Гражданской войны,- с нескрываемой обидой признавался дед.- Советскую власть в азиатской пустыне устанавливал. И на Кубани с остатками кулаков хлестался. С такими, как Иван Ильич, твой друг, Володя.

- Почему друг? Я даже фамилии его не знаю?- возражал Овчинников.

- А чо возле тебя, как псюрня, крутится? Мало в свое время людям головы забивал монархией, супротив Советской власти йшел, башки нам рубал. Так теперь на тоби перекинулся, агитаторский кровосос!

- Да тяжело на душе у старика. И он ищет, перед кем исповедаться, снять с нее невыносимый груз. Это ведь тоже надо силы и смелость найти в себе. Не каждый на такое способен. Может, умереть хочет со спокойной душой. И вот из всех выбрал меня. Человек я не местный, ни людей здесь, ни вашей истории не знаю. Да еще из казачьего рода.

- Небось, хочет, чтоб ты написал про него, про беломечетских атаманов, что на наш поселок и хвабрику нападали когда-то, людей убивали?

- Ничего он не хочет. Умереть спокойно хочет,- почему-то заступался квартирант.

- Ты лучше послухай, шо я тоби кажу про Кара-Бугаз. Та и напиши, нехай люди читают и гарно знают историю.

- Известный писатель Константин Паустовский создал хорошую повесть «Кара-Бугаз». Разве можно мне с ним тягаться?- не соглашался Овчинников.

Иван Семенович не обижался. Бегал по своим делам. У него был замечательный фруктовый сад, за которым он с любовью ухаживал, словно за невестой. Вовремя подрезал ветки, колировал. Белил ствол известью почти на метр от земли, чтобы не ползали вредные таракашки, не заносили болезней. Под огрузшие от тяжести фруктов ветки подставлял специальные подставки-рогатки, чтобы не сломались. А когда ветром срывало налитую соком, как резина, грушу или яблоко, бегающий по двору сынишка квартирантов Игорек подбирал плод и бережно нес хозяевам. Растроганные до слез таким поведением старики, обнимали и хвалили мальчишку, непременно отдав ему плод и доложив родителям.

- Молодцы, что приучили малого к порядку, что не сорвет самовольно. Знает, что нужно попросить. А мы ведь и не откажем...

Вторую половину лета Беседы собирают в саду урожай. В основном этим занимался дед. Старуха не то прибаливала, не то он берег ее. И относился к ней порой, как к малому ребенку:

«Мамочка, давай я сам, ты лучше отдохни». Наверное, сказывалось то, что у них не было детей и внуков, и Ивану Семеновичу некуда было деть свою мужскую ласку. И почти каждое утро беспокойный Беседа бережно укладывал фрукты в ведра, вешал их на руль старенького велосипеда и пешим ходом катил его на городской рынок, что находился за Кубанью, в старой черте города. Катил, чтобы не побить плоды и привезти их в самом хорошем товарном виде. И они смотрелись такими свежими, будто нарисованы на картинке, и привлекательными, которые грех не купить. Груши, кусочки которых торговец давал попробовать покупателям, казались медовыми, и их можно было хранить не один месяц. А яблоки издавали такой неповторимый аромат, что ни один из покупателей не сказал про его фрукты худого слова. Поистине райские! И иные даже делали заказы на будущее, ибо подходили только к нему.

Постепенно тоскующий без работы старик обложил белены известью дом и времянку кирпичом. И они благородно смотрелись в зеленом саду, особенно весной, когда усадьба утопала в белом и розовом цветении абрикосов, персиков, вишен и других деревьев. Набегавший легкий ветерок слегка колыхал ветви, и со стороны казалось, что в саду гуляют забредшие с Зеленчука клубы бело-розового тумана. И эта неповторимая картина напоминала райские кущи.

- А может, вы с Анечкой досмотрите нас до старости? - вновь стыдливо спрашивал старик. - Вон, какая вокруг красотища! Чего по квартирам таскаться?

- Спасибо вам за доверие, дядя Ваня и тетя Марфуша! Только нам скоро дадут квартиру, - вежливо отговаривался Овчинников. Ему было неудобно отказываться, ведь такими возможностями не разбрасывались. И не хотелось не только обнадеживать доверчивых стариков, но даже думать об этом. Стыд головушке: что скажут люди, мол, получили на ширмака усадьбу, обвели вокруг пальца бедных стариков!

- Тогда хоть в гости приходьте. И мы к вам когда заглянем,

в ванне искупаемся,- не сдавался навязчивый Иван Семенович, отводя в сторону повлажневший взгляд.

И молодым квартирантам было их от души жалко. И не потому, что с дряхлеющими с каждым годом стариками могло появиться много возни и заботы. А потому, что они еще были молодыми и энергичными, не задумывающимися о конце жизни и смерти, и хотели всего добиваться своими руками, чтобы ни одна душа не упрекнула их в стяжательстве и корысти.

* * *

- Народ был доведен до отчаяния, будто осатанел,- чуть ли не речитативом говорил Иван Ильич, и глаза его неожиданно сделались большими, словно остекленели, и немигающими, как у филина. Лицо окаменело.- То красные беспокоили, то горцы начинали шалить. Налетали ночью и угоняли лошадей, скот, повозки. Людей стреляли. И казакам приходилось защищаться и самим нападать, пугать отпором. Окружили мы красноармейский госпиталь в Казьминке. Подождгли стреху дома. Направили на двери стволы пулеметов, чтобы никто не убежал и даже мышь не проскочила. «Выходи, красная сволочь, если не хочешь угодить на шашлык!»

И они появились с перевязанными головами, руками. А кто и на костылях, опираясь на товарищей. А мы их встретили пулеметными очередями и поливали, пока не положили до последнего. И ведь никто не повинулся, не попросил пощады. Кровь лилась цивкой, ручьем. Противные, упорные, собаки! Сто с лишним человек укокошили. А двадцатилетнюю медсестру Дуську Чубарову отправили в станицу Отрадную, в наш шкурковский штаб. Пытали ее, суку. Иголки под ногти загоняли, жгли тело раскаленным железом, хотели вызнать, где находятся красные. Не сказала. Будто стальные они. Да мы и не щадили их. А тут подняли головы рабочие Лапинской шерстомойки и Барановской мельницы. Профсоюз организовали. Мы и грохнули их первого председателя прямо у дверей кабинета. Не испу-

гались, другого избрали и требовали восьмичасового рабочего дня, законных выходных и увеличения в два раза зарплаты. И добились, сволочуги.

- Не жалко было живых людей-то стрелять?- спрашивал с грустью Овчинников, впиваясь в лицо старика колючим взглядом.

- Жалко у пчелки в попке!- легко парировал тот, взмахнув вялой рукой, словно отбивался от мухи.- Никто никого не жалел. И они нас не жалели. Заскочил я однажды в свою станицу, как на праздник торопился! В новой черкеске с блестящими газырями, полы бурки шатром развеваются на ветру. На поясе – острая шашка, срезавшая, словно былинки, не одну буйну голову бунтарей. Кинжал обоюдоострый. Конь подо мной высокий и в яблоках, как у знаменосца. Не идет, а танцует. Добыл под Ураковской. Не казак, а прямо маршал. Или хотя бы войсковой старшина. Думал, с хлебом-солью выйдут меня встречать. А в станице только что красные прошлись с реквизицией. Коней позабирали и про хлеб не забыли. А в доме еще большее горе. Умерла от кори дочка. В редком курене не найдешь горя. Разве после этого будешь щадить врагов? Думали, только они во всем виноваты, себя-то не брали в расчет. И в пьяном угаре рубили налево и направо, никого не жалея. И неслось ураганом по городам и весям сплошное горе, напасть. Будто второе пришествие началось, Божий суд вершился над земными грешниками. А кто был тогда не грешником – до сих пор не пойму. Кто имел право судить?

- Вас ведь тоже трепали красные. Где же вы укрывались?

- В Барсуковской, Отрадной, Беломечетской. Других станицах и хуторах. Нас там боялись и укрывали. Многие и поддерживали. Мы уничтожали местных советчиков и активистов. Правда, не всегда устраивали самосуд. В восемнадцатом или девятнадцатом годе мы брали станицу Невинномысскую. Многие активисты отступили с красными. А вот рабочий контролер мельницы Яновский оказался смелым, остался. Прятался под полом веранды. Соседи выдали, и его отправили в железнодоро-

скую тюрьму. Казнили где-то за городом, даже не похоронив, где, по слухам, его труп и нашла жинка.

- Как же вы по земле-то ходили? Не проваливалась она под вами?- спрашивал пораженный Овчинников, почувствовавший даже в шее нервный тик.

- А мы не ходили, а на конях летали, как на крыльях. Вернулся я однажды в Беломечетскую, а там только что побывали кочубеевцы. Гутарили старики, что бригада безбожника Ваньки Кочубея хотела церковь поджечь. Станичных девчонок насиловала на ее паперти. Пожаловались главному красному командиру дивизии Якову Балахонову. Тот устроил суд на площади. Построил отряды красных.

- Что будем делать, господа старики?- спросил казаков.

- Учить негодников!- ответили те.

- Как учить?

- Как водится в казачестве – плетьми.

- Задрать штаны командиру бригады Ивану Кочубею исыпать плетей!- приказал неумолимый начальник.- А опозоренным девицам заплатить из дивизионной казны.

Выгребли бедную воинскую кассу до копейки и отдали пострадавшим девицам. А командира бригады Кочубея положили на скамейку и начали пороть. Только ударят, его горячие бойцы хватаются за шашки, готовые отомстить за поруганного командира.

- Цыц, мелюзга, когда батька сына учит!- громко кричали старики, и кочубеевские бойцы замирали по стойке смирно.

Надо сказать, что «сыну» было двадцать с небольшим годков, а «батьке» Балахонову чуть побольше. Почти пацаны. Тогда и пропала моя суженая супружница Ульяна. Не то кочубеевская босотва изнасиловала, и она подалась из станицы или утопилась в Кубани, не то с кем из красных ушла. Ведь ничего ее тут уже не держало. Дочь умерла, муж не любил. Отец опозорил. Точно не знаю, а врать не буду. Да и меня уже ничего не связывало с тестевым домом и богатством. Но разбираться

было некогда. Красные вновь наступали, и мы уносили свои грешные головы подальше от опасности и гибели. То в Кавказские горы, ущелья, то в дальние степные селения, где еще могли показать свою силу и власть.

11

Максимка Колкин с самого детства считался любознательным. Только научился ходить, начал с интересом присматриваться к окружающим предметам и явлениям. Подолгу разглядывал, как медленно вставало и зажигалось на рассвете восходящее солнце, как тянулись к нему, словно уважительно кланялись, цветы и травы, как кругами ходил над селом коршун, высматривая из поднебесья добычу. Слушал, как ворковали на соседней крыше голуби и с оглушительным грохотом заводился и распарывал деревенскую девственную тишину двигатель отцовского колесного трактора.

А еще любил наблюдать, как мать, Агафья Григорьевна, доит корову, как из ее розовато-мясистого вымени вырываются стремительные струи парного молока и колотили железные стенки вычищенного до белизны подойника. После дойки мать наливала сыну алюминиевую кружку еще теплого, пахнувшего душистыми травами молока, и он с удовольствием и чмоканьем пил его, обмочив при этом губы и подбородок, словно по ним прошлись жидкой белой краской.

- А почему коровка даёт молочко?- спрашивал с нескрываемым интересом.

- Шоб напоить тоби, шоб быстро рос и был, як бугай, здоровым,- ласково отвечала Агафья.

- А зачем идет снег?

- Шоб землю укрываты от морозив.

Он еще толком не знал, что такое земля. Что сотни и тысячи лет эта кубанская земля была степью, покрытой высокой лу-

говой травой с островками кустарников, в которых прятались хитрые хищники. Степь была уделом кочевников. Там паслись многочисленные табуны лошадей, отары овец и стада коров. Проносились, словно тени или привидения, всадники на низкорослых степных лошадях с длинными копьями и неизменными тугими луками. Иногда слышался затажной скрип многочисленных повозок, запряженных двумя-тремя парами волов-тихоходов переселяющегося на новое место рода.

Прошли века и тысячелетия, и немymi свидетелями прежней жизни в степях остались только многочисленные курганы. Они представляли собою искусственные насыпи, сделанные людьми в различные эпохи, но всегда с целью погребения покойных. Это, как правило, земляные насыпи, иногда достигающие десяти-пятнадцати метров в высоту, а то и больше. Чаще всего они встречаются вдоль степных рек, и нередко окружены колючим татарником, словно сторожевыми вышками, головки которого горят красным цветом, будто запретительные огни светофоров.

С 8 века до нашей эры, благодаря письменным источникам соседних народов, становятся известными названия племен и народов, населявших эти земли: киммерийцы, скифы, сарматы, тавры, половцы, чьи каменные бабы, изображающие богинь плодородия и других явлений природы, находили потомки в более поздние времена.

А о местных реках, куда тянулись эти племена, было хорошо известно в Древней Руси, о чем подтверждала запись «И принудили греков платить дань», в которой описан маршрут руссов-мореходов девятого столетия. В ней говорилось: «Поднимаясь по Ее, руссы из истоков ее верхнего правого притока волочили суда в реку Средний Егорлык или от истока самой Еи – в реки Рассыпную или Калалы, составляющие уже бассейн Маньча». И шли к рекам и степям люди.

Но об этом, конечно, еще не имел никакого представления карапуз Максимка Колкин. Как и не знал, что в эти глу-

хие места, в сторону от большой Почтовой дороги Кавказа, в 17-м и 18-м веках стали прибывать телеги с семьями крестьян из Центральной России – Воронежской, Московской, Курской губерний, а также из Харьковской, Полтавской и других. Коренные жители состояли из великороссов и малороссов. Осев на местах, они выращивали озимую и яровую пшеницу, рожь, овес, просо, ячмень, лён и гречиху. Занимались огородничеством, садоводством и скотоводством. Поднимали промыслы кожевенный, овчинный, портняжий, сапожный, кузнечный и шерстобитный. Ткали грубое полотно.

Из Московской и Полтавской губерний были и предки Максимки, выходцы из крепостных и батраков. У прадеда, Максима Ивановича, было тринадцать детей, одиннадцать из которых – мальчишки. Жили сначала в Белой Глине. А когда они подросли и надо было получать земельные наделы, то им полагалась большая площадь. И в связи с нехваткой ее в Белой Глине, Максиму Колкину пришлось переселиться в Бурянку, где имела пустовавшая земля.

Детство родителей Максимки, как и большинства их поколения, легким не назовешь, оно проходило в сиротстве. Дед по отцу, Ермолай Максимович, погиб в деникинской мясорубке под Тихорецкой в 1918 году. Не перенесла утраты мужа и бабушка. Осиротевшего Сергея принял брат деда, Антон Максимович. Дядя помог ему окончить 7 классов сельской школы, что позволило в период коллективизации освоить профессию механизатора – тракториста и комбайнера.

Не менее трудным было детство Максимкиной матери. Ее отец, Бельчич Григорий Петрович, отслужил до революции на Черноморском флоте почти двадцать пять лет. Участвовал в революционном движении, поддерживал восстание на броненосце «Потемкин». А в 1921 году, уже после демобилизации, его скосил брюшной тиф. И жена его осталась одна с тремя детьми. Матери Максимки, Агафье Григорьевне, тогда было три года.

В скором будущем любопытный мальчишка узнает, что

родители поженились в 1934 году, за год до его рождения. Его отец Сергей уже трудился трактористом МТС. Дядя Антон помог молодоженам приобрести в сельском Совете хату, стоящую на краю села, где в голодный 33-й год вымерла вся семья, как и многие другие. Выжили лишь те, у кого была корова и кто мог привезти зерно из дальних районов Кубани. В тот год из Новопавловки, как позже стало называться село, сто семей переселились в село Ивановское, что рядом с Невинкой.

Молодые вместе с хатой получили в наследство телочку, два ведра картошки на семена и старую швейную машинку «Зингер», которая передавалась по наследству еще от прадеда. Они не боялись тяжелых работ, и их хата постепенно наполнилась продуктами и добром. Жизнь с каждым годом улучшалась. Особенно помог урожайный 39-й год, когда колхозникам на трудодни выдали много зерна. И супруги Колкины засыпали им одну из двух комнат своей хаты.

- Вот что принес коллективный труд, труд без эксплуатации и надзирательства!- гордо заявляли они.

А вскоре на мирный СССР напала Германия и началась война. Находящийся под бронью Сергей выпросился добровольцем на фронт. И в 43-м погиб при освобождении города Керчи.

И ярче всех воспоминаний об отце запомнился Максимке рассказ односельчан о голодных 30-х годах.

- У крестьян всегда тяжелая работа. Особенно невыносимо было в голодовку. Мы, молодюсенькие девчонки, вкалывали на посевной прицепщиками у Сергея Ермолаича. А чтобы не валились с ног от голода, он отсыпал нам по две-три горсти посевного зерна, заворачивал в тряпицу, варил в воде горячего радиатора и подкармливал нас. Так и спас от голодной смерти, рискуя свободой, ибо за растрату зерна сам мог пострадать, царство ему небесное. Работали на зерне и были без хлеба.

* * *

Детство Максиму не вспоминалось отдельно от напря-

женного труда и сельских работ. Они, словно родные братья, шагали рядом с ним. Он рос крупным и сильным парнем. Рано стал трудиться на огороде и попал на сенокос. Сначала греб высухшее сено, стоял на стогу при его метании. А потом и взялся за косу. Велика она еще оказалась для мальчишки, пришлось ручку переставить пониже, чтобы вровень с пупком находилась, чтобы удобно было махать. Да ведь прежде, чем косить, ее еще и отбить надо. А мужик в доме – один Максимка. Ему и вилы, и грабли, и косу с топором в руки. Нашел молоток с тонким конусным верхом, кусок детали от трактора. Принес черепушку с водой, чтобы мочить молоток для мягкости. И дзинь-зинь, дзинь-зинь – понеслось по краю и вдоль камышей Меклеты.

- Никак, новый хозяин в нашем порядке объявился?- гадали одинокие соседки.- Мабуть, и нам, вдовушкам, отобьет литовку.

С грехом пополам Колкины набирали сена на зиму, чтобы корова-кормилица не пропала с голоду. А там Максимка и от уборочной не откажется, каких-никаких трудодней заработает. Хлеба на них дадут, семечек, масла подсолнечного. Все в дом, не из дома. Да плюс трудодни мамы, которая от восхода до заката ломила на полях и фермах, убирала навоз в коровниках и таскала шестипудовые мешки, не отказываясь от любой работы, даже самой трудоемкой, аж трещали мышцы и гнулись кости. И кое-как после нее добиралась до дому, где нужно было кормить такого же уставшего сынишку, доить корову. А еще пришлось пережить и оккупацию.

Отцом он гордился. И не только как храбрым бойцом Красной Армии, но и как одним из лучших трактористов и комбайнеров колхоза, чей портрет висел на Доске почета. И, конечно же, мечтал пойти по его рабочим стопам. Стать капитаном степного корабля. С раннего утра до поздней ночи бороздить поля-океаны кубанской пшеницы, чтобы обмолотить до последнего зернышка, наполнить амбары хлебом и вдоволь накор-

мить каждую семью, каждого советского человека Его Величеством Хлебом!

- Что может быть благородней труда хлебороба!- не раз на высокой ноте заявлял он своим товарищам. И свято верил в эти святые слова.

И все бы было так, как задумал твердолобый мальчишка. Да попал он однажды к дяде Антону – путевому обходчику - на железнодорожный разъезд. Увидел спешащий на всех парах с длинным составом паровоз ФЭДэ. Услышал, как он властно и утверждающе гудит, словно хочет разбудить не только все живое и мертвое вокруг, но и всю необъятную Вселенную, и в нем все перевернулось, будто упал с большущей акации.

- Что за чудо-юдо, за дикий левиафан пролетел Тунгусским метеоритом мимо, аж понесся вслед неудержимый ветер, норотивший все смести на своем пути!- почти бессознательно выкрикивал Максим, крепко держа на себе одежду, чтобы не сорвало случайно, не унесло.

- Шось стряслось с мальцом, тико паровозом бредит? - жаловалась мать соседям и новому мужу Федору Прохоровичу, относившемуся к приемному сыну, как к родному.

- Давай переедем в Невинку,- предложил он однажды.- У меня отец живет рядом, в Ивановке, вместе с новопавловцами перебрался туда перед войной. Там и депо есть. Можя, по паровозной части и пойдет?

И они вскоре переехали. Отчим поступил на мельницу. А Максим пошел в девятый класс фабричной школы. Рядом проходила неустанная железная магистраль Северо-Кавказской железной дороги, по которой сплошным потоком спешили пассажирские и грузовые поезда, ведомые мощными паровозами. А метрах в двухстах от их дома пролегала ветка на Черкесск. И когда его класс сводили на экскурсию в локомотивное депо, Максим совсем потерял покой. Начал настраивать себя на поступление в железнодорожный институт и подготавливать одноклассников.

- Комбайн – это хорошо,- объяснял он свое решение, но паровоз – это сила, мощь и масштаб. На такой технике можно запросто и социализм с коммунизмом построить!

И в Ростовский институт инженеров железнодорожного транспорта их поступило трое. Правда, двое из них захотели стать движенцами, куда конкурс был поменьше. Максим же остался верным своей золотой мечте и прошел на факультет «Тепловозы и тепловозное хозяйство», чтобы стать машинистом-механиком еще более современной и мощной, чем паровоз, машины или инженером депо. И он нередко негромко напевал:

Долго-долго Васю не видали,
Но как-то раз увидеться пришлось.
Он теперь ведет «Иосиф Сталин» -
Самый быстрый в мире паровоз.

Конечно, после глухого кубанского села областной город Ростов ему показался огромным китайским Шанхаем. По его длинным улицам туда-сюда ныряли скрипучие, как немазанные телеги, трамваи, более быстрые автобусы, верткие такси и другие автомобили, клаксоны и гудки которых не раз пугали его. И он шарахался в сторону, как пугливый заяц, сильно отличаясь от местных молодых людей не только характером и толкованием жизни, но и скромным одеянием. Пальтишко его было самодельным, с пуговицами на левую сторону, сшитое за полпуда муки деревенской модисткой Лизой Марьенко, дальней родственницей Колкиных. Рабочая спецовка Федора Прохоровича, выданная ему на Невинномысской мельнице, сгодилась вместо костюма. На чердаке нашлись старые отцовские стоптанные сапоги, которым прибил новые подметки и которые начистил чуть не до самоварного блеска. И городские модники сразу же прозвали его Шпаком. Максим не знал точно, почему именно Шпаком? То ли он походил на известную птицу, то ли на героя гражданской войны Фому Григорьевича Шпака, его новопавловского земляка?

- Чего вы ржете, городские пижоны и бездельники, як кобыла на овес? Я – человек от земли, крестьянин, хлебороб, который кормит весь мир хлебом! Без хлеба и его труда вы бы давно протянули лыдки,- беззлобно, но доходчиво говорил он.- А Фома Григорьевич Шпак родился и вырос в нашем селе, раньше относившемся к Ставрополю, а теперь к Кубани. Стал героем гражданской войны, воевал за права бедных и землю для них. За него сам Деникин предлагал большие деньги. В Невинномысске и на Ставрополье героями были Кочубей, Балахоннов. На Кубани Шпак, на Урале Чапаев. Каждая земля рождает своих героев. А кто на вашем Дону был народным героем? Григория Мелехова из «Тихого Дона» и Давыдова с Нагульновым из «Поднятой целины» выдумал великий Шолохов. А у ваших казаков одни Деникины, Красновы, Врангели да Шкуро, по милости которых угроблены миллионы простых, неповинных людей, хлеборобов, тружеников. Вравили их в бойню, а когда красные прижали, бросили народ в беде, как крысы, сбежали в Турцию да Францию, предатели!

Не ожидая от «деревенского тьюфяка» такого красноречия, убежденности и напора, городские модники стыдливо опустили лохматые головы с модными прическами-коками и незаметно ретировались. А он гордо возвышался над ними, как победоносный орел, и его доверчивые голубые глаза светились подобно утреннему небу, зажженному первыми ласковыми лучами поднимающегося из-за холма солнца.

- Гутарят, цыплят по осени считают. Вот и мы побачим по учебе, производственной практике, шабашке на выгрузке вагонов на товарной станции и вообще по жизни, кто станет несущей, кочетком-петушком, а кто останется желторотым цыпленком!- победно добавил первокурсник Максим и направился в аудиторию.

И за все годы пятилетней учебы ему больше никто не только не скажет в открытую, но и не намекнет на его сельское происхождение.

Учеба в институте потомку тракториста и комбайнера давалась по-разному. С высшей математикой, сопроматом приходилось попотеть, посидеть вечерами и ночами. Какими-то непонятными, холодными и скользкими они казались ему, как ускользающие в расщелины змеи. Он даже слышал их зловещее шипение: с-соп-прома-ат... Наверно, не зря говорили, что когда сдал сопромат, то можно жениться. Но деревенская настойчивость и терпеливость заставляли его вновь и вновь браться за эти неприступные для сельского простодушного парня науки. А вот специальные предметы по профилю пути, подвижному составу, дизелям, генераторам, сигнализации и блокировке, правилам технической эксплуатации и другим подобным дисциплинам шелкал, будто семечки с дальнего новопавловского поля. Будто рожден был для этого. Не зря многие товарищи консультировались у него. За что потом и прозвали Академиком.

С самой хорошей стороны проявил себя Максим на производственной практике. Молоток и зубило, напильник и ножовка, гаечные ключи так и просились сами в его умелые руки. Мол, руби и пили нами в полное удовольствие, только очищать от стружки и точить не забывай. Потому и после защиты диплома приглашали работать в депо.

Не было ему равных и на колхозных полях и фермах, куда каждую осень посылали студентов на уборку урожая. Он мог заменить прицепщика на тракторе, орудовать вилами на отвале соломы на комбайне. Косил сено и метал в стога, обрубал ботву сахарной свеклы и даже не боялся сакмана, куда их, правда, не посылали. Умело владел топором и с третьего курса стал возглавлять студенческую бригаду – стройотряд.

- Куда сгружать бревна?- спрашивали стройотрядовцев привозившие грузы водители.

- Спросите у бугра Колкина,- показывали на широкоплечего и долговязого парня, каланчой выделявшегося среди сверстников.

На первый взгляд, деревенский волоховатый парнишка, он словно обладал каким-то тайным дополнительным умом или особой сметкой, которая или чужда, или еще не проявилась у его городских однокурсников.

- Не ставь на проезде ведра с раствором – растопчут машины!- кидал он на ходу товарищам и спешил дальше.

- Пилу тяни только на себя, а на обратном ходу лишь трошки поддерживай. Легче будет,- советовал другим. И вскоре товарищи понимали на практике, что бригадир был прав.

Когда темнело и ребята валились с ног от бессилия, он еще присматривался к срубам или кирпичной кладке, показавшейся ему не совсем ровной.

- Смотри, упадет и придавит в темноте. Привезем в институт одни штаны от покойника!- шутил кто-то из студентов.

- Умер Максим, ну и хрен с ним!- отвечал из полумрака другой.- Он тут нас всех загонит и положит, как чапаевскую дивизию...

А фермы с каждым годом прибавлялись и росли, как и жилые дома. И наполнилось в колхозах человеческое и животное население. А к ректору института все больше приходило благодарственных писем.

- Орлы-тепловозники прибыли! Покорители сельских нив!- восхищенно встречал их седой и интеллигентный на вид ректор.- Спасибо вам, парни, за примерный труд. Вы поистине заслуживаете стипендии...

Они возвращались из колхозов тоже не с пустыми руками. Да еще и на разгрузку вагонов ходили.

- Не бойся, братва, цэ не легачая кобыла, а простые чувалы. Бери больше и тащи дальше. Больше от вас ничего не треба,- подбадривал Максим товарищей и первым закидывал на спину тяжеленный мешок.- У нас в колхозе бабы с такими чувалами играют, як с цацками.

Каким бы простым ни казался этот деревенский хлопец, но с появлением денег вспоминал и о своем скромном гардеро-

бе. Железнодорожную форму студентам уже не выдавали, как бывало раньше. И он сколотил денюжат, купил темно-синюю железнодорожную шинель с блестящими металлическими пуговками, широкие полы которой, как флаги, плескались на донском холодном ветру. Фуражку с изображением ключа и молотка вместо кокарды, с черным пластмассовым козырьком, защищающим глаза от яркого южного солнца. Ремешком-хлястиком, который надевался под подбородок, чтобы не сдуло ветром на быстром ходу поезда. Даже новые кирзовые сапоги приобрел и праздничные хромовые ботинки. Прямо взаправдашний инженер-железнодорожник или механик чудо-техники – огромного стального тепловоза!

Парень преобразился на глазах. И чуб стал смотреться как-то по-другому. Целой кудрявой шапкой топорщился над головой. А глаза голубые и до наивности преданные, словно их каждое утро мыли мочалкой с содой. Если он посмотрит на кого, то не рублем, как говорится, одарит, а целой сотней! Так бы и смотрел постоянно в эти удивительные глаза. Особенно молодые девушки. В них можно было увидеть не только доброжелательность, но и преданность, готовность в любую минуту прийти на помощь.

Комсомолец с шестого класса, он был честным до глупости, как о нем справедливо отзывались однокашники. Если у него просили займы денег, он отдавал даже последние, не оставив себе на ужин, и никогда не спрашивал и не требовал отдачи с должников. Считал это ниже своего достоинства.

- Как-нибудь выкручусь, проживу, в войну было хуже, убеждал себя ненавязчиво.

Если у кого-то занимал сам, чего старался не делать, то отдавал в обещанный срок и все до копейки. Не любил ходить в должниках. И занимал лишь в самых тяжелых и непредвиденных случаях. Он знал по судьбе своей матери, односельчан, как тяжело давались им деньги на трудодни. Большая часть оплаты трудодней проводилась в конце года. Денег выдавалось мало.

И их нужно было растягивать с января по декабрь. Далеко не каждый это умел. На «сталинскую» десятку, когда кило хлеба стоило около полутора рублей, семья могла прожить и неделю, и две, помногу дней не заходя в магазин. Да и брали там только соль, мыло, спички, тетрадки школьникам. Муку же, ведь хлеб пекли сами, зерно для корма скотине, подсолнечное масло, а иногда мясо и другие продукты выдавали в кладовой колхоза. И чем богаче было хозяйство, тем больше товаров заводилось в его вместительных амбарах. И люди не зря трудились от зари до зари на пахоте, уборке урожая, сенокосе, на фермах, пастбищах, чтобы собрать многопудовый урожай, чтобы богаче стал трудодень, от которого зависела судьба каждой крестьянской семьи и пенсионеров. Богаче стало само хозяйство.

Поначалу было очень трудно и непривычно, ведь это было нетрадиционное ведение хозяйства. Впервые в мировой практике организовывали то ТОЗы, то колхозы. В селе их образовалось целых три. Никто толком не знал, как правильно вести экономику и хозяйство, за что браться в первую очередь. И получалось – кто в лес, кто по дрова. Как злорадно высказывались кулаки и некоторые другие умники, не любящие вкладывать свой труд в дела колхоза: хочешь жни, а хочешь куй, все равно получишь...

Успехи в большой мере зависели от руководства, лично от председателя. Если Голова умный, не пропивает и не проматывает общественного добра, находит общий язык с подчиненными, способен их настроить идти «на рысях на большие дела», то и успехи идут в гору. Не зря коммунисты придавали значение роли личности в обществе и истории. Тогда и урожай, и надои хорошие. И трудодни заметные, словно пузатые бабы на улице, как в шутку называли их новопавловцы.

- Вон в Кулешовке Василий Хрулёв поднял на ноги разрушенное в войну хозяйство. С хлебом и мясом живут колхозники, с маслом и рыбой. Вычистил пруды на Меклете. Разводит там рыбу, все разнообразие на домашнем столе. А в колхозной

столовой, считай, все бесплатно. Провел электричество, водопровод в селе. Воздвиг новые фермы, культстаны. Больницу, школу, клуб, почту построил, жилые дома. Как тут не радоваться жизни, ведь не забывает о трудовом человеке, как и о государственном плане! Потому что умница, не пьяница и не бабник. По сталинским заветам живет. Настоящий коммунист! Неподкупный, принципиальный. Мужичок ростом небольшой, как Ленин, а энергии в нем, как у колхозного бугая...

Подобным этому председателю был и Колкин. Только еще совсем юный и фигурой крупнее. Отмечали эти данные и институтские красавицы и старались быть поближе к нему, как бы жались своими слабыми существами к более уверенному и сильному. Хотели набраться от него сил. Даже на первом курсе, когда сразу после поступления поехали в колхоз на уборочную, его стали отмечать пронзительные девичьи взгляды. Вся группа поселилась в одном сарае. Спали вповалку на сене. Во сне непроизвольно жались друг к другу, а то и обнимали один другого. Иные городские донжуаны не робели в пору уборочной, заводили мимолетные связи. Среди них заметно выделялся ростовский модник и ловелас Вадим Кирсанов, умеющий запудрить мозги легкомысленным девчонкам, как своим, так и местным. Он ходил в брюках-дудочках, в туфлях на микропоровой подошве. То и дело поправлял высокий, набриолиненный кок, при этом резко откидывал назад крупную, угловатую, как у быка, голову. И на него заглядывались не только институтские, но и местные деревенские простушки. И он с первых же дней стал пропадать на всю ночь. Являлся в сарай под утро измочаленным, и его не могли поднять до обеда.

- Ух, ты, кобелина-итальянец! Опять до зари прошастал! Девочку брюхатил,- будил его комсомольский секретарь Колкин.

- Не брюха-атил, а люби-ил,- бормотал еле внятно сквозь сон Кирсанов. Он мерз от утренней прохлады и корчился под одеялом, походя на человеческий обрубок. И казался Максиму таким жалким и одиноким, что становилось жаль парня.- Надо

любить, пока любилка стрекочет, Макс. Потом будешь локти кусать,- отбивался молодой повеса.

- Мало после войны осталось сирот. Я сам испытал сиротство, так ты, бессознательный элемент, еще больше плодишь их,- безнадежно заканчивал Колкин.

- Наоборот демографию улучшаю, восстанавливаю побитую на фронтах нацию.

К Максиму тоже липли девчонки. Но он как бы не замечал их внутреннего стремления и ко всем относился одинаково, по-братски. Но мало кто замечал, что он чаще других останавливался в холле общежития у почтовых ячеек с разложенной в них корреспонденцией. Искал любовное послание своей невинномысской любимой - Инны, Ин-но-чки-ночки, как ласково называл ее.

* * *

Они учились в параллельных классах второй школы. Инна Березина была дочерью известных работников шерстомойной фабрики. Отличница с приятной наружностью и длинными русыми косами, что заманчиво висели до самого пояса. На нее заглядывались многие ребята поселка. Иные с завистью восклицали:

- Счастлив будет тот, кто покорит сердце этой красавицы. И станет дергать за длинные косы, как лошадку за вожжи.

По всем предположениям, «дергать за вожжи лошадку» предстояло Колкину, у которого с Инной не только зародилась надежная дружба, но и настоящая пылкая любовь, которая грела их сердца и приносила незнакомую ранее радость. Радость постоянную, ведь они верили друг другу и дня не могли прожить без встречи.

Видя их высокие чувства, школьные товарищи не предлагали Инне дружбу, не волочились навязчиво, не приставали. Может, просто побаивались крепких узловатых кулаков Максима или получить откровенный позорный отказ от знающей себе цену Березиной.

Но скоро школа осталась позади. Нужно было каждому выбрать свой жизненный путь, по которому предстояло идти до конца своих лет. Как сохранить появившуюся у молодой пары любовь? Как остаться верным друг другу и не охладеть за время учебы в ВУЗах, не отдать свое сердце другому? Предстояли большие испытания, которые могли неожиданно повернуть жизнь в другую сторону, как русло горной реки, вливающей между высоких неприступных вершин? Каждый ли способен на стойкость и преданность, сможет с честью выдержать неустанный напор окружающих молодых людей и девчат, в том числе и своих однокурсников?

И они смело, хотя и не без сомнений, пошли на эти испытания, ведь лучше в юности узнать измену близкого человека, чем в зрелом возрасте, ибо выбрали разные специальности и институты. Колкин уехал в Ростов и от каникул до каникул не мог видеть своей возлюбленной. Каждый день с замиранием сердца ждал от нее желанной весточки, то и дело тихо, чтобы не спугнуть удачу, подходил к магическим почтовым ячейкам общежития, внимательно изучал адресаты на конвертах. А когда находил письмо от любимой с длинным названием своего города на штемпеле, бежал на свой этаж и запирался в своей комнате, чтобы никто не мешал, не подглядывал и не приставал с глупыми вопросами. И прочитывал в несколько приемов. Первый раз быстро пробежал лишь любопытными и нетерпеливыми глазами. Второй раз медленно шевелил губами и что-то неслышно шептал, вникал глубже в текст. В третий раз читал вслух, но негромко, чтобы никто не подслушал, словно это было не любовное письмо, а государственная тайна. А потом долго и неподвижно лежал с широко распахнутыми и мечтательными глазами и глядел в потолок, будто там пытался прочитать дальнейшую судьбу их любви и жизни.

Инна же могла каждую неделю приезжать из Ставрополя домой, ходить в фабричный клуб, на танцевальную площадку в живописном парке, находившимся на самом берегу неспо-

койного Большого Зеленчука. Там собирались многие десятки, а то и сотни любителей потанцевать и завести знакомство. И у каждого жадный горящий взгляд, как у беркута, думалось в минуты тоски неопытному в этих делах Максиму. И, наверно, каждый норовит увести из-под носа и завоевать его фабричную красавицу, а то и вскружить голову, добиться своего, опозорить и бросить, как увядшую на жаре розу. Он даже представлял ее брошенной на асфальте.

И с нетерпением ожидал окончания учебы. После каждого семестра старался выгадать время и приехать в свой ставший родным южный городок, где по весне буйно расцветали белые акации и обдавали людей плывущим над землей дурманом, от которого нередко кружилась голова, особенно у особ мнительных и чувствительных. И чаще билось растревоженное жаркой весной сердце. В такие дни, он был уверен, сердца людей верховодят разумом, и они невольно допускают массу непростительных ошибок, особенно в любовных морях и океанах, ведь долгожданная весна не для каждого оборачивается счастьем.

- Неужели и мне всю малину испортят? - тяжело вздыхал влюбленный Максим и торопился занять голову другими, более щадящими мыслями.

В очередной приезд, когда были позади воинские лагерь и подходил к концу последний курс, они с Инной пошли на танцы. Не успели вдоволь покружиться в плавных звуках вальса, как Максим заметил, что из толпы развязной компании Сашки-Партизана за ними пристально наблюдает незнакомый парень с черными широкими бакенбардами на самонадеянном лице. Один раз он даже успел пригласить Инну на фокстрот, во время которого развязно выпендривался и ломался и что-то непрестанно и оживленно болтал напарнице. Второй и третий раз ему ответили с неприязнью:

- Занято!

- Кто это? - с подозрением спросил свою спутницу Колкин.

- Какой-то хулиган из партизанской команды,- ответила та.- Которую уже неделю преследует. Не вздумай с ним связываться. Их много, они тут верховодят.

А когда Инна заговорила и остановилась со знакомыми девчатами, тот парень легонько тронул за рукав Максима.

- Слышь, кент, давай выйдем,- небрежно и самоуверенно бросил он.- Что-то не нравится мне твое поведение,- договорил уже, когда вышли на окруженную кустарником темную аллею.- Я – Филька-Бес. Меня тут все боятся. И если ты не отвалишь от нее, то получишь вилы в бочину,- ткнул он себя в ребра рогаткой разведенными пальцами.

- Не собираюсь отваливать,- уверенно ответил Максим.- Это моя девушка.

- Была ваша – стала наша!- высокомерно проговорил Филя, сунув руку в карман.

- Извини, дорогой, пожар был, место сгорело. И нечего тут воображать из себя блатняка,- усмехнулся Колкин, собираясь вернуться на танцевальную площадку, и вовремя заметил, как соперник отвел назад руку с надетым кастетом и хотел нанести удар.

Максим вовремя нагнулся, и кулак пролетел над самой его головой. Он никогда не дрался, даже в детстве, ибо всю жизнь считался спокойным и мирным. Никого не побил, не обидел, не случайно называл себя пацифистом. И даже не представлял, как можно ударить и избить живого человека, ведь ему будет очень больно? И даже может потечь кровь?

Хулигана развернуло по инерции, и студент, выпрямив голову, не растерялся, схватил его мертвой хваткой в бедра и сдавил с такой силой, что противник взревел со стоном. И глаза его пугливо поползли на лоб, готовые вылезти из орбит.

- Ой-ёй-ёй!- во всю глотку завопил Филя.- Прощу пощады... Прости меня, брата-ан...

- Не будешь нам гадить?- сердито потребовал Колкин, слегка ослабив руки.- Отстанешь от Инны?

- За три версты стану обходить, клянусь мамой! Чуть кишки не выдавил, слон!..

Будущий машинист смилостивился и отпустил хулигана. А к нему уже подбегали девчата с Инной. Филя же исчез из поля зрения навсегда.

Вскоре Максим защитил диплом и получил назначение в локомотивное депо Минераловодского отделения Северо-Кавказской железной дороги. Родители и невеста жили рядом. И он в любое свободное от рейса время мог навестить их и готовиться к свадьбе.

13

- Жизнь действительно идет полосами,- убеждал жену Овчинников.- Это утверждал и Достоевский. Плохая полоса рано или поздно кончается и сменяется более удачной, а то и хорошей. Когда-то у нас и сил не было терпеть здешние жизненные неудачи. Думал, уже назад, на Урал, подаваться. А судьба вдруг смилостивилась и повернулась солнечной стороной. Наконец-то нам дали квартиру. Ты нашла работу. Меня повысили в должности. Ты родила мне второго сына.

- Сила и труд все перетрут!- поддержала его Анна, то и дело поглядывая на детскую кроватку, где мирно посапывал недавно появившийся на свет юный гражданин Советского Союза и потомственный южноуральский казачок Вадим.

- Столько лет мы ходили в постояльцах, бедствовали и ждали своей квартиры. И вот теперь железная дорога выделила нам свое жилье, построенное шерстяниками в своем знаменитом поселке. Дело в том, что они были должны квартиру железнодорожникам. И теперь погасили долг. А мы стали полноправными хозяевами, и сам черт нам не брат!

Этот район нравился Овчинникову. Походил на райский уголок. Вдоль чистых улиц росли ухоженные деревья, кустарники, разбиты клумбы и цветники, за которыми с душой ухаживали

вали работники фабричной оранжереи во главе с умелым и известным на весь город агрономом Валентиной Задерой. Рядом был зеленый парк с разбитыми асфальтированными аллеями, сопровождаемыми по бокам глубокими скамейками и электрическими фонарями. Зашедших в него отдыхающих встречал широкий фонтан, где из ртов бетонных рыбок вырывались высокие струи воды, которые образовывали корону из мириадом мелких брызг, подсвечиваемых розовым и зеленым цветом. А посередине этого уникального сооружения стоял сказочный Данила-мастер и высекал из уральского самоцвета каменный цветок. Рядом – розовые цветники и летний театр, окруженный, как стеной, пирамидальными тополями, создающими желанную в жаркие летние дни тень. И зрителям казалось, что их верхушки старательно подметают небо, чтобы навести и там чистоту. За входными воротами и забором тек фабричный канал, над которым склонились печальные ветви ив, образуя нерукотворные шатры, будто приглашали спрятаться от вдруг налетевшего теплого дождя. И это так казалось романтичным и загадочным.

А дальше, на восток, куда вели чистые и длинные аллеи, прятались между высоких деревьев и кустарников аттракционы во главе с Чертовым колесом, с которого можно было обозреть не только близкие Зеленчук с Кубанью, но и немалую территорию города. Слева раскинулись широкая танцплощадка, озерцо и бассейн. Прямо по ходу – статуя девушки-горянки с кувшином воды, видимо, только что почерпнутой из омывающего парковый берег стремительного Большого Зеленчука. А выше по речному берегу стояли пионерский лагерь и профилакторий невинномысских шерстяников, стадион и стрелковый тир, утопающие в зелени вековых деревьев. И железнодорожный мост черкесской ветки, из-под которого вытекал и нес неутомные волны главный приток Кубани – Большой Зеленчук, впадающий в нее чуть ниже территории фабрики, уже у кубанского моста Северо-Кавказской железной дороги.

За Зеленчуком, широко разливающимся весной и летом от тающих ледников и проливных дождей, стоял густой лес, высокие деревья которого, как крепостная стена, плотно закрывали подходы к реке, будто боялись показать ее чужим и недобрым людям, которых в далекие годы Гражданской войны шастало тут немало. Нападали на шерстомойку и рядом находящуюся мельницу банды волчьей стаи Шкуро и атамана Васюка из Беломечетки. Отряды генералов Корнилова и Деникина. Да мало ли находилось желающих отнять у молодой Советской республики фабрики, заводы и плодородные хлебные земли!

По рассказам местных стариков, по газетам и книгам Владимир знал, что в 1918 году рабочие Лапинской шерстомойки, кожевенного завода и Барановской мельницы создали рабочий профессиональный союз, в который вошли сотни человек. Добились у хозяев восьмичасового рабочего дня, двойного увеличения зарплаты, улучшения условий труда. А потом и национализировали предприятия, прогнав эксплуататоров, жировавших, как пиявки, на шее рабочего класса. И не только сумели наладить социалистическое соревнование, во много раз увеличить выпуск продукции, но и построить новые цеха и производства, жилые поселки, детские сады, ясли, учреждения быта и многое другое, что станет неотъемлемой частью в жизни трудового народа.

И не терпелось хозяйчикам, помещикам и казачьим атаманам нещадно расправиться со взбунтовавшимся народом, вернуть законно отобранное Советской властью. Стать снова хозяевами жизни.

Этот закубанский район бывшей Невинномысской станицы был самым промышленным, градообразующим, как выражаются ныне, где жил и трудился передовой рабочий класс – передовой пролетариат. И он дружно встал на защиту завоеваний социалистической революции. Организовал часть особого назначения – ЧОН. Днем шерстяники, кожевники, мукомолы трудились в цехах шерстомойки, кожзавода, мельницы,

а на ночь залегали с винтовками в руках вдоль зеленчукского берега, чтобы отражать налеты белобандитов. Не дать погубить молодую страну рабочих и крестьян, за которую пролито столько крови.

И молодой Овчинников все с большим почтением относился к этой верхнекубанской земле, ее нелегкой и боевой истории. В будущем он еще скажет много добрых слов в ее защиту, о чем пока и сам не предполагал. А сейчас они вместе с супругой радовались удаче, ведь жизнь повернулась к ним лицом. Квартира была просторной, светлой, хоть катайся на самокате. И кухня с газовой плитой, и ванная с горячей и холодной водой, и водяное отопление! Значит, не надо на зиму запасать дрова и уголь. Каждый день выгрести золу из печки, дышать ползущим из всех ее щелей дымом.

А еще они отциклевали пол, и он заблестел, словно большое зеркало, по которому боязно и пройти, чтобы не оставить следов. Да это же замечательно! Это настоящие райские условия, которые бесплатно создала Овчинниковым и миллионам других тружеников заботливая Советская власть! И они до конца осознали, что эта власть старается и все делает для людей. И никакими пирогами их не должна заманить какая-то другая власть, если, конечно, снова не оболванит царскими обещаниями и «свободным рынком».

На скопленные средства и полученные женой за декретный отпуск деньги они купили диван-кровать, новые полированные книжный шкаф, сервант, шифоньер, обеденный и кухонный столы, телевизор с большим экраном и были на седьмом небе от подвалившего счастья. Дружно садились на диван и смотрели телевизионные передачи, хоккей, когда советская команда впервые встретилась с канадскими профессионалами и неожиданно для капиталистов задала им добрую трепку, выиграв в первом же матче с разгромным счетом! Для Владимира Ивановича, давнего болельщика, это было верхом блаженства. В перерывах он выходил на просторный балкон, с которого от-

крывался хороший обзор утопающего в зелени поселка. Курил сигарету и радовался жизни.

И ему хотелось поделиться этой радостью с другими, делать людям добро и трудиться еще лучше и напряженней, чтобы быстрее улучшалась жизнь трудящихся и всех советских людей, совершивших впервые в мире социалистическую революцию. Его мысли и руки в выходные и праздничные дни скучали без работы. Правда, после новоселья она находилась в еще необжитом доме. То надо циклевать паркет, то сверлить стены и вешать занавески, то прикреплять туалетную полочку, зеркало и другие бытовые мелочи.

А еще он любил выходить на прогулку с маленьким сыном Вадиком. Бережно нес его в аккуратно завернутом одеяле. Это давало возможность заняться домашней работой супруге или прилечь отдохнуть, ведь ей часто приходилось подниматься ночью, успокаивать плачущего ребенка, кормить грудью.

Отец с сыном направлялись в парк, где, казалось, стояли первозданная тишина и покой. Лишь до слуха доносился легкий ропот волн Зеленчука и фабричного канала, который убаюкивал малыша и наводил на спокойные размышления его отца, не забывавшего прислушиваться к мерному сопению отпрыска. Боялся сделать резкое движение, чтобы случайно не нарушить его покоя. Он так сильно любил свое чадо, что, не задумываясь, отдал бы за него свою жизнь, как, впрочем, и за всю свою дружную семью. И был от этого несказанно счастлив. А вековые дубы и огромные белолистики, стволы многих из которых в несколько человеческих обхватов, уважительно посматривали на них из поднебесной высоты и не шумели вершинами. Видимо, тоже боялись потревожить покой малыша и разбудить. Природа понимала людей.

* * *

Конечно, первое время ему не хватало привычной обстановки и общения со стариками Беседами, их дружными соседями, хотя и с новыми соседями уже знакомились. Главное в

том, что была близко работа Анны Пантелеевны. И недалеко находилась станция Зеленчук, на которой Овчинников часто дежурил. И ему не нужно было ждать автобуса и трястись в нем полчаса. А лишь приходилось пройти минут пятнадцать пешком, что, скорее, походило на прогулку, и он оказывался на рабочем месте.

Иногда к ним в гости приходили старики Беседы, чтобы искупаться в горячей ванне, побалакать и сообщить уличные новости. Выпить бутылку самодельного сухого вина, отдающего запахом осеннего винограда из сада Ивана Семеновича. Все было так хорошо, что очень хотелось жить. Но хозяин вскоре понял, что ему еще не хватает привычного и интересного собеседника – старого кубанского казака.

- Как там Иван Ильич?- спрашивал он Ивана Семеновича.

- Живой пока, яког биса ему сделается,- со смешком отвечал тот, блестя красным после ванны лицом.- Токо еще больше стал беспокойным и непоседливым, будто перед смертью. Никак не набегается или не успокоится. Все торопится куда-то да стучит по дорожным булыжникам клюкой, словно ищет чего-то. Мабудь, тебя ищет? Вижу, спелись вы с ним, как каспийские соловьи. Спрашивал про тебя. Он найде-ет, по всему поселку мотается, как бульварная Найда.

И Беседа оказался прав. Однажды, подходя к своему подъезду, Овчинников заметил на скамейке знакомую фигуру. Старик сидел нахохлившимся, как воробей перед дракой, собранным и подтянутым, словно готов был в любую секунду сорваться с места и куда-то бежать. И зорко смотрел по сторонам.

- Воло-одя, ты-ы?- не сдержав эмоций, радостно проворковал он.- А я уж думал, что совсем потерялся.

- Здравствуйте, Иван Ильич! Какими судьбами?- откровенно удивился Овчинников и протянул руку.

- Да вот в ваш магазин пришел. Он побогаче нашенского будет,- как бы стал оправдываться старик, отведя в сторону стеснительный взгляд.

И движенец понял, что тот не совсем искренен, что не так ему нужен магазин, как встреча с ним. Но, в общем-то, в этом нет ничего плохого, подумал резонно Владимир. Встречаются старый и молодой казаки, которым есть чего поведать друг другу. Значит, есть что-то общее в них.

- А мы вот получили квартиру. Советская власть дала!- наивно похвастал счастливый Овчинников, пристально осматривая Ивана Ильича: не болеет, не постарел ли?

- Советская власть вас балует,- через время негромко заговорил тот. И его собеседник уже давно заметил, когда казак говорил что-либо про политику или власти, то как-то притуплял голос, наверно, боялся сказать лишнего, чтобы никто не подслушал.- А царь-батюшка для народа ни черта не делал. Своими руками мы строили саманухи. Таскали и месили глину, готовили саманные кирпичи. Да этой же Советской власти посла вредили, царя-батюшку да помещиков-грабителей защищали и жалели по своей крестьянской многовековой глупости. Мешали подниматься фабрикам и колхозам. По совету беломечетского атамана казачьей банды Васюка, бывшего полковника царской армии, начали нападать на тех, кто вез зерно на сдачу государству во время продразверстки. Забирали хлеб, а то и лошадей. Иных даже расстреливали. В общем, Васюк объявил войну новому строю, а мы ее поддержали.

Старик слегка поёжился, помолчал, глянул в лицо молодому слушателю, не возмущается ли его рассказом, не приготовил ли беспощадное несогласие, какую-нибудь заковыристую фразу, на которые был мастак и от которых у него порой дрожали колени? Но Владимир был одно внимание. Видать, заинтересовался повествованием казачьего ветерана.

- Дело-то еще в чем? Когда вышло постановление власти о снятии былых грехов с бывших белобандитов, если они добровольно сдадутся, и мы решили сдаться властям. И они нас помиловали. Но Васюк поставил условие: назначить его начальником беломечетской милиции, а бывшую шай-

ку сделать милиционерами. И те согласились. Но он опять повернул по-своему. И когда после очередной расправы из Невинки прислали на разборку милиционера, тот повел себя круто, что не понравилось атаману. И он выхватил револьвер и самочинно застрелил непрошеного гостя,- доверительно рассказывал старик, как на исповеди, между делом скребя и постукивая по асфальту металлической тростью, будто дятел по дереву.

Иногда мимо проходили жильцы соседних домов. Здоровались по-соседски или кивали головою и без интереса уходили своей дорогой, мол, мало ли кто и с какой целью сидит в тени дома на лавочке и точит лясы? И старик, похоже, радовался, что никто к ним не прислушивался, не подходил и не вникал в суть беседы. И с воодушевлением продолжал.

- Невинка с почестями хоронила своего убитого милиционера. А вскоре в Беломечетку тайно прибыла тройка этих новых отчаюг, посланников ЧеКи. Как узнали посла, ее возглавлял чекист Емец. А помогали ему фабричные шерстяники. Их приютил председатель стансовета Нюхнин, бывший балтийский моряк. Он выдал чекиста за племянника жены, познакомил с Васюком, его заместителями и начальником личной охраны. Пригласил его на вечеринку, чтобы отметить приезд племянника, туды его в сучок!

Хитрый Васюк согласился прийти, только вместе со своей милицейской шайкой и своей самогонкой. И нас пришло два десятка. Сели за длинный стол председательской хаты. Нюхнин рядом с Емцем, напротив – Васюк с приближенными. А мы, шантрапа, по краям. Попервах, пока вели серьезные разговоры, старались зорко следить за поведением хозяев. А как горилка полилась рекой и хорошо поддали, контроль потеряли. Стали любимую песню шайки горланить. Начал высоким голосом сам Васюк. Представительный, видный, с густым белым чубом. Как-зак-красавец! Недаром с ним Советы стали считаться и доверять ему. Главным ментом станицы поставили.

За столом он сидел как-то уверенно, набычив выю, гордо, с высоко поднятой головой. В новой синей черкеске с шелковой малиновой подкладкой, широкими отворотами рукавов. Под ней белый шелковый бешмет. На груди черкески серебряные газыри тонкой работы, с колпачками, связанными мелкой золотой цепочкой. Блестел на свету кавказский наборный пояс с красивой мелкой чеканкой. На поясе – револьвер в новой кобуре, горский кинжал и кривая офицерская сабля с инкрустированными серебром ножнами. На голове его всегда была лихо заломленная кубанка из черного каракуля с малиновым верхом и галунами, из-под которой ломился густой, упругий чуб цвета пшеничной соломы. На ногах мягкие шавровые сапоги на низком каблуке. Атаман-красавец, хоть картину с него пиши! Как же я любил и почитал его в это время!

Казачьи милиционеры уже хорошо поддали. Каждый на свой лад начали буровить всякую ерунду. Атаману это не понравилось. Обведя стол строгим пьяным взглядом, он недовольно рявкнул.

- Буде варакаться! Давайте, хлопцы, споем нашу любимую,- предложил бывший полковник и начал первым:

Чем живет герой-казак?
Шашкою стальною.
Чем богат наш брат-степняк?
Грабленой казною.
Чем он горд, кубанский вор?
Молодой женою,
Той, что каменный забор
Не сберег весною...

И его один за другим стали поддерживать пьяные голоса земляков. Песня быстро набирала звучность и силу. Мы любили ее, как гимн, и пели всегда с душой и нескрываемым азартом. А которые даже плакали, растроганные ее словами. Глаза поющих пылали тупой бесшабашностью, безысходностью и отчаянием.

Чем живет герой-казак?
Длинною дорогой,
Потому что на пути
Приключений много.

Потому что конь его
Справен и подкован,
Потому что он нигде
Не найдет такого.

Яро мчится по степи
Конь его - зверюга.
Потерял казак в пути
Золотого друга,

Грабил с кем и пил вино
Три зимы, три лета.
Пей, казак, давным-давно
Твоя песня спета...

Иван Ильич, с головой уйдя в далекие воспоминания, закатил глаза под лоб, словно слепой. По щекам его катились редкие старческие слезинки. Голос показался Овчинникову незнакомым, трескучим, как у ворона, будто доносился из тех далеких времен. И он даже не пел, а произносил слова речитативом, словно читал поминальную молитву, от чего движенцу стало как-то не по себе.

- Как бы Кондратий не хватил старика!- испугался Владимир Иванович, внимательно разглядывая лицо кубанского казака. А тот вдруг пришел в себя и заговорил.

- Спета наша песня, братцы!- стали выкрикивать некоторые.

- Врешь! Мы еще погуляем по ковыльной степи. Насладимся вражьей кровью!- закричали другие.

И тут вскочили Нюхнин и чекист, держа в каждой руке по револьверу. Загремели выстрелы, и оборвалась песня, сойдя на нет.

- Не дали, сволочи, допеть!- сердито взревел и вскочил Васюк, но его тут же отбросило к стене. И он, пачкая одежду известью, завалился за лавку.

Началась паника. Пьяные казаки, желая быстрее выбежать во двор, сгрудились у двери и падали на пол под выстрелами чекиста и председателя, которые все падали и падали безжалостно. А тех, кто прорывался и убегал во двор, валили из окна хаты пулеметом и маузером фабричный кузнец Зайцев и чоновец Петька Степанов. У него отца в 18-м убили на кубанском мосту корниловцы и сбросили в бурную реку. И ждать пощады от них было бесполезно. Положили почти двадцать человек. Четверо, правда, были ранены и скрылись. Их потом взяли в Невинке у доктора. Только один я благополучно избежал гибели, успев спрятаться в вонючем чулане.

- Так ведь заслужили вы этого, если сами нещадно расправлялись с людьми!- высказал свое слово Овчинников.- Что заработали, то и получили по заслугам.

- Теперь я с этим вроде и согласен. А тогда ненавидел их, считал во всем виноватыми,- нехотя признался старый казак.

- И чем все закончилось?

- На другой день большевики собрали сход. И приказали сдать все награбленное. И станичники повели в назначенные дворы краденых лошадей и коров. Повезли подводы, набитые ворованным добром, оружием. Тем, кто сдался добровольно, власти простили грехи. Я же за свои проказы испугался, прятался по сараям и заимкам. Но меня сдал младший братан. Влюблен он был в Катю Надееву, что когда-то ходила в моих невестах. И сватал ее, когда я пропадаю с бандой Шкуро. А она отказала, мол, жду Ванюшку. Я тогда уже вдовым остался. Он за это и отомстил нам обоим, чтобы и у нас не было счастья. Сообщил, кому следует, мое место нахождения. А потом был

суд и несладкий Соликамск. Таковы, сынок, казачьи козыри...

- А что это за козыри? Рассказывали, мой дед тоже говорил про какую-то казачью карту и казачьи козыри.

- Это человеческое везение или невезение. Если везение, то ты на коне. А невезение – это плаха, пуля или каторга. Вот и все казачьи козыри, которые редко приходят простым людям.

Овчинников видел, что Иван Ильич приходил в себя. Уже не было заметно недавнего волнения. Лицо принимало привычное выражение и цвет. Даже легкая виноватая улыбка показалась на нем. И движенцу подумалось, что старик освободился от чего-то тяжелого или даже неподъемного. И тот, вставая с лавки, поблагодарил его.

- Спасибо тебе, сынок. Помог такой груз снять с проклятой души, который всю жизнь не давал мне покоя. Вспомнил я все свои грехи, всех ни за что погибших казаков. Теперь и умирать можно с легким сердцем. А ты, если захочешь, расскажи после моей смерти людям. У тебя получится, ведь из нашего брата, из казаков. Может, кому-то моя судьба-злодейка станет уроком. Неоправданная судьба кубанских казаков, которые ни за что воевали со своими же братьями и пролили море крови. Давно пора замириться белым и красным и не слушать политиков-провокаторов, которые выгребают на их смертях и смеются над ними, как над глупцами. Храни тебя Господь Бог...

Он перекрестил на прощание своего молодого собеседника и навсегда покинул окруженный зелеными деревьями двор. И еще долго слышался стук по тротуару его металлического костыля.

Появился проблеск и на литературном поприще, хотя Овчинников совершенно не считал себя писателем и создание рассказов относил к второстепенным занятиям для души, к хобби. Но, как курочка клюет по зернышку, так и строка ложится к

строке, тем самым создавая законченное произведение. А из отдельных рассказов получается целый законченный сборник. Конечно, не сразу он получился, ох, как не сразу! Сколько дней и бессонных ночей просидел он над ними, обдумывая, вычеркивая слова, правя текст, забывая про сон и отдых! Но это стало таким незаменимым увлечением, такой заразой, считал он, которая, наверно, похуже алкоголя.

- Сколько пинков и ляганий получил ты за рассказы от братьев-писателей, что и подсчитать трудно. А что будет, когда возьмешься за романы?- не раз вспоминал он.- Каждый вроде бы давал начинающему автору добрый совет, а на самом деле он был добрым, или доброжелатели норовят утопить, как слепого котенка, чтобы не мешался под ногами? Не конкурировал на почетном литературном поприще? Но, слава Богу, не сломался, хотя симптомы такие были. Да и сколько их, талантливых ребят и девчат, подающих большие надежды, способных выйти в классики, сошли с первой же пробной дистанции, сломались, как сухие ветки на сильном ветру, и распрощались со светлой мечтой стать инженером человеческих душ? А то и спились и ушли в неизвестность. У них не хватило духу и сил. А может, им просто не повезло. Да и ты уже почти в возрасте Иисуса Христа. Разве что-то можно сделать солидное за оставшиеся годы жизни?

Когда он услышал приятную новость и примчался в Ставропольское книжное издательство, его окружили работающие там начинающие литераторы Александр Агамов, Людвиг Коштоян, редактор Виктор Колесников, художники Герман Говорков, Владимир Додэ, другие знакомые и друзья. Они жали руку, обнимали и радовались вместе с ним. От души поздравляли, ибо многие из них тоже готовили первые книги и завидовали Владимиру белой завистью.

И потом, когда он получил десять авторских экземпляров, подписал им и первый скромный авторский гонорар в восемьсот рублей, они дружной компанией отправились в кафе на Верхнем рынке, что находилось рядом с издательством.

Он заказал салаты, бутерброды, любимые с детства пельмени, разливного пива. А водки они купили в магазине. И начался скромный литературный пир, хотя первая книжица «Бишкильская метель» была небольшой, всего около пяти авторских листов, и состояла из одиннадцати рассказов. И переплет был тонким. И бумага газетная. И оформление примитивное. И все-таки это была книга. Произошло рождение нового автора, нового имени на литературном небосклоне Ставрополя. А может, и новой звезды, если не закатится раньше времени. Но большинство компании считали Овчинникова талантливым и подающим большие надежды. Хотели верить в эту пока еще робкую и неяркую звездочку, которая будет разгораться целые десятилетия, пока не вспыхнет ярче других. А может, и сразу погаснет, не успев засиять, и навернется в космическую бездну, предполагали некоторые, не забывая в связи с успехом товарища надеяться и на свою удачу.

Первым взял слово его приятель и художественный редактор книги Виктор Колесников по прозвищу Хомяк. Это был крепкий мужчина лет тридцати пяти, успевший еще в юности выпустить два своих сборника и окончить литературный институт. Начитанный до невероятности, как казалось молодому автору, изучил всю мировую литературу. Не зря щеголял изречениями многих широко известных и неизвестных прозаиков и поэтов. Знал немало анекдотов и пользовался в издательстве большим авторитетом. Не случайно даже многие местные классики старались попасть со своими фолиантами к этому молодому редактору, у которого, как говорили знающие люди, в литературе был собачий нюх. И это его заметно возвышало над остальными издательскими редакторами.

Но он не спекулировал заслугами. Белолицый и светловолосый, с густым высоким коком на голове, он вел себя по-простецки. Нередко выпивал со своими авторами, что в будущем могло ему навредить. Правда, напоить его пьяным была проблема. Мог выпить много и с удовольствием. Этим его увлечением

многие авторы пользовались в целях личной выгоды. Хотя это иногда оборачивалось другой стороной. Ведь он, правду сказать, тоже умело пользовался их благосклонностью. Их книги он почему-то выпускал быстро, других же – тянул годами, сваливая причину на нехватку бумаги и творческие планы. Иные его подозревали в нечистоплотности, другие в безалаберности и безответственности. Но одно доброе качество, как казалось литераторам, было у редактора Колесникова – это то, что он не лез в дебри и не правил того, что править не следует. И не важно, лень ли его заставляла это делать или редакторский верный нюх? Но это нравилось людям. Ведь после иного редактора в рукописи может сам черт сломать ногу.

- А что я сделаю?- оправдывался он в затяжке выпуска.- Лариса Ивановна Хохлова, моя начальница, сказала, что сперва надо Дятлова и Мелибеева выпустить. В плане они стоят впереди. Идите к ней.

И авторы ходили по многу раз. Белокурая красавица, она всех встречала тепло и душевно. Всем сочувствовала, если надо, радовалась за них, что скоро подойдет и их очередь. Убедительно и оптимистично говорила.

- В литературе не нужна спешка, ведь книга – это лицо и паспорт автора. А слово – не воробей, вылетит – не поймаешь.

И люди верили в ее благожелательность и искренность. Хотя некоторые и ворчали неслышно: «Ну и лиса! И врага уговорит!»

- Дорогой старина!- взял первым слово Колесников.- Я рад, что не пропал твой скромный труд и дум великое стремленье. Есть у тебя масло в башке и золотые зернышки в душе. И тебе, как неустанному золотоискателю, нужно копать и копать руду, чтобы их отыскать. И «Бишкильская метель» - еще не метель, а лишь легкая поземка, которая может превратиться в настоящую метель, а может и бессловесно закончиться. Это, как карточная игра: придет козырная карта – и ты в выигрыше, сорвешь банк. Не придет – в проигрыше. И винить тут некого, сам ввязался

в игру. Поэтому надо лучше тасовать колоду и выдергивать из нее козырей. Талант на это у тебя есть, но нет пока мастерства, опыта. Лучше тасуй мысли, фразы и слова, и удача придет. Только чтобы не получилось, как у моего однокашника по литинституту Коли Рубцова. «Ах, замети меня, метель-метелица! Ах, замети меня, ах замети...»

- И в тюрьму не угоди, что по соседству с Верхним рынком,- со смехом пожелал кто-то из приятелей.

В тот счастливый день еще много произносилось тостов и пожеланий. И если они говорились от души, наивно думал молодой автор Овчинников, то удача не должна меня обойти. Он еще толком не представлял, что в творчестве есть только два выхода – удача или неудача, если, конечно, не считать серость. Остальное, как умно выражался Экклезиаст, суета сует и томление духа. И ему еще предстояло посуетиться с литературой и потомить свой нетерпеливый дух.

* * *

Фабричный стадион был рядом с поселком. Перейди мост через первый канал и упруешься в его высокие ворота. Слева от него находился бассейн, заполненный щелочной зеленчукской водой, притекающей с самых кавказских ледников. Прямо – спрятавшийся за деревьями санаторий-профилакторий, где трудящиеся старейшего в городе предприятия поправляли свое драгоценное здоровье. Уютные одноэтажные четырехкомнатные домики стояли ровным рядом, словно солдатский строй. Ближе к реке находилась столовая. В летнее время блюда подавались прямо на веранду, среди которой рос огромный тополь. Его ствол легко облежала умело сделанная фабричными плотниками крыша. И со стороны казалось, что это высокое дерево растет прямо из крыши профилакторской столовой. И это казалось так экзотичным!

Поселок, фабрика, парк, спортивные сооружения были так удачно и продуманно расположены, что все находилось в

нескольких минутах ходьбы. Это сберегало дорогое при социализме время и было очень удобно для тружеников и жителей. Да и школа, несколько детских садов, яслей, аптека, поликлиника, магазины находились рядом. Будто сама природа создала этот райский уголок шерстяников, которому завидовал весь город.

В конце 60-х годов к фабричной команде футболистов добавилась команда мотоболлистов. Этот вид спорта тогда резко входил в моду. Она быстро набрала опыт и силу. Под руководством тренера-самородка Дмитрия Дементьева в первом же сезоне стала победителем краевого первенства, потом российского и вышла в высшую лигу страны. Этот молодой вид спорта так увлек невинномысских жителей, что в дни проведения матча в фабричный поселок съезжались болельщики со всего города и даже краевого центра. А также Калмыкии и Карачаево-Черкесии, чьи представители не раз были чемпионами страны. С ними и шла основная борьба невинномысцев. Они приезжали на машинах и автобусах. А местные текли непрерывной толпой по улицам и переулкам поселка. Несмотря на страшный рев, тархтение моторов, с которых были сняты глушители, изрыгаемый ими сизый мотоциклетный дым, они эмоционально следили за игрой, громко радовались удаче, от души хлопали в ладоши, тяжело переживали при проигрыше. То и дело выкрикивали:

- Зу-убов! Ва-ася! Дави-и. Дай им прикурить.
- Бы-ыков! Проходи левым краем. Отдай пас Молчанову!
- Ке-езиков! Лови-ила! Держи в обе руки...

И местные ребята старались. Не раз занимали третье место в Союзе и зарабатывали бронзовые медали. Даже становились серебряными призерами первенства СССР. Умело прижимали ногой к мотоциклу огромный мяч и вели его на половину поля соперников. Или отдавали пас нападающим, и те нередко радовали болельщиков. Особенно мастер спорта Международного класса Василий Зубов, «пятак». Высокий и красивый нападающий с темными волосами и карими глазами. Разогнавшись с мячом, он сильно бил по нему, словно выстреливал из пушки.

И тот пулей влетал в ворота, нередко занося с собою вратаря, придерживающего небольшой мотоцикл.

- Так их! Ура-а!- заходился в страшном гуле стадион «Шерстяник».- Знай наших!

А что творилось, когда проводились международные встречи. Бивали тут и французов, и немцев, и болгар, и прочих мотобольных бойцов.

На всех матчах ярые болельщики кричали, свистели, хлопали в ладоши, радуясь удаче своих ребят. На матчи ходили не только по одиночке, но и целыми семьями. Даже многие старики заворачивали на стадион, чтобы своими глазами увидеть такое небывалое чудо, где, как им говорили, мотоциклы гоняют мяч. Это было не совсем так, как они убеждались, но не менее интересно. И стариканы забывали про свои домашние неотложные дела и своих придирчивых старух и оставались до окончания игры. А потом еще и с пеной у рта спорили с другими, кто лучше играл – наши или приезжие полтавчане, рижане? Чуть не за грудки хватались, аж молодые давались диву.

- Закатай ему в лобешник!- подначивали наблюдатели.

- Изорви сатиновую рубаху, пусть старуха даст ему трёпки!

- Смех и грех, совсем из ума выжили! Надышались бензиновыми выхлопами...

Не оставался в стороне от этого повального увлечения и движенец Овчинников. Он быстро познакомился со многими болельщиками и с радостью был принят в их стан. Особенно колоритным оказался и смотрелся прораб строительного отдела шерстомойки Владимир Федорович Метельков. Крупный и могучий фигурой, центнера полтора весом, он казался точной копией знаменитого артиста Евгения Моргунова. Мальчишки нередко и звали его дядей Моргуновым.

В молодости он считался хорошим боксером-полутяжем. Был мастером спорта и чемпионом Советских оккупационных войск в Германии. Победитель многих престижных соревнований в СССР. Имел могучие кулаки. И в быту порой не знал,

куда их спрятать с чужих глаз? Хотя в случае нужды они автоматически начинали мгновенно действовать, словно молнии. И противник не успевал моргнуть глазом, как оказывался поверженным или нокаутированным. Хотя в обществе он их практически не применял.

- Один раз только, когда разошелся сосед моей тещи по огороду и хотел оттяпать кусок земли у старухи, я подошел и попросил его успокоиться. А тот, кубанский хохол, был еще подюжее меня,- рассказывал боксер Овчинникову.- Так он кинулся на меня с лопатой. Я не сдержался и тыц ему в челюсть. И на огороде больше никогда его не видел.

- Здоров ты махаться маховиками, Федорыч!- высказался Владимир Иванович.

- Нам ни драться, ни бороться, нам бы лишь бы напоротьясь,- отмахнулся тот шуткой.- Мы же не пальцем деланы. И у нас не у Проньки - не пролезет! А вот этот анекдот ты знаешь?- продолжал прораб-боксер. И каждый раз рассказывал новый. Он знал их море. А где брал, никто не догадывался.

- Спортсмен-чемпион простудился. Врач измерил ему температуру.

- У вас тридцать восемь и пять.

- Доктор, а каков мировой рекорд?

Он минуту молчит, смотрит на слушателей, пытаясь узнать произведенный эффект. Потом продолжает.

- А этот? А-а, знаете! Тогда вот этот. Леонид Ильич обращается к внучке.

- Кем ты хочешь стать, когда вырастешь большой, как я?

- Генеральным секретарем!

- А зачем нам два Генеральных секретаря?

Но это были анекдоты простые, «без изюминки», как называл их рассказчик. Для затравки. Потом он доставал из своей памяти такие, что слушатели держались за животы, забыв даже о мотоболе.

Закончив выступления на ринге и раздавшись фигурой во

все стороны, Метельков стал тренером команды боксеров. И за многие годы подготовил десятки чемпионов различных рангов, начиная от города и кончая Союзом. Воспитал сотни хороших спортсменов. И его знали и уважали не только в Невинномысске, но и крае. А в профкоме шерстомойки он заведовал советом по спорту. Поэтому все спортивные состязания и мероприятия проходили при его непосредственном участии.

Летом, во время горячего сезона приема фабрикой шерсти нового настига, Метелькова назначали диспетчером железнодорожной разгрузочной площадки, где выгружались вагоны с руном для промывки. Время наступало самое ответственное, ведь сезон приема шерсти должен был закончиться в сжатые сроки, чтобы не держать лишних командированных людей. Не дергать на помощь сырьевикам тружеников других цехов. Не допускать простоя железнодорожных вагонов и другого транспорта. И он часто звонил или приходил к дежурному по разъезду Зеленчук, надеясь, что тот быстро вытащит с фабрики порожние вагоны и подаст новые. И Овчинников быстрее всех станционных дежурных решал этот вопрос. Так они познакомились и подружились: один девятипудовый здоровяк, другой длинный, напоминающий молодой пирамидальный тополек.

- Пат и Паташонок!- глядя на них, смеялись иные. Хотя ростом Паташонок был повыше могучего друга. Но тот брал массой. Да и куда ему с грыжей до Метелькова, как говорится в народе. Тот мог за один присест выпить две бутылки водки, навернуть ведро вареников или полбарана. И шагать по родной улице Маяковского, как ни в чем не бывало. Трезвым, как стеклышко. И дух в нем казался таким здоровым и неистребимым, который был у сказочных русских богатырей и которого так не хватало многим нынешним россиянам. Поэтому к нему и тянулись русские люди, набраться от него физической энергии и оптимизма. Не зря говорят: в здоровом теле здоровый дух.

- Бабка поступает в институт,- продолжал Владимир Фе-

дорович.- Сдала все документы. На носу экзамены. В приемной комиссии ее спрашивают:

- А скажите честно, зачем вам это надо?

- Дед мой, старый кобель, так любит трахать студенток...

Затравка заканчивалась. И его друзья-приятели тоже вспоминали и лезли со своими анекдотами, рассказывали и перебивали друг друга. А после матча направлялись к выходу, а кто и заворачивал к стоящим у ворот буфетам. Пили пиво с таранью и горячими шашлыками. Разбирали интересные моменты игры, будто были специалистами высокой категории. Хвалили или ругали любимых мотоболлистов. А то и вспоминали завтрашний выход на работу. А кто и направлялся искупаться в бассейне или студеном Зеленчуке, чтобы остыть и смыть нервную накипь и пыль, осевшую на них на стадионе во время матча, ведь завтра многим идти на работу. Так и проходила жизнь фабричного люда.

15

С годами Владимир Иванович все чаще вспоминал былые события, многие из которых вроде бы давно уже позабылись. Но вдруг всплывали в его старческой памяти, как будто встретил и помешал ее, как лото в мешочке, и виделась такими, словно случились только вчера. Но почему они были позабытыми, или считались не самыми главными в человеческой судьбе? Или были вторичными, запасным вариантом его нелегкой жизни? И он, вспоминая их в старости, как бы заново проживал вторую жизнь или второй ее вариант. И эти варианты шли параллельно друг другу, как бесконечные железнодорожные пути, не мешая один другому.

Как странно поступила природа, с нескрываемым интересом размышлял седоголовый Овчинников, придумав два варианта жизни, будто близнецов-братьев! Какой же выплывет в памяти сегодня?

И ему вдруг неожиданно вспомнился главный маршал Великой Победы, четырежды Герой Советского Союза Жуков. В начале 50-х командующий Уральским военным округом в каждом мае приезжал на их станцию на открытие летних лагерей. Его классный вагон загоняли на территорию Заготзерно или ставили в станционном тупике, что находился напротив дома Овчинниковых, буквально в сотне метров. Утром маршала увозили на машине «Победа» в воинские лагеря. А вечером он возвращался обратно. В это время его всегда встречали местные жители, их дети, участники и инвалиды войны, которые дружно приветствовали народного любимца и с которыми он не только тепло здоровался, но и вел доверительный разговор. Спрашивал, где воевали, как живут? Володька и другие мальчишки с восхищением смотрели во все глаза на легендарного маршала, на груди которого висели Золотые Звезды Героя и многочисленные колодки, ярко говорящие об его воинских наградах.

Одним таким теплым вечером Володька увидел, как из маршальского классного вагона спустился крепкого сложения и среднего роста человек. На нем был махровый домашний халат, но выправка военного сразу бросалась в глаза. Он тихо прогуливался по небольшой полянке, как ковром накрытой молодой зеленой травкой. Рассматривал рубленые ближние дома Вовкиной улицы, ровным строем вытянувшиеся вдоль железнодорожных путей и убегающих в сторону лесозащитной полосы. Овчинников-младший впился зорким взглядом в эту незнакомую раньше картину, где человек в городском халате прогуливался по весенней поляне. Он отродясь не видал таких экзотических одеяний, ведь местные жители их никогда не носили.

А тот, не боясь испачкаться или простыть, даже прилег на невысоком, еще по-весеннему холодном бугорке и со счастливым видом поглядывал на уральский деревенский пейзаж, словно он после богатой и привередливой Европы показался ему райским уголком. Возможно, вспоминал свою далекую родину. А может, и Европу, которую освобождал от фашистских

захватчиков. И мальчишке вдруг вспомнились пленные немцы, греющиеся у осеннего костра, которые возили с немецкого подсобного хозяйства на станцию выращенные ими капусту и турнепс, грузили в вагоны. А теперь вот на этом самом месте прогуливается и отдыхает этот великий человек и непобедимый военачальник, умело сломавший хребет беспощадной германской машины. Отдыхает мирно, словно не было у него других дел и задач по обороне Великой Советской страны, которую населяли двести миллионов советских граждан. И многие из них воевали вместе с маршалом или держали на своих могучих плечах такой же важный Второй фронт. Держали в бедности, голоде, холоде. Но твердо знали, что отступить или сдать себя нельзя. На кону стояли жизнь или смерть. Иначе погибнет первое в мире государство рабочих и крестьян, защитник угнетенных народов и наций, освободитель Европы и других континентов, на которого надеялся весь мир.

Еще далеко не все понимая в жизни и политике, деревенский мальчишка чувствовал нутром, что перед его взором находится величайший в мире человек, принесший этому миру свободу. В Медведевской церкви он видел икону Георгия Победоносца. И наивно думал, что на ней изображен сам Георгий Жуков, избавивший народы от страшного чужеземного змея. И его вдруг неотвратимо потянуло побежать к этому человеку, вдоволь насмотреться на него, как на заморское чудо, как на сказочного святого. Поговорить с ним по душам. Порасспрашивать о недавней немилосердной войне и долгожданной Победе. О том, как сокрушили фашистские полчища и смяли крепкую вражескую броню.

По двору шла с подойником в руках Мария Алексеевна, только что подоившая вернувшуюся из стада желтую корову Майку. И сынишка побежал к ней с радостными словами.

- Мам, Жуков вон отдыхает на травке! - счастливо сообщил он и услышал, как тревожно забилось его еще маленькое сердечко.

- Где?- с интересом спросила мать, подслеповато глядя в сторону железнодорожного тупика.

- Да вон-вон, в халате!- показал он тонкой ручонкой, устремив туда взгляд.- Я сбегаю...

- Как это сбегаешь?- удивилась женщина.- Он государственный человек, занятый большими делами. А ты будешь под ногами мешаться, отвлекать его.

- Я на минутку,- не согласился сын.- Он добрый, когда выходит из вагона, всегда разговаривает с людьми. Сиротам денег дает.

- Я не знаю, чо делать?- остановилась в растерянности мать. – Тогда отнеси хоть кринку парного молочка. Небось, с боями и войнами давно такого не пил?

Она процедила сквозь сито молоко, налила полную кринку и протянула ему. А он, поправив на голове старую солдатскую пилотку, тогда все мальчишки носили пилотки отцов или старших братьев, поглядел в зеркало с зеленоватым отливом стекла. Улыбнулся с надеждой и пошел в сторону маршальского вагона. Кринка была теплой от Майкиного молока, и в его душе затеплилась надежда на благополучный исход этой встречи.

Но чем ближе он подходил к конечной цели, тем пуще стучало его мальчишеское сердце, норовившее, как ему казалось, вырваться из тесной груди и быстрее него поскакать по тропинке навстречу этому большому человеку. Володька сильно переживал и уже сомневался в правильности своего решения.

- А вдруг Георгий Константинович не поймет тебя, осерчает? А может, и отругает, нажалуется учительнице? Не лучше ли повернуть назад от греха подальше?

Заволновавшись, он не заметил небольшую кочку и по-прежнему осторожно нес на вытянутых руках дорогу для него кринку. Маршал давно заметил вышедшего из ограды дома мальчишку. И с нескрываемым интересом следил за ним, наверняка вспоминая свое далекое детство в деревне Стрелковке, деревенский дом, отцовское хозяйство, корову, показавшие-

ся ему далеким сном. Ведь между ним сегодняшним и детством высокой стеной возвышалась война, на которой некогда было думать о прозе прошедших лет и былой жизни.

Поняв задумку малыша и по-отечески улыбнувшись, маршал поднялся по-молодецки с травы и двинулся навстречу. Он даже слегка позавидовал незнакомому деревенскому мужику, что у него растет сынишка. А вот его, маршала Великой Победы, Господь обошел сыном-наследником и подарил только дочерей. Конечно, он их безумно любил и вспоминал с теплотой. Но в этот важный момент мальчишку и подстерегла предательская кочка. Он запнулся, и его понесло вперед. Но он, как конь-иноходец, выбрасывая вперед ноги, старался не упасть и удержать в руках кринку. Правда, часть молока из нее вылилась, облила его босые пыльные ноги. Но тут кинулся на помощь маршал, подхватил кринку и помог удержаться на ногах перепуганному неудачей мальчишке.

- Держись, боец, это еще не самый страшный бой в твоей жизни!- с улыбкой успокаивал его Жуков.- А я думал, местный разведчик вышел из дома, построенного из шпал.

- Папка-то у меня путевой обходчик. По шпалам ходит,- несмело ответил мальчишка.

- На войне не погиб?

- Погибли мои дядюшки, а папка под броню был. Дядя Вена с братом Борисом воевали. Раненые вернулись.

- Вам повезло,- произнес с сочувствием маршал, и на его лицо легла скорбная тень.- Миллионы их положила война, мужиков вот с таких станций и деревень, известных и неизвестных героев, которыми вам, детям, нужно всю жизнь гордиться. А молоко-то зачем?

- Дак мама прислала, небось, давно парного не пили,- повзрослому объяснил Володька, разглядывая Георгия Константиновича и не веря такой удаче.

- Верно, хлопок, не пил давно, наверно, с самого детства. Уж позабыл, что молоко бывает парным...

Он с желанием поднес ко рту кринку, неспешно и долго пил, будто продлевал удовольствие, аж из углов губ стекали белые молочные капли и падали на зеленую кудрявую траву. Наконец, опростав, перевернул ее вверх дном и не без радости признался:

- В жизни такого вкусного молока не пивал! Видно, корова у вас хорошая и травы добрые? Сам, небось, пасешь? Я в детстве тоже пас.

- Это такая наша Майка-ведерница!- похвастал мальчишка.

- Передай родителям спасибо,- попросил Жуков и, повернувшись к вагону, негромко попросил:

- Лейтенант, принеси-ка нам подарок! А то пилотка у бойца-уральца Овчинникова изрядно поизносилась.

Вскоре из открывшейся двери тамбура молодцевато выпрыгнул молодой, подтянутый офицер в перечеркнутой крест-накрест портупеей новой гимнастерке, быстрым шагом подошел к ожидающим и протянул подарок.

- Вот тебе, солдат, боевая пилотка победителя. А вот сухой паек,- с радостью произнес Георгий Константинович, надевая на голову парнишки новую пилотку. Она была с яркой красной звездой, как зеркало, отсвечивающей вечерние лучи солнца. И мальчишка не растерялся. Вытянувшись по стойке смирно, вскинул к виску правую руку и торжественно воскликнул:

- Служу Советскому Союзу! Спасибо, товарищ маршал!

- Вольно!- не без улыбки командовал тот.- А теперь давай побеседуем на мирные темы. Расскажи мне о станции, школьных делах. Я ведь давно не был в школе,- откровенно признался маршал.

Более полувека пролетело с тех пор, а вот не забылась та встреча с большим и уважаемым человеком. Даже весь незатейливый разговор запомнился, после которого он вернулся домой. Угостил всю семью и зашедших друзей жуковским шоколадом, бережно разломив по долькам. Он показался несказанно слад-

ким, ведь многие из них пробовали его впервые.

Маршалскую пилотку Володька хранил долгие годы, а потом подарил племяннику Шурке, ведь такого дорогого подарка ни у кого из земляков не было. И долго в трудные моменты жизни спрашивал себя: как бы в этом случае поступил маршал Жуков? И становился смелее, самоувереннее, находил приемлемый выход из положения. Сверял по нему свои дела и поступки.

В начале 21 века на его родной чебаркульской земле проходили международные военные учения. На них приезжали президент России, председатель Китайской Народной республики, президент Соединенных Штатов Америки. Большие люди, ничего не скажешь. Но упорный Овчинников дороже всего ценил визит на Южный Урал маршала Победы Георгия Жукова, равных которому не было не только в прошлом и предшествующих веках, но, скорее всего, не будет и в наступившем. Таким несравненным гением выделялся ему и народу Георгий Константинович Жуков, национальная гордость России!

* * *

В суматошных днях рыночной экономики и производственно-экономического раздора, навязанных народу России переворотом 90-х годов, бывший станционный диспетчер Овчинников не забывал почему-то тот день, когда его принимали в партию. Скажи про это землякам-бишкилянам в его юношеские годы, подняли бы на смех. Сказали бы убежденно:

- В партию принимают самых честных и добропорядочных людей, не жалеющих своей жизни для общества, идущих в смертельный бой за свою Отчизну. А Вовка Овчинников, этот оторвила, будет коммунистом?! Да не смешите людей! Кто его примет с его-то бандитской биографией? Скорее на зону попадет, чем примут в Коммунистическую партию! Такой непослушный и отчаюга...

Да он и сам в те годы не думал об этом. Наверно, в генах

передался ему казачий бунтарский дух. И он не хотел никому подчиняться, быть от кого-то зависимым. Хуже, да по-моему, всю жизнь говорил его батюшка. И он, наверно, тоже перенял этот девиз. Не особо слушал школьных учителей, часто шел им наперекор. А пионерскую и особенно комсомольскую организации вообще не признавал и не доверял, словно зная наперед, что та же комсомольская, живущая на подхвате у партийной, в конце века с потрохами сдаст КПСС одной из первых. И ее многие начальники отхватят себе такие богатые пироги, что даешься диву. Работали-то они в конце века спустя рукава. Забыв про военные подвиги молодежи и всесоюзные комсомольские стройки. Были нахлебниками у партии, которая почему-то их сильно пестовала и щадила. Вот и вырастила нахлебников. И они норовили чаще скрываться с глаз долой в загородных местах и проводить якобы творческие семинары, на которых в основном глушили водку и мяли красивых легкомысленных девок.

И Овчинников их считал ловушкой для молодых людей. Как ему казалось, в пионеры и комсомол в основном вступали отличники и подлизы, хотевшие выпятиться среди других смертных. Там тогда была дисциплина и свои строгие порядки, вроде бы запрещающие сделать шаг в сторону от общепринятого правила. То есть посягающие на свободу личности. Они призывали к порядку, заставляли слушаться. Настраивали на какие-то общественные подвиги и дела. И нянчились с человеком чуть не до старости, мешая ему думать и принимать решения самостоятельно.

- Чо с нами вожжаться, разве у нас нет своего ума?- резонно отвечал он агитаторам, когда его приглашали вступить.- Вчера в дерьмо ступил, сегодня в ВЛКСМ вступил!- отнекивался парнишка, считая себя свободным человеком.

И вдруг такой резкий поворот в мышлении на целых 180 градусов! Но совсем ли уж вдруг, ежели внимательней разобраться? Разве не было до этого трудового коллектива вагонного депо,

железнодорожной станции, института, где он уже не ленился учиться, как бывало в школе, а сознательно и с желанием грыз крепкий гранит наук, набирал все больше и больше профессиональных и жизненных знаний? И науки стали даваться легко, совершенно перевернули его привычное сознание и мышление. Да и не прошли бесследно прочитанные книги Михаила Шолохова, Николая Островского, Максима Горького, Семена Бабаевского и других больших советских писателей, а также теоретиков марксизма-ленинизма, перевернувших его обычное представление о мире и обществе, о великом назначении человека.

И он, не замечая того, из казачьего отпрыска постепенно перевоплощался в современного образованного человека и разбирающегося специалиста, от которого все больше было отдачи на производстве и в общественной жизни, к которому люди все чаще обращались за помощью и советом.

Перелопачивая много литературы, он не отлынивал, как иные студенты, от изучения работ Маркса, Энгельса, Ленина и других теоретиков коммунизма. Программы Коммунистической партии, материалов партийных съездов, достижений СССР в пятилетках, производственной, сельскохозяйственной и культурной отраслях. Сравнивал их с достижениями царской России, мировым капиталистическим сообществом и видел явные изменения в лучшую сторону.

Конечно, он не был бездумным ортодоксом. Все делал в научном сравнении. Не боялся критических анекдотов про Ленина, Сталина, Хрущева и Брежнева. Сам любил их с удовольствием слушать и рассказывать. В том числе такой:

- Включи-ка, дедушка, утюг!
- А там про Ленина не будут говорить?

И ничего зазорного в них не видел. Наоборот считал анекдоты живым народным творчеством, способным изживать недостатки общества. А их, к сожалению, было еще очень много.

И он все больше приходил к мнению, что марксистско-ленинская теория самая справедливая из всех мировых теорий и

прогрессивных направлений. Она как бы собирает и объединяет их в одно целое, выбрав из каждой самые гуманные и вечные идеи. В ней можно встретить лучшее из трудов Кампанеллы, Канта, Гегеля, Плеханова, но самое главное направление было взято из бессмертных работ Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина и более поздних ученых и теоретиков. Она называла пути выхода из сложившейся в рабском капиталистическом обществе ситуации, призывала к демократии, равноправию и смене формации, научно доказав незыблемость этой теории. К уничтожению рабства и свободе. Была против эксплуатации человека человеком и за построение бесклассового общества, создание равноправных государств, где не будет акульей опеки гегемонов капитализма - Америки, Англии, Германии, Японии и других государств, которые норовят поработить весь мир и жить за счет эксплуатации угнетенных народов. Где не будет губительных войн и снимется с повестки дня теория английского человеконенавистника и попа Мальтуса, оправдывающего уничтожение лишних на планете людей.

Ярким примером тому был СССР, армия которого освободила мир от гитлеровских захватчиков и японских милитаристов. Он принес в Европу и на другие континенты право на политический и экономический выбор, на построение социализма. Надежно противостоял международным полицейским режимам США и других стран, развернувшим по всему миру немилосердные захватнические войны.

И движенец Овчинников пришел к твердому убеждению, что теория марксизма-ленинизма самая справедливая и гуманная, направленная на улучшение жизни не только советского народа, но и всего человечества. Это еще в Гражданскую войну поняли его малограмотный дед-казак Алексей Васильевич Ильин и его образованный сын Василий Алексеевич, сложившие буйные головы в боях с адмиралом Колчаком. Это поняли его дядюшки и брат Борис, хлеставшиеся, не жалея жизней, на фронтах Второй мировой войны. Поняли те простые деревен-

ские мужики и заводские рабочие, кто, уходя в бой, писали заявления о приеме их в Коммунистическую партию, кто не вернулся из этого последнего боя. И Овчинников-младший много дней, ночей и месяцев думал об этом. Изучал события с разных сторон и пришел к единственному выводу, что надо поддержать этих патриотических людей. И, наконец, он написал заявление о приеме его в партию. А товарищи по работе не отказали ему в рекомендациях. Видно, уже что-то значил для коллектива. Принимали его в горкоме КПСС. Принимали доброжелательно. Для начала попросили рассказать автобиографию. Задали вопросы по теории, строению партии и текущему моменту, которые он щелкал, словно орехи. Спросили о семье и литературном увлечении. И он простодушно ответил:

- Мне на многое открыл глаза пролетарский писатель Максим Горький. И я постараюсь быть с ним в одних рядах защиты бедных и сирых.

И члены горкома проголосовали единогласно. А затем первый секретарь поздравил молодого коммуниста со вступлением в Коммунистическую партию Советского Союза, что стало для Овчинникова неопишуемой радостью.

Этот день он, конечно же, запомнил навсегда. Ту душевную радость, которую он испытал, почувствовав себя причастным к выполнению партийных и государственных задач. Казалось, что он стал значительно сильнее, умнее, даже выше ростом, будто родился заново. И в благодарность за доверие дал себе слово, что до последнего дня жизни, до самой гробовой доски не предаст партию и народ, которым решил посвятить свою жизнь. Навсегда останется преданным им.

Конечно, после переворота 90-х и перехода экономики на рынок, когда многие коммунисты-перевертыши перекрасятся в цвет правящей партии, а в первую очередь гнилые руководители Политбюро и Союзных республик, он не раз испытает на собственной шкуре несправедливое и жестокое давление. Стоически выдержит сладкие обещания и переманивание в другой

идеологический стан. Но будет верен той славной идее, которая сделала его совершенно другим человеком, нужным простым людям, рабочим и крестьянам, ведь сам вышел из них. И станет отвечать любопытным:

- Настоящий коммунист клянется в преданности один раз в жизни и никогда не предаёт своей святой клятвы!

16

Молодому литератору Овчинникову везло на людей и знакомства с ними, как будто сам Господь посылал ему все новые и интересные личности. И с годами он уверился в том, что эти встречи происходили не случайно. И в своем большинстве они несли определенные воздействия не только на характер, но и судьбу человека. В том числе и отрицательного воздействия, начиная от физической гибели, попадания в тюрьму, от которой, как и от нищенской сумы, никто не застрахован. Но такие встречи и воздействия он старался отметить и не забывать, как не заслуживающие серьезного внимания, как непредвиденные случайности: шел, подвернул ногу и сломал или захромал от этого. А то и угодил под трамвай. Ведь от подобного никто не застрахован. Тут дело в везении. А может, и в судьбе-индейке.

Но компонент везения, верил он, присутствует и в «полезных» встречах, если можно их так назвать. Живя в фабричном поселке, Овчинников постоянно общался с шерстяниками, составляющими среди жителей преобладающее большинство. Любопытный собеседник и внимательный слушатель, он мог показаться в доску своим в любой компании. Очевидно, придерживался поведения пролетарского поэта Владимира Маяковского.

- Как вы чувствуете себя среди немцев?- спрашивали его.
- Как немец,- отвечал тот.
- А среди американцев?

- Как американец.
- А среди дураков?- испытывал кто-то на подлянку.
- А среди дураков я впервые!- не растерялся агитатор-горлан.

Молодой прозаик Овчинников еще не обладал такой самоуверенностью и авторитетом. Да и ему не задавали таких глупых вопросов. Но относились к нему с нескрываемым уважением. И не только за движенческие подвижки на железнодорожном транспорте, но и за рассказы, зарисовки в городской газете «Невинномысский рабочий».

Поэтому он часто был в курсе многих производственных и бытовых дел невинномысских шерстяников и их семей. Знал, кого посадили за кражу ангорской шерсти – тифтика, из которой вязали модные женские шарфики и шапочки и продавали на рынке. Знал, кому устроил разбой Сашка-Партизан и кого повязал бесстрашный и бесстрастный участковый Иван Ильич Цындрин.

Почему-то к нему шли люди даже больше, чем к секретарю парткома шерстомойки Николаю Семеновичу Гловову, который пользовался большим авторитетом, чем нередко меняющиеся фабричные директора. И тот не раз ему высказывал с улыбкой:

- Ты, дорогой писака, скоро всех посетителей у меня отобьешь! Даже с жалобами перестали ходить. Без хлеба оставишь. Смотри, а то на следующих выборах парткома на пост партийного фюрера предложу твою кандидатуру. Тогда узнаешь, почему фунт секретарского лиха.

- Фигушки, дорогой Николай Семеныч! Хрена вот в сумку, как говорится в народе.

Ваша парткомовская каша, вы ее и ешьте,- тоже с беззлойбой улыбкой отвечал не лазящий за словом в карман движенец.

- У нас намечается фабричный юбилей, большой праздник. Считаю, что я тебя пригласил, как почетного гостя. История фабрики интересная и впечатляющая. Она содержит на сво-

ей шее четверть бюджета края и шестьдесят процентов города. Будут ветераны Гражданской и Отечественной войн. Первые стахановцы, орденосцы, медалисты, знакомство с которыми расширит твой кругозор. Откроет глубокие пласты станичной истории, не обойдет городское и краевое начальство, с которыми пиущему человеку пора заводить знакомство.

И Овчинников с удовольствием посетил торжественное собрание в клубе. Проведенные в поселке и парке по этому случаю мероприятия, встречи с ветеранами производства и войн. Особенно ему понравился секретарь комсомольской организации тех далеких 20-х лет и боец части особого назначения Петр Степанович Степанов, чьего отца-разведчика в 1918 году корниловцы расстреляли на кубанском мосту и сбросили в бурные воды бешеной горной реки. Дальновидным оказался партийный лис.

Он показался литератору выдержанным и интеллигентным человеком, работавшим когда-то в Ростове большим начальником. Несмотря на седину и возраст, а он родился в начале XX века, смотрелся еще молодцеватым, подвижным и обязательным, обладал теми качествами, которые в такие лета присущи уже далеко не каждому. Седой ёршик на голове, распахнутые и добрые голубые глаза говорили о крепости породы первых советских граждан, проводивших национализацию капиталистических предприятий. Выдержавших три войны, защитивших свое предприятие и родную станицу Невинномысскую от налетов банд полковников Шкуро, Васюка, отрядов генералов Корнилова и Деникина. Не на жизнь, а на смерть боровшихся с фашистскими захватчиками во время оккупации, а многие и на фронте. И сумевших за несколько недель после их разгрома и освобождения города восстановить разрушенное предприятие и возобновить выпуск мытого золотого руна, необходимого для пошива формы бойцам и командирам Красной Армии. Петр Степанович чем-то напоминал его отца – Ивана Аверьяновича. Степанов давно жил в Ростове-на-Дону. Но не терял связи с не-

винномысскими шерстяниками, с комсомольской организацией, фабрикой, где прошла его боевая юность.

Выступал на страницах фабричной многотиражной газеты «За коммунизм». Увлекательно и беззлобно рассказывал о тех далеких днях Великой Октябрьской социалистической революции, становления предприятия на рельсы социалистического развития. Созданию на нем новых производств и фабрик, что позволило выпускать мытой шерсти в десятки раз больше, чем при хозяине Лапине. Не случайно фабрика станет называться шерстяным комбинатом, крупнейшим в мире в своей отрасли.

- Громили белобандиты нашу фабрику, мельницу,- негромко рассказывал ветеран.- И нам пришлось создать часть особого назначения – ЧОН. Днем мы работали на фабрике, а вечерами залегали вдоль левого берега Зеленчука, отбивали нападения волчьей сотни Шкуро, беломечетского атамана Васюка, Барсуковского атамана Маслюка. Они застрелили у самых дверей фабзавкома первого его председателя Лунина. Расправились с нашими рабочими, отцом-коммунистом и сыном-комсомольцем Подгорными, жившими на хуторе Маковском.

После известного постановления Советского правительства бандитов, добровольно перешедших на сторону народной власти, амнистировали. Атаман беломечетской банды Васюк поставил условие, чтобы его назначили начальником местной милиции. А подручных бандитов – милиционерами...

Петр Степанович на некоторое время замолчал. Смотрел куда-то отвлеченным взглядом, наверное, вспоминал те боевые дни. И вновь продолжал.

- Его условия приняли, поставили возглавлять милицию. А банда продолжала свои грязные дела. Убивала активистов и невинных людей. Казаков и крестьян, везущих сдавать зерно по продразверстке. Из Невинки послали туда сотрудника милиции, чтобы разобраться. И казачий атаман Васюк самолично его расстрелял. Тогда и послали нашу группу из трех человек, возглав-

ляемую чекистом Емцем. Его представил Васюку председатель стансовета бывший матрос-балтиец Нюхнин за племянника жены. Пригласил на вечер в гости. А он пришел с двадцатью своими подчиненными головорезами и своим самогоном. Мы с кузнецом Сидором Зайцевым спрятались с оружием в спальне. А когда банда изрядно захмелела, запела песни, Емец с Нюхниным стали стрелять их, держа в обеих руках револьверы. Некоторые падали прямо в комнате. А тех, кто выбегал во двор, добивали из пулемета фабричный кузнец и бывший фронтовик Зайцев и я из маузера. Только четверо раненых спаслись. Но они сбежали в Невинку и обратились к медикам, где их уже ждали и повязали.

- А еще одного я через много лет встречал в фабричном поселке. Казака Ивана Ильича,- заговорил Овчинников, до этого внимательно слушавший ветерана.- Он во время расстрела спрятался в чулан, а когда шум улегся, сбежал оттуда. Но его позже выдал родной брат, и он чалился на Соликамских копиях.

- Надо же! А я этого не знал,- откровенно удивился Степанов, на секунду смежив ресницы доверчивых голубых глаз. И в этот миг собеседник подумал, что он смахивает на святого. Только вот как этот святой мог беспощадно стрелять в людей из маузера, он не мог понять.

- Кстати, он вас вспоминал.

- Надо же!- удивился Петр Степанович.- Мы лично не были знакомы, да и столько десятилетий пробежало с тех пор. Я во время Великой Отечественной войны был в командировке по Ростовской области. И остановился на ночевку у одного бывшего кубанского казака, как он представился мне. Такой здоровила, руки, как крюки, волосняным покровом поросли, как у гориллы. Если схватит за горло, то голову открутит, как цыпленку. Хвастал он мне на сон грядущий:

- Ну, мы и погуляли в Гражданскую войну на Ставрополье! Банду возглавлял бывший полковник царской армии Васюк. Мы его кликали батей. Возами возили награбленное. Я,

правда, вовремя удрал из нее. А их, гутарили, порешили потом чекисты.

Рассказывая, он то и дело сжимал огромные, как пудовые гири, кулаки. Вспоминая их, я не мог уснуть всю ночь. Ведь узнай он, что я сам убивал эту банду, и мне крышка. Мне показалось, что он во время оккупации сотрудничал с немцами. Вот и щади таких...

Он надолго замолчал, видно, вспомнил что-то еще значительное или обдумывал новые мысли. А потом, не глядя ни на кого, произнес как бы в пространство:

- Мне кажется с высоты своих лет, что красные и белые ходили по лезвию одного ножа, с которого срывались то в одну, то в другую сторону...

* * *

В тот приезд Петр Степанович остановился у гостеприимных Овчинниковых. Ему понравились молодые доверчивые друзья. Как и он им. Аня большинство времени хлопотала на кухне, старалась сготовить что-нибудь вкусное и неожиданное, чтобы удивить ростовского гостя. Вежливо приглашала к столу, разложив по его периметру тарелки, длинноногие фужеры, рюмки из чешского сервиза, который они с мужем привезли из туристической поездки в Ленинград. Володя сильно заинтересовался местной казачьей историей. Иногда с оптимизмом вставлял известную фразу:

- Казачьему роду нет перевода...

Хотя было заметно, что и сомневался в этом. Вон как дело-то повернулось! Сотни лет казаки служили царю и Отечеству, а Октябрьская революция поломала сложившиеся традиции. Одним открыла глаза на правду, и они перешли на ее сторону. Не зря Ленин в одной из работ признал с благодарностью, что это решило исход борьбы с Колчаком и Деникиным в нашу пользу. Других изолировала, чтобы не мешались под ногами и не бунтовали. Третьи сами поняли, что их безнадежно эксплуа-

тировали богачи в своих корыстных целях. Под обещания свобод и льгот бросали на войну и в немилосердную мясорубку. Натравливали на таких же трудяг, как и сами они, крестьян, на усмирение восставших против невыносимой доли рабочих. И казаки, доведенные до бешенства, рубили шашками налево и направо, заливали улицы кровью. А еще иные, находясь подшофе, каркали, как черные вороны:

- Душу - Богу, жизнь - царю, а честь - никому!

Царским властям был выгоден этот девиз, и они то и дело его вспоминали, чтобы затуманить головы простолюдинам. Но о какой чести может вестись речь, когда лилась невинная кровь?! Оставались на просторах бескрайней России сироты и вдовы? Нужно было навсегда покончить с этим бесправием. И многие после диких мытарств видели выход в Советах, в колхозе, где было вдоволь земли и не надо было за нее проливать кровь.

И Степанов, представлялось Овчинникову, как раз оказался тем, кто помогал Советской власти искоренять такие дикие правила, устанавливать среди людей равноправие. Сделать все нации равными и одинаково нужными государству. Раздать поровну землю крестьянам и казакам, сколько придется на каждую душу. Отдать фабрики и заводы трудящимся людям, производителям материальных ценностей. Заставить дармоедов помещиков, банкиров, фабрикантов работать вместе с ними на благо общества и государства. У Бога все равны, утверждают правители и попы-дармоеды. Тогда почему у царей и хозяев не равны? Одни объедаются и с жиру бесятся от избытка, другие пухнут от голода, хоронят умерших от недоедания и болезней своих детей? Где же божье и царское равноправие? И почему тогда царя считают заместителем Бога на Земле? Почему прикрываются и спекулируют именем Господа? Почему их идеология имеет двойные стандарты?

Литератор Овчинников старался досконально разобраться в этой хитрой политико-экономической кухне, чтобы знать настоящую правду и причины бунтов, восстаний на многостра-

дальной Руси, которые периодически повторяются и не всегда приносят народу пользу. И ветеран фабричного комсомола и Коммунистической партии, бывший боец-чоновец Степанов своим наглядным примером и воспоминаниями былого заполнял пробелы в его исторических знаниях. Заполнял не так, как это делалось в учебниках, книгах, ведь в них из идеологических соображений не всегда говорилась истина. А Петр Степанович являлся живой энциклопедией минувших лет и событий. И ему нельзя было не верить. Ибо его информация и достоверность подтверждались другими ветеранами, которые участвовали в тех событиях вместе со Степановым. И Владимиру захотелось, как можно точнее, восстановить казачью историю и их отношений с остальным народом и Советской властью.

И он ненавязчиво расспрашивал ветерана о былых событиях. А тот, сохранив прекрасную память, словно события случились только вчера, увлеченно повествовал. Ведь они возвращали из подвалов истории его детство и фабричную юность, когда, не щадя жизни, боролись за светлое будущее русского народа.

А в тот день, когда фабричное начальство любезно выделило им транспорт, чтобы проехаться вдоль Кубани по местам боев и тревожных событий, Петр Степанович был несказанно счастлив от этой поездки, возвращающей его более, чем на полвека, назад.

- Это что – хутор Свинячий?- спрашивал он с интересом.

- Красная Деревня,- объяснял Овчинников.

- Красная, говоришь? Когда это она покраснела? Раньше хутором Свинячьим называлась. Жили там в основном приезжие таврические кулаки. Некоторые даже с бандой якшались. На шерстомойку нападали, такие, как семья Бутов. И мы, устав от этого, однажды темным вечером отрядом ЧОН, где я был заместителем командира, по приказу ЧеКа решили разорить это осиное гнездо. Захватили отца Бута со взрослыми сыновьями и еще нескольких бандитов и через Зеленчук переправили на фабрику, а потом в органы.

- А это хутор Маковский?- живо интересовался он, внимательно разглядывая дома и усадьбы селян.- Тут жили наши рабочие Подгорные. Отец – коммунист, сын – комсомолец. Передовые труженики, они несли прогрессивные мысли и на село, что, конечно, не нравилось кулакам-богатеям. И белобандиты жестоко расправились с ними. А мы на похоронах поклялись отомстить за товарищей и рассчитались с бандой Васюка, управлявшей делами в Верхней Кубани. Она этого заслужила. Вот еще один пример.

Красная Армия готовилась к операции по уничтожению банды Шкуро. Крупные силы окружили Боргустанские и Бекешевские леса, чтобы не выпустить оттуда шкуровцев, не дать уйти на Кубань. И он решил со своими пятью тысячами бойцов драпать на Ставрополь, близ которого была Добровольческая армия Деникина. И он двинулся на соединение с ней. А попутно уничтожал в станицах, селах и хуторах органы Советской власти. Устанавливал власть белых. Налево и направо расстреливал и вешал активистов.

Узнав, что в Кугульте задержан комиссар Ставропольской губернии Петров, что там запахло расправой, лично прибыл туда, утвердил приговор и публично повесил комиссара. А труп милосердно отправил в Ставрополь и послал телеграмму: «Посылаю труп повешенного мною комиссара Петрова и предупреждаю, что то же будет со всяким, кто окажет мне сопротивление».

А сколько таких случаев было в кубанских станицах и хуторах в грозных 1918 – 1919 годах!

Услышав такое, Овчинников только недовольно и удивленно качал головой. А растревоженный воспоминаниями Петр Степанович продолжал.

- Вот так отстаивали свои богатства, нажитые за счет трудового народа, богачи и помещики. И он же, необразованный и доверчивый, поверив им, защищал эти чужие богатства, не жалел своих жизней ради процветания своих эксплуататоров,

развязавших Гражданскую войну. И погибло в ней на фронтах и в тылу от голода, террора и болезней по скромным подсчетам от восьми до пятнадцати миллионов человек. И не дай Бог, если все это начнется снова и богачи снова станут править бал, захватят в свои руки богатства страны. Сделают трудящихся своими рабами! Они не поймут этих неоправданных жертв и, если надо, снова развяжут кровавую бойню...

Уже была середина осени, но вокруг еще виделось много зелени. По-весеннему смотрелись деревья, одетые в плотные шубы из листьев, разноцветные цветы и травы, что лето показалось гостю нескончаемым, будто снова наступает весна. Правда, в лесопосадках и на отдельных фруктовых деревьях, дикими конниками рассыпавшихся по степи, уже были спелые дикие груши, яблоки, кизил и другие ягоды, от которых вязало во рту и из которых местные жители варили компоты и взвар. По полям еще всюду летали трудолюбивые пчелы, собирая последние взятки с последних осенних цветов.

В это время года дожди на Верхней Кубани редки, и реки непривычно мелели. И вода в самой Кубани и ее притоках – Большом и Малом Зеленчуках – заметно сбавляла темп и была до того светлой и чистой, словно слеза, что виделось, как на ладони, дно, все камушки на нем и случайные предметы. И только вблизи берегов и на отмелях, как крупные доисторические рыбы, лежали когда-то унесенные большой волной громадные деревья, упершиеся в гальку своими широкими бородами-комлями. И сдвинуть их с места сможет только новое половодье, принесенное осенними дождями. Начиная свой стремительный бег с кавказских ледников и горных ручьев, реки несли особую щелочную воду в низовья, поили аулы, села, города холодной горной водой. Шли на промывку тонкорунной шерсти, превращая ее в золотое руно, пока не врезались в Азовское море, питая его живительной влагой.

И эта горячая степь, перечеркнутая на горизонте высокими колхозными лесополосами и гористыми холмами, уходила

далеко на юг и упиралась в зубья неприступных вершин Большого Кавказского хребта, который был хорошо виден в ясную погоду и казался картиной хорошего живописца.

И воображение увело прозаика в далекую старину, когда степь была покрыта высокой луговой травой с островками кустарников и незнакомых деревьев, где затаивались хищники и прочие звери. Степи были уделом кочевников, где паслись многочисленные табуны лошадей, отары овец и стада коров. Проносились зловещими тенями или привидениями всадники на низкорослых степных лошадях с длинными копьями и неизменными луками.

С тех пор прошли века и тысячелетия. И немymi свидетелями прежней жизни в степях остались только молчаливые курганы – искусственные земляные насыпи, созданные людьми в различные эпохи с целью погребения усопших или сокрытия дорогих кладов. Да потомки далеких воронов, которые о чем-то постоянно каркают, словно хотят рассказать о тех незнакомых временах, только понять их птичьего карканья люди никак не могут.

Да чего ходить далеко, еще в 18 – 19 веках беспокойные горцы нападали на поселения хоперских казаков, заселивших опорные пункты Верхне-Кубанской оборонительной линии. В том числе на Невинномысский редут, построенный в 1788 году.

Как гласит одна из легенд, однажды горцы напали на находящихся на полевых уборочных работах семьи казаков – стариков, женщин, детей. Кого порубали на месте, других захватили в плен и увели в горы, чтобы продать в рабство. Погибли десятки невинных людей. Рядом находящийся мыс назвали в честь них Невинным. А выросшую станицу – Невинномысской.

Не так давно тут зверствовали банды, которых преследовали отряды красных. Не обошел вниманием Верхнюю Кубань и командир волчьей сотни Андрей Шкуро. И, как будто читая мысль собеседника, Степанов заговорил мягким и ненавязчивым голосом, будто боялся испугнуть его думы.

- Ты знаешь, что в войну с Гитлером идеологи казачества хотели создать страну Казакию? «Независимую» и «самостоятельную», под покровительством Германии. Считали, что лучше фашистам отдать исконные русские земли, чем самим русским. А Шкуро обращался к фашистам за помощью сформировать казачий корпус и перебросить его на Северный Кавказ, чтобы поднять успокоившийся народ на Кавказе, чтобы снова резать и убивать ни в чем не повинных людей. Также просил создать диверсионный отряд в районе Баталпашинска – Черкесска, который думал сделать отдельной республикой или казачьей столицей. Даже был приказ Гимmlера развернуть Первую Казачью дивизию в корпус. А Шкуро, к тому времени генерал-лейтенант войск СС, был назначен начальником резерва и должен немедленно приступить к вербовке казаков. И он принялся за работу.

В короткий срок завербовал девять тысяч казаков. Организовал школу диверсантов. Вновь предложил сформировать из казаков волчьи сотни. Это бравые всадники на резвых лошадях с волчьими хвостами на мохнатых шапках или папахах из волчьей шкуры и волчьим хвостом на башлыках – символом силы и беспощадности. И жаждой неумеренной расправы. Представляешь, что бы они тут натворили? Да и страну Казакию создали бы для подавления населения, своих батраков и рабов!

На вид воспитанный и интеллигентный старик немного помолчал. Посмотрел в окно на осеннюю степь и вновь подал голос.

- Шкуро стал рабом событий и послушным исполнителем имперской воли. Поэтому так позорно закончил. Его выдали СССР англичане в 1945 году за борьбу с Советской властью. Выдали, как ненужный и отработанный хлам. Те чопорные англичане, которые наградили его в 1919 году высшим орденом «Бани» за борьбу с той же Советской властью. Был предан теми, кому дважды доверился. Предан холодно, расчетливо, интеллигентно. А когда-то он наивно думал, что положит на лопатки государство рабочих и крестьян. Никому его сроду не

положить, если свои зажавшиеся правители не предадут.

- Как непредсказуема и загадочна судьба, а ведь таким был бесстрашным рубакой!- наивно удивился Овчинников, борясь с роем мыслей в голове, пришедших после повествования ветерана.- Видать, так выпала карта и таковы казачьи козыри...

Они уже въезжали в станицу Беломечётскую, куда и направлялись, чтобы встретиться с учащимися местной средней школы. Вспомнить и рассказать о былых событиях давно отгремевшей Гражданской войны. Продолжить полезную связь поколений.

17

Их встречали торжественно. Несмотря на неоконченные уборочные работы, пришли даже директор и секретарь парткома совхоза, который считался одним из лучших в Кочубеевском районе. При въезде в станицу вытянулся вдоль кубанского берега ровный строй белых длинных помещений и ферм, где содержались тысячи голов коров, телят. Трудились сотни людей, чьи семьи были навсегда обеспечены работой, накормлены, обуты, одеты.

Рядом с конторой находилась новая просторная школа, которую стройными часовыми окружили пирамидальные тополя и другие деревья, будто оберегающие казачьих деток от лучей немилосердного жаркого летнего солнца и сырых зимних каспийских ветров, приносящихся по бескрайним плодородным полям и степям, подступившим к Беломечётской с востока.

Гостей окружили многочисленные педагоги вместе с директором школы Виктором Ивановичем Ильиным, ветераны станицы, старшеклассники в красивой школьной форме, которая смотрелась празднично и делала юных граждан необыкновенно красивыми. Появились цветы, улыбки, объятия, душевные разговоры. Их завели в просторный кабинет на втором этаже, где дружными возгласами и вставанием приветствовали

учащиеся. И Петр Степанович не переставал удивляться приятным переменам, произошедшим в станице с тех пор, когда он тут бывал в последний раз.

- Сегодня у нас в гостях ветеран Гражданской войны, один из первых комсомольцев Невинномысска и края Петр Степанович Степанов и писатель Владимир Иванович Овчинников! торжественно объявил директор школы, и кабинет наполнился аплодисментами.- И я предоставляю слово для выступления и воспоминаний нашему дорогому ветерану-орденоносцу.

Петр Степанович живо поднялся, словно все еще оставался тем Петькой-чоновцем, который когда-то наводил социалистический порядок на Верхней Кубани и в районе этой казачьей станицы. Обвел орлиным взглядом собравшихся учащихся, педагогов, стариков и заговорил мягким душевным голосом.

- Здравствуй, племя младое, незнакомое, как выражался Александр Сергеевич Пушкин. А мне кажется, мы давно знакомы и знаем друг друга десятки лет. Я рад, что вы такие собранные и красивые. С охотой овладеваете знаниями и не сегодня-завтра выпорхнете из родительского и школьного гнезда, как быстрокрылые птицы, и помчитесь навстречу жизни. Замените поколение ветеранов у тракторов и станков, в агрономии и животноводстве, на стартовых космических площадках и строительстве крупнейших заводов и городов. И хотя ваша станица заметно выросла и похорошела, преобразилась, работы в ней еще непочатый край. Только учись и не ленись трудиться. И Советская власть вам все это любезно предоставляет, чтобы вы стали хорошими специалистами и педагогами, инженерами и врачами.

Мое детство прошло на шерстомойной фабрике купца Лапина. Чтобы поступить учиться в станичную школу, нужно было заработать деньги, купить сапоги, ибо в распутицу без них не пройдешь по необъятной грязи. Приобрести учебники, тетради и прочие причиндалы. И эти деньги нужно было самому заработать на подноске грязной шерсти в моечном цехе,

сушке или на промывке гравия на Зеленчуке. Детям за тяжелый труд платили по десять – пятнадцать копеек за четырнадцати - шестнадцатичасовой рабочий день. И они к концу смены валялись с ног и тихо плакали от бессилия, чтобы не увидели приказчик. Иначе выгонят, ведь у фабричных ворот ожидали работы десятки таких же мальчишек, девчонок и их родителей. Это была безжалостная эксплуатация детского и взрослого труда в антисанитарных условиях. На ночь многие оставались спать на грязной шерсти в лабазах, чтобы не идти домой и не терять лишних сил, от которой нередко заражались бруцеллезом, чесоткой и другими заразными и неизлечимыми болезнями.

У вас теперь есть все. Хочешь, поступай в институт, техникум, иди на завод, ферму, стройку, в армию. А тогда была проблема. И народ не выдержал таких унижений и издевательств. Совершил Великую Октябрьскую революцию. Власть, фабрики, заводы взял в свои руки. Отдал бедным крестьянам и казакам в вечное пользование землю. Но богатеям-кровососам это не понравилось. Развязали Гражданскую войну. Из Крыма холодной змеей выползла армия Врангеля. И партия большевиков призвала народ на борьбу с ним. На нашей фабрике записывались на фронт. Многие старые активисты сложили головы в предыдущих боях, и теперь брали только молодежь, выросшую, повзрослевшую. В числе добровольцев оказался и ваш покорный слуга, недавно вступивший в комсомол Петька Степанов.

В Екатеринодаре на призывном пункте меня строго спросили:

- Ты с какого года, паренек?
- С девятьсот четвертого.
- Шестнадцатилетних не берем,- отказали мне.
- Да я воевал. Меня послал комсомол!- горячился я.
- Не спеши воевать, чуток подрасти. Кто следующий?- услышал в ответ.

От обиды и бессилия хотелось разреветься. Но мой лучший дружок Яровой тихо шепнул:

- Подойди к другому столу, скажи, тебе восемнадцать лет. И я пошел. Отстоял в очереди. Тянулся вверх всеми мышцами, стараясь выглядеть выше ростом и старше.

- Фамилия?- спросил молодой и подтянутый военный.

- Степанов!

- Сколько лет?

- Восемнадцать.

- Кем послан?

- Комсомолом!- чеканил слова.

- В боях участвовал?

- С белобандитами.

- Добро. Чувствуется, свой хлопец. Поедешь в Ростов в распоряжение политотдела фронта.

Однажды в степи, когда наш отряд брал небольшую высоту, я вырвался вперед, увлекая товарищей, и закричал:

- Ура-а!..

Но навстречу ударила густая пулеметная очередь, и я захлебнулся на последнем звуке, боднул колючий куст красноголового татарника, взрыл лбом корни пожухлой травы и погрузился в зеленую темноту.

После госпиталя учился на курсах политруков. А в двадцать первом меня, как самого молодого, демобилизовали на восстановление разрушенного войной хозяйства. Вернулся на фабрику, а тут всю орудуют банды. Не дают строить социализм. Пришлось брать кулака Бута сотоварищи. Разгромить банду вашего земляка Михаила Васюка. Возможно, кто-то из вас является отпрыском его лично или сподвижников. Вы уж не обессудьте. Такое было время. И я не хочу травмировать ваши детские души этим эпизодом,- с пониманием произнес Степанов.

- Нет! Он был враг!- понеслось из зала.- Продолжайте! Это так интересно. Ведь из такой бедноты вылезла станица...

Словно минута, пролетело время двух уроков. А в заключение были долгие и громкие аплодисменты. Букеты цветов,

которые не помещались в охапку. И завистливые, преданные взгляды юношей и девушек, всем сердцем воспринявших героя.

«Значит, молодое поколение поддерживает и одобряет действия активистов тех бурных лет, лихих участников Гражданской войны, чоновцев и комсомольцев, кто совершал социалистическую революцию и защитил Советскую власть»!- с радостью подумал литератор Овчинников, и смутные, нехорошие предчувствия в его душе стали ослабевать.- «Значит, все было сделано правильно, коль дети и внуки участников тех непримиримых боев единодушно одобрили их отчаянные деяния».

* * *

Много интересного встретил в станице любопытный Овчинников. Директор школы повел их к памятнику павшим в первой половине 19 века при нападении турок беломечетским казакам. Памятник огорожен просторной железной оградкой. Могила была ухожена. Значит, о ней кто-то заботился. И это радовало гостей. Они сфотографировались возле него на память с Петром Степановичем и Виктором Ивановичем. А потом вновь вернулись на территорию школы, где стоял красиво отделанный в старом стиле сказочный домик-теремок. В нем находился местный музей.

Их приветливо встретила его заведующая и создатель Мария Гавриловна Акимова. Несмотря на возраст, лет ей, наверное, было за шестьдесят, она выглядела подвижной и бойкой. Даже говорливой и тороватой, каких еще немало найдешь в казачьих станицах и русских селах. Голос ее был звонкий, певучий, будто его только что смазали сливочным маслом. И казалось, что она не говорила, а пела на сцене местного Дома культуры.

- В конце войны я окончила школу, а в 47-м педучилище. И вернулась в станицу. Затем осилила и пединститут. Преподавала русский язык и литературу, рисование и даже историю. После войны педагогов не хватало. Вот и загружали девчонку

по самую макушку. И школьным начальником была, и заведующей клубом. От скуки на все руки. Награждена десятками почетных грамот. А сейчас, слава Богу, появилось много грамотных, с институтским образованием, учителей. Я уж на пенсии. Только вот без школы не могу, как и она без меня, старой клячи. И преподаю деткам рисование. Да музеем на общественных началах заведу. Вы проходите, проходите, посмотрите на казачью историю, их жильё, быт. В городе-то такого навряд ли встретишь!- бойко приглашала она гостей, мелькая перед ними в цветастом казачьем сарафане и легком платке. Наверно, только с огорода прибежала. На ногах ее была какая-то незнакомая ныне обутка домашнего изделия из сыромятной кожи. Видно, очень легкая и удобная в домашнем хозяйстве.

Увидев, как писатель с интересом разглядывает ее экзотическую обувь, Акимова тепло улыбнулась и проговорила:

- Раньше это называлось чубурами. Молодежь теперь такие не носит. А жаль. Они очень удобные, легкие и не утомляют ног.

Переступив порог сельского музея, Овчинников не переставал удивляться и восхищаться увиденным. Во многих музеях бывал он. В том числе в Эрмитаже и краевом. Но такой красоты и точности, приближенной к действительности, не видел. Хомуты, лавки и веники, тесовый стол, табуретки, фетогеновая лампа, русская печь с набором чугунов, ухватов, гусиным крылышком для подметания плиты и печного пода, которая когда-то и грела, и лечила от простуды, и поднимала тесто в горшках и макитрах. Нашли себе место и лохань для помоев, и рубель для белья, и прялка, и ткацкий станок. И многое другое, так необходимое в сельской жизни. И Владимир Иванович понял, что быт кубанских и южноуральских казаков во многом схож. Значит, они не чужие друг другу.

Белизной сияла горница – радость и гордость уважающей себя казачки. На широкой кровати лежали массивная пуховая перина, высокие и белые казачьи подушки, на которые так и

тянуло броситься всем телом и отдохнуть с устатку, будто окунуться в прошлой казачьей жизни. Мастерски сделаны руками Марии Гавриловны фигуры бородатого хозяина дома, его краснощекой дородной жены в белой, вышитой своими руками, кофте и длинной холщевой юбке. И красавицы дочери – белолицей, с румянами на щеках и длинными, ниже пояса, русыми косами.

Это гости признали высоким искусством, которого добились потомственная казачка. И на что бы они ни глянули, все вызывало неподдельное восхищение и восторг. Все сделано с душой и умением. Прямо, как в жизни. И изделия эти смотрелись живыми, будто вот-вот поднимутся с табуреток и направятся во двор по своим делам, кто чинить седло и другую сбрую, править бричку в дорогу. Кто доить коров, кормить живность или полоть в огороде.

А в переднем углу, как и водилось исстари, стояли на полке большие иконы Девы Марии и Николая Угодника, с которых свисали два белых полотняных крыла. И на латунной цепи висела медная плошка, из которой выбивалось пламя голубого огонька и доносился запах благовония. Ну, чем не праздник для души устроила Мария Гавриловна! И гостям показалось, что они побывали в своем детстве или даже встретились с далекими предками и их казачьим бытом. Уж не сон ли это?

А хлопотунья хозяйка, ответив на многие вопросы, повела гостей в свою просторную казачью хату, что находилась на соседней улице. Дом этой одинокой женщины заметно выделялся среди соседних, многие из которых построены в современном стиле и из настоящего кирпича. Во дворе, у самой калитки, гостей встретила каменная плита с надписью: «Прямо пойдешь – в царство сказки попадешь. Влево пойдешь – живой воды с Кавказских гор хлебнешь. Направо свернешь - у Марьи в избе гостеприимство найдешь».

Стояли близ мизерного прудка или ручейка сказочные скульптуры, цапля, сделанная из коряги, что примешь за жи-

вую. Плавали лебеди с почтительным поклоном. Был издалека виден колодец с красивой будкой над воротом. В самой хате тоже было много всяких интересных вещей и фигур, сделанных и сшитых мастерскими руками самой хозяйки. Игрушечные теремки, старинный самовар времен турецкой войны, грот, чучела совы, слона. И движенец догадался, что это были ее мастерская и филиал казачьего музея. А в углу он заметил старую запылившуюся гармошку.

После осмотра всей этой необыкновенной красоты хозяйка любезно пригласила гостей к столу.

- Да мы не голодны,- для блезира отнекивались они.

- Нет уж, это не по-христиански!- запротестовала она, и им даже стало неловко.- Нельзя отпускать гостей, не угостив хотя бы чаем.

На столе быстро появились салаты, красные крупные помидоры, огурцы, лук, чеснок и прочая зелень со своего огорода. Соленое свиное сало с прослойками мяса. Горячая картошка парила вулканом и возбуждала аппетит. Яблоки, сливы, груши, арбузы, от которых по всем комнатам разливался фруктовый аромат. А в широкие окна заглядывали ветви деревьев, будто любопытные соседи. Протяни руку в створку и сорвешь яблоко белого налива, медовую грушу или сливу мурабель. Чем не райские кущи на кубанской земле!

- Накладывайте и кушайте, дорогие гостеньки,- заставляла хозяйка.- А ты, молодой хлопец, наливай царского напитка из кувшина!

И Овчинников наливал желто-коричневый напиток не то из фруктов, не то из меда, похожий на медовуху. Он приятно миновал все внутренние закоулки пищевода и понес по желудку незнакомое тепло, словно туда заглянул игривый солнечный лучик.

Неторопко выпивали, закусывали, говорили, вспоминали былое. И по их лицам можно было понять, что жизнь им нравилась. Лицо хозяйки покрылось робким румянцем. Глаза лу-

каво заблестели. И она как-то сразу помолодела на вид, будто сбросила десятки прожитых, нелегких лет. Будто снова стала невестой.

- Раньше события отмечали с гармошкой. Пели песни, плясали. От такой медовухи душа просит воли.

- А вон что за гармозель?- подхватил Овчинников.

- Попробуй,- ответила хозяйка и влажной тряпкой стерла пыль со старой хромки.

Овчинников с нескрываемым интересом принял инструмент. Прошелся чуткими пальцами по ладам и басам. И они, услышав знакомую с детства мелодию, один за другим запели:

- При лужке, лужке, лужке,
При зеленом по-оле,
При знакомом табуне-е
Конь гулял по во-оле...

И песня набирала силу и звучность. В просторной и прохладной от самана хате ей не хватало места, и она стала искать выход, выплескивалась в двери и открытые окна, плыла по улице, соседним усадьбам и садам. Долетала до площади и совхозной конторы. И некоторые соседи, услышав любимый мотив, подпевали им.

Ты гуляй, гуляй, мой конь,
Пока не пойма-аю.
А как поймаю – зануздаю
Шелковой уздо-ою...

Хорошо и уютно показалось Овчинникову в настоящем казачьем курене, будто это был его родительский дом, в который наведалься он через многие годы разлуки. Все показалось знакомым, родным, словно вырос тут. И Мария Гавриловна, такая же худенькая и приветливая, как его мать, Мария Алексеевна, показалась слитком добра и милосердия, которому не присущи зло, зависть и другие пороки и которое ниспослано на землю самим Господом Богом, чтобы скрасить ее темные стороны, уродства и нелегкую жизнь людей.

И не хотелось покидать этого дома, расставаться с хлебо-солёной и гостеприимной хозяйкой, другими станичниками. Но время неумолимо близилось к вечеру. Солнце уже отступило за Кубань и Малый Зеленчук, куда Владимир не раз приезжал на рыбалку. Да и не хотелось больше отвлекать Марию Гавриловну, у которой, наверно, и без них дел невпроворот. Пора и честь знать. И они со Степановым дружно поднялись. Стали благодарить за угощение и заботу. И прощаться. Она приготовила им гостинцев в дорогу со своего огорода. А Овчинникову еще и протянула толстую зеленую тетрадь, сказав виновато:

- Это словарь местных казачьих слов. Писателю пригодится...

Расставались как самые близкие друзья или родственники, с объятиями и поцелуями. Долго махали друг другу руками, пока машина не свернула за угол и не помчалась в сторону Усть-Невинки. Переживая в памяти минувшие события, Овчинников достал подаренную местной учительницей тетрадь и прочел текст на обложке: «СЛОВАРЬ устаревших слов и диалектов Беломечётских казаков. Ст. Беломечётская. М. Г. АКИМОВА».

Ну что интересного может написать сельская учителька, подумал он и стал лениво листать его. Машину покачивало, и пассажиров тянуло в сон. Но с каждой страницей и даже словом он все больше оживлялся и со все большим интересом вникал в текст.

«С детства, с молоком матери, я познавала язык наших предков. Мать моя, Анастасия Акимовна, имела особый дар к народному слову. Не пользовалась запасом чужих слов, а откуда-то срывались новые, необычные по своей выразительности, силе и точности слова, никогда и ни от кого не слышанные. Да еще и рифму подбирала. И всем окружающим было весело. Необыкновенный дар. Не приходилось за всю жизнь встречать подобной речи, изобиловавшей массой пословиц, поговорок, уместно ею применяемых.

Приплясывая, на ходу слагала куплеты. Нет, мы, ее дети,

не такие. Она – кристалл особой породы! И ее брат Федор (по прозвищу Якимец) еще в большей мере владел публикой. Никому не давал сказать слова. И все в дело. Так забавно, смешно и талантливо. Так умно!..

А не будет врожденного таланта – не выступишь, не скажешь вот так просто, доходчиво и умно. Это природный дар, и ему я отдаю предпочтение. Предпочтение семейному воспитанию, внутреннему духу. Только матери-воспитательнице».

Эти личные мысли или вступление, подумал Овчинников, очевидно, были неоконченным текстом размышлений педагога Акимовой, которые она, не успев развить и закончить, любезно подарила литератору. Но он удивился четкости ее мысли, правильности выражений, написания слов и знаков препинания, что почувствовал к этой талантливой женщине еще большее уважение.

И дальше, как в любом толковом словаре, под определенными буквами шли слова и трактовалось их смысловое значение. А нередко и сопровождалось рисунком.

АНЧУТКА – слово-паразит (Анчутка б тебя забрала!).

БЭРДО – часть ткацкого станка. Рамка с тонкими пластинками, через которые продеваются нити, пряжа.

БУРКА – войлочная накидка на плечи. Походная одежда казака. Служит защитой от холода. Является неотъемлемой частью казачьей формы.

ВАРАКСАТЬСЯ – валандаться, делать нестарательно.

ГУСАРЫ – женская обувь на каблуке. Высокие, под колено, со шнурками снизу доверху.

ДОНЦЕ – небольшая доска с отверстием для гребня, на которую садится пряжа.

ЖАБУРЫНЬЯ – остатки от браги, отсев от чего-нибудь.

ЗАХВАСТОЛУПЫЛЫ – убежали, быстро ушли.

ЛИЖНИК – домотканное одеяло.

НОЧВЫ – на ночь замешанное тесто.

ОБОДНЯЛО – просохло, распогодилось.

ПЕРЕПИЧНОЕ (окно) – находящееся перед печью.

СКАЗУБЭНДЫВСЯ – взбесился, наговорил с дуру.

ФАТОГЕН – керосин.

ЦИБАРКА - ведро конической формы.

ЧУХМАРЫТЬСЯ – чухаться, чесаться.

Многие десятки слов, если не сотни, доходчиво объясняла сельская учительница, делая на многие из них пояснительные рисунки. А ведь даже он, литератор, уже знал значение не всех этих слов. Тогда что спрашивать с молодежи и детей? Оказывается, все так быстро забывается, что берет ужас. Что же останется после нас потомкам? И Овчинников до глубины души был удивлен ее многогранному таланту. И очень радовался встрече с интересными людьми. Он еще не предполагал, что не раз воспользуется при написании книг словарем казачки Акимовой, своеобразного беломечетского Владимира Даля.

18

На всю жизнь запомнил тот день 70-х годов движенец Овчинников, когда на станции чуть не случилась большая авария, которая могла перечеркнуть всю его дальнейшую карьеру. Он уже работал в коллективе диспетчеров. Вначале подменял кадровых постоянных работников, уходящих в трудовой отпуск или на больничный. Потом был введен в штат. Эта работа ему хорошо знакома еще по Челябинску Южно-Уральской железной дороги, где грузонапряженность движения была одной из самых высоких в Союзе. Здесь же было попроще. И он выполнял диспетчерские операции с необыкновенной легкостью, словно щелкал семечки. Приговаривая при этом про себя:

- Грамодяне пассажиры! Поезд Кисловодск – Воркуту прибывает на першую путю. Шутю – на семую путю.

Вся станционная система ему была хорошо известна, ведь он прошел многие ее ступени. И, проводя те или иные операции, часто даже не смотрел на схему расположения светофоров,

стрелок, основных путей и тупиков. Его молодая память еще не замусорилась и была точной, как фотография. Руки сами знали наизусть пульт управления. И он мгновенно включал необходимые тумблеры и разноцветные кнопки, переводя нужные стрелки и управляя световой сигнализацией.

В тот раз он отправил очередной грузовой поезд и на главный путь принял пассажирский Кисловодск – Москва., который после недолгой стоянки должен отправиться вслед за грузовым. По правилам «железнодорожного жанра», как называли этот процесс движенцы и связисты, на каждом блок-участке стояли светофоры, разрешающие или запрещающие движение поездов. После только что прошедшего состава загорался красный сигнал, не только запрещающий дальнейшее движение, но и сообщавший, что блок-участок занят. На предыдущем блок-участке загорался желтый, разрешающий тихий ход. И только ближе к станции – зеленый, разрешающий движение на полном ходу. Эта мера безопасности хорошо продумана железнодорожными специалистами и предотвращала аварии и ошибки соотвествующих исполнителей.

Все было в привычном режиме. Причин для беспокойства не предвиделось. Выдан приказ об открытии зеленого сигнала на выходном светофоре. И дежурный по станции должен был отправлять скорый поезд. Но тут на свободном пути перегона стали самопроизвольно зажигаться огни светофоров, как будто шел поезд по неправильному пути и перекрывал на рельсах контакты блок-участков.

- Что за хрень?- увидев непривычную картину, тревожно воскликнул Овчинников, вызывая по селектору дежурного по станции.- Что случилось с эСЦэБэ?

- Сам не пойму в огороде бузину, как неверную жену!- вроде как в шутку прокричал тот.

- Наверно, вагон отцепился от товарняка и прет на всех парусах на станцию! - невесело предположил диспетчер.- Перекрывай на выходном светофоре зеленый сигнал на красный! А

я переведу стрелку на тупиковый путь. Башмачники!- крикнул он по станционному радио, которое разнесло по всей территории его громкий приказ.- Срочно поставьте на тупиковых путях башмаки! Оторвался вагон от тысяча второго и мчится на станцию! Надо предотвратить крушение. Составители! Все лишние вагоны на путях убрать в безопасное место!

Только что на станционной территории никого не было видно. И вдруг тревожно забегали люди, стрелочники, слесари-вагонники, осмотрщики, башмачники, машинисты маневрового тепловоза, милиционеры и охранники грузов. Небольшой маневровый тепловоз подцепил порожние вагоны и стал быстро толкать в хвост тупика.

Узнавшие о возможном крушении пассажиры дружно высыпали на перрон с открытыми от любопытства ртами, глазели на пути и наперебой спрашивали друг друга:

- Что война началась?
- Состав под откос загремел?
- Кубанский мост рухнул?

Овчинников, наверно, волновался больше всех, ибо от него зависел выход из ситуации. Он не знал, один вагон отцепился или несколько? И вызвал по радиосвязи машиниста.

- Механик тысяча второго, что случилось? Почему вагоны покатались на станцию? Самоотцеп?

- Не знаю. Давление воздуха в тормозной магистрали в норме,- беспокойным голосом ответил тот.- Мне из-за поворота не видно.

Переживая случившееся, диспетчер то вскакивал и подбегал к окну, хотя обзор из его высоко построенного кабинета был хорош в обе стороны. То садился в рабочее кресло и внимательно следил за дублирующими сигналами на рабочем столе. Наконец он увидел, как крытый шестидесятитонный вагон, все больше набирая скорость, неумолимо мчался на станцию, как на непримиримого врага. Если не успеешь перевести стрелки на тупиковый путь, он ударится в пассажирский. И послед-

твия крушения могут быть непредсказуемыми. Непременно будут человеческие жертвы, погибнут ни в чем не повинные люди, едущие в командировку, на отдых или по своим личным делам. Погибнут дети... И надолго остановится движение.

Он мысленно представил, как от мощного столкновения покорежится и изомнется электровоз и начнет валить пассажирские вагоны. Как полетят с полок не ожидающие такого спящие беззащитные люди, которые через секунду станут изувеченными, а то и неживыми, которых не дождутся дома или на работе, у которых останутся сиротами дети. И почувствовал, как стали непроизвольно вставать дыбом волосы, как вдруг от испуга обожгло сердце, будто каленым железом. И ему не захотелось сидеть и ждать последствий в своем высоком диспетчерском теремке, а хотелось быстрее выскочить на улицу, даже выпрыгнуть в окно, кинуться навстречу этому зловещему вагону и своей силой, своим телом преградить путь этой беспощадной стальной громаде, этому убийце, чтобы только предотвратить невыносимую трагедию.

Он где-то читал, что в такие экстремальные моменты силы у людей удесятерятся. Но физически он уже не успеет добежать до входных стрелок. И тут же взял себя в руки. Только бы колесными парами не разрезало перевод!

- Стрелочники, башмачники, гото-овы?- во всю глотку рявкнул в радиомикрофон, и через мгновение повешенные вдоль путей мощные динамики занесли его голос обратно в открытые окна.

А оторвавшийся вагон уже проскочил входные стрелки и резко дернулся в сторону, отводимый изгибами рельсов. Задержался, закачался из стороны в сторону, как взбесившийся конь, готовый выпрыгнуть из оглоблей и понестись напрямиком, не разбирая дороги и все сметая на своем неразумном пути.

Но вот он еще раз нервно дернулся, будто ему натянули до предела удила, заскрипел тележками и колесами, заскочившими на стальные башмаки, из-под которых посыпались веером

искры, и колеса пошли юзом. Правда, скорость еще держалась немалая. Но тут замелькали маленькие фигуры умелых башмачников, держащих в руках длинные палки с рожками на концах, похожие на печные ухваты. На них и сидели дополнительные башмаки, умело опущенные на рельсы перед второй тележкой вагона. Оттуда еще доносился душераздирающий скрип, летели искры, но диспетчер уже был уверен в победе.

- Измотали сивку крутые горки!- с победной насмешкой вымолвил он, устало опускаясь на рабочее кресло.- Как уросливый жеребец, вагон ошалел!

Он как-то заметно сник, обессилел. Почувял, как холодный пот покрывал его лоб, лицо, шею. Потек по спине. Но расслабляться некогда. Нужно было собраться с силами. Поблагодарить людей, не растерявшихся в минуты испытаний и отвративших крушение. Сообщить о случившемся отделенческому диспетчеру. Тот, как и положено по ранжиру, донесет диспетчеру управления СКЖД, начальнику дороги. А уж тот доложит министру Путей Сообщения. А министр может пролить информацию в ЦК. И через короткое время об этом будет знать полстраны. И он поднял телефонную трубку диспетчера Минераловодского отделения дороги, которая почему-то показалась страшно тяжелой.

- Семен Васильич, у нас нештатный случай произошел. Причину будем выяснять. Отцепился вагон от уходящего состава на перегоне. Видно, что-то с автосцепкой случилось. Может, замок сломался. Но он тогда должен был остановиться экстренным торможением. Похоже, у него был отключен тормозной прибор, а на соседнем вагоне перекрыт концевой кран. Тогда бы и состав остановился. Такое бывает, когда автоматчики в парке отправления не успевают заменить, а состав уже отправляет диспетчер, чтобы не выбиться из графика. Теперь начнется нервотрепка.

- Молодец, что не растерялся. Дюже не переживай. Это же не по вине движенцев, а вагонников. С них и сдерут шкурку, как с горностаев,- успокоил его отделенческий начальник.

После доклада Владимир Иванович откинулся на спинку кресла и вдруг вспомнил свою давнюю работу слесарем-автоматчиком в вагонном парке. И даже придуманную им тогда неказистую шуточную песенку:

Весел слесарь-автоматчик.

Он не лодырь и не вор.

Для него ничто не значит

На плече нести прибор...

Вспомнились и эти двухпудовые тормозные приборы системы Матросова, которые сотни раз таскал на плече и устанавливал, согнувшись в три погибели под вагоном. Работать приходилось в бешеном темпе. А когда все же не успевал закончить, а поезд уже отправляли, то оставлял его отключенным и пулей выскакивал из-под тронувшегося состава.

Он даже попытался улыбнуться, но случай с отцепившимся вагоном не выходил из головы, ведь подобное случилось в первый раз в его диспетчерской службе. А еще ему нужно было идти на «разбор полетов» к начальнику станции. Потом ехать к начальнику отделения. А может, и в управление железной дороги, дисциплина на которой по заветам Иосифа Виссарионовича должна быть железной.

* * *

Слух о предотвращении крушения на железной дороге быстро облетел город и даже вырвался за его пределы. Проводились оперативки, и собирались комиссии. Вызывались виновные и ответственные лица. Выпускались приказы о наказаниях и принятии безопасных мер. В многочисленных службах пыль шла столбом. А чиновничье-бюрократическая машина все больше набирала обороты. Движенцы сваливали вину на вагонников. Вагонники на составителей и машинистов. Не забывали и путейцев, мол, профиль обслуживаемых ими путей мешает нормальному движению поездов.

Наконец высокое начальство и уважаемые комиссии разо-

брались и выдали всем сестрам по серьгам. И только коллектив станции был по заслугам отмечен, который не растерялся в трагическую минуту и предпринял все, чтобы избежать крушения поездов и неминуемой катастрофы. Более того, участники ликвидации неординарной аварийной ситуации были отмечены в приказах начальника Северо-Кавказской железной дороги и самого министра Путей Сообщения. Им не пожалели грамот и премий, а диспетчеру Овчинникову даже выдали тройной оклад в полтысячи с лишним рублей. Это для него были огромные деньги, если у самого Генерального секретаря Леонида Ильича Брежнева оклад составлял 700 или 800 рублей.

Его ставили в пример другим. Вызывали на совещания и семинары по обмену опытом. Об его находчивости писали газеты. А их отраслевая газета «Гудок» дала большой репортаж с места событий аж на первой странице под заголовком «Диспетчер не дал случиться беде». Поместила сделанный крупным планом снимок Овчинникова на рабочем месте при всех регалиях и в железнодорожной форме: в фуражке с высокой тульей и кокардой, строгом кителе со знаками отличия и нашивками и устремленным вдоль станционных путей и перегона орлиным взглядом. Глядя на него, можно было подумать, что это не рядовой диспетчер, руководитель стального потока, а по крайней мере начальник железной дороги, если не сам министр Путей Сообщения. Правда, его несколько выдавали молодой возраст и легкая горделивая улыбка молодецкого достоинства, которую он по неопытности не мог скрыть во время съемки. Она не выражала надменности, а скорее напоминала мальчишескую шаловливо-задорную радость от только выигранной дружеской схватки с приятелем.

Миллионы железнодорожников и членов их семей от западных границ СССР до Дальнего Востока прочтут этот пафосный репортаж и узнают имена героев-железнодорожников, главным из которых был невинномысский диспетчер Владимир Иванович Овчинников.

Не осталась в стороне и городская газета. И ее лучший литературный сотрудник Станислав Старченко не ударил в грязь лицом перед именитыми печатными изданиями. На другой же день примчался в диспетчерскую и долго расспрашивал занятого делом специалиста. Вспомнил его казачье происхождение, учебу, вагонное депо, переезд на новое место жительства и работы, подъем по служебной иерархической лестнице, когда человек из простого стрелочника превращается в одного из лучших диспетчеров МПС, известного на весь Советский Союз.

- Хватит меня пытаться, как партизана!- наконец возмутился Овчинников.- Видишь, я занят делом?

- Я могу прийти и после смены, чтобы все чего-нибудь не наврать. Материал очень важный, и сроки горят. Первый секретарь горкома партии Виктор Петрович просил написать о молодом коммунисте,- оправдывался Старченко.- Это же пример юным для подражания! Не перевелись еще Павки Корчагины, слава Богу! И ты отбрось свою ложную скромность, ведь мы – реалисты!

Очерк «Обуздали стального коня» получился солидным, с переносом с первой на вторую полосу. И начинался словами: «В жизни всегда есть место подвигу, утверждал известный на весь мир классик. И утверждал справедливо. Доказательство тому – недавний случай, произошедший на станции Невинномысская. На перегоне от отправленного с нее состава отцепился грузовой вагон и покатился под уклон назад, грозя обрушиться всей своей немалой массой на стоящий под отправлением скорый пассажирский поезд. Но коллектив движенцев, к счастью, не растерялся. Вовремя спохватился и забил тревогу недавно поставленный диспетчером молодой коммунист Владимир Овчинников. Выходец из южноуральских казаков, привыкший не только к скорости движения, но и быстрому принятию безошибочных решений, он моментально выдал подчиненным четкий приказ по предотвращению крушения, которое могло привести к трагическим последствиям и многочисленным жертвам.

В результате казак с подчиненными умело обуздали взбесившегося стального коня. Вагон приняли на запасной путь, быстро остановили. И тут же стали отправлять поезда по намеченному графику, как будто ничего не случилось. Тем самым сохранили многие человеческие жизни и сберегли большие материальные ценности...»

Автор очерка не жалел эпитетов и художественных сравнений, чтобы показать живой и точный образ героя трудовых будней. И закончил фразой: «А еще он – литератор, прозаик, издающий книги, выросший из штанишек литературной группы при городской газете «Невинномысский рабочий». И нам, его сотрудникам, очень приятно, что имеем отношение к становлению личности писателя и движенца Овчинникова, сумевшего обуздать даже стального коня».

Не обошлось и без фотоснимка. И Владимира Ивановича узнавали многие горожане, оглядывались на него при встрече на улице. А ребятишки даже показывали пальцем:

- Вон идет казак со стального коня!..

А дома спрашивали с улыбкой, но не без уважения:

- Ну, как, обуздатель-издатель, с шашкой наголо отсекаешь на железном коне?

- Рассекаю, и не таю, и предела в том не знаю,- тоже с улыбкой парировал он и радостно обнимал супругу с детьми.

С первых дней работы в Минераловодском локомотивном депо Максим Колкин зарекомендовал себя думающим и знающим специалистом. Поработав помощником машиниста и наездив необходимое количество километров, он стал кадровым машинистом. И неплохим машинистом, говорили товарищи. Даже новатором. Водил товарные поезда повышенной грузоподъемности. Выступал с новыми починами социалистического соревнования, которые поддерживали не только в родном депо,

но и в коллективах всей Северо-Кавказской железной дороги.

Активным Максим Сергеевич оказался и в общественной жизни. Участвовал во многих мероприятиях, даже в работе добровольной народной дружины. Надев на руку красную повязку, вместе с товарищами патрулировал по улицам железнодорожного поселка, привокзальной площади, перрону, зданию вокзала, где еще встречались всевозможные залетные щипачи, специалисты по умыканию «углов» - чемоданов, поездные бродяги - «аркашки», бакланы и прочие нездоровые элементы и люмпен-пролетарии, лица без определенных занятий, не упускающие случая слямзить что-нибудь у доверчивых курортников, прущих, как мухи на мед, со всего необъятного Союза в санатории Кавминвод. А то и на худой конец подломить магазин или стоящий на дальних путях вагон с контейнерами.

Конечно, такие экстраординарные случаи были очень редки. Но все-таки происходили. Случались и пьяные драки. И даже поножовщина. Не зря говорят, что береженого Бог бережет. Однажды задрались проезжающие кавказцы с московскими щипачами. Драка быстро набирала оборот. Летели наземь от сильных ударов те и другие. Один из кавказцев достал длинный нож и был готов лишить жизни первого попавшегося.

- Па-адхады, кто хочет пойти на ша-ашлик!- приглашал он, махая ножом, и близко находящиеся испуганные пассажиры мгновенно разбежались.

В этот самый опасный момент и появился отряд народной дружины Максима Колкина. Он первым бросился в гущу потасовки, схватил за руку небритого человека с ножом и скрутил. Его и еще нескольких драчунов, не поделивших территорию, отвели в линейное отделение милиции, где выяснили, что главный задержанный оказался вором-рецидивистом, объявленным во всесоюзный розыск.

Вскоре Максима Сергеевича избрали неосвобожденным заместителем секретаря парткома локомотивного депо. И даже на очередной отчетно-выборной конференции наметили из-

брать секретарем парткома. А пока уговорили оставить тепло-воз и перейти мастером депо по ремонту локомотивов.

Колкин любил профессию машиниста, к которой стремился с самой юности. Любил встречать в дороге рассвет, когда после долгой и утомительной ночи поднимался из-за холмов робкий край восходящего солнца. С каждой минутой оно выплывало все больше и больше. Будило поля и вершины, зажигая их в ненавязчивый розовый цвет. Будило новые города, поселки и старые станции. Сотни раз он проезжал их, и они всегда открывались ему какими-то новыми гранями, хотя считались почти родными. Вот знакомый еще Пушкину город Георгиевск. А вот - Прохладный, где в вокзальной колонке текла самая холодная вода из всех станционных и где продаются в буфете самые дешевые шашлыки, стоящие всего двадцать пять копеек. А дальше - старый Моздок, когда-то территориально входивший в состав Ставропольского края. И по приказу губернатора князя Потёмкина обустроивалась новая кордонная Азово-Моздокская линия, в которую входил и Невинномысский казачий редут.

И радовалась бесхитростная душа машиниста, что эти предгорные дикие степи все больше обрастали городами, заводами, фабриками, колхозами, курортами, железнодорожными магистралями и ветками. Становились промышленными и сельскохозяйственными районами, вносящими свой посильный вклад в быстро растущую экономику Советского Союза.

И вот наступило время, когда нужно было расставаться с этими милыми сердцу поездками, любимой профессией машиниста и возглавить коллектив ремонтников. Но куда денешься, ведь он – коммунист? Куда пошлет партия, туда и пойдет. Хоть в бой, хоть на Крайний Север!

Но и на новом месте не скис энергичный инженер-механик. Быстро познакомился с коллективом. Выявил лидеров и нерадивых. Провел душевную беседу, настраивая на улучшение качества ремонта локомотивов. И оно вскоре заметно улуч-

шилось. И уменьшились сроки ремонта. А авторитет руководителя среди рабочих быстро вырос. И вместе с этим выросла перспектива. И быть бы ему вскоре начальником депо, как уже намечало руководство, да все больше жаловались его старики на свою немочь, старческие болезни, все чаще навещающие мать с отчимом.

- Дюже хворые мы, Максим. Без посторонней помощи не могём.

И стал проситься он у транспортного начальника отделения дороги, недавно заявившего ему:

- Готовься руководить депо.

- Рад бы в рай, да грехи не пускают. За доверие спасибо. Но в Невинке остались больные родители. Сюда ехать не соглашаются. Как их бросишь, все силы отдавших в войну и после нее колхозу?

- Скажу откровенно: жалко терять такого специалиста,- после долгого молчания произнес начальник. - Но и тебя понять можно. Не заслужили наши родители, чтобы оставить их в беде и одиночестве. Поговорю я с Байбурским, начальником Невинномысского депо. Пусть место тебе подыщет. А если передумаешь, то мы всегда тебе рады.

- Я хоть на маневровый тепловоз соглашусь, лишь бы только в Невинке,- с радостью признался Колкин, и в его голубых доверчивых глазах засветилась надежда.

Через полгода ему подобрали место. И он перевелся в Невинномысск. Казалось, родительской радости не будет конца. Правда, место ему досталось скромное – подменного машиниста тепловоза. Но механик не отчаивался, ведь впереди еще были десятки лет труда, почти целая жизнь, как ему казалось. И за это время может многое кардинально измениться. Лишь бы душа была спокойна. А она, в самом деле, была спокойной, ведь его трудоустроили. И они теперь жили дружной семьей из пяти человек в родительском доме. Места, правда, было маловато, но Максим решил сделать к дому пристройку, чтобы было

просторно, тепло и светло, чтобы не жаловались родители на одиночество.

* * *

Когда случилась авария с вагоном, на маневровом тепловозе работала смена Максима Колкина. Она составляла сборный поезд. Подтягивала одни вагоны, вытаскивала другие, туда-сюда катаясь по основным и запасным путям. И настойчивый гудок небольшого на вид локомотива, «Тэшки», как его называли на станции, то и дело тревожил ее прогретую солнцем тишину то в одном, то в другом краю. Часто загорались и гасли, меняя белый свет на синий, низкие маневровые светофоры, будто дружески подмигивали расторопной бригаде.

То там, то тут по волшебному мановению диспетчерской руки бесшумно переводились стальные стрелки. От движущихся вагонов появлялись порывы горячего ветра, ибо металлические детали вагонов, рельсов, щебень насыпи прогревались, как русские печки, и дышали жаром, смешанным с запахом креозота, мазута, старых ледников, от которых несло чем-то кислым и противным, першило в носу и горле.

Дневное летнее солнце немилосердно пекло, и людей тянуло спрятаться в тень или выйти на ветер. Но прохладной тени близко не было. А потоки горячего воздуха от проходящих поездов, казалось, умышленно впивались в тело и приносили болезненные страдания. Выдержать двенадцатичасовую смену на летней жаре – нередко казалось серьезным испытанием, если не профессиональным подвигом. Но опытные железнодорожники старались не думать об этом, ведь работа есть работа. Сами выбрали ее, никто силой не заставлял. Зато форму выдавали, работа по сменам и билет в любой конец Союза бесплатный, не говоря о пригородных поездах.

И они целыми днями и ночами то парились на беспощадно пекущем солнце, то кутались от проливного осеннего дождя или зимней стужи, мороза, проникающего во все щели. Их

кожа, особенно у путейцев, была коричнево-черной, как у негров, и задубевшей, грубой от работы под открытым небом. И если женщины-путейцы смазывали кожу специальными мазями и кремами, чтобы не так приставал загар, то кожа мужчин смотрелась черной, как чугунок. В толпе они заметно отличались от других людей. Но ничего не попишешь, коль у них такая работа.

В тот день на тепловозе трудилась локомотивная бригада Колкина. Она произвела отцепку нескольких вагонов от сборного состава, идущего в восточном направлении. Подала на разгрузочную площадку. Отвезла на Зеленчукский разъезд несколько платформ с контейнерами. Вытянула порожняк с шерстяного комбината и подцепила к нечетному сборному. Все шло без проволочек и задержек.

И вдруг откуда-то взялся этот заблудившийся четырехосный вагон, наделавший много шума и паники.

- Машинист манежового!- крикнул по радио диспетчер.- Срочно убирайте с пути все вагоны!

И Колкин не растерялся. Стал тащить их в конец станции, чтобы на них не наскочил тот, что катился с перегона. У него даже появилась идея – выехать навстречу вагону, а потом двинуться назад, только с меньшей скоростью, подцепить его и угнать на боковой путь.

Но он тут же сообразил, что сделать это уже невозможно, не хватит времени. Да и диспетчер это предложение может принять за бред, ведь так можно на главных путях магистрали сделать крушение и завалить проезд по ним. Уж лучше пусть мчится в тупик. Диспетчер нашел правильный выход. Другого выхода в этом случае нет, пришел к заключению машинист.

- Какой молодец этот диспетчер Овчинников!- признается напарнику после усмирения вагона Колкин.- Такого нельзя не уважать!

- Не он, тут бы наворочали столько дел,- согласился помощник, вытирая паклей стальные поручни.

А вечером, как и водится в таких случаях, был «разбор полетов», на котором выступал и Овчинников.

- Спасибо всем, кто помог предотвратить аварию!- поблагодарил в заключение диспетчер.- Спасибо не растерявшейся бригаде машинистов, стрелочников, сцепщиков, башмачников и всех остальных, кто проявил себя в трудную минуту.

С тех пор они подружились. Оказывается, не только трудились на одной станции, но и оба жили поблизости, в Закубанье. Один в фабричном поселке, другой в мельничном. На вахту и с нее добирались одним городским автобусом – «единичкой». При встрече теперь тепло приветствовали друг друга.

- Привет неутомимым движенцам!- протягивал широкую крестьянскую ладонь добродушный Колкин.

- Салют подвижному составу!- радостно отвечал Овчинников.- Ну, как, светофоры по красному сигналу не проезжаете?

- А вы вовремя открываете зеленый?- с шуткой парировал машинист.

- А зачем вам открывать, когда вагоны на ходу отцепляются?

- Так вам и открывать некогда, все болтаете, как сороки! Не зря говорят, что после смерти движенца его язык болтается две недели.

- А вы уж сразу и заметили! Нет, чтобы тактично промолчать. Вот мы и болтаем, чтобы вас от беды предостеречь. А то куда-нибудь, да влипните.

Так они нередко шутливо перебрасывались словами и смеялись. Но это было коротким вступлением. Оказывается, Максим Сергеевич был тоже любителем и знатоком художественной литературы. Так же, как и Овчинников, гонялся за книгами. И у него была собрана хорошая библиотека, с которой вскоре и познакомился движенец. И это оказалось доброй находкой.

При первом же посещении их уютного дома Колкин провел его в зал, где стояли полированные книжные шкафы. И глаза гостя радостно забегали по полкам и названиям книг. Там

стояли в красивых переплетах и как бы сами просились в руки не только фолианты Пушкина, Толстого и других русских классиков, но и сочинения зарубежных и советских писателей. В том числе Ремарка, Стейнбека, Платонова, Шолохова, Абрамова, Белова и его самого любимого из современных авторов – Василия Шукшина, которым Владимир Иванович восхищался до глубины души и которого вместе с Пушкиным и Шолоховым считал своими негласными учителями.

Он, как дитя, откровенно радовался знакомству с новым интересным человеком, как потом окажется, с родственной душой. И это знакомство выльется в крепкую мужскую и партийную дружбу, которая выдержит все многолетние испытания, свалившиеся на советский народ и страну в конце 20-го – начале 21-го столетий. Но он еще совершенно не догадывался, что советское общество скоро постигнет такая непоправимая беда, с которой даже не может сравниться беспощадная чума, уносящая миллионы жизней, - это капиталистический рынок. Но как он мог заранее предположить об этом, когда не было и малейших предпосылок, когда выдержавшая военные лишения страна, опрокинувшая гитлеровский фашизм и спасшая весь мир от тиранов, зализывала глубокие раны, поднимала из руин и пепла разрушенные города, строила заводы, фабрики, возводила электростанции, космодромы, направляла на мирные цели атом?

Наверно, об этом никто в мире не знал, кроме разве сионских мудрецов и мировых правителей, которые все знали и планировали на многие годы вперед. Но и о них пока ничего не знали ни машинист Колкин, ни диспетчер Овчинников. Это была еще тайна, покрытая мраком, который скоро придется разгонять этим будущим русским патриотам.

После приезда в новый край Овчинников немало лет болел ностальгией. Никак не мог привыкнуть к знойной ставропольской земле и населяющим ее людям. Их разговорному языку и привычкам. Не раз собирался бросить все к чертовой матери и вернуться на родной Урал. Поначалу стоически терпел, поддавался уговорам жены:

- Ну, с какими глазами мы вернемся, когда тебя не отпускали с работы, просили не уходить, уговаривали?

И он внутренне соглашался с нею, хотя через время снова начинал тосковать по родине, матери, товарищам по работе, канючить.

- Но вода камень точит, говорят знающие люди, - рассуждал сам с собою, как бы убеждая, и добавлял: - А годы – тоску-кручину.

И со временем так освоился на новом месте, как будто здесь родился и крестился. Появились десятки друзей, товарищей по работе. Родились новые интересы. Кроме литературы, он стал увлекаться рыбалкой, а потом и охотой. Купил двустволку, патронташ, патроны, приспособления для их зарядки. Постоянно приобретал порох и дробь – от самой мелкой на перепелку, до самой крупной и даже картечи – это уже на зверя. Подолгу заряжал патроны, заливал воском и готовил амуницию. И эти хлопоты ему даже нравились, вспоминалось детство и брат Серега, приучивший его тогда заниматься этим кропотливым делом. И заранее до охоты появлялся азарт. Мечталось о большой добыче. Пронырливый Юрка Бодин купил одностволку и уже таскал уток и зайцев. Он, правда, был постарше Володьки.

В охоту его втянули знакомые фабричные мужики. В детстве к ней его приучил брат Сергей. А когда учился в железнодорожном училище, посещал стрелковую секцию и хорошо стрелял из мелкокалиберки по не движущимся мишеням. Даже сдал норматив на третий спортивный разряд. Со временем, правда,

забросил спортивную стрельбу и охоту. Но в Невинке его вновь втянули приятели Василий Зубов, Борис Куличкин, Вадим Щербак. И они часто ездили то на своих автомобилях, то на утреннем черкесском поезде. Чаще всего в район Беломечётки.

Когда приезжали затемно, разводили костерок в километре от станицы, нанизывали на прутья кусочки соленого сала и колбасы, клали на угли, жарили, как шашлыки, и, конечно, «травили» анекдоты или рассказывали интересные охотничьи байки.

- Вспоминается охота на сайгаков в Калмыкии,- начинал первым Василий Зубов.- Меня там знали, я в элистинской «Комете» играл. Я на мотоцикле загонял, а стрелки били из десятизарядных ружей.

- Браконьерничали, значит, блудни?- вставлял кто-нибудь фразу. И остальные начинали подозрительно улыбаться и ждать реакции рассказчика.

- Какое браконьерство, слышь?- беззлобно возражал Василий, привставая с чурбака, на котором сидел. Он был под метр девяносто ростом. Крупноголовый, с широко поставленными карими глазами и крупными кулаками, попадать под которые едва ли найдешь желающих. Правда, он ими и не размахивал напрасно.- Нас нанимал Охотсоюз. Выдавал лицензию на отстрел, оружие, боеприпасы. А добытое мясо он поставлял на продажу. Больше сотни голов отстреливали за день. Я целые косяки сайгаков на них выгонял.

- Запусти козла в огород и останешься без ворот!- смеялся крепко сложенный Борис Куличкин, грузчик шерсти шерстяного комбината.

- Не травите душу масштабами, давайте лучше про зайцев, наших самых доступных зверюшек,- протирая очки, предлагал потомственный шерстяник Вадим Щербак, чья династия отработала на фабрике полтысячи лет. Он окончил сельхозакадемию, считался скромным, интеллигентным и начитанным мужчиной. На вид был сухощав, прогонист, высок. В ходьбе во

время охоты не отставал от бывалых охотников. А душой добр и покладист. Друзья его уважительно называли Академиком.

- Как говорил во время выпивона один станционный стрелочник-хохол,- вставлял слово Овчинников,- не гоняйте зайцев, наливайте по рубцыв. Правда, нам еще рано наливать.

И вокруг костра появлялся, словно шорох, легкий смешок.

- Зайцы быстро размножаются, потому их и много,- продолжал, словно читал лекцию, Щербак, одновременно переворачивая шампура. – Первые зайчата появляются на свет ранней весной, когда еще не стаял первый снег. И их называют «настовиками». Летних – «летниками» или «травниками». Ближе к осени рождаются зайчата-«листопадники». За сезон у русака бывает до четырех выводков, а в каждом до восьми детенышей.

Рождаются зайчата зрячими, крупными и в шерсти. Зайчиха прячет их в ямке, выстланной травой и пухом. И они сразу же наедаются материнского молока, которое у зайчихи в шесть раз жирнее коровьего. Их кормят и чужие матери. Так называемый степной коммунизм, степное братство. И они быстро вырастают и уже через несколько дней могут кормиться травой, бегать и прыгать. Зайцы очень выносливы и неприхотливы. Когда наших русаков вывезли в Швецию, Германию и другие европейские страны, они быстро вытеснили из тех мест зайца-беляка, обитавшего там многие века.

- Сразу видно – русские хлопцы!

- А на Урале уживаются беляки и русаки,- вступил в разговор диспетчер.

- Там же наши советские зайцы. Они, как и десятки национальностей СССР, хорошо уживаются между собой,- шуруя в костре прокопченной палкой, заметил Куличкин и стрельнул на Владимира Ивановича шаловливым взглядом.

- Это чо-о,- перебил его Зубов, отодвигая дальше от огня длинные ноги, одетые в камуфляжные брюки.- Однажды я,

слышь, видел, как степной орел набросился из поднебесной выси на зайца. И тот стал выделывать замысловатые акробатические прыжки. Орел дважды бросался на свою жертву. И все неудачно. Хищник третий раз метнулся вниз. А я кинулся, было, на помощь косому. Но тот быстро перевернулся на спину и ударом сильных лап со страшными когтями в двух местах распорол орлу брюхо. Убил. Вот тебе и трусливый заяц! Береги брюхо, Кулича, а то отрастил мамону и за зайцами не можешь гоняться!

И они вновь дружно засмеялись. А потом, поев шашлыков, запив термосным чаем, разошлись друг от друга метров на сорок-пятьдесят и пошли цепью по склону холма. Спустились в низину и направились на восток, где из-за покатых бугров и лесополос всходило алое солнце, и его первые доверчивые лучи ласкали и грели осенние пожухлые травы. Поднимали молочный туман над небольшими озерцами и болотцами. Будили ручейки, зашпешившие в глубокие и еще зеленые долины, трава которых не успела выгореть от летнего зноя. Степь и предгорье спешно просыпались. Появлялись первые птицы. Из ближних камышей болота с шумом поднялся красавец фазан. Неуклюжий и большой, словно тазик, он стремительно замаха широкими и свистящими крыльями и скрылся в глубине трехметровых камышей. И те, кто был рядом, настороженно остановились, по привычке вскинули ружья и проводили его тоскливыми взглядами, ведь фазана бить нельзя. Кто-то ахнул от неожиданности, кто-то недовольно крикнул или кашлянул. А невозмутимый Куличкин негромко, но ясно произнес:

- Вот почему оно не стреляло!

Это было его любимое выражение, которое подходило ко многим ситуациям и событиям. И оно понималось товарищами по интонации произношения.

И они с вымученными улыбками потопали дальше, ведь в птице было килограмма два веса, а мясо фазанье считалось деликатесом. Прощупывали острыми взглядами высокую тра-

ву, редкие кустики и отвалы оползневой земли, где может притаиться заяц-русак, нехитрая, но желанная добыча охотников. Умело приготовленное жаркое из его мяса считалось необыкновенно вкусным и ценилось не только среди охотников, но и настоящих гурманов.

* * *

А на юге, освещенная утренним непорочным солнцем, просыпалась длинная гряда Кавказского хребта, отделяющая Европу от Азии. С левой его стороны, со стороны восхода, величественно возвышался двуглавый Эльбрус. Видно, он был общепризнанным командиром и возглавлял стройное войско вершин поменьше, но тоже величавых и стойких, как сам предводитель. Хотя за ним им, конечно, не угнаться, ведь у него было две головы, как у сказочного змея, на которые плотно надеты две белые ледниковые папахи. Старая горская легенда гласила, что когда-то Эльбрус был живым существом. Однажды напали на него враги, и отрубили ему голову. Вот-вот они пройдут во владения горного племени и захватят жителей в плен, чтобы сделать рабами и продать туркам. А стариков, старух и немощных людей прикончат на месте и напьются их горячей крови.

Увидев такую беду, застонал безголовый великан, стремившийся помочь племени. Но голова его была снесена и не могла управлять сильным телом. Тогда пришла на помощь одна из соседних вершин и отдала ему свою.

- Тебе голова нужнее,- только и вымолвила она...

И восстал из немощи великан. Стал кидать врагов в пропасти и ущелья. И освободил горское племя. И первая голова вновь вернулась на свое место и мирно уживалась со второй. Так вот и стал двухголовым Эльбрус-великан. И уже никто и никогда не сможет победить его и обидеть горцев.

Наверное, горы считают его умнее себя, коль он думает двумя головами, фантазировал литератор, прозевав момент, когда недалеко от него пушечным зарядом выскочил быстроно-

гий заяц и понесся влево, где шаггал метровыми шагами длиннобудылый Зубов, держа наготове двустволку с вертикальными стволами.

Выстрелы из нее отвлекли Овчинникова от мыслей о горных вершинах. И он краем глаза увидел, как стремительный пушистый зверек перевернулся несколько раз, нервно дернул лапами и затих. И только набежавший ветерок ерошил его мягкую шубку и пышный хвост. Движенцу почему-то вспомнилась игра в мотобол этого уникального нападающего, члена сборной команды СССР, чемпиона Европы. Когда он бил по мячу, редко какой вратарь брал его мячи, особенно штрафные. Он со своей половины поля набирал скорость и бил длинной и мощной ногой. И если вратарь пытался принять его своей массой, то нередко влетал с ним вместе в сетку. Не раз пытались его сбить с мотоцикла соперники. Однажды даже игрок немецкой команды попробовал его снести вместе с мотоциклом. Но Зубов кинул мотоцикл в одну, потом в другую сторону и, как перышко, снес его прямо с мотоциклом, вместе с которым наездник перевернулся несколько раз под дружные аплодисменты болельщиков. Этого нападающего они любили и заискивали перед ним. Нередко доставали вопросами. А он возвышался над ними, как Александрийский столп, и терпеливо отвечал.

Сейчас же длинноногий Зубов быстро подбежал к добыче, поднял за уши, как бы любуясь зайцем-красавцем, погладил по спине от головы к хвосту со словами:

- Чтобы вышла моча...

И небрежно сунул в рюкзак.

- Килограмм семь будет. Учись, Кулича!- похвастал он с дружеской подковыркой, на что тот достойно ответил:

- Везет дуракам да пьяницам!- а через время добавил: - Ясно, почему она не стреляла.

И цепь охотников двинулась дальше, в сторону Рощи, где когда-то родился и недолго жил герой Гражданской войны Иван Кочубей. И Овчинников вспомнил его трагическую исто-

рию, прочитанную в книжках Аркадия Первенцева, Владимира Гнеушева, которого он хорошо знал и уважал, считал лучшим поэтом Ставрополя второй половины двадцатого века. Даже помнил некоторые его стихи или строчки из них. Но Владимир Григорьевич еще и считался хорошим журналистом-документалистом. Его объемные статьи даже печатала привередливая «Правда». Кажется, единственного из ставропольских писателей, что говорило о его высоком творческом статусе.

А еще Гнеушев вместе с редактором «Ставропольской правды» Андреем Попутько создали две прекрасные документально-исторические книги «Тайна Марухского ледника» и «Дыхание лавин», выдержавших несколько изданий. Повествующих о советских героях – защитниках кавказских перевалов во время Великой Отечественной войны, не пожалевших своих молодых жизней для защиты любимой Родины и навеки вмерзших в холодные ледники, пролежавшие тут миллионы лет. И ставших частью непроходимых для врагов ледников и вершин.

Потомственный казак из ипатовского села Кевсалы, Гнеушев обошел и облазил весь Северный и Центральный Кавказ. Летом подолгу жил в Загедане, изучал горы и писал интересные книги. Со вступительным словом в его стихотворных сборниках выступал сам Роберт Рождественский, назвавший автора своим другом. О его произведениях писали отклики автор «Кавалера Золотой Звезды», трехкратный лауреат Сталинской премии Семен Бабаевский, Юлия Друнина, Юлия Мориц и другие известные литераторы. И многие начинающие авторы откровенно завидовали бывшему моряку Гнеушеву, даже старались написать так, как писал он. Среди его почитателей оказался и прозаик Овчинников.

То и дело слышались ружейные выстрелы его товарищей по охоте. Кто-то палил вслед убегающим зайцам, кто-то поднял с болотца быстрокрылых и стремительных уток, со свистом машущих крыльями и чем-то смахивающих на реактивные самолеты. В их рюкзаках росла добыча, а Владимир Иванович

продолжал напряженно думать о славном комбриге Кочубее, к родному селению которого они подходили со стрельбой, будто салютовали и хотели отдать ему дань памяти.

Не очень разговорчивый Гнеушев не раз рассказывал Овчинникову, а позже и написал об этом в своем художественно-документальном повествовании «Полынная слава». И диспетчер навсегда запомнил его интересные истории. Иван Антонович Кочубей родился в 1897 году в семье хуторского сапожника, потомственного казака. И это Овчинников считал символичным, ведь знаменитый Маршал Победы Жуков тоже родился в семье сапожника, как, впрочем, и Иосиф Виссарионович Сталин. Вот тебе кухарки и сапожники, которых нагло высмеивали политики-перевертыши-предатели! И сразу же вокруг мальчишки Ваньки появилась не то быль, не то легенда, будто попросил Антон Кочубей самого атамана отдела стать крестным отцом новорожденного. А тот отказался, мол, если каждому казачонку будет крестным, то где подарков наберется? Это ж неслыханное нахальство лезть в родство к атаману! И вроде бы сказал тогда Антон Иванович:

- Ну, подожди, атаман, вырастет мой Ванька и покажет тебе. Не ты, а он станет атаманом.

И сбылось пророчество. Сам Кочубей рассказывал:

- Послали меня, мальчишку, охранять хуторскую кассу. Больше некому было – шел праздник. А вечером наш пьяный атаман решил «добавить», а грошей нету. Вин и попер до кассы. Я ему кричу: «Не пидходь! Зарубаю!» Несколько раз прокричал, а вин усе прёт. Ну, я и рубанул. А потом одумался и понял, что дурна курятина. И ночью рванул на станцию Невинномысскую. Там как раз стоял эшелон Шкуро. Казаки на Персию ехали. Попросился с ними, сказал, что от своих отстал, кого на германскую сторону отправляли. Меня прямо с конем и в теплушку.

Шел пятнадцатый год. Третья турецкая армия, против которой стоял кавалерийский корпус Баратова, наступала. Война

развернулась нешуточная. Тяжелые бои, голод – казаки резали и ели своих коней, курдские нищие поселения перед глазами, лаваша, испеченные на грязных жестянках. Землянки, похожие на норы. Беспросветная нужда, как и в России. Все это сравнивалось с вольным и сытым казачьим житьем и вызывало горькую, до слез, тоску по Кубани-матери. Стороны несли большие потери. Храбрецы были на виду. Среди них быстро выдвинулись Кочубей и его друг из станицы Суворовской Михаил Ильин. За это и стали урядниками.

Тогда-то, в эти бурные дни, полковой священник отец Константин Образцов, уроженец Воронежской губернии, «ростом мал и зело худ», к которому шли с просьбами и жалобами казаки, отпев и похоронив раненого товарища, написал слова песни, ставшей потом в эмиграции гимном Кубанского войска. И услышали казаки его рыдающие слова: «Эх, Кубань, ты наша родина – вековой наш богатырь...» «За твои станицы вольные жизнь свою ли не отдать...» И еще:

Из далеких стран полуденных,
От прославленных знамен,
Шлем тебе, Кубань родимая,
До сырой земли поклон...

А потом Кочубей и Ильин, поникнув от скуки, согласились пойти в отряд полковника Андрея Шкуро, чтобы объявить войну в тылу турок. Он их зачислил и приблизил к себе, как родственные души.

Там и застала их весть о революции в России. Многие авторы писали, будто Кочубей вернулся в Россию вместе с казаками, которых из Персии отозвала революция. И после того, как туда бежал Шкуро, переодевшись простым казаком и отпустив бороду. Сам же Кочубей признавался комиссару Кандыбину, что из Персии сбежал потом, «зарубил двух офицеров: ну и пришлось тикать на станцию Тихорецкую, где родичи булы...»

Шкуро, создатель волчьей сотни, стал ярым врагом Советской власти. И был им до конца жизни, с потрохами продав-

шись сперва англичанам, потом гитлеровским фашистам. Кочубей же, сколько ни наделал ошибок, пошел со своим народом. На Тихорецкой организовал сотню. А после создал полк. Затем, подобно прославленному Чапаеву, возглавил в дивизии Якова Балахонова кавалерийскую бригаду.

Наверно, справедливо в конце XX века скажет о нем Гнеушев: «Он не был личностью, на которую тратили время историки для серьезных исследований. Кочубей был дитя народа, сын времени, отмеченного катастрофами и вовлекавшего в круговорот событий. Однако его нельзя считать обманутым. Он выбрал путь сам и вполне сознательно. Кочубей был из числа непредающих, ни при каких условиях не шел на компромиссы с совестью – как он ее понимал. Он мог бы стать героем Гомера, если бы умел рассуждать, как герои Гомера. Но любил не рассуждение, а действие. Сегодня, во время глобальных предательств и измен, полезно вспомнить человека и вообще людей, умевших быть верными».

Да, немало ошибок совершил в своей короткой и яркой жизни этот народный самородок, за которые мог попасть под революционный трибунал, быть расстрелянным той и другой сторонами. Но он не предал интересов революции, не принял выгодных и спасительных предложений в чинах белой армии и обществе и пошел на виселицу – смертельно больной тифом, но не сдающийся. Не раз он громил белогвардейцев и воевавших на их стороне казаков. В том числе и бывшего своего командира Шкуро, который слыл мастером джигитовки, имел за нее множество наград и призов, в том числе из рук батюшки царя.

Кочубей хоть и не обучался джигитовке специально, но в этом деле не уступал генералу. Однажды, когда бригада Кочубея стояла против Шкуро, Иван, приказав не начинать боя без сигнала, вскочил на коня, встал на нем во весь рост и помчался к позициям врагов. Те не стреляли, ожидая, что получится. Кочубей, джигитуюя на всем скаку, подлетел к шкуровцам вплотную, бросил патронную гильзу и умчался назад. В гильзе Шку-

ро обнаружил записку: «Вызываю на дуэль. Кочубей Ваня». Шкуро разозлился и велел переписать Кочубею свою записку: «Офицер с быдлом не стреляется. Генерал Шкуро».

Вскоре начался бой, в котором шкуровцы, подражая собственной волчьей сотне, выли по-волчьи: «У-у-у...» Кочубеевцы летели им навстречу с криками «Ура!» И оглушительно разгромили шкуровцев. Сам генерал трусливо сбежал. А Кочубей приказал срезать с убитых и плененных шкуровцев волчьи хвосты, которыми те украшали свои шапки. Повесил себе на пояс и на стихийном празднике в честь победы плясал в кругу бойцов.

Из биографии комбрига Кочубея видно, что он не любил подчиняться никому, никогда не прощал обид, раздумывал Овчинников, шагая с охотничьим ружьем по степи, спускающейся с невысокого холма к Роще, родине Кочубея. И забилося тревожно сердце литератора, будто она была не чужой и ему, потому что южноуральских казаков. Одному лишь он простил обиду – Якову Балахонову, по приказу которого комбрига принародно выпороли в станице Беломечетской за то, что его хлопцы посамовольничали и изнасиловали на церковной паперти молодых станичных девчат. Но Балахонов был советским командиром, рискуя собственной жизнью, стоял за народ и правду. Значит, прав был в решении, хотя и нелегком. Позорном для рощинского воителя.

Сколько их, простых тружеников сохи, рабочих, командиров-самородков, погибло в те беспощадные годы, когда трудовые люди, устав от эксплуатации царей, помещиков, банкиров, заводчиков, поднялись на завоевание свободы и нормальной человеческой жизни?! Не описать! Даже тот же простой полковой священник Константин Образцов, не бравший в руки оружия, кроме креста Господня, погиб по-глупому. Шел как-то вечером по набережной Куры. Вода была большая и мутная – в горах Кавказа прошли дожди. На набережной два пьяных белых офицера сказали в его адрес что-то пренебрежительное. Отец Константин резко ответил, назвал их то ли негодяями, то ли боль-

шевиками. Офицеры, не долго думая, схватили его за руки-ноги – весу в нем всего ничего было – раскачали и бросили в Куру. Вода подхватила сразу и затянула в водоворот. Вечер сгущался, искать не стали. И пропал безвестно автор гимна Кубанского казачьего войска. «Эх, Кубань, ты наша родина – вековой наш богатырь...» А такого человека и попом грех назвать – священник в полном смысле этого слова!

Вот о таких русских людях, бесславно погибших, а то и сгубивших тысячи и миллионы невинных граждан, и напишет одну из последних своих книг «Полынная слава» замечательный поэт и писатель, неравнодушный к судьбам близких нам русских людей, казаков и матушки России Владимир Гнеушев. И откроет ее правдивым и трогательным стихотворением.

Какие судьбы в жизни отшумели!
Какие страсти в памяти звучат!
Вот всадник, затерявшийся в метели,
Где никогда враги не различат.

Куда он дико мчится в бурке черной?
И у какого дальнего плетня
Ему запахнет яблоком моченым
И хлебом с крупной солью - для коня.

Жена его там встретит молодая,
Родимые сойдутся за столы.
И высохший чабрец, со стен слетая,
Просыплется под ноги на полы.

Мальчишки на печи лежат, робея,
И слушают, вздыхая иногда,
Рассказы про Шкуро и Кочубея,
Про дальние, как звезды, города...

Сегодня нам близки любые дали,
Со скоростью ракеты мы живем.
Об океанах многое узнали,
О космосе все больше узнаем.

А здесь, в краях, навеки сердцу милых,
Среди лесов шумящих и полей,
Кресты стоят на дедовских могилах,
Как мачты затонувших кораблей.

21

Иван Зазуля родился в январе 1935 года в станице Удобной Краснодарского края в семье колхозников, выходцев из кубанских казаков. У его родителей было пятеро детей – две дочери и трое сыновей. Семья даже по тем временам немаленькая, и прокормить ее было не так-то просто. И хотя отец с матерью с восхода до заката трудились в колхозе, который не считался бедным, богатыми Зазулей не назовешь. И денег постоянно не хватало, ведь на трудодни платили по итогам года, в декабре-январе. Конечно, хлеб, мясо, постное масло и другие необходимые продукты колхозникам выдавали в счет аванса из амбаров хозяйства. Но ребятишек нужно было во что-то одеть и обуть. Справить к школе одежонку, книги, тетрадки, ручки, пеналы, чтобы не хуже других выглядели. И отправить на учебу. А они все учились. Так было заведено у Зазулей. Не зря отец уверенно утверждал:

- Ученье – свет, а неученье – тюрьма!

Уходя на работу, он выдавал детям задания.

- Ты, Митя, покорми корову. Ты, Ваня, кролей и теленка. Они – хорошая помощь в семье. Ведь народ СССР должен сделать жизнь богатой, а то появятся новые генералы Деникины, атаманы Шкуро, чтобы закабалить трудящийся люд и сделать

рабами, помешать мировой революции. Для этого и грамоте нужно край учиться.

И Ваня учился. На каникулах работал не только на личном подсобном хозяйстве, но и помогал колхозу. То воду подносил полеводческой бригаде, то траву полел на картофельном поле, греб сено, возил волокуши, метал стога. Любил на Урупе рыбачить, приносил хорошие уловы, а мать жарила рыбу и пекла с ней пироги. А с годами и прицепщиком неплохим оказался. После окончания семилетки устроился работать в колхоз. Со временем стал трактористом. Зарабатывал хорошие трудовни. Радовал родителей – кормилец растет. Особенно любил пахать. Всю ночь, бывало, тарактел его неумный трактор. Бороздил плугом бескрайние колхозные поля.

- Старается наш жучок, не подводит, чтобы урожай был рекордным,- с гордостью говорил он прицепщику Генке, показывая пальцем на трактор.

А тот и действительно походил на жука, особенно если посмотреть издали, когда он полз по крутому склону и тянул стальной въедливый плуг или борону.

- Ты глубину вспашки выдержишь?- нередко кричал он из кабины, показывая указательным пальцем в землю.- А то агроном забракует.

- А как же!- поднимал тот большой палец.- Мы ведь тоже грамотные, знаем, что в дюжине шестнадцать баранов, а в пуде пятьдесят фунтов.

- Эх ты, грамоте-ей! Тебя только кладовщиком ставить. Быстро весь колхоз разбазаришь!- кричал тот прицепщику с черным от пыли лицом и сильнее нажимал на газ.

Ивану особенно нравилось работать на закате, когда уставшее за день солнце укладывалось за горизонтом на ночлег. Когда вся природа умиротворенно затихала и засыпала, даже назойливый осенний ветер. А он, вроде бы еще неопытный пахарь, гонит и гонит своего стального коня, неумолимо ворочает пласты плодородной земли, чтобы бросить туда божественные

зерна пшеницы, чтобы к осени вырастить хороший урожай и обеспечить хлебом не только колхозников, но и жителей далеких городов и селений, где он никогда не бывал, которые понимают экономическую мощь Советской державы. А может, и обеспечить Московский Кремль и самого товарища Сталина, делавшего жизнь народа все лучше и лучше. Весь колхоз уже спит, вся страна. Может, только не спит вождь трудового народа и решает его будущую судьбу. Да он, Ванюшка Зазуля, молодой, но надежный колхозный тракторист.

Незаметно опускалась темнота. Неслышно, как лиса на охоте, подкрадывалась ночь. И Иван включал фары, чтобы безошибочно и строго по инструкции вести глубокую борозду, случайно не угодить в яму, не напороться на камни-валуны, редкими часовыми замершими по степи и норотившими навредить колхозной технике, а значит, и колхозному строю. Привести в негодность стальную машину, которую тебе доверило правление хозяйства во главе со старым председателем. И он пел от радости успеха и доверия старших. Ведь у него все получалось!

Мы с железным конем
Все поля обойдем,
Соберём, и посеем, и вспашем.
Наша поступь тверда,
И врагу никогда
Не гулять по республикам нашим!

Песня действовала на Ивана благотворно, отгоняла сон и дурные мысли. И он усиливал голос, стараясь перебить рокот мотора, и умело управлял рычагами. Нередко оглядывался в заднее окно: не уснул, не свалился ли там с пружинистого сиденья его сонный ночью прицепщик? Такие случаи уже бывали, что прицепщики сваливались и попадали под плуг, за что могут строго спросить с тракториста.

Непосильный труд помог их работающей семье выжить в войну и тяжелые послевоенные годы. К счастью, родители никогда не наказывали детей, только говорили:

- Делайте, как лучше.

И те старались. А когда что-то не сделают, мать сядет на завалинку и заплачет. И Ванюшка, стоя рядом, плакал вместе с нею, думая, лучше бы побила. Это вырабатывало в нем ответственность за порученное дело, которая ему очень пригодится в будущей жизни.

Незаметно подошла пора служить в армии. По всем статьям, он должен был попасть в танкисты, ведь на гражданке был трактористом, но его забрали на флот. Высокий, жилистый, видный парень приглянулся в военкомате флотским «купцам». И поехал на Балтику, попал на крейсер «Адмирал Ушаков». И даже не мотористом, хотя был знаком с дизелями, а матросом, от которого дослужился до главного боцмана. Даже жил в отдельной каюте, как и положено по статусу. А когда их приписали к Северному флоту, ходили в походы по северным морям и Атлантике аж до самой Англии, за что его наградили значком за дальний поход, на котором изображен военный корабль, штурмующий разъяренный океан.

В северных морях приходилось спасать матросов с других кораблей, «пехотных», как их называли сослуживцы, носящих имена людей гражданских профессий, а не таких военных, как адмирал Ушаков. Вода в морях была очень студеной, и в ней терпящие крушение люди долго не выдерживали, переохлаждались и гибли. Подъемными средствами и спасением людей умело командовал боцман Зазуля. Некоторые утопающие уже были в обморочном состоянии, не могли сами садиться в шлюпку и даже двигаться. Всех их заводили и заносили в теплые каюты, оттирали спиртом, поили горячим чаем, чтобы быстрее отогреть и не довести до болезни и гибели.

За достойную и безупречную службу имя расторопного кубанца было занесено в Книгу почета корабля. Не раз писали

благодарственные письма родителям. И трижды предоставили отпуск домой. И он нередко радостно напевал:

На побывку едет молодой моряк.

Грудь его в медалях, ленты в якорях...

При демобилизации командир крейсера несколько раз просил его остаться на сверхсрочную службу, но он по своей молодости не оценил выгоды его предложения. Уж очень любил кубанскую землю. Чуть не каждую ночь видел во сне волнующиеся, как беспокойное море, хлеба пшеницы. И хотя морские волны часто напоминали ему родные поля, но они были неприветливыми, холодными, не грели душу, не кормили душистым кубанским хлебом и вкусными пирогами.

* * *

Бывшего флотского паренька с детства хорошо знали в родном колхозе. И с радостью приняли трактористом, без колебаний посадив на новый трактор. И он быстро начал бить рекорды на пахоте и посевной, сенокосе и уборке хлебов. А от местных девчонок, доярок, скотниц, счетоводов отбоя не было. Многим нравился светлоглазый красавец в морской тельняшке, которая переливалась синими полосами, будто разбушевавшиеся волны, рябившими в глазах мечтательных сухопутных поклонниц.

А он никого не хотел замечать и избрал одну, темноволосую Нину с нижней улицы. И полюбил на всю жизнь. На ней и женился, прожив вместе почти полвека. Но Нина заканчивала учебу в техникуме и получила направление туда, где не только не пас телят знаменитый Макар, но и не один пастух с Кубани: в знойную Туркмению. Ей нужно было занять должность бухгалтера. Судили-рядили, пока не решились сорваться с насиженного места и поехать за тридевять земель – в Чарджоу, где Иван устроился слесарем вагонного депо. По направлению дорпрофсожа учился на курсах и стал помощником машиниста. Потом заочно осилил Ашхабадский железнодорожный техникум, сдал

на право управления тепловозом и стал машинистом.

Работу эту медом не назовешь, особенно в тех невыносимо жарких краях. И если к жаре после теплой Кубани со временем привык, то к песку, который забивался во все окна и щели локомотива, покрывал большим слоем двигатель, другое оборудование, пол, проходы и переходы, высоковольтные кабели и шинки, грозя коротким замыканием, привыкнуть долго не мог. И от него то и дело нужно было избавляться, вычищать и выметать. А он все равно проникал внутрь и продолжал свое грязное дело. А про то, что нагло лез в рот и глаза, говорить было почти не принято. Конечно, трудом бывшего крестьянина и бывалого боцмана не напугаешь, хотя поездки были тяжелыми, долгими и изнурительными. Рейсы длились до двенадцати часов и больше. Перерывы между ними нередко тоже были по двенадцать часов. И этого времени трагически не хватало для полного отдыха, как и не хватало в депо машинистов. Вот и приходилось делать большую переработку по времени. Не догуливать полностью трудовые отпуска. Машинисты были, как солдаты на вахте, их могли вызвать в рейс две ночи подряд.

И ездил Иван Павлович по пустыне Каракумы от Чарджоу на Мары, Дарган-Аты, где однопутное плечо длиной более двухсот километров. На Каган и другие направления. Чтобы не погибнуть от жары, брали с собой брезентовые мешки с водой. Когда брезент промокал, то воду не пропускал, держал. А если его выставить на ветер, то он и вода не нагревались. За поездку порой бригада выпивала не один мешок воды, которую брали из станционных колонок и арыков, если такие там были.

Страшным бедствием считались песчаные и пыльные бури, особенно свирепствовавшие при смене сезонов, нещадно сметающие нехитрые жилища туркменов и прочие постройки, поля и колодцы. А больше всего в предгорьях Копетдага, когда дует сухой жаркий ветер гармсилъ. И люди помногу дней не видели белого света. Но и к этому привык потомок кубанских казаков, держался стойчески и сравнивал с морской стихией.

Безбрежное море песка и песчаные волны. Только лишь произносил недовольно в экстремальные моменты:

- Бывает хуже, но реже...

Он постепенно поднимал свой профессиональный уровень, сдал на третий класс и стал водить пассажирские поезда. По службе предполагалась зеленая улица. Жизнь и быт налаживались. Зазули обустроивались. Подрастала дочь Оля. Да вот занемогла любимая женушка Нина, свет в окошке бывалого машиниста, за которую он бы и жизни не пожалел.

- Вам нужно срочно менять туркменский резко континентальный и засушливый климат на более мягкий, умеренный, если не хотите дожить до беды,- рекомендовали врачи железнодорожной поликлиники.

Снова судили-рядили. Дело серьезное, касается жизни и смерти Нины Александровны. Куда они без нее? Пропадут. Решили подаваться на родную сторонку. Только вот локомотивного депо в их станице нет. А как быть?

- Давай напишем письмо начальнику Невинномысского депо, ведь это недалеко от Удобной,- предложил любящий супруг, и члены семьи с ним согласились.

Они перебрались в Невинку в 67-м году. Супруга устроилась нарядчиком в депо, а Иван – помощником машиниста паровоза. Через полтора года, правда, сдал экзамены и стал машинистом. А вскоре и снова пересел в кресло механика. И стал водить тяжелый тепловоз. Водил грузовые поезда на Минеральные Воды, Георгиевск, Черкесск, Усть-Джегуту. Осваивал новые трассы. Посылался не раз в командировку в Махачкалу, Артезиан, другие места, где катастрофически не хватало машинистов. И вживался в коллектив Невинномысского локомотивного депо, где придется трудиться до самой пенсии. Но труда он не боялся с детства, чем и заработал среди товарищей авторитет. Да еще и в общественную жизнь окупился. Сил хватало и на нее. Считался принципиальным. За то и избрали председателем комитета по безопасности движения поездов. При-

смастеривался к порядку, за что и прозвали Спутником порядка и дисциплины. И когда уезжал в рейс, доброхоты передавали на соседние станции по прямой связи:

- Внимание! Спутник к вам полетел! Будьте на чеку!

И друга себе нашел такого же неподкупного – Максима Сергеевича Колкина, тоже выходца из крестьян. И тоже кубанца. Не только общественника, но и инициатора многих починов в социалистическом соревновании. Да и сам Зазуля не лыком шит. Любил проявить и показать другим свои немалые способности.

- Сошлись два сапога – пара!- заговорили вскоре о них. Не то с некоторой завистью, не то с недоверием.

А машинистам лишь бы польза делу была, польза обществу, государству. Многим гражданам XXI века они бы показались, мягко говоря, странными или зацикленными на своем сказочном коммунизме, который они и их отцы строили. Не жалели себя на фронте, поднимали из пепла разрушенные города, фабрики, заводы, колхозы. Преодолевали лишения, страдания, голод и холод, невыносимые трудности, чтобы сделать жизнь их детей и всего человечества лучше, богаче, свободней. Наивные фантазеры и мечтатели, чьи желания никогда не сбудутся, цинично будут думать те, кто не видел голода, не ел лебеды, не жил в землянках, не видел фронта и опухших от недоедания детей, которым эти фантазеры построили великолепную страну, вторую в мире державу, которую никаким врагам не одолеть.

Но такой уж у них был своеобразный дух – жить не для себя, а для других. Потомки революционеров, победителей и мечтателей, они верили в светлое будущее человечества, в коммунизм, которого еще не видела планета Земля, а может, и вся необъятная Вселенная. Там не будет эксплуатации человека человеком, от которой устали земляне. Не будет дармоедов, дворян, банкиров, заводчиков, привыкших жить за чужой счет. Не будет капиталистов, представителей золотого миллиарда

и мирового правительства, которые, словно бешеные акулы, выбирают себе в жертвы другие государства, умело разваливают их и захватывают военной силой. Устанавливают жандармский режим и порядок. И выкачивают недра и дешевую рабочую силу.

Они не были ортодоксами, эти рядовые машинисты локомотивного депо. Просто старались содержать в хорошем рабочем состоянии вверенную им технику. Избегать поломок и аварий. Быть хозяином доверенного им участка и агрегата. Недаром того же Зазулю избрали следить за безопасностью движения. И он строго требовал от помощников:

- Внимательно смотри на свою левую нитку рельсов, а я на свою, правую. Не забывай осматривать состав во время движения. Смотри в хвост и зри в корень, как умно выражался Козьма Прутков.

Они ехали тогда с Абазинки. Состав только перетормозился, и скорость была километров 25 в час. Близился вечер, они внимательно следили за полотном дороги. И метрах в пятидесяти от себя заметили отсутствие куска рельса. Видно, выбили вагоны предыдущего поезда, от тяжести которых он треснул и отвалился от шпал. Многотонный и дорогостоящий тепловоз мог завалиться набок и положить рядом с собой немало груженных цементом вагонов. И случится большая беда. Остановится движение поездов. Будут выброшены на ветер большие материальные средства.

И Иван Павлович, мгновенно подумав о потерях, не растерялся и нажал рычаг экстренного торможения. Тяжелый состав поначалу не хотел подчиняться воле человека и сбавлять ход. Но человек был умнее и сильнее его.

- Открой свои двери и прыгай, если тепловоз станет валиться!- мгновенно приказал помощнику. И тот заметил, что его светло-голубые глаза потемнели. Такое бывало тогда, когда что-то случалось экстраординарное, когда случалась беда и возникала смертельная опасность.

Зазуля вскочил с места и устремил цепкий взгляд на деформированный рельс, пробел в котором неумолимо приближался. Опытный механик хорошо знал, что тормозной путь тяжелого поезда на полном ходу не менее 800 метров. Но они шли с гораздо меньшей скоростью. Правда, расстояние до беды было очень маленьким. И он надеялся ее избежать. Тормозящие вагоны, как испуганные кони в упряжке, то дергали состав назад, то рвались вперед, напирала на тепловоз, скрипели колесами, тормозными колодками и автосцепками. Видно, не соглашались с экстренной остановкой их стального бега.

И все же многотонный тепловоз вместе с составом в шесть тысяч тонн замер в метре от выломленного куска рельса, от трагедии. Прибежавший вскоре бригадир путейцев кланялся чуть не до земли не растерявшемуся машинисту.

- Спасибо тебе, брат-механик, что избежал беды и нас не подвел, путейцев!

Его лицо было бледным и страшным от испуга, ведь когда-то за это могли упечь в края довольно отдаленные.

- Шпалы-то старые, не удержали,- оправдывался тот, дрожа всем телом.

- Менять надо было вовремя!- заметил Зазуля.

- Дай Бог тебе здоровья и долгих лет,- лопотал нерадивый путеец, не то абазинец, не то ногаец по национальности.

- Чего теперь? Успокойся. Для того мы сюда и поставлены,- по-отечески проговорил Зазуля, стараясь не выдать дрожи в собственных руках и ногах

В начале 80-х они встретились и сидели дружной компанией на стадионе «Шерстяник», смотрели мотобольный матч. На поле бешено гремели мотоциклы. В такт им шумели окружающие уютный стадион деревья, вековые дубы и высоченные белолистки, одетые в богатую густую листву, словно в медве-

жьи шкуры. Поблескивали белесо-зелеными листьями, чутко трепетавшими на ветру, словно переживающими, как заправские болельщики, за местных игроков.

И те, словно догадываясь об их переживаниях, старались изо всех сил, забив четыре безответных мяча. Особенно, как и в большинстве матчей, выделялся моторный Зубов. Дважды он прорывался от своих ворот и забивал в угол красивые голы. А однажды классически пробил штрафной удар, и огромный мяч, летя с бешеной скоростью, опрокинул вратаря вместе с уродливым вратарским мотоциклом, будто выстрелил из пушки, и бедный ловила влетел в ворота вместе с мячом. Это вызвало непередаваемый восторг у болельщиков, и они восхищенно хлопали в ладоши, истошно кричали:

- Зу-би-ло!

- Сра-зи-ло!- передразнивал их взволнованный успехами Овчинников.- Не жалеет, не зовет, не скачет. И не может с мячиком иначе!- перефразировал он есенинскую фразу.

- Правильно, старик! Клён клёном выбивают!- помогал ему каламбурить журналист Старченко, тоже счастливый от успехов. Он даже негромко припевал: - Пойдем, моя отрада, в высокий теремок. А терем тот высокий закрытый на замок...

И они откровенно смеялись, как дети. И со стороны можно было подумать, что это несерьезные и недалекие люди.

- Дави, Неви-инка!- хрипловато кричал кто-то сидящий рядом с ними.

- А, между прочим, знаете, почему станицу называли Невинкой?

- Потому, что от напавших горцев погибли невинные люди,- сказал один из компании.- И то место называли Невинным Мысом.

- Это один из вариантов,- ответил Станислав и посмотрел мягким взглядом голубых удивленных глаз.- Традиционно и вполне логично мы считаем, что Невинный Мыс находится там, где речушка Невинка впадает в Кубань. От него когда-то полу-

чила название и наша станица, ставшая ныне городом. Есть и легенда о невинных жертвах, павших на берегу под клинками диких кавказцев.

Но давайте взглянем на наши истоки с другой стороны. Вроде и близко находятся тот мыс и речка, всего-то за Невинской горой. Да только ни с какой точки города их не углядишь. Тогда с какой стати при крещении станицы привязали наше имя к невидимой отсюда местности? Куда логичнее назвать Невинномыским возникший именно там населенный пункт, а его нарекли Усть-Невинским.

Далекие наши предшественники не оставили разъяснений тому, что считали очевидным. Дело в подобных мелочах обычное: мы ведь сами потомкам отплатим тем же. И все-таки, если повнимательнее познакомиться с доступными документами, с работами северокавказских историков, владеющих еще свежим и богатейшим фактическим материалом, то можно кое-что прояснить в этом темном вопросе нашей Невинномысской родословной.

Удобнее начать с 1783 года, когда Россия вобрала в себя Крымское ханство с его прикубанскими землями и река Кубань была объявлена русской границей на Северо-Западном Кавказе. Передовые отряды казаков и регулярных войск выходили на правобережье незнакомого им водного рубежа. Астраханский, Новороссийский и Азовский губернатор князь Потемкин-Таврический ревниво следил за обследованием и устройством новой кордонной линии, вникая во все мелочи. Людей было мало, а дел – множество,- увлеченно рассказывал журналист, словно читал вслух уже написанную им статью. И к их компании все больше прислушивалось болельщиков.

Видно, рассказ Станислава Михайловича увлекал их сильнее, чем мотобольный матч, итоги которого, считай, уже были известны. Заметив их нескрываемый интерес, газетчик старался говорить громче и убедительнее, будто читал студентам лекцию. Не зря же его называли Профессором. И монотонно продолжал под мотоциклетный треск.

- Нам неведомо, до каких печенок достал их безымянный мыс, только припечатали они его непечатным словом, и оно попало на слух при докладе Светлейшему. И хотя князь сам был охотник до поля брани как телесного, так и словесного, и хотя государыня-матушка не долее семи лет назад в указе о создании Азово-Моздокской оборонительной линии четвертым пунктом специально оговорила: «назначенные вновь линейные укрепления наименовать как благоугодно будет» - будущий стратегический объект значиться в таком виде в официальных документах никак не мог. «Невинно назван сей мыс Х...м», - заметил Светлейший.

Разумеется, на таком шатком аргументе, как устное замечание хозяина Юга России, рискованно обосновывать заслугу нашего мыса в реабилитации прикордонных рек, гор, лесов и оврагов, безвинно пострадавших от языка нижних чинов. Тем не менее, у Потто в «Историческом очерке Кавказских войн» читаем: «В Моздокском архиве имеется особое дело 1784 года за номером 214-63 о переименовании речки Х... в Невинную, или Невинку, «по непристойности изречения». А назвали ее так солдаты потому, что при ее переходе вброд вода доходила до их интересного места.

- А как же нас тогда называть – не невинномысцы, а х...инномысцы? – не утерпел острый на выражения Метельков и заржал на всю трибуну, заглушая даже мотоциклетный рев.

- Это уж как твоя душа приемлет,- с легкой иронией ответил Старченко, и компания громко захохотала.

- А вот этот анекдот слышали?- не отставал Метельков, видимо, захотевший тоже привлечь к себе внимание. - Ну, тогда хоть загадку отгадайте. Она, правда, с бородой. Идут два старика друг за другом. Первый скользит и падает, а второй хоть бы что. Сменяются местами, снова первый скользит, а второй хоть бы что.

- И почему это? – интересовались слушатели.

- Э-эх, не быть вам директором шерстяного комбината, не

жить богато! Да потому, что песок из них сыпался. И второй по нему не скользил.

Когда окончился матч и болельщики стали подниматься со скамеек, Овчинников вдруг с сожалением признался:

- Хорошо с вами, мужики! А вот мне, наверно, придется уехать отсюда.

- Куда?

- Зачем? – стали его спрашивать приятели.

- Зовут в управление дороги диспетчером,- неохотно признался движенец.

- Ну, это же повышение!

- Это дело, - одобрили его приятели.- Будешь нам поезда останавливать прямо близ фабрики. Или у самого подъезда.

- Этот тяжелый случай можно и отметить.

- Нам ни драться, ни бороться, нам бы лучше напоротья, - подал голос Владимир Федорович.

- Руки мерзнуть, ноги зябнуть – не пора ли нам дерябнуть?

- Да это еще на воде вилами писано. Так, пристрелка,- резонно ответил поскучевший Овчинников.- Наш земляк министр Путей Сообщения Конарев намекнул.

- А может, чин следовал ему – он службу не оставил?- с надеждой спросил Старченко.

- Значит, решат положительно. И поредеют наши ряды,- притворно вздохнул один.

- И некого будет послать подальше,- не без юмора продолжил другой.

- Ходите туда сами, у вас это лучше получается,- ответил с улыбкой Владимир Иванович, и вся компания дружно рассмеялась.

* * *

Казачье происхождение Зазули, проведенные в станице детство и юность зародили в его душе и характере ответственность за порученное и содеянное. Привили внутреннюю дис-

циплину, без которой трудно обходиться селянину или производственнику. В их станичном доме и дворе всегда был полный порядок. В сараях и хлеву постоянно поддерживалась чистота. Двор выглядел всегда уютным, свежим, будто его подметали ранним утром или даже ночью. Хозяин внимательно следил за плетнями и штакетником, вовремя менял подгнившие доски и стойки. Красил ворота. И в обширном огороде был полный порядок. Вовремя пропалывалась картошка, стоящая от плетня до плетня ровными рядами, как казачьи полки на плацу. К высоким и надежным торкалам подвязаны помидорные стебли, чтоб не валялись по земле, не сломались от ветра и проливного дождя. И они к середине лета вырастали до двух и более метров, а плоды доходили весом до половины килограмма и выше.

И теперь Иван Павлович в таком же порядке содержал свое домашнее хозяйство. Как и в детстве, белил по весне деревья в саду. Обрезал лишние и старые ветки. Обкапывал вокруг, поливал, когда долго не было дождей. И они смотрелись молодыми невестами, когда цвели по весне, словно покрывались белым и розовым туманом-фатой. У него были славные вишни, абрикосы, персики, яблоки, груши, испускающие по осени тягучий медовый запах, надышаться которым было невозможно.

В их доме, подвале до самого марта хранились фрукты, которые ели всю зиму. Дом со всех сторон окружали цветы, а вьющиеся розы заплетали все заборы, стены, веранду и выделяли такой ароматный запах, что кружилась голова и усадьба казалась божьим раем. Цветами занималась трудолюбивая Нина Александровна, которой частенько помогала дочь Оля, перенимавшая от матери хорошие привычки и сильно смахивающая на нее.

Привычка – вторая натура, говорится в народе. И она ставила порою Ивана Павловича в неловкое положение. Правда, это он не всегда замечал, был уверен в своей правоте, ибо она направлялась на дела добрые и полезные. И эта черта характера пригодилась ему не только в производственной, но и об-

щественной деятельности. Наверное, из-за нее и избрали его депутатом краевого Совета народных депутатов. Да еще и не на один, а на целых три срока. Никаким разгильдяям, нарушителям дисциплины и расхитителям социалистической собственности не даст спуску и привлечет к ответственности. Или, на худой конец, хорошенько отругает и убедит в неправоте. Пойдет к начальнику депо, секретарю узлового парткома Рыжикову, в горком партии или в прокуратуру, но своего добьется. Помог он и жителям Рождественки, которую много десятилетий, с самых царских времен, затапливало во время сильных дождей и половодий. Тогда он дошел до первого секретаря крайкома Ивана Болдырева и председателя краевого Совета Таранова. Но добился финансирования, труб и техники, чтобы провести обводные работы и отвести от усадеб воду.

И избиратели день и ночь шли к нему домой со своими бедами и несчастьями. Даже не с его участка, а с участков других депутатов, твердо зная, что Зазуля в беде не оставит, поможет.

- У тебя же есть место и время для приема граждан, Иван. Почему они приходят к нам домой? – недовольно спрашивала жена. - Тут полно домашней работы. Что накинешь на себя, в том и ходишь по хозяйству. А при чужих это как-то неприлично. Нужно каждый раз переодеваться, чтобы нормально выглядеть и не позорить члена краевого Совета.

- Да они же люди, Нина! – вставал он на защиту посетителей. – У них свои трагедии и беды. Ну, кто им поможет и защитит, как ни депутат? И это хорошо, что они тянутся к нам, а не к другим, ведь нет в жизни ничего лучше, чем помочь людям. Значит, верят в нас и надеются на помощь. Потому и голосуют за меня.

В принципе Иван Павлович был прав, как, впрочем, права и супруга, которой надоело долгие годы наряжаться в более приглядную одежду с приходом в дом посетителей и просителей. Такова их судьба. Но Зазуля внимательно относился не только к бедам и просьбам избирателей, но и к поведению

окружающих людей и товарищей по работе. Увидел однажды в электричке, как станционная кассирша брала с пассажиров деньги за проезд, а билетов не отрывала. Спокойно подошел и показал удостоверение.

- Ваш портрет висит на станционной Доске почета, а вы обманываете государство, присваиваете себе его деньги, - уставясь строгим взглядом, твердо заявил он. - Что будем делать? Сообщать начальству и составлять протокол?

- Ради Бога простите меня, совсем зашилась с этими безбилетниками! – со слезами на глазах стала она упрашивать. - Ведь у меня дети помрут с голоду...

- Ладно, я же не изверг,- согласился он.- На первый раз прощу, а во второй раз не ждите. И оторвите на всю эту сумму билеты.

- Вот спасибоочки, добрая вы душа! - довольно выплеснула кассирша и дрожащими от испуга руками оторвала целый метр билетов.

На своем рабочем месте Зазуля был еще внимательнее и принципиальнее. Как-то рассказывал Колкину:

- Подаю тепловоз в Черкесске и вижу, что стрелка стоит в разрез. – Переведи стрелку! – кричу стрелочнице.

- Она переведена, - отвечает та.

- Лень посмотреть и поднять зад? Разуй глаза-то! – не отступаю я. - Ведь разрежу стрелку. Ты же отвечать будешь!

- Вот привязался, чертов Спутник! – заворчала та недовольно. Но все же пошла посмотреть. И ахнула. – Спасибо тебе, дорогой, что заметил и подсказал, а то бы наделала дел и заплатила за порчу.

Надо сказать, за всю жизнь я ни одной стрелки не разрезал.

- А я был еще практикантом на Казахской дороге. Идем в подъем, а тепловоз плохо тянет, - припомнил свой случай Максим Сергеевич.

- По-моему, вторая секция не работает, - говорю.

- Откуда ты знаешь, знахарька хренова? Ти – ишчо мало каши ашал, практиканта, чтобы мене указывать! - отмахнулся машинист.

- Пойду и проверю, - настоял я.

- Дураке закон не письма, - со смешком бросил тот и стал напевать свой казахский мотив: - Один палка, два струна, я – хозяин вся страна...

А тепловоз-то не тянет. И я пошел проверить. Вижу, контактор не может включиться, хотя катушка зудит. Что-то ей мешает или не хватает силенок. Взял я сухую штангу, надавил на него, и он тут же прилип, включил контакты. И сразу почувствовалась тяга. Скоро мы вылезли в подъем и весело покатали дальше.

- Ну что, хозяин вся страна? – рассмеялся я.

- Вот шайтан какуй!- долго удивлялся машинист.- Откуда ты все знаешь? Наверна, больше меня, а я ведь такой грамутный, такой грамутный! Курсу кончал...

- В институте учили.

- Ай, молодца-а! Настоящая машинистка! – похвалил механик и с тех пор стал прислушиваться к советам практиканта.

- В нашем деле надо быть очень внимательным и не каждому доверять, - подхватил слушавший его дотошный Зазуля. – А с ротозеями и лодырями светлое будущее и коммунизм не построишь. Зря мы, что ли, казачьи отпрыски, с простых коней пересели на железных? На мощные локомотивы! Наша поступь тверда, и врагу никогда не гулять по республикам нашим...

Эти передовые машинисты депо и коммунисты свято верили в светлое будущее, наивно думая, что оно не за горами. И не жалели себя, не отлынивали ни от какой работы и ответственности, лишь бы была польза государству и трудовым людям. Такова была старая гвардия железнодорожных тружеников. И не только железнодорожных.

Как морехода носит по буйным океанам и морям, так и Овчинникова носило по волнам его нестареющей памяти. Вот и зацепилась она за встречу с невинномысским земляком министром Путей Сообщения СССР Конаревым. Ясно всплыла первая встреча в его на весь мир знаменитом кабинете. Николай Семенович долгие годы занимался эксплуатацией железных дорог, по специальности был движенцем, как и Овчинников, который видел в этом родственную связь. И когда диспетчер Минераловодского отделения попал в кабинет министра, сразу был ошарашен увиденным. И сейчас ему вспоминались тяжелая входная дверь, огромный стол, похожий на взлетную полосу. Бронзовое лицо Дзержинского, одного из первых наркомов Путей Сообщения, небольшой бюст которого стоял рядом с чернильным прибором. На боковом столике – «вертушки» правительственной связи. В углу напротив длинного стола для заседаний царствовал огромный глобус, почему-то похожий, как показалось посетителю, на гриб от взрыва атомной бомбы. По слухам, этот глобус поставил еще Рудзутак, народный комиссар Путей Сообщения 20-х годов.

И Овчинников понял, что в этих стенах творилась история советского железнодорожного транспорта. Хозяин, показавшийся вначале строгим, озарил его приветливой улыбкой, поздоровался за руку, усадил в удобное кресло и спросил мягким голосом:

- Вижу, вас интересует история этого кабинета? Да, здесь трудились известные исторические личности – зять Владимира Ильича Ленина Елизаров, Красин, Дзержинский, Андреев, Бещев и другие. Они немало сделали для развития «кровеносных артерий СССР».

Увидев солидную фигуру, строгий вид большого руководителя, его регалии на форменном кителе, нашивки, Владимир Иванович поначалу растерялся. Думал, с ним будет трудно най-

ти общий язык. Эта картина встречи так виделась ясно, словно все происходило вчера. Министр, как школьник, взъерошив густую шевелюру волос, побитую редкой сединой, так тепло и благожелательно посмотрел на посетителя, будто был рад встрече, как со старым знакомым. И, стараясь избавиться от нервного напряжения, диспетчер подумал с улыбкой: «Земляк, он и в Африке земляк. А этот не только земляк, но и профессиональный отец всем железнодорожникам».

- Внимательно изучил ваши новинки из Невинки и предложения. Я ведь тоже движенец-эксплуатационник. Прошел путь от стрелочника до министра. И движенец в наше время – заглавная фигура на транспорте, спрос с которой растет не по дням, а по часам. Не зря Главное управление движения поездов всегда считается заглавным Главком среди других Главков. И я каждый вечер слушаю доклад главного дежурного Центральной диспетчерской МПС. В первую очередь, как состоялась передача вагонных парков. Это самый серьезный показатель, раскрывающий динамику работы железнодорожного хозяйства страны. Оно имеет 156 стыков между дорогами, и суммарно через эти стыки за сутки должно проходить не менее 380-390 тысяч вагонов. Если меньше – уже относится к недостаткам.

Следующий показатель – погрузка, ведь по стране загружается 30 тысяч вагонов угля – более двух миллионов тонн. 20 тысяч цистерн нефтепродуктов – более миллиона тонн. Стройматериалов до двух с половиной миллионов тонн. 10 тысяч вагонов леса. А в целом в тоннаже более десяти с половиной миллионов тонн ежедневно. Какая страна может с нами сравниться!

Третий главный показатель железнодорожной сети – выгрузка, которая по объемам должна превышать суточную погрузку, чтобы не было простоев и нехватки вагонов. Это ресурсы следующего рабочего дня. Тут действует отменная система регулировки подвижного состава. Одна только Донецкая дорога в сутки загружает более миллиона тонн и выгружает, конечно,

не меньше. А в Кузбасс нужно доставлять каждый день около пяти с половиной тысяч порожних полувагонов. Обо всем этом мне и докладывает главный диспетчер МПС.

На транспорте всегда разрабатываются и внедряются массы технических новинок, не уступавших мировым образцам. Еще в 1976 году приезжал министр транспорта США. Я вместе с ним отправился на Куйбышевскую железную дорогу. Увидев слаженную работу железнодорожников по организации капитального ремонта пути, он признался: «Это симфония труда! Я буду об этом говорить на Конгрессе...» И кое-что наше после этого США взяли на вооружение. Обскакали мы их и по протяженности главного пути – 147 тысяч километров. Сейчас железные дороги СССР достигли наивысших показателей за всю свою историю. При 12 процентах протяженности путей от мировой железнодорожной сети грузооборот составил 52 процента от объемов перевозок по железным дорогам во всем мире при производительности с одного километра пути в шесть раз больше, чем в США и других высокоиндустриальных странах.

Овчинников на всю жизнь, как молитву, запомнил слова министра. Он так толково и доходчиво объяснял, что, наверное, ни один институтский профессор так не сможет. Он даже паузу запомнил в его речи, когда Николай Семенович ненадолго замолчал. С интересом еще раз оглядел гостя, который был сплошное внимание.

- Не утомил земляка своими лекциями?- поинтересовался с еле заметной улыбкой.

- Нет, что вы!- напрягся тот всем телом, готовый подхватиться и покинуть кабинет.- Вы так увлекательно рассказываете...

- Хорошо. Но не надо думать, что у нас нет недостатков. Об этом я и говорил в кабинете Андропова, когда меня в 82-м году сватали на должность министра. Присутствовали при этом почти все члены Политбюро. При руководстве страной Сталина, начал я, в пятилетних планах доля капиталовложений в развитие

железнодорожного транспорта составляла 11 процентов. Сегодня она равна 3,2 процента. Народное же хозяйство во многих отраслях возросло в десятки раз. А фонды ЖЭДэ едва в два раза. Нам срочно нужны сотни тысяч вагонов. Новые мощные электровозы и тепловозы, чтобы водить составы грузоподъемностью в десять и более тысяч тонн. Улучшить пассажирские перевозки и парк. Сейчас у нас высокоскоростная магистраль только на Ленинград. На Минск и на восточной части Южно-Уральской дороги скорости движения достигают 120 километров в час. Япония с Европой нас уже обскакали по скоростям. Нужно усилить рельсы и профиль пути, чтобы дороги не сдерживали развитие народного хозяйства.

- Николай Семеныч,- обратился ко мне Андропов,- прошу вас продержаться три года. Сейчас мы уже приступили к разработке планов следующей, 12-й пятилетки. Мы ее сделаем пятилеткой транспорта. Ведь нам нужно поднимать экономику страны с темпом прироста валового национального продукта на 4-5 процентов в год.

К сожалению, Юрий Владимирович вскоре умер. А выскочка и свистун Горбачев, попав под влияние западных политических лидеров и недалекой жены, сменил вектор политики и экономики, затеял вредительскую перестройку.

- И что теперь делать?- несмело спросил диспетчер, боясь сказать невпопад.

- Всеми силами поднимать рост экономики, снижать тарифы, то есть затраты на перевозки. Это не ломка проверенной жизнью структуры, а внедрение современных технологических средств и прогрессивных технологий с автоматизацией и информатизацией производственных процессов, соответствующие им изменения организационных и юридических норм и нормативов. И в нашем понятии рост экономики – это перемещение товарной массы. То есть угля, леса, нефтепродуктов, продовольствия, стройматериалов, машин, металла и так далее. Но эти материальные ценности приносит только труд. А

для труда нужны навыки, инструменты, материалы. Все это и есть товарная масса. Ее-то и необходимо двинуть, тогда и будет подъем экономики. И мы с вами должны быть к этому подготовленными, грамотными. Кстати, у вас какое образование?

- Железнодорожное училище и заочный институт инженеров железнодорожного транспорта.

- Это неплохо, - согласился министр.- Вижу, что вы думающий специалист. И достойны поста не только поездного диспетчера. Мы вам подберем работу значительно интересней и ответственной в управлении дороги, а потом, возможно, и в министерстве. Я в вас верю, мой уважаемый земляк, ведь ваше новшество прижилось на наших дорогах.

- В этом году я поступаю в аспирантуру, - с радостью сообщил северокавказский диспетчер, надеясь на дальнейшие успехи.

- Вот и славно, Владимир Иванович! Поклонитесь там моей родной земле, Ставрополью и сестре. Она живет в Невинке, - попросил министр гостя, слегка похлопав на прощание по плечу.

С тех пор пролетело три десятилетия. Но картина этой встречи до малейших деталей до сих пор стояла перед глазами Овчинникова, не раз благодарившего за нее судьбу.

* * *

С нескрываемой радостью и воодушевлением вышел Овчинников в те далекие 80-е годы из кабинета министра Путей Сообщения! С огромной надеждой и уверенностью в свои силы приступил к учебе в аспирантуре, где быстро стал считаться одним из лучших. Успешно защитил кандидатскую диссертацию. Задумал со временем покорить и докторскую. Живым примером в этом стал Николай Семенович, земляк и министр, который на железнодорожном поприще перещеголял не только всех своих отечественных предшественников, в том числе приснопамятного господина Витте, товарищей Дзержинского, Кагановича,

Бещева, но и всех мировых железнодорожных министров.

При Конареве сказочно возросли грузооборот и грузоподъемность вагонов, скорости и масса подвижного состава. Внедрялись передовые приемы труда, технические новинки и технологии. А казачий отпрыск Володька Овчинников, считай, сменил конные вожжи на диспетчерский пульт управления движением сверхтяжелых товарных и легких пассажирских поездов. Умело руководил целыми грузопотоками. И заслуженно стал называться Владимиром Ивановичем.

Конарев разработал и внедрил теорию железнодорожных составов, комплексную технологию перевозочного процесса. Опубликовал более 50 научных работ. Был доктором технических наук, профессором, академиком. А позже – вице-президентом Академии транспорта России. Награжден многими орденами и медалями. Ему даже собирались присвоить звание Героя Социалистического Труда, да помешала Перестройка. Все его регалии и звания трудно перечислить.

На такого специалиста и человека нужно было молиться, считал Владимир Иванович. И старался на него походить. Работая поездным диспетчером Управления Северо-Кавказской железной дороги и умело разгружая передвижение транспорта, он в свободное время еще читал лекции в Ростовском железнодорожном институте, вел семинар движенцев. Доходчиво рассказывал студентам о самых последних новинках отрасли: утяжелении грузовых составов, удлинении станционных путей и расширении границ станций, их способности принимать более длинные и тяжелые грузовые поезда. Усилении мощности и удлинении до километра и более бесстыковых рельсовых соединений, что делало движение вагонов более мягким, снижало возможность поломок рельсов и колесных бандажей.

Много говорил о совершенствовании приемов диспетчерской и маневровой работы, новых передовых методах, в том числе и своих.

О нем уже стали в открытую говорить, что скоро станет

если не начальником СКЖД, то, как минимум, его главным заместителем. И это считалось заслуженным, ведь лучше его трудно подобрать кандидатуры.

Но жизнь неожиданно повернула по-другому и спутала карты казачьего отпрыска. В МПС все изменилось до наоборот, когда Конарев ушел с поста министра. И способствовал этому его ставропольский земляк и тогдашний Генсек Горбачев. Выжил своим глупым прожектом Перестройки, с которой в корне не согласился принципиальный министр Путей Сообщения и против которой восстал всей душой. И хотя ему вновь предлагали портфель министра в 1991 году, он нашел в себе силы и гордость отказаться от него. Не хотел разрушать построенное за годы Советской власти, во что сам внес огромный вклад. И своим отказом выразил гражданский и профессиональный протест не только от себя, но и от миллионов железнодорожников. Распрощался с разрушительной властью, с которой никогда не найдет общего языка, потому что она была антинародной. Это и от имени его скажет грибоедовский герой: «Служить бы рад – прислуживаться тошно». И текст его заявления узнают многие миллионы железнодорожников и трудящихся СССР: «Сегодня, 2 мая 1991 года, окончательно вручил отставку-протест нынешним горе-руководителям великого некогда государства. Уверен, что поступил правильно!»

С уходом Конарева рушилось могущество Советской железнодорожной империи. Труженикам месяцами не выплачивалась зарплата. Трагически сокращалось количество поездов и рабочих мест. Прорабы перестройки как будто посходили с ума и требовали немедленной приватизации производств и транспорта. Овчинников с его знаниями и умением еще мог удержаться на своей диспетчерской должности. Его профессиональный авторитет еще был велик. Но он ясно видел, как мешает закопёрщикам обвала великой пролетарской страны и передовой в мире железнодорожной отрасли, этим необразованным «профессионалам», как они себя называли. Ведь они

искали малейшую зацепку и причину, чтобы избавиться от мешающего им диспетчера-инициатора.

И он понял, что его время ушло вместе с Советской властью, вместе с самым знаменитым в мире железнодорожным министром. А ведь он еще мог столько принести пользы Отечеству, что этим свистунам и не снилось! Но министр-новатор подал протест новой капиталистической власти и ушел с поста. А вместе с ним, решил Овчинников, должна уходить и его команда, членом которой он считал и себя. Иначе он будет выглядеть предателем. И решил вернуться в Невинномысск.

- Не курам ли на смех? – не раз вслух думал удрученный Овчинников. - У казаков сначала отняли живого коня, а потом и железного, на которого они с трудом пересели? А я и сына Вадима сагитировал выучиться в Минераловодском училище на помощника машиниста, чтобы продолжить железнодорожную династию. И он уже работал машинистом, да стало разваливаться предприятие, начались сокращения. И пришлось ему служить по контракту в Чечне. Устранять ошибки воровских правителей и военачальников, набивших на народном горе свои бездонные карманы, рисковать жизнью под пулями и снарядами боевиков.

- Но что сделаешь, ведь это как будто обрушился всемирный потоп? Может, справедливо говорят, что, потеряв голову, по волосам не плачут? – спросил он однажды себя, но тут же отверг. И почему-то вдруг вспомнил слова старой знакомой песни: - Раньше я был смазчик, смазывал вагоны. А теперь на фронте – золоты погоны! Нет, надо перефразировать: - А теперь в отставке – где мои погоны?

Наверное, ни татаро-монгольское 250-летнее иго, ни фашистское нашествие во Второй мировой войне не принесли России столько материальных бед и духовных страданий, как

переход на капиталистический рынок, хитро подготовленный Западом и горбачевской перестройкой, на которую он, недалекий политик-популист и бабий подкаблучник, безоговорочно клюнул на радость врагам СССР. Никак они не могли одолеть Великую державу ни на поле брани, что пытались не единожды сделать, ни на экономическом фронте. Тогда подло подползли по-змеиному с другой стороны. Стали сбивать с толку не только Генсека и его мерзкую команду в лице продажного идеолога и агента влияния Александра Яковлева, плохо знающего русский язык никчемного министра иностранных дел Эдуарда Шеварднадзе, пятую колонну идеологических перевертышей и творческой интеллигенции типа Анатолия Собчака, Егора Гайдара, писателей-временщиков и артистов, сотни раз выезжающих на народные деньги в США, Израиль, Европу, без стеснения бравших подарки, взятки и пустые обещания, когда-то называвшиеся в России посулами. Продавали Родину за понюшку табака.

Хорошо об этом сказано в капитальном труде Михаила Полторанина, некогда правой руки перевертыша Ельцина, «Власть в тротиловом изображении. Наследие царя Бориса». Этих предателей Советского Союза, говорит он, готовили в Бнай Брит – американо-масонской организации, бьющейся за развал стран и выкачку денег, связанной с ЦРУ (Международный Венский институт прикладного системного анализа – ИИАСА). Там стажировались Чубайс, Шохин, Ясин, Г. Попов, А. Нечаев, П. Авен... Штабисты Бнай Брита придумали стратегию деиндустриализации России, демонтаж российской экономики и предложили ее Ельцину. Они рекомендовали запустить смерч приватизации и дробления крупного производства. В первую очередь того, что может возродить коммунизм, - военно-промышленный комплекс...

По прикидкам экономистов, продолжает Полторанин, вывоз ельцинистами капиталов – легальных и нелегальных – составил примерно 2 триллиона долларов. За бесценок отдали

весь имеющийся стратегический запас урана – 500 тонн. Берите нас, господа американцы, голыми руками!

Такой грабеж среди бела дня, вопиющее предательство ведущих эшелонов власти не могли не сказаться на населении не только Центра, но и глубинных районов и окраин России. Одно за другим падали набок и разваливались предприятия самого промышленного города Ставрополя – Невинномысска, заслуженно названного промышленной столицей Южного Федерального Округа. Навернулись камвольно-прядильная фабрика с уникальным импортным оборудованием. И фабрика по очистке шерсти органическими растворителями «Совер» - крупнейшая в мире шерстеобрабатывающая новинка. Обе эти фабрики воздвигли невинномысские шерстяники. Но их сначала хитро отделили от шерстяного комбината, а потом разорили. Управляющие же их набили деньгами карманы и удачно смылись кто в Италию, кто в Израиль.

Какое-то время не сдавался Невинномысский шерстяной комбинат, совсем недавно содержащий 60 процентов бюджета города и 25 процентов бюджета края. Там был опытный директор Владимир Зуб. В начале и середине 90-х годов комбинат находился на подъеме. Перешел на арендную и бригадную форму оплаты труда. Платил работникам большие деньги. Во время рабочей смены кормил бесплатно в своей столовой. Снабжал желающих легковыми автомобилями. Строил жилые дома. И многие горожане стремились туда устроиться. Им казалось, что коммунизм не за горами, а за Кубанью. Недаром сам вице-президент России Александр Руцкой приезжал в коллектив вместе с губернатором края, чтобы познакомиться с опытом работы, а в чем-то и помочь.

Но подобного не могли терпеть апологеты частной собственности и махрового капитализма. Положенные во Внешэкономбанк 2 миллиарда дорогих советских рублей для обмена на валюту где-то затерялись. Начались многочисленные проверки и придирки, которые помогли отправить на пенсию умелого

руководителя. Еще больше расчленив на отдельные участки крупнейшее в мире предприятие по переработке тонкорунной шерсти – золотого руна, где когда-то успешно трудилось и безбедно существовало 6 тысяч рабочих. Поставленный же городской администрацией директор быстро добил до конца старейшее в крае производство, работавшее и кормившее невинномысцев второй век.

В городах и на предприятиях узурпатор Ельцин закрыл и распустил партийные организации своим беспощадным указом. Вместо горкомов и исполкомов появились городские администрации, мэрии. Партийцы, которые не хотели перекрашиваться в демократов, ждали арестов, что сильно смахивало на положение в фашистской Германии 30-х годов. Снимались с насиженных мест и уезжали в другие, стараясь спрятаться подальше в медвежьих углах.

В тысячах семей появились постоянный страх и неизбывная боязнь расправы. Боялись выходить на улицу, потерять работу, принимать гостей, откровенно говорить со знакомыми и друзьями.

Конечно, с подобным не все уважающие страну и себя люди могли мириться. И в первую очередь настоящие коммунисты и патриоты. Краевой и городской комитеты партии, где царила неразбериха, возглавил молодой невинномысский коммунист недавний инструктор горкома Василий Ивер. А когда его избрали в Государственную думу, горком партии возглавил Василий Рябчук, работник химического комбината. Секретарем избрали Аллу Алифирову, тоже бывшую работницу горкома.

Не-ет, не все испугались ельцинских перемен. В том числе Максим Колкин, член бюро горкома КПСС, ведущий большую партийную и общественную работу. Его лучший друг по депо машинист Иван Зазуля. Не отстал от них и бывалый железнодорожный зубр Владимир Овчинников. Он не пошел по партийной линии. Но с присущей казакам въедливостью встречал во многие вопросы и неприятные жизненные ситуации труже-

ников. Надеясь на средства массовой информации и книжные издания, писал смелые и разгромные статьи в центральные и местные газеты. Напряженно трудился над книгами. Давал газетный и литературный отпор предателям коммунистической идеи и политическим вертухаям в виде волкогонных, солженицыных, коротичей и других врагов социализма, выросших, как фурункулы и раковые опухоли, на здоровом теле трудящихся.

К 91-му году, работая на производстве, он попутно выпустил шесть книжек. 91-й был последним годом, когда за издание очередной книги заплатило государство. Новой власти писатели, инженеры человеческих душ с самим Богом данным талантом, стали не нужны, видимо, чтобы не вякали зря, не сбивали народ с панталыку, как это делалось перед Октябрьской революцией. Но авторитет Овчинникова-писателя рос с каждым годом, ибо романы, повести и рассказы были на рабочую тему, повествовали о жизни железнодорожников, шерстяников, строителей. И его стали заслуженно называть пролетарским писателем и современным Горьким.

Он ездил по краю на своей собственной «Ладе» с такими же писателями-бедолагами, оставшимися без возможности издаваться, без средств существования и не у дел. Распространял книги свои и товарищей по литературному цеху, еле сводящих концы с концами. Выступал на предприятиях, в колхозах и учебных заведениях. К сожалению, он не был ни чиновником, который всегда мог залезть в карман государства или предпринимателя, посетителя, ни обывателем, жившем по принципу моя хата с краю – я ничего не знаю, которому все было до лампочки, в том числе благополучие страны и народа, лишь бы на него не капало. Он был просто одним из патриотов, которым до всего было дело – и до государства, и до разваливающихся предприятий, и до попавших в беду граждан. У него за все и всех болела душа. Попроси такого отдать жизнь за народ и Отечество, и он отдаст безропотно, а то и с радостью, ведь погиб-

нуть за свой народ и Отечество, как говорил генерал Скобелев, – это высшее счастье и планетарная радость.

Только вот далеко не все понимали это божественное назначение патриотов. Кто-то откровенно осуждал, другой насмеялся и ругал, третий ненавидел и готов был нещадно расправиться с патриотами, ибо они мешали ему воровать и жить всласть, как обычно и живет ненавистная элита-жулита, как хочет его проданная дьяволу душа. А на окружающих ему совершенно наплевать, мол, они законченные быдлы и не умеют жить. А ведь они не жить не умеют, а воровать не умеют, был уверен Овчинников. Не случайно Василий Шукшин говорил, что мы умели жить. А уж про работу и говорить нечего. Сказал же житель иорданской долины Полонский, без зазрения совести укравший у русских людей миллиарды: «У кого нет миллиона, пусть идут в ж...у». У этого вороватого деятеля даже не хватает ума догадаться, что он сам там уже давно находится. И этих людей правящая верхушка и средства массовой информации подают и почитают, как самых умелых и удачливых, защищают их паскудные деяния, ибо на их фоне свои грехи не так видны, мрачно догадывался Владимир Иванович.

И бойкие людишки из этой бесом меченой когорты, всякие проныры березовские, гусинские, ходарковские, певички и певцы пугачевы, киркоровы и другие подобные матрешки-перевертыши мгновенно почувствовали, где и за счет чего можно поживиться и набить кошелек. Стали оплевывать вчерашнее прошлое Великой державы и народа-победителя, а то и лить воду на мельницу разврата, лишь бы в их бездонные карманы со звоном сыпались золотые червонцы. И наплевать им на людские беды, и они пляшут на могильных плитах давшего им возможность сладко жить народа.

Ярким примером были для таких чудовищ щелкопёры гайдары, которые не читали книг своего уральского прадеда-сказочника Бажова, ратовавшего против захвата капиталистами и приватизации предприятий. Его брателло - политический

трескун и трепач Анатолий Собчак, который начинал свою позорную юридическую деятельность в Невинномысске и принес немало горя людям. Будучи мэром Ленинграда во времена переворота, как сообщил Михаил Полторанин, он вместе с подручными спроворил много дефицитного, в том числе нефтепродуктов, цветных металлов, леса, за границу и набил свои бездонные карманы валютой, позорно убежав с нею за бугор. Откуда потом по старой дружбе разрешил ему приехать его бывший подчиненный, неожиданно ставший руководителем страны. Но овес пошел не в коня. Ему бы жить да радоваться бесовской фортуне и легко доставшимся миллионам. Очко-то, видать, играло. И он, бедный, не выдержал их злой тяжести и неожиданно «сыграл в ящик». Видно, правда, Бог шельму метит. И оставил после себя угловатую каракатицу-дочь, ставшую посмешищем всей страны и любившую вставать в раковую позу и с задраным подолом даже перед телевизионной камерой, будто она способна усладить ее извращенную похоть. И возмущенные зрители справедливо и негодуяюще плюют на ее бесовские прелести.

Естественно, с подобным не мог мириться литератор Овчинников, и его острое и чуткое перо то и дело подвергало зарвавшихся «героев» беспощадной критике. На него жаловались так называемые демократы. И его вызывали к прокурору города и в администрацию. Даже обещали тюремный срок до пяти лет, когда он прокатился по генералу Волкоганову и пьяному президенту-перевертышу Ельцину. Попили немало писательской крови. Но такова уж участь правдолюбков.

Много бессонных ночей провел прозаик в тяжелых раздумьях. До сердечной боли было жалко людей, нацию. А он ничего не мог сделать. Тяжело было переносить безмолвные взгляды жены, уставшей от его ввязываний в каждую мелочь. Ее словесные и молчаливые предупреждения-просьбы – одними растерянными-недовольными глазами, от которых был готов провалиться сквозь землю. Но он ничего не мог с собой сде-

лать. Считал, правители наплевали не только на трудовой народ, но и на писателей, творческую интеллигенцию. Даже несмышленных детей, многие из которых становились сиротами и бродягами. Даже после революции и немилосердной войны с фашистами их было значительно меньше. И Советская власть сирот не оставила в беде, несмотря на тяжелейшее положение. Все были прибраны, накормлены, обуты и одеты. Обучались в школах и других учебных заведениях. Так почему хваленый-перехваленый капитализм, которым его апологеты заморочили головы простым и доверчивым людям, нагло обещавший горы добра и богатую безмятежную жизнь, так жидко изошел на понос и сделал жизнь во много раз хуже прежней? Кого винить в этом – коммунистов, все делавших для населения, или единокороссов с их подпевалами, которые разорили страну и сделали нищим народ? Кто-то же обязательно должен за это ответить – за обман и предательство! Ответить по всей строгости пролетарских законов. А что они вернутся снова, Овчинников даже не сомневался, ибо свято верил в неподкупную спираль Гегеля, по которой все возвращается и повторяется, только в более совершенном виде!

В таком же безвыходном положении находились и писатели. Выступали как-то они на Кавминводах с Яном Бернармом и Владимиром Гнеушевым, давно перебравшимся в Москву.

- Как там жизнь в столице нашей Родины?- спросил его Овчинников.

- Крутимся, как и вы,- недовольно ответил привычным глуховатым голосом уважаемый ветеран, автор нескольких десятков книг, которого в одном из предисловий Роберт Рождественский назвал своим другом. – Издаваться тоже невозможно, издательства для простых смертных закрыты. Хорошо хоть мэр Лужков к юбилею Победы нам, фронтовикам, подарил по автомобилю.

- Москва этот финт может сделать, ведь восемьдесят процентов финансов находится там. Бессовестно грабит всю Россию, - заметил Владимир Иванович.

- И я пристроился на нем таксовать, - с улыбкой продолжил рассказчик.- В основном развожу под утро, когда старикам все равно не спится и нет дорожных пробок, проституток из борделя. Платят, надо признать, исправно, народ денежный. Одна, правда, попыталась откровенно предложить:

- Может, рассчитаться натурой?

И смотрит нагло в глаза деду, которому за семьдесят лет. И даже мне, бывалому матросу и старому ловеласу, стало как-то не по себе, обидно и оскорбительно. Это уже бездонная пропасть, в которую нас свалили шавки капитализма!

- До чего, суки, довели! – сердито выплеснул возмущенный Овчинников. – Лучшего поэта Ставрополя, ветерана войны, разговаривавшего на «ты» с самим Михаилом Горбачевым, заставили развозить после оргий проституток! Едва ли позорнее найдется оскорбление и нанесется обида.

- Все бывает, тёзка! – трагично вздохнул Владимир Григорьевич, и лицо его от негодования стало бурым. И стало понятно, что он очень переживал за развал государства, за спасение которого он воевал с фашистами. - Вот такие маковые пироги...

Овчинников знал, что Гнеушев был отчаянным человеком, принципиальным, бесстрашным, драчливым. Имел крутые кулаки, которые в опасную минуту не раз удачно пускал в ход. Не боялся сложных служебных и бытовых ситуаций. Умело находил средства на издание своих книг, в том числе и в краевой администрации. Но и его, похоже, прижали к ногтю. Что же тогда делать скромным и не пробойным, не способным постоять за себя? Накрываться белой простынею и тихо ползти на кладбище, чтобы не создавать паники, как говорится в одном известном анекдоте?

То была их последняя встреча. Вскоре Владимир Григорьевич уедет в Москву, где и умрет. Даже такого крепкого и выносливого человека, кевсалинского казака сломает рыночный пожар. Они в последний раз обнимутся на прощание, словно почувствуют что-то неладное, крепко пожмут руки и обменяют-

ся последними книгами. «Володе Овчинникову, дружески. На доброе воспоминание», напишет поэт. Это было художественно-документальное повествование о северокавказском казачестве под названием «Полынная слава», изданное пятидесяти тысячным тиражом объединением «Воскресенье». Последняя память на этой земле об интересном человеке, поэте, прозаике, которому помог расстаться с этой землей переход на рынок.

* * *

Таких сюжетов было много, как говорится, хоть пруд пруди. Они накапливались в душе и памяти Овчинникова, как в резиновой губке, думал он. И, наконец, не вмещая потока информации и психологических переживаний, она прорывалась и выплескивала все это наружу. И появлялись очередные роман, повесть, рассказ или газетная статья, которую непременно публиковала краевая партийная газета «Родина», а нередко и еженедельная газета писателей «Литературная Россия». Напечатали они и большую, на целую полосу, статью «КТО НИСПРОВЕРГАЕТ КУМИРОВ». И она пошла гулять не только по России, но и по всему свету:

До глубины души переживаешь, не находишь себе места, когда ошибаешься в человеке, бывшим твоим идеалом, кумиром. Кажется, все рушится вокруг тебя, как при землетрясении. Кажется, незаслуженно и вероломно предали тебя, и ты потерял точку опоры, и жизнь уже представляется пустой и бессмысленной. И эти горечь, разочарования давят на тебя многопудовой глыбой, гложут сердце, не дают покоя. И чем выше кумир, чем известнее, тем больше твоя боль и незащищенность. Вдвойне обиднее оттого, что мы сами себе сотворяем этих кумиров, будто любовь к самой чистой и непорочной девушке. Но так же, как и в любви, не можем простить их ошибок, предательства. Видно, уж так сложен человек.

Да ведь и кумирами нашими в большинстве являются неординарные люди, а писатели, артисты, которые учат жиз-

ни, принципиальности, правде. За правду, профессиональное мастерство мы их и уважаем, ценим. Радуемся их творческим находкам, успехам, переживаем за промахи и ошибки. У них учимся жить, по ним сверяем часы. Их отмечала Родина: то Государственной премией, то Золотой медалью Героя, то званием «народный». Их авторитет поднимался до небес. Ну, просто небожители! Такие, как Христос, не свернут с намеченного пути, ради правды пойдут на распятие. На них молились. А все ли они были истинно народными? Это может показать только время, которое нередко их и экзаменует.

Сейчас о наших общепризнанных, «народных» много пишется и спорится, в том числе и в «Литературной России». Давно понял, что вступать с ними в спор - себе дороже, зря потеряешь время и потратишь нервы. Но ведь и отступать нельзя: гложет и гложет тебя этот червяк несогласия и возмущения, днем и ночью не дает покоя. В десятый раз посмотрел по ящику «Служебный роман», и вновь подступило, заньло. Отличный фильм, и актеры сыграли здорово. В том числе и Олег Басилашвили. А как вспомню его «демократические» выкрутасы в 90-е годы, так плевать хочется, когда «народный», считай, пошел против народа. А играть-то лучше не стал.

Да что про него говорить: швили есть швили. Бери выше – Героя Соцтруда Михаила Ульянова. И в «Битве в пути», и в «Председателе» сыграл прекрасно, и любимца страны Жукова отобразил правдиво, и Владимира Ильича. Ну, разве он не народный артист, не герой театрального труда? Оказалось, нет. Захотелось поиграть в демократию. Лягнуть и поплевать на родную Страну Советов, на тружеников села и города, поднявших его на недостижимую высоту. Я столичные театры не в состоянии посещать. Но по тем фильмам, где ныне играет М. Ульянов, вижу, что «народный» крепко и бесполезно погорячился с отстаиванием лживой демократии и рынка, ибо радоваться не чему. Весь пар выпустил не в ту сторону. А после телесериала о вокзале, где он беспомощно сыграл роль городского началь-

ника, дурака и пьяницу, и говорить о нем не хочется. Не знает он народа и жизни глубинки. А может, знает и умеет, но ему не дают изобразить талантливо и правдиво, заставляют сделать так, как хотят освободившиеся от советской цензуры режиссеры, продюсеры? Хотя и литконтролеров не стало, а выходит, за что боролись, на то и напоролись.

Таким же неблагодарным оказался известный художник Илья Глазунов, вдруг представившийся не то человеком голубых кровей, не то скандинавско-дворянских, которого «зажимала» Советская власть. Так «дозажимала», что выучила хорошей профессии, дала возможность писать картины, выставлять их на выставках, огреть за них бешеные деньги. И все это за здорово живешь, за красивые глазки, бесплатно. Так отблагодарил этот потомок варягов, как он себя величает, нашу страну и народ, что посторонним за него стыдно. А, небось, партбилет-то припрятал на всякий случай, мало ли что можно ожидать от этих русских варваров! По-казачьи выпороть бы его, как мальчишку, принародно, чтобы не позорил почтенных родителей, не отказывался от матушки Руси, от народа, который за свой счет и недоедания принес ему жизненные блага и славу.

На всю жизнь запомнилось выступление коллектива Людмилы Зыкиной на стадионе Невинномысского шерстяного комбината лет десять назад. Это предприятие тогда было крупнейшим в Европе и мире в своей отрасли, тянуло четверть бюджета края. Было на что устраивать праздник. И выступала знаменитость, гениальная певица, любимица России. Хороший куш отвалили тогда ее коллективу директор Владимир Зуб и совет директоров.

Не поскупились на народные деньги. А эта «гениальность» вскоре и забыла о народе, тоже ратовала за перестройку и разорительные рыночные отношения. Вот и лежит теперь этот комбинат на боку, чему помогли перестройка и рынок. Вот и поминуют частенько многие слушатели того концерта незабвенную Людмилу Георгиевну, Героя Соцтруда, лауреата Ленинской

премии, собирательницу дорогих камушков и миллионершу, народными выражениями, ибо тысячи из них попали под сокращение. И хотелось бы у нее спросить: много ли теперь стадионов необъятной Руси предоставляют для ее выступлений и платят такие бешеные деньги?

В статье я не пропагандирую за социализм и недавнюю нашу жизнь, хотя для простых смертных она стала во много раз тяжелее. Но это уже другой разговор. Я говорю о тех кумирах, которые приложили руку к развалу страны и которых теперь сам народ ниспровергает с постаментов. И причины тому есть. Осенью побывал я в Новоалександровском районе, самом черноземном и хлебобобном на Ставрополье, где на круг собрали по 52 центнера с гектара. Гигантские колхозы-миллионеры типа «Расшеватский», «Дружба» и другие безвозвратно развалились. Опустевшие земли скупают представители Дагестана, Израиля и не только. Купил ее, как мне рассказали, и народный любимец, старожил эстрады Иосиф Кобзон. Мне приходилось читать о его финансовых комбинациях. Но чтобы певцу купить землю под спиртзавод – такое и во сне не приснится. И теперь кобзоновский спиртзавод травит самые плодородные земли отходами производства, разносящимися ветром на многие километры, ибо об очистке отходов нынче не думают. Наверно, крепко икается лауреату Госпремии Иосифу Давидовичу, но каждый ли понимает, что искусство требует жертв?

Коснусь и литературных монументов – самый большой для меня вопрос. Когда в начале 60-х я прочитал «Один день Ивана Денисовича», был приятно удивлен. И потом, в 70-е, когда Солженицына изгнали из Союза и появилась известная статья в «Правде», я горячо защищал его в споре с партийными ортодоксами. В 80-м мне с товарищами по перу удалось побывать в его родном селе, что в Александровском районе. С душевным трепетом слушал я рассказы саблинских старожил, обошел поместья деда, где находилась поселковая больница, отца.

Немало воды утекло с тех пор. После развала СССР мно-

гие россияне стали по-другому относиться к «великому правдолюбу», а точнее – комбинатору. Сотни разноречивых статей появились в печати. Многие из них не в пользу вермонтского затворника, в том числе и книга чешского журналиста и диссидента Томаса Ржезача «Спираль измены Солженицына». Трудно опровергнуть написанное сотрудником и другом писателя. Со временем и мы поняли, что вся эта диссидентская братия метила в коммунизм, а попала в Россию. У меня, безусловно, тоже сложилось о нем свое мнение. Но не буду его навязывать после столь много сказанного. Поведаю лишь о впечатлении, которое сложилось после недавней поездки в его село в конце минувшего ноября.

22 года прошло с первого моего посещения села. Изменилось ли оно, ведь там побывал после американского затворничества и сам правдолюб? Как его встретили земляки? И услышал грустную историю.

- Мы готовились к приезду знаменитости, - поведали мне саблинцы, - организовали сельский праздник, выставку-продажу его книг, чтобы каждый запомнил этот день. Во дворе сестры Солженицына накрыли столы, положив последние рублишки администрации и обедневшего, разваленного перестройкой колхоза.

- Гостей не надо! – закричала хозяйка дома, когда подошли к ее двору.

- Их и не будет! – ответил Александр Исаевич, не пустив во двор даже журналистов, телерепортеров, которые на голодный желудок много часов вождеденно ожидали его. – Кто в доме хозяин?

- Извините, - ответили ему представители местной власти. - Не вы этот стол накрывали, и не вам указывать, кого за него сажать...

- Солженицын человек гнусный и скряга, - с болью докладывали мне. - Когда его попросили подарить для села книги, он заявил: «Пойдите и купите на выставке...»

- Конечно, мы опешили. Для родного села нобелевский лауреат и миллионер, обманувший в политической интриге весь мир, пожалел подарить свое мерзкое издание, за выпуск которого платила Россия.

- Бог поможет! – с неприязнью бросил «великий правдолюб».

И хотя о его «отзывчивости» я был наслышан, этот рассказ меня поразил. Я долго ходил бесцельно по улице. Курил. Стояла поздняя осень. Деревья дружно теряли листву, хотя было еще тепло. От базарчика, стихийно раскинувшегося близ сельской администрации, доносились громкие голоса.

- Наш колхоз рассыпался, а чужой хлеб, что привозят, плохой... В общем, рыночные отношения, мать их...

Я двинулся вниз, по улице, помня, что подворья помещиков Солженицыных где-то рядом, за Дворцом культуры, возле которого еще держался на постаменте памятник С. М. Кирову. А рядом дедова усадьба.

- Где двор Солженицыных? – на всякий случай спросил я у пожилой крестьянки.

- Не знаю! – с неприязнью ответила она, окатив меня недовольным взглядом.

И я понял, что здесь не любят вермонтского старца.

- А вы им родственник? – спросила она испытующе.

- Нет, посторонний.

- Тогда вот тут была больница. Сейчас для нее построили новый корпус, - немного потеплевшим голосом ответила женщина.

Угловой дом, формой похожий на гайку, заброшен. В окнах вываливаются створки, выбиты стекла. В селе новая больница, и это полуразрушенное чудовище портит картину деревенской улицы. Все его забросили. Никому не нужно, как и сами Солженицыны, как и Россия, которую старательно разрушал злой демон Александр Исаевич. Сколько зла и пакости принес России выходец из этого проклятого людьми поместья! И скоро сам

окажется таким же заброшенным и никому не нужным со своей надуманной «правдой», со своей духовной желчью, которая залила весь мир. Бес XX века.

«Не суди, да не будешь судим» - только и подумал я, смачно плюнув на развалины осинового гнезда, и побрел к центру, где еще теплилась жизнь и шумел сельский базарчик.

Вспомнился еще один из когда-то любимых мною писателей – Астафьев. В 60-е годы среди авторов-сибиряков я его считал первым после Шукшина. Собирал его книги. Конечно, не все равноценны, но «Последний поклон» - это вещь! Хотя Госпремию получила «Царь-рыба», чему немало удивился. Когда я на Седьмом съезде писателей РФ встретил его в коридоре, мне так захотелось подойти и пожать ему руку. Но что-то удержало, и слава Богу, как предчувствовал. К сожалению, с годами мое отношение к Астафьеву все больше менялось. Писали, что он становился невыносимым, злым. Недаром Семен Бабаевский нарек его злым писателем. Отвернулся от друзей, не хуже него писавших, - В. Белова, Ф. Абрамова, даже от земляка В. Распутина, чей «Последний срок», пожалуй, покрепче «Последнего поклона». От тех, кто не отвернулся от обреченного на рынок народа. А уж когда пьяные его герои, зарыв могилу, забыли закопать гроб с покойником, совсем разочаровался: какое кощунство! Не может такого быть, чтобы все село было пьяным. Слабо написанный «Печальный детектив» добавил масла в огонь, и я перестал интересоваться его книгами и читать их.

А уж когда увидел отзывы целого номера красноярской краевой комсомольской газеты о нем, окончательно понял, что кончился хороший русский писатель. Это ж как нужно нагадить своим землякам, что против поднялся весь край?! Самомнение, апломб, неуживчивость и нетерпимость к товарищам по перу, мнимым соперникам, сыграли с Виктором Петровичем трагическую шутку. И как уж там ни пишут, ни расхваливают его некоторые друзья-приятели, разбитый горшок не склеить.

Думается, не создав ничего значительного после «Послед-

него поклона», Астафьев, привыкший к незаслуженным огромным тиражам, возомнивший себя литературным пупом Вселенной и обозлившийся на весь мир, как уросливый жеребец, закусил удила и погнал махом по литературному бездорожью, будто не было у нас ни Ю. Бондарева, ни П. Проскурина, ни Ю. Казакова, ни десятков других талантливых авторов. Поэтому все, где он вырос и жил, где в трудные годы не бросили сироту, плохое. И отец плохой, и Россия, и друзья по перу. Фома неверующий и Иван, не помнящий родства в одном экземпляре. Вот только один Солженицын хороший! Как он не понял, что Солженицын никакой не писатель, а лжеполитик-документалист на уровне районного шелкопера, что по мастерству ниже его на порядок. Вот какое психологическое рабство, которое не могла за долгие годы вытравить из его души даже Советская власть!

Видно, свой свояка видит издалека. Поэтому с раболепием встречал американского гастролера, ворковал и изливал душу в родной Овсянке, которая в конце концов и не признает его родным, ибо даже могилку не может по-человечески прибрать.

Поэтому и пошел на поклон (последний ли?) к непредсказуемому Ельцину, который сделал народ нищим и разрушил Великую Россию. Как сладко пахли два миллиарда ельцинских рублей, содранные, как шкура, с того же русского народа! Их хватило на 15-томник «избранных». Вот только на лечение и похороны не хватило. Потому, что не стало покровителя, а земляки, которых он достал своим брюзжанием, попросту отмахнулись.

Так кто же тогда ниспровергает кумиров? Не сами ли они? И хватит их оправдывать. Хотя бы покаяться, как иуды, и наш добрый народ, может, простил бы их. А то ведь звания поснимает.

Владимир ОВЧИННИКОВ.

Конечно, автор статьи не был наивным и не верил, что после ее выхода сразу все изменится. Но на душе все-таки хотя бы

на непродолжительное время становилось спокойнее. Да ведь и Москва не сразу строилась. Хотя подобные материалы создавались и другими авторами. Говорят, капля камень точит. И таких капель собиралось бесчисленное множество. Они расшатывали лодку капитализма, финал которому давно предreshен.

25

С каждым днем страна все больше скатывалась в бездну. Останавливались промышленные и сельскохозяйственные предприятия. Немилосердно сокращались трудовые кадры. Люди безжалостно выбрасывались на улицу. Кому, какому дураку, это было нужно? Только вредителю или врагу, иначе невозможно объяснить. Президент куда-то то и дело пропадал. Как объяснит позже Полторанин, чаще всего на свое озерко, где якобы рыбачил, а точнее – пил водку до потери пульса. То чудил «за бугром», подобно Гришке Распутину плясал под смех американского президента Билла Клинтона, которого Овчинников называл Вбил Клин нам. Мочился на самолетные колеса и вел себя неадекватно.

- Разошелся наш Хряк, как перед концом света, - с презрением плевались люди. – Народ тысячу лет собирал Россию, открывал и присоединял новые земли, находил в них природные богатства, а эта саранча все мигом спустит и разграбит. Газеты пишут, у премьера Черномырдина состояние составляет 15 миллиардов долларов. Всю страну ограбил!

- У него газовые и нефтяные трубы и скважины. Раньше это было народным, а теперь перетекло в карманы этого жульа. А у правителей то кризисы, то дефолты, которые сами придумывают, чтобы задурить населению головы, ограбить весь мир. А насчет народной собственности почаще и побыстрее повторяй: «Во мху я по колено!»

И писатель в уме представлял, как, проснувшись с глубокого похмелья, царь Борис краем рассудка ухватил, что творит-

ся неладное. Хрипло бросил своим приспешникам:

- Витьке Мырде дать пинка под зад. И для понта присобачить орден за развал промышленности и сельского хозяйства, чтобы тем самым лапшу на уши этим быдлам повесить! Чаво ему ишло надо? И так нагробил до зеленой отрыжки...

- Будет изде!- взяли под козырек канцелярские шавки, трясясь всем телом и боясь, чтобы пьяный царишка вслед за премьер-министром не отогнал их от свинячьей колоды, не отправил и их в небытие.

Предложенная патриотами команда Примакова и Маслюкова взялась за порученное серьезно. И дела стали заметно выправляться. И народ стал радоваться: неужели Россия сможет подняться на ноги? Забеспокоились западные «доброжелатели»: Она сомнет нас!

И давай наседать на Ельцина. И нерадостное похмелье завело русского грозного правителя в очередной ступор. И он отправил хороших руководителей в отставку. Так легкомысленно и необдуманно не решали даже в самом захудалом колхозе, где председатель и члены правления были дураки или не просыхали от самогона.

- Видно, напала на него белая горячка, - зло комментировали принципиальные граждане.

- У нас чиновниками хоть пруд пруди, - со смехом заявлял президент. – Была бы страна и казна, а чиновник всегда найдется!

И они незамедлительно находились, и безбожно воровали, не успев приступить к делам. И под горячие аплодисменты Запада разваливали мощное государство, беспощадно вырубая под корень все живое и мертвое. В том числе и сук, на котором благополучно сидели. Одно слово – шуты! И здорово их характеризовал ельцинский идеолог-чиновник Михаил Полторанин:

«Чиновник работает тогда хорошо, когда ощущает над собой дамоклов меч страха – страха быть вышвырнутым за некомпетентность, безделье или потерять свободу за взятки и

откаты. Эта вседозволенность, ставшая нормой жизни представителей власти, подкосила нашу экономику. Ведь российский чиновник без совести и страха – это же не человек. Это горилла со связкой тротильных шашек, да еще верхом на носороге. Раздолбайство власти, круговая порука в чиновничьей среде несут одни беды современной капиталистической России».

Они вместе с политиками-горлопанам типа бесноватого последователя самого Гитлера – Собчака и загубили Россию, сделали большинство народа нищим. А этот некогда передовой народ, заумная интеллигенция и пролетариат, по-рабски молчал, привык, чтобы за него кто-то сделал революцию или пошел в бой с грабительским капиталом. Не в дедов, видать! Так думало большинство, в том числе и ветеран Овчинников.

Предприятия приватизировались за бесценок, умело приводились к банкротству. Ставились временные управляющие, типа предреволюционных редакторов левых газет, которые и подводили их к последней черте. А тут и московские рысаки все чаще стали радовать периферийных неумех своим эпохальным появлением. Скупать за бесценок акции. Ставить своих руководителей.

Воспротивился им генеральный директор «Азота» Виктор Ледовской, так ему, по слухам, организовали арест у самой калитки родного дома якобы за неблаговидные дела. Несколько месяцев незаслуженно продержали в тюрьме. А когда крупнейшее на Северном Кавказе химическое предприятие забрали в свои загребушие руки экономические варяги и с местными перевертышами поделили портфели, его выпустили за неимением доказательств. И даже предложили взамен высокую денежную должность, от которой потомственный кубанский казак принципиально отказался. Хотя еще не одна подлянка его будет ожидать впереди. И комбинат, ставший градообразующим, ушел из-под городского и краевого контроля, а город потерял миллиарды от причитающихся налогов, которые уплыли в другие края.

И многим стало жить невыносимо. В том числе пенсионерам. А про безработных и говорить нечего. Разбежались в разные стороны жены с безденежными мужьями. Рушились семьи, скрепы государства. Появлялась безотцовщина.

Оставшись без работы, машинист тепловоза мелькомбината Вадим Овчинников пошел служить по контракту в Чечню, где каждый божий день рисковал жизнью. Похоронил немало своих боевых товарищей. И четыре с половиной года его отец, бывший коммунист и пенсионер, каждую ночь осенял крестным знаменем восток, где находилась Чечня, и просил Господа Бога, чтобы пощадил сына, чтобы не пришел в их семью Груз – 200, не остались сиротами внуки.

Старший сын, Игорь, дважды ездил на последние деньги в Москву, где не смог устроиться. Потом подался в Краснодар и, слава Всевышнему, устроился грузчиком. Дед с бабкой изо всех сил старались помочь четверым внукам. Все выходные, праздники, каникулы, то есть больше половины года, внуки находились у них. Как могли, сглаживали неуютную жизнь, старались не обойти теплым словом, гостинцами и подарками, помочь с питанием в школе. Владимир Иванович учил их плавать в горной реке – Зеленчуке, кататься на велосипедах, целую мастерскую организовал для этого в гараже, словно техническая помощь, чтобы их отремонтировать и сгладить ставшее вдруг нелегким детство. Охранял, как цыплят. Не расставался с гаечными ключами и дома, возле которого они катались наперегонки и ломалась детская техника. Отрываясь от письменного стола, то и дело курсировал по проезжей части, где случалась велосипедная авария или поломка. Слушал их просьбы с балкона. Порой недовольно покрикивал на безответственных потомков.

- Будьте внимательны, зимогоры! Следите за дорогой.

«Ты прямо, как унтер Пришибеев», - смеялся потом над собой бывший железнодорожный диспетчер.

Еще в начале 90-х они взяли землю под дачный участок семьям сыновей. Тогда это было модным. Люди стремились за-

иметь свою дачу, вырастить сад, сажать овощи, обрабатывать землю. И, как грибы, поднимались вокруг города домики. Росли фруктовые деревья, создавая зеленую лесозащитную зону. Любо было посмотреть!. Снабжали себя картошкой, помидорами, огурцами, капустой и другими овощами, фруктами. Так сказать, выполняли Продовольственную программу, затеянную Политбюро ЦК КПСС. По вечерам и выходным дачники были заняты своими участками и огородными радостями. Меньше бездумно сидели у подъездов, перемывали кому-то косточки или по-соседски выпивали на троих. И летом почти из каждой квартиры доносились сладкие запахи медовых груш, яблок, ягод, клубничного и смородинового варенья. А нередко и сухофруктов. На всю зиму с запасом закручивали банок с овощами, салатами, вареньем, аджикой, компотами. Откроешь зимой такую банку с абрикосовым компотом и задохнешься от аромата. Фрукты пахли не хуже свежих, только что сорванных с деревьев. Это было хорошее подспорье в семейном хозяйстве.

Имея свой участок на Ивановской горе, Овчинников-старший построил домик шесть на четыре метра в дачном кооперативе «Шерстяник», мотался по округе за строительными материалами и нанимал знакомого каменщика. Не без помощи близких разработал более десяти соток земли, выбрав не одну машину булыжников, где вырастил хороший сад и накапывал более ста ведер картошки. Ее хватало не только своим, но и отдавали сватам и знакомым. Даже выкопали колодец и протянули с соседнего кооператива водопроводную нитку, чтобы поливать в жаркие дни. Но сыновья разъехались, и они с Анной Пантелеевной рвали пупки на двух дачах, приезжая с них вечером в конец уставшими, обессиленными. Но нужно было снабжать овощами семьи сыновей, и старики готовы были упасть на участках и помереть, лишь бы только помочь выжить своим юным и любимым потомкам.

Но жизнь ухудшалась. И если раньше дачным кооперативам помогали родные предприятия, то теперь, с приходом

рынка, они были брошены на произвол судьбы. Не менялись прохудившиеся трубы и сломавшиеся насосы. Не на что было содержать сторожей, и по дачам стали лазить непрошеные гости. Выворачивали металлические стойки из заборов и сдавали в металлолом. Выламывали рамы и двери домиков. Как метлой, выметали урожай.

- Попроси у меня, я сам дам и картошки, и овощей с фруктами! Зачем же все ломать и корезить? – не раз говорил с обидой Овчинников, устраняя последствия погрома. Он даже вызывал милицию, отдавал забытые взломщиками фомки, ножи, показывал сожженные домики, но толку уже не было. На беды дачников не хотели обращать внимания.

А однажды осенью, приехав на дачу в «Шерстянике», они обнаружили на диване и старых креслах чьи-то постельные принадлежности и разное тряпье.

- Наверно, бомжи забрались, - догадались хозяева.

- И что будем делать?

- Да пусть живут, зима на носу. А тут и печка есть. Не замерзнут. Лишь бы не спалили, как палят другие дачи. Может, наоборот сохранят в благодарность за бесплатную жилплощадь, - решили они с надеждой.

А однажды под вечер позвонили соседи и сообщили:

- Вашу дачу сожгли...

- Как сожгли? Вот зимогоры! - Только и произнес в сердцах Владимир Иванович.

Он побежал в гараж, взял машину и понесся туда. И когда подъехал к высокой насыпи дренажной канавы, отделяющей кооператив от полевой дороги, из-за опавших деревьев увидел одни шлакоблочные стены. Подрулив ближе и выбежав из машины, уперся растерянным взглядом в зияющие черной пустотой окна, вывалившиеся наружу и обгоревшие двери из толстых досок, обитые с улицы жостью, чтобы не просто было их проломить. В домике сгорели кресла, диван и другая старая мебель, оказавшаяся лишней в квартире. На полу валялись об-

горевшие обломки шифера от крыши, не до конца сгоревших стропил и столов. И пенсионер бессильно опустился на обуглившийся порог, не замечая, как из уставших глаз покатались редкие слезинки, срывались с лица и падали на черные угли.

Он вспомнил горячие месяцы строительной спешки и нервотрепки, когда своими руками месил раствор, подавал каменщику кирпичи. Как делали небольшой очажок и высокую крышу, чтобы устроить там что-то в виде мансарды. Заливали бетоном дорожку. Его семья росла, и он, если не будет другого выхода, думал отдать детям свою квартиру, ибо государство уже не стало выделять труженикам жилье, а самому с супругой перебраться на дачу. Много ли надо двоим старикам? Лишь бы внуки росли и не было войны. И пенсионеры были готовы жить и доживать их радостями.

Но этого не случилось, и старик, обхватив руками седую голову, зло прокричал:

- Будьте вы прокляты со своим рынком, все едросы, педросы, жулики и прочие узурпаторы, мошенники и хапуги!

А осеннее эхо понесло по уже опустевшим и заброшенным людьми участкам: пу-уги, пу-уги!...

И он ощутил себя таким одиноким, словно находился в пустыне или на другой планете. У него сильно закололо под левой лопаткой и в левой стороне груди. Навалились такие тоска и обида, будто кто-то специально издевался над его жизнью и судьбой и глумился над уставшей от долгих лет и событий душой. И ему захотелось упасть на это черное пепелище и немедленно умереть, чтобы не смотреть на такое бесправие и бардак, до которых довели Россию предатели и политики. Но смерть не приходила, словно готовила очередной сюрприз и расправу за ранее счастливо прожитые годы. И этим нужно было заполнить не выдерживающее бешеной нагрузки стариковское сердце.

- За какие грехи такое несправедливое наказание, Господи? Что и кому я сделал плохого? Кого убил, обокрал, как эти новые русские? – нервно спрашивал он, воздев к небу руки.

– Кто спалил дачу – бомжи, распоясавшиеся юнцы или новые власти в отместку за твои правдивые книги и нелицеприятные статьи? А может, это москвичи, ведь говорят, что это место облюбовала жена мэра Лужкова под строительство конюшни для элитных лошадей?

Но небо загадочно молчало и не давало ответа. Лишь только первые звезды, показавшиеся ему полевыми колючками, недовольно обжигали его наивный взгляд, словно хотели немилосердно впиться своими колючими краями и навсегда его погасить.

* * *

Внуков Овчинниковы очень любили и даже баловали, насколько это было возможно в экономически тяжелое время. Внимательно следили, чтобы не попали в беду, не ушиблись случайно, не набили шишек, не простыли на ветру и морозе. Дед даже ночью не раз накрывал их сползшим одеялом, как бывало с сыновьями в детстве. И любовался, как они, разметав ручонки, доверчиво и беззаботно посапывали во сне носами. Порой что-то шептали непонятное. И Владимир Иванович откровенно любовался мальцами, своими последователями и наследниками, как он наивно считал. И беззаветно любил их, надеясь, что из этих маленьких существ вырастут большие граждане и пойдут по стопам своих предков. Принесут своей державе пользу. И его сердце обдавало неподдельной радостью. Он благодарил судьбу за то, что она милостиво подарила ему троих славных внуков и внучку, которых он любил не меньше, чем родных детей, которым желал только счастья.

В такие дни бабушка Аня поднималась до света, раскатывала тесто, пекла чебуреки или пирожки с мясом, картошкой, капустой, яйцами. Бери на выбор, какие хочешь. Не забывала про пельмени, компоты, варенье, любимые внуками. Консервировала сотни банок с ними, чего хватало трем семьям до следующего урожая. Жарила котлеты, картошку, рыбу. И по квартире плавал рой вкусных запахов. Почти все лето на столе были по-

мидоры, огурцы, фрукты. И ребяташки с удовольствием уплетали их за обе щеки. И им так нравилось у бабушки и дедушки, что не хотели уходить домой.

На дорогу им набивали карманы или давали пакет с базарными подарками, сладостями, сухариками, чипсами и другой появившейся в последние годы мелочевкой, чего не было в голодном детстве хозяев. И дни пребывания у стариков детям казались неповторимыми праздниками.

Как ни было тяжело в те годы перехода на рыночные отношения, Овчинниковы-старшие изо всех сил и средств старались продлить для внуков эти радостные моменты. А уж сами-то они как-нибудь перебьются, не впервой им переносить жизненные тяготы, закаленным с поры военного детства.

Но радость вскоре омрачилась. Стал прихрамывать на правую ножку самый маленький внучек – Юрик, которому скоро должно исполниться два годика. Наверное, ушиб в детских яслях. Забеспокоились и родители, и старики. Стали возить по больницам, обследованиям, рентгенам. Его направили в одну краевую больницу, в другую. Находили то ли рак, то ли туберкулез коленного сустава. А мальчик все больше хромал и жаловался на боль. И они смертельно перепугались: что будет с дитем? Станет инвалидом на всю жизнь или спасут врачи? Раньше хоть были специальные санатории, а теперь где их возьмешь? Санатории стали посильными только начальству и олигархам. Еще недавно заботливое государство осталось в стороне от вопросов здравоохранения и лечения своих граждан, даже детей. Мол, выгребайте своими силами. А откуда эти силы у бедного человека?

Все мысли были только о нем. Дед тоже засыпал и просыпался с ними. И с сырыми глазами молил Всевышнего:

- Господи, пожалей хоть этого чистого и непорочного дитя! В чем он виноват перед тобой? Я знаю по своей родне, как живут безногие инвалиды. Это маята на всю жизнь! Вся судьба поломается! Если надо, лучше возьми мою ногу! Возьми всю

жизнь! Я уже старый и обойдусь без нее. А внучку только бы жить да радоваться...

Расстроенный в конце старик не замечал, как из его подслеповатых, уставших глаз выкатывались редкие скупые слезинки, скользили по морщинистому лицу и бесшумно срывались на пол. И Владимир Иванович чувствовал себя таким убитым горем и несчастным, что трудно передать словами.

Юрку вместе с матерью положили в стационар какой-то хитрой краевой больницы, специфику которой боялись произносить вслух. Может, поэтому и находилась на самом краю города? После обследования вшили под колено не то какую-то искусственную ткань, не то пластмассовую пластину. А уж как она там приживется, из близких больного никто не знал. Да и врачи, скорее всего, не были уверены в эффективности операции, которая шла очень долго. И как только такое маленькое дитя вытерпело, предположить было невозможно. На выходные больного и мать отпускали домой. И дед в пятницу ехал за ними в Ставрополь, а ранним утром в понедельник, когда вокруг еще царствовала темнота, отвозил назад. Был самый разгар зимы, и путь считался очень опасным. Мели декабрьские и январские метели, перечеркивая и забывая трассу снежными переметами. А она, как змея, испуганно виляла туда-сюда по краям высоких обрывов и откосов, будто старалась спрятаться от кого-то. Не зря такой профиль называют тещиными языками. Видимость была плохой, приходилось двигаться почти на ощупь. И нередко водители не замечали поворотов и съезжали с насыпи, переворачивались. И автомобили ломались. Мороз нередко сменялся оттепелью. И падающий снег так налипал на лобовое стекло, что его не могли сбить автомобильные дворники. И приходилось не раз останавливать на обочине машину, соскребать этот снег, уже превратившийся в лед, лопаточкой. Даже доставать термос и мочить тряпку горячим чаем, чтобы избавиться от него и сделать доступной видимость.

Владимир Иванович старался двигаться очень осторожно,

боялся совершить аварию и еще больше навредить больному внучку, а то и лишит жизни – вон, сколько видел аварий со смертельным исходом! Крепко держал руль не всегда послушной на скользкой дороге «Лады». Постоянно находился в напряжении. И это дорожное нервное напряжение после поездки со всей силой обрушивалось на его немолодой организм и было таким, что порой нельзя согнуть разболевшуюся поясницу. Сказывался старый остеохондроз. Но чего только не сделаешь для любимого внука!

Когда, наконец, подъезжали к воротам спрятавшейся под косогором у черта на куличках больницы, брал Юрку на руки и нес через всю территорию до самой палаты. И чем ближе они подходили к ней, тем крепче сжимал ручонки на дедовой шее больной и перепуганный мальчик. В его кажущихся умными и все понимающими глазах-черничках стоял неподдельный детский страх. Он начинал плакать, даже кричать. И эта картина казалась невыносимой. И она запомнилась деду на всю жизнь.

Но Бог услышал мольбу старика.

26

Колеса пассажирского вагона, как счетчик, отсчитывали на рельсовых стыках километр за километром. Но на большинстве перегонов отстукивали непривычно редко, и бывший диспетчер радовался этому редкому стуку, догадываясь, что до ухода в отставку министр Путей Сообщения Конарев успел внедрить в жизнь свою давнюю мечту и мечту многих железнодорожников – изготовить и установить рельсы длиной до 800 и более метров. Это делало движение поездов более безопасным и мягким. И пассажирам нередко казалось, что поезд не двигался, а стоял на станции. Усиленные рельсы Р-75 позволяли повысить скорость и тоннаж состава, грузоподъемность вагонов. И их грузооборот был доведен почти до идеала. Ни одна железная дорога в мире не могла сравниться с советскими дорогами.

Но страну неожиданно постигла катастрофа, как потоп, прокатившаяся по СССР. Вместе с ней потерпело крушение и Министерство Путей Сообщения. Принципиальный и гениальный министр Конарев не принял перестройку своего непутевого земляка – женского подкаблучника Горбачева и подал в отставку.

Овчинников запомнил этот исторический документ: «Сегодня, 2 мая 1991 года, окончательно вручил отставку-протест нынешним горе-руководителям великого некогда государства. Уверен, что поступил правильно! Николай КОНАРЕВ».

Конечно, Николай Семенович не порвал с железными дорогами, которым посвятил всю свою жизнь. Он был доктором технических наук, профессором, академиком, вице-президентом Внешнеэкономического АО «Интертранс», высокообразованным профессионалом, не чета незнайкам-прилипалам гайдарам и чубайсам. Награжден многими государственными орденами и медалями.

С ним был хорошо знаком Почетный гражданин города Невинномысска Почетный железнодорожник Колкин. Он уже не работал машинистом, ибо возраст подходил к семидесяти годам. Но с транспортом не распрощался, как старый моряк не прощается с морем. Кандидат технических наук, он читал лекции на кафедре транспорта в политехническом институте и Минераловодском филиале Ростовского института инженеров железнодорожного транспорта, который сам когда-то закончил. Возглавлял кафедру. Готовился к защите докторской диссертации. Стал заметным ученым. Его любимым коньком были дизельные двигатели. И он лелеял золотую мечту – перевести их на газомоторное топливо. Он подружился со многими учеными-газовиками. Помогал селянам переводить тракторы и автомобили на природный газ. Написал и опубликовал сотню научных работ по этой тематике. Встречался со знаменитыми председателями крупнейших колхозов, в том числе с председателем колхоза имени Чапаева Героем Социалистического Тру-

да Михаилом Шикуновым. Председателями «Казьминского», «Терновского» хозяйств и многими другими. И сумел убедить их переводить транспорт на природное голубое топливо.

И вскоре сотни автомобилей, тракторов, комбайнов, чьи двигатели перевели на газ, стали бороздить бескрайние нивы Ставрополья, Кубани, других регионов. Колкин был застрельщиком этого вопроса в России. Не случайно ездил на многие международные форумы и совещания, делился опытом с представителями многих государств.

Но железнодорожный ветеран, гвардеец трудового фронта на этом не успокоился. Ему пришла любопытная мысль – к борьбе за экологию природы и материальную экономию подключить авиацию и железнодорожный транспорт и перевести их двигатели на газ. На первый взгляд, эта идея могла показаться утопической: куда-то надо было пристраивать баллоны с топливом, строить заправочные станции. Но ведь придуманы уже передвижные заправки, которые развозят газ по колхозам. И если хорошо подумать, сделать толковые расчеты, то не такая она уж невыполнимая и утопическая. Выгоды намечались колоссальные, ведь запасы газа в России составляли не менее сорока процентов мировых.

И этот, на первый взгляд, потучневший и отяжелевший от возраста, спокойный и выдержанный человек был необыкновенно энергичен и готов к любому стечению обстоятельств. Это и про него сказал известный советский поэт: «Ничто нас в жизни не может вышибить из седла...» Казалось, чувство паники ему совершенно не знакомо. По его виду и поведению нельзя было понять - сердится он или нет. Такая внутренняя сила была у него, за что его любили близкие и уважали знакомые. Видно, ему достался стойкий характер от кубанских казаков-хлеборобов.

А еще рой идей постоянно рождался в его крупной кудрявой голове, которые нередко тщательно обдумывались и воплощались в жизнь. Вот и вопрос использования на транспорте

природного газа метана он поднял высоко, как знамя, и понес в дебри промышленного неустройства и частого начальничьего непонимания, чего он внутренне и побаивался, но виду не подавал. При Советской власти порой было нелегко пробить чиновничьи экономические препоны. При демократах и русском капитализме это стало почти невозможным: непроходимая рутина и демагогия. Нужны были веская поддержка и отстегивание откатов.

Но он был на удивление терпелив, этот кубанский патриот и коммунист с полувековым стажем. И своей непримиримой стойкостью, как казалось Овчинникову, походил на тебердинского зубра. И никак не мог понять, как же этим зажавшимся чиновникам и государевым мужам совершенно не нужна государственная выгода? Простодушный и в чем-то наивный, он не мог этого понять, ведь не просил у казны чего-либо для себя и личной выгоды, а наоборот предлагал дельное и нужное промышленности и обществу. Не зря считался одним из лучших рационализаторов и изобретателей в коллективе.

- И решил я не отступать, а поехать прямо в офис к самому Конареву, хотя он уже был не министром, а президентом Международного «Интертранса», - рассказывал он Овчинникову. - Принял, как старого знакомого. Талантливые и гениальные люди – не чванливые и не заносчивые. Не выпендриваются перед простыми смертными, а ведут себя на равных. Усадил за стол, попросил у секретарши чаю. И мы стали мирно беседовать. Я рассказал земляку о своих намерениях перевода локомотивов на природный газ и спросил:

- Как вы смотрите на это?

- Только положительно! – подхватил Николай Семеныч, по-молодецки поднявшись из кресла. – Давно пора. Меньше копоти и шуму будет. Увеличим мощность. Это очень злободневный вопрос, архиважный. А в случае непредвиденных катаклизмов, войны можно оборудовать газом и топки паровозов. Их тьма стоит на консервации. Если надо, я подключу железно-

дорожных ученых, научные институты. Это будет новая революция на транспорте...

Его щеки зарделись румянцем. Глаза, что было видно даже сквозь стекла очков, загорелись юношеским блеском. И он, седовласый и представительный, мне показался совсем молодым и задиристым, будто собирался с кем-то вступить в бой.

Потом он с возмущением рассказывал о намечаемой властями реконструкции – ломке железных дорог, о непонимании ими государственной важности.

- В конце девятнадцатого века в России было немало частных железных дорог, - с жаром говорил Конарев. – Какие-то строились на личные средства, какие-то акционерными. Но государство блюло свои интересы. Витте начал, а Столыпин продолжил выкуп казной всех «чугунок». Наши предшественники создали мощнейшую транспортную инфраструктуру, равной которой нет в мире. Ее не смогли даже развалить многочисленные «эксперименты» последних лет. Разве можно позволить это сейчас? А правители все руками-ногами отталкивают от себя, чтобы ни за что не отвечать. Только прихватизируют все, что принесет им деньги. Сегодня дорога – «служанка» государства. А при акционировании станет «служанкой» прожорливого нецивилизованного бизнеса. России в условиях нынешней экономики это недопустимо, подобно самоубийству...

Он еще многое мне поведал. В том числе о своих письмах к президентам России - Ельцину и Путину, оставшихся без ответа. Сделал свои расчеты и выкладки. Но что могут в этом понимать далекие от промышленности и экономики люди? Были горячие отклики и призывы в прессе. Обращения работников железнодорожного транспорта, у кого болела душа за родное детище. И вдвойне обижало молчание и неуважение верховных правителей. Как можно не ответить на письма авторитетных в стране специалистов, патриотов железных дорог? Какое чванство, дикое неуважение своего народа и его профессиональных знаний!

- Может, и нам написать свое ставропольское послание?
– помолчав некоторое время, предложил Колкин, внимательно посмотрев в глаза литератора.

- Можно, - согласился тот, горячо переживая за земляка.

- Тогда набрасывайте текст.

И вскоре общими усилиями он был готов. И начинался, как вспоминал Овчинников, словами:

Президенту Российской Федерации В. В. ПУТИНУ
В Государственную думу Г. Н. СЕЛЕЗНЁВУ
Главному редактору газеты «Советская Россия»
В. В. ЧИКИНУ

Болят душа, когда на наших глазах разваливается великая держава, которую собирали и укрепляли наши предки более 1000 лет. К счастью, не только у нас она болит. Но поражает, что реакции верховных властей никакой, будто находятся они за тридевять земель и не хотят заниматься положенным им делом. А наводит на эту мысль очередное, четвертое письмо бывшего министра Путей Сообщения СССР Н. С. Конарева Президенту РФ Путину В. В., опубликованное в газете «Советская Россия» в начале января сего года. В нем, как и в предыдущих, он не только просит Президента наложить вето на постановления Госдумы и Совета Федерации, но и убедительно доказывает вред подобного реформирования железнодорожного транспорта.

Мы знаем Н. С. Конарева не понаслышке. 42 года он отдал железной дороге. Прошел путь от стрелочника до министра...

Далее шли его заслуги и достижения транспортников на мировой арене. Звания и награды

Авторы этого послания, говорилось дальше, все работали или работают на железных дорогах страны, выросли на железнодорожных станциях и хорошо помнят, как во время Великой Отечественной войны и после нее жители проверяли часы по пассажирским поездам.

Миллионы «ходиков» на бескрайнем протяжении СССР

сверялись и подводились по ним. Самые грузонапряженные участки и перегоны в мире находились в нашей стране, которая росла, богатела, строилась, поднималась промышленность. Поэтому и росла сеть железных дорог, строились БАМ и другие магистрали. Миллионы пассажиров перевозились ежегодно. А сейчас на станциях разоренье и тишина, растут кладбища не только паровозов, других локомотивов, но и вагонов, путеремонтных машин. Разбираются вторые пути. Как на дрожжах растут цены перевозок. У большинства населения нет материальной возможности съездить на похороны близкого человека.

С принятием предлагаемых несведущими лицами губительных реформ железные дороги страны не только упадут, а опрокинутся навзничь. Их имущество и подвижной состав растащатся по частным норам, как случилось это с тысячами предприятий после губительной приватизации. Как случилось со свободной продажей сельскохозяйственной земли и угодий, в спорах о которых сломано немало копий.

Такое ощущение, что депутаты Государственной думы РФ, правительство страны и вы, уважаемый Президент, или не знаете реально складывающейся ситуации, или все делаете целенаправленно в ущерб своей стране и своему народу. Поэтому, уважаемый Президент, не пора ли вам всем этим господам сказать: вы с народом или против него?

Сейчас много говорят, прожектерствуют о перевозках через Россию межконтинентальных транзитных грузов, мечтают о сверхприбылях. Что это, незнание вопроса или стремление ввести железнодорожников и народ страны в заблуждение? Ничего хорошего из этого не получится, если у стальных магистралей будут сотни хозяев. Давно пора прислушаться к призывам и предложениям специалиста, ученого и патриота Н. С. Конарева. Если будут реформированы и отданы в частные руки железные дороги, России и народу придет окончательный крах. Этого, впрочем, и добиваются МВФ, ЕБРР, ВТО и другие западные организации.

Господин Президент, обращаемся к вам персонально: вникните в суть предложений, изложенных в многочисленных письмах Н. С. Конарева, наложите вето на постановления Государственной думы РФ и Совета Федерации, выслушайте ученых, специалистов, тружеников железных дорог. Не дайте парализовать «кровеносную систему» страны, что чревато гибелью для России.

Послание подписали: Колкин М. С. – выпускник Ростовского-на-Дону института инженеров железнодорожного транспорта, кандидат технических наук. Начальник Невинномысского вокзала Рыжиков А. В. Член Союза писателей РФ Овчинников В.И. Бывший начальник станции Зеленчук Колесов Б. Д. – почетный железнодорожник. Машинист Зазуля И. П. и многие другие.

* * *

Лет шестнадцать Овчинников не был на родине. Так уж сложились обстоятельства. В предпоследний раз он попал туда в 1988 году с младшим сыном Вадимом, который скоро должен был окончить школу. Хорошо помнил, как ездили на мощном грузовике «Урал», раскрывающимся, как взлетная полоса, за сеном Сергею. Как грузили огромный воз, и безногий брат, сняв протезы, принимал наверху большие навильники, раскладывал по всей шире, набивал середину, умело навешивал на края, чтобы за один раз уложить все тринадцать немалых копешек и удачно довести до дому. Он утапывал воз, ползая по нему на коленях, умело орудовал вилами и граблями. А Владимир с другими мужиками бросали и бросали сено на воз, будто это был транспортер, тратя последние силы. Но хозяин все покривал сверху:

- Давай-давай, ребята! Не задерживай, давай!

И младший брат откровенно удивлялся: «Откуда у инвали-

да столько сил? Я здоровый, да с ног валюсь. Может, с непривычки?»

А еще сено нужно было доставить до дому и сметать в сенике напротив! И Владимир Иванович, уже никакой, поплелся после этого в давно остывшую баню.

Не забыл он и последнюю рыбалку, когда Сергей выбрал время между домашними делами, заехал за ним к брату Сане, и они направились на мельничный пруд, где он в детстве не раз рыбачил и охотился на уток. Старший брат, сызмальства заразивший его этими азартными занятиями, хотел устроить гостю праздник и напомнить о счастливом и далеком детстве.

Они остановились вблизи от плотины. Достали из инвалидки резиновую лодку, и младший брат стал качать ее ножным насосом. А потом спустили в пруд и поплыли между высоких камышей по плесам. Сергей по ходу закидывал блесну на короткой леске, а Владимир сидел на веслах. Греб и вспоминал, как рыбачил тут много лет назад. В плесах водились не только щуки, но и большие, как лапти, золотистые караси. А ниже плотины вода уходила к железнодорожному мосту, находящемуся примерно в полукилометре от шлюзов. Там были и протоки, и плеса, где они, бывало, тянули свой небольшой невод. В него попадали не только караси и крупные щуки, которым через колена ломали шеи, по-местному, лён, чтобы не закостенели, но и гибкие телом, сонливые и скользкие налимы.

А еще ниже, у самого железнодорожного моста и под его стальными фермами, росли нежные и божественные купавки, широко раскрывающие, будто для объятий, свои бутоны. Их широкие лепестки ослепительно блестели на ярком летнем солнце. А стебельки были гибкими и очень длинными, тянулись кверху через всю толщу воды. И взрослые влюбчивые ребята смело плавали за ними под стремительно мчащимися и дико гремящими над ними поездами и дарили их бишкильским девчонкам.

По весне обычно спокойная Бишкилька неожиданно раз-

ливалась, затапливала берега, переходящие в болото, и кочки полой водой, которая вскоре сходила. И они мальчишками лазили между кочек в поисках оставшейся и обессилевшей от попыток выплыть рыбы. И нередко находили желтых ленивых карасей, плотно набитых бледно-красной икрой. Это была хорошая помощь в те голодные времена.

Жарким летом к плесу ниже плотины пригоняли на водопой и дневной отдых стадо коров, которых приходили доить хозяйки. Недалеко от них в проточной воде купались мальчишки. Маленький Володька появлялся вместе с братом Сашкой, который сажал его на спину и возил по воде на себе. И порой из нее торчал только один его нос. Иногда снимал испуганного мальчишку и кидал в глубину. Тот бился руками-ногами, хныкал и плакал, набирал ртом воды, захлебывался и прерывисто кричал:

- Скажу-у па-апке! Он даст тебе дё-ёру...

Брат прекращал баловство. Со смехом снова сажал его на закорки и нес к берегу. А сам пускался вплавь по течению.

Этот пруд и высокую мельницу видели и знали не только Вовкины братья и родители, но даже и дед с бабкой, которых давно уж нет на свете. То есть третье поколение казаков. А вот мельница и пруд живут до сих пор и стали немymi свидетелями многих событий. Даже видели Емельяна Пугачева и его воинство, с интересом и гордостью думал Владимир Иванович, не забывая потихоньку и бесшумно грести.

А вошедший в азарт и позабывший обо всем на свете Сергей все забрасывал и забрасывал блесну, быстро плывущую, как и настоящая рыба, и блестящую в воде. И охочие до добычи крупные шурята и взрослые щуки с разинутыми пастьями набрасывались на притягивающий металл и цеплялись на крепкий тройной крючок, сорваться с которого было очень не просто. Они извивались в воде и воздухе, аж резко гнулось и плясало упругое удилище, не давались в руки рыбаку. Но рано или поздно оказывались в сумке и, со сломанным льном, уже

не буйствовали, не бились нервно. Часа через два сумка была почти полной. И вечером рыбаков ждала жареная рыба.

Владимир был несказанно рад этой нечаянной рыбалке, а Сергей и того больше. Семья, огород, скотина, пчелы, столярка, домашнее хозяйство выматывали его до предела, хотя без них он уже не мог жить. И он, невероятно устав, иногда срывался на рыбалку или охоту. Отводил опустошенную душу, стараясь набраться новых сил.

Но организм инвалида не выдержал явного перегруза. Глубокой осенью отказали почки. И его схоронили в новой части Бишкильского кладбища. Долго несли гроб по заметелившейся земле скрипучему снегу, будто певшему ему прощальную песню. Несли товарищи, соседи и знакомые. Но больше всех, наверное, нес его младший брат, закинув на плечи длинное полотно. Нес с детства любимого человека. Это была последняя поездка на Урал.

И вот сейчас Владимир Иванович снова направлялся на любимую родину. То неотложная работа, то семейные безденежье и другие существенные проблемы не давали этого сделать целых шестнадцать лет. Раньше купейный билет стоил четвертак, недовольно рассуждал он, покачиваясь на полке. На зарплату или пенсию можно было съездить и слетать туда и обратно на самолете на Дальний Восток. Теперь нужна не одна пенсия, чтобы смотаться в Челябинск. Да еще на второй полке и в твоём возрасте! Хотя раньше это считалось твоим любимым местом, с которого интересно смотреть на пробегающие за окном полустанки, деревни, озера и горы.

- Видно, старым ты стал, южноуральский казак. Укатили сивку крутые горки. Скоро уже на Ивановскую гору поедешь на вечный покой. А еще говорят, казачьему роду нет переводу! – сам с собой рассуждал бывший диспетчер и услышал, как засало, заныло в левой половине груди. А ведь он наивно считал, что еще полон физических сил и творческих задумок. – Как же встретит меня седой дедушка Урал?

Чем ближе Владимир Иванович подъезжал к своей малой родине, тем тревожнее и чаще билось его немолодое сердце. С чего бы это, с полуулыбкой на лице думал он, как будто должно случиться что-то особенное, важное, что может в корне изменить твою судьбу?

- Но что может изменить судьбу, когда позади остались шесть с половиной десятков прожитых в труде и заботах лет? Только смерть. Да ведь это сама судьба и есть! И она под старость все больше издевается над уставшим от жизни человеком. Приносит все новые испытания и невзгоды. В народе говорят, где тонко, там и рвется. А у нас кругом тонко и везде рвется. Может, смерть – это самый оптимальный выход в твоём положении, чтобы больше не знать мерзостей и унижений, постигших общество и Россию? Не видеть эти наглые морды продажных политиков, разъевшиеся хари зажавшихся чинуш, которые от избытка наворованного уже и через губу не переплюнут?

От этих мыслей становилось вдвойне противно, и Овчинников старался переключиться на другую тему. Вспомнил покойную бабушку Арину, от которой всегда веяло оптимизмом и которая никогда не унывала, хотя ее нескончаемых бед, наверное, хватило бы на троих. Потому и прокуковала целый век. Нередко даже есть нечего было, а она встретит с улыбкой, шутками да прибаутками. Уже почти ничего не видела, а вязала носки и чулки внукам, сыну и невестке. Щурилась, а на вязальные спицы не смотрела, не боялась спустить петлю. Рядом висела колыбельная зыбка с очередным внуком, к которой была привязана двумя концами тонкая веревка. И когда ребенок просыпался, начинал ворочаться или плакать, она, не прекращая вязания, качала зыбку за эту веревку ногой и напевала успокоительную песню:

Шондырь-мондырь козу дра-ал,
Немец курицу укра-ал...

Вспомнив знакомую картину детства, он простодушно улыбнулся и почувствовал, как теплело на беспокойной душе. Ведь он скоро будет дома, как он называл свою заветную станцию. А поезд уже давно катил по его родной Южно-Уральской дороге. Тревожно погромыхивал на стыках бесконечно тянувшихся рельсов и фермам мостов, словно хотел предупредить взволнованного пассажира, чтобы был на чеку, не проспал, не проворонил станцию назначения.

Уже проскочили Уфу, станцию стыка Кропачево, Вязовую, Златоуст. И сон совершенно забыл одного на весь вагон не спящего пассажира, с нескрываемым любопытством смотревшего во все глаза в ночную загадочную темноту окна. На лунном свете можно было различить невысокие вершины Уральских гор и небольшие округлые от времени сопки, которые нередко неожиданно прерывались и вдруг продолжались долинами рек, уходящими за горизонт, где глаз уже не видел. Поезд то и дело сопровождали пышные ели недалеких лесополос, похожие на лохматых медведей. И он не мог оторвать от этих давно знакомых картин пристального взгляда. Ведь ему вспоминались детство, юность, когда все это было знакомо до мелочей. Только жаль того, что на дворе хозяйничала ночь, сильно скрадывающая красоту природы и величие Уральского хребта. Но их восполняла еще не погасшая память, ведь он избороздил эти места сотни раз и помнил каждую, даже маленькую станцию, разъезд, перегон, мосты через тихие ручьи и быстрые реки, высокие насыпи, глубокие выемки и крутые повороты, когда кажется, что голова поезда движется в одну сторону, а хвост в другую, где вагоны кидало из стороны в сторону, как конные повозки на колеях выбитой снежной дороги. И они порой казались не тяжелыми и неповоротливыми вагонами, а легкими спичечными коробками.

С другой стороны, ночная темнота за окном привносила в сознание некую таинственность или загадочность, которую хотелось немедленно разгадать и хотя бы мысленно предста-

вить, что осталось скрытым за этой таинственной завесой. И в его воображении появлялись фантастические явления. Он явно представлял то бегущего на всех порах громадного снегоочистителя, то тихо идущего по путям в своей путевой амуниции, при фонаре, тяжелом молоте и большом гаечном ключе, висящем на брезентовом ремне, неутомимого отца, лучшего путевого обходчика шестого околотка Полетаевской дистанции пути. Да это же родные места, его родина, в сладостных воспоминаниях о которой прошли на ставропольской чужбине десятки лет. И воспоминания эти совершенно не забылись, не замылились в памяти, а оставались такими же яркими и живыми, как и почти полвека назад.

И на душе снова сладко заныло и засосало как бы в предчувствии чего-то большого, важного и радостного, чего ожидал много лет. Быстро и на полном ходу проскочили его родную станцию Бишкиль, промелькнувшую несколькими электрическими фонарями, которую он почуял каким-то внутренним чутьем. Глянул в ту стороны, где должна быть Элеваторная улица и стоять небольшой отцовский домик, всегда приветливый и теплый, весело смотрящий на улицу низенькими окнами с синими рамами и ставнями. И он как-то напрягся мышцами всего тела, словно мог потерять их навсегда. Но вскоре видимость перекрыли склады и башня старого элеватора, стоящие вдоль станционных путей. И он немного отшатнулся от окна, будто испугался, что его ударит ночная темнота.

А поезд уже загромыхал по железнодорожному мосту через спокойную Бишкильку, которую он сотни раз переплывал в детстве вдоль и поперек, избороздил с рыбацким неводом, ловя в низовьях, где не купались люди и не пугали добычу, метровых щук и похожих на лапти желтых и вкусных в пище карасей.

До Челябинска оставалось пятьдесят километров, и он с волнением стал собираться. Свернул и сдал проводнице постельные принадлежности. Закрыл и поставил в проход тяжелые сумки с подарками, банками варенья из новых фруктов, пере-

данные родственникам заботливой Анной Пантелеевной. Неспешно оделся, присел на краешек нижней полки у самых дверей, словно боялся не успеть вовремя выйти. Нервно маялся и переживал в предчувствии встречи с близкими. Вдруг срывался и подходил к окну в коридоре, как бы стараясь поторопить поезд, или в тамбур покурить.

А на ум приходили разные мысли, готовые не только сбить с панталыку, но и разорвать изнутри его бедную седую голову. Наконец-то достигли челябинского перрона. Он вынес вещи, внимательно оглядел красивый вокзал, строившийся, когда он еще работал на станции и учился в заочном институте. Его не встречали. Он не просил об этом. Чего тревожить пожилых людей? Направился к помещению пригородных касс, выстроенному вдоль Северных путей уже без него. Увидел рядом небольшую церквушку.

- «Опиум народа!» – вспомнил ленинское определение религии и улыбнулся про себя, мол, не забылись давние институтские лекции.

Купив билет на первую электричку, идущую не то до Мисасса, не то до Тургояка, потащился с тяжелыми вещами в самый последний вагон. Он показался таким родным и знакомым, ведь Овчинников тысячи раз ездил этими электропоездами на учебу и работу, хотя чем-то и отличался от прежних. Наверно, автоматически закрывающимися дверьми, по-другому установленными багажными полками и сидениями у входа. Но разве это было так уж важно? Важным был сохранившийся за многие десятилетия сам дух электрички, неистребимый вагонный запах, привычно сидящие на скамейках пассажиры.

- Как будто все это было вчера! – не то с радостью, не то с сожалением вымолвил Овчинников, ближе придвинувшись к окну и изучая за ним обстановку.

И снова за окном мелькали знакомые станции и селения. И рождались новые воспоминания. Так пролетел час, и он поспешил к выходу. Встречали брат Александр с сыном Шуриком.

Они точно рассчитали, к каким ступенькам и тамбуру подойти. Объятыя и возгласы, незначительные по смыслу вопросы и радостные от свидания лица. А потом недолгая дорога к усадьбе брата, которая находилась метрах в двухстах от станции на невысоком пригорке.

Владимир Иванович хорошо помнил их рубленый дом, зеленые тесовые ворота с узкой крышей над ними. Сосновую баню во дворе, сарай, столярку. Вот только дом стал длиннее. Хозяин, мастер по плотницкой и столярной части, из рубленых сенок сделал еще одну комнату, дальнюю. А двери и крыльцо вывел прямо из кухни.

Сноха Вера уже вовсю возилась возле печки, готовила завтрак. Они обнялись, изучающе оглядели друг друга, оценивая про себя возраст и видимые изменения. Деверь уже не выглядел тем броским на вид юнцом, по которому когда-то сохли бишкильские и медведевские девки. Да и Веры заметно коснулись годы, ведь ей давно перевалило за семьдесят. Хотя приветливая улыбка, взгляд знакомых голубых глаз, голос казались все теми же, что были в шестидесятые годы минувшего столетия. А брат Саня вообще выглядел молодцевато, разве что стал немного медлительнее. «Он еще - ого-го, не боится никого», - смеялась жена. Он с детства считался самым сдержанным и спокойным из всех четверых братьев Овчинниковых. Не ввязывался ни в какие драки и разборки. Это, наверно, и помогло сохранить ему моложавый вид. Но присутствие старости уже чувствовалось в их доме.

А когда посидели за обеденным столом, повспоминали далекое и былое, перекинулись первыми новостями, Владимир Иванович вышел во двор покурить. Сел на ступеньки деревянного крыльца, сладко затянулся сигаретным дымом, глянул на небо и ахнул от удивления.

- Небо-то как тут висит низко, словно защищает от космических бед и нашествий! – от неожиданности воскликнул. – И звезды висят низко! Крупными и мохнатыми кажутся, буд-

то хотят согреть гостя своим теплом и светом. На Ставрополье совсем не так. А южные звезды кажутся выше и холоднее. Вот, что значит родина! Вот, что значит родня!

Он еще долго вглядывался в чистое небо, дивился его бесконечности и близости утренних звезд. И не заметил, как по щекам покатились теплые слезинки радости и признания.

* * *

Самый первый путь на родине Владимир Иванович вместе с братом и невесткой держал на кладбище, чтобы поклониться дорогим могилам родителей. По пути подвернули к памятнику первым бишкильским сельсоветчикам, расстрелянным в Гражданскую войну колчаковцами. Он поставлен в честь первого председателя сельского Совета Павла Савельева, дедушки Веры, и его секретаря-сподвижника Иванова. Молча постояли, перекинулись несколькими словами и пошли мимо средней школы дальше.

Могилы отца и матери, находящиеся рядом, были заботливо прибраны. Памятники покрашены голубой краской. И Овчинников-младший был благодарен за это родственникам. Обнял и поцеловал тот и другой. Постояв и обойдя кладбище, они вернулись, присели и развернули снедь, налили рюмки, выпили за мать и отца, пожелав им царства небесного. И сохранившаяся память унесла Владимира Ивановича в детство, когда бегал по станции босоногим мальчишкой, рыбачил на реке и мельничном пруду. Учился в школе и институте. Работал на железной дороге. Женился. А теперь вот стал четырежды дедом. Кладбищенская спокойная обстановка нередко тянет на воспоминания и размышления.

Наверно, последний раз сию на родных могилах, с горечью думал гость. Едва ли еще соберусь приехать. Возраст, нехватка средств. Неужели и у тебя жизнь подходит к концу? А ведь раньше в это не верил. Думал, будешь жить вечно. Коротка же эта вечность, ох, коротка-а! И впереди ждет такое же сми-

ренное кладбище и мертвецкая скука. На Бишкильском-то еще хорошо. Большие березы вокруг, тень, холодок, птички поют и много грачиных гнезд. По временам эти черные большие птицы недовольно и громко каркают, словно отгоняют от могил усопших нечистую силу. А может, наоборот зазывают. Зимой тут, правда, уныние и запустение. Трещат беспощадные морозы или сердито воют метели. А летом – зеленая благодать и покой. Только листочки молодых березок позванивают звоном новых копеек. И даже тянет в сон, как бы приобщиться к общему делу с покойными, с грустью рассуждал писатель. А на кавказских кладбищах невыносимая жара. Вот и стараются быстрее зарыть преставившихся. Да и лежать в чужой земле как-то не по себе. Уж лучше тут бы, рядом с матушкой и отцом...

От этих пессимистических мыслей и предстоящей безысходности старый диспетчер вдруг почувствовал себя беззащитным и слабым, словно вернулся в далекое детство. И ему даже захотелось заплакать. Но его размышления прервал глуховатый голос невестки:

- Вот рядом лежат мой знаменитый дед Павел Михайлович, папа и мама. Их могилки тоже прибираем...

Конечно же, перед этим они провели могилу старшего брата Сергея. Племянницы Нины. Потом неспешно обошли старое кладбище, и Владимир Иванович откровенно дивился знакомым фамилиям на могильных памятниках. Показалось, большинство его ровни уже лежали в кладбищенской тишине, успокоившись навечно. А ведущий их по рядам Александр Иванович громко выплескивал слова, казавшиеся брату жестоким набатом:

- Вот Володя Грачев улегся рядом с зятем и племянником Лехой. Здесь Витя Курынкин. Ему полжелудка вырезали врачи. Он уже начал отходить от операции, да поскользнулся и упал на крыльце. И не спасли. А это могила друга твоего детства Калетина. Такой здоровила был, вкалывал прорабом в воинских лагерях. Вот Бог к себе чего-то прибрал. Наверно, райские

кущи будет обустройства. А может, по-земному дома-хрущёвки строить.

- А Юсуповы-то ребята живые?
- Нет, все полегли, как на поле брани.
- Все? – с недоумением переспросил младший брат.
- Все! И девчата тоже! – безапелляционно бубнил старший.
- Татары-то еще меньше нашего живут, бесшабашные больно.
- А ведь такая семья была! Наверно, самая большая в Бишкеле. Косой десяток одних ребятишек.
- Жизнь никого не щадит, то есть смерть, - беспристрастно констатировал Александр, словно читал протокол. – Коль случилась беда – отворяй ворота... Пол-Бишкиля и Медведева тут уж лежат. Все здесь будем. Пойдем лучше опрокинем по мерзавчику.

И они вернулись к родительским могилам.

- А знаешь, как на Ставрополье сопровождают эту процедуру с мерзавчиком?

Выпила та похилыла,
Сама себя похвалыла:
Хай я паньского роду,
Пью горилочку, як воду!

- Вообще-то правильное сопровождение, убеждающее, - выпив рюмку, согласился брат, обычно немногословный и молчаливый, он сегодня на радостях разговорился. - Фольклор и поэзия, одним словом. Не зря бают – голь на выдумки хитра.

Обратной дорогой они продолжили кладбищенскую тему.

- Как наша миасская родня? – спросил гость.
- Тетя Тася, брат Николай умерли, как и шапинские дядя Вена и тетя Стюра. Одесская Зоя погибла в аварии. Ее сестра Валентина Бражникова уехали с Володей тоже в Одессу. Дочь перетянула. Они продали тут квартиру, а дочь выманила денежки и дала коленом под зад – на Украине тоже беспощадный рынок, никого не жалеет. Хорошо хоть внучка подобрала. Володя ее, говорят, помер. Да и о самой Валентине ни слуху ни духу. На

чужой-то земле быстро Богу душу отдают. Мачеха она людям. А может, и угрохали, кто знает. Связь потеряна.

Писатель тяжело вздыхал, часто курил, потом снова подавал голос:

- А как братья Ильины?

- Родителей схоронили. Средний, Сашка, тоже умер. Болтают, от вредной работы на металлургическом заводе. Володя из Крыма вернулся в Челябинск. Толик на 119-м километре живет. Вот и все новости о родичах.

С возвышенности Владимир Иванович внимательно и с интересом осматривал местность. Внизу по-прежнему тихо плескались волны мельничного пруда. Из него вытекала и продолжала свой тихий бег река Бишкилька, нырнувшая под стальные фермы железнодорожного моста. На северо-востоке от нее виднелось татарское село Аджатарово. А дальше за ним был Тушмурум, скрытый высоким лесом, где в войну добывали необходимые для военной промышленности минералы. И в его голове просыпались новые воспоминания, переходящие в легкую грусть.

Когда вошли во двор, гость обошел постройки, заглянул в баню, сарай, стайку, где уже не держалась скотина. И вдруг увидел, как на пробившемся через открытые двери луче солнца мелькнуло что-то белое и длинное. Подойдя ближе, понял, что это новый гроб. Он был умело и красиво отделан, пах свежей смолой.

- Это ты уже себе домовину смастерил? – растерянно спросил он хозяина.

- Да нет ишшо пока, - виновато улыбнулся тот. – На маленькую пенсию, которую мы заработали на фарфоровом заводе, не проживешь, тем более, что много внуков, а сыновья покойной Нины вообще остались сиротами. Одних надо кормить, другим помогать – Шуриной семье, например. Одного топлива на зиму сколько надо! А машина угля стоит десять тысяч.

- Зато при Советской власти стоила тридцать рублей, - вставил младший брат.

- Вот и крутись, как хошь. Фарфоровый закрыли и разрушили. Даже высокую трубу умудрились разобрать. Да ведь ломать – не строить. Людей без куска хлеба оставили. Негде стало и заработать, будто хотят уничтожить население. Так только враги могут поступать. Похоронного бюро на станции нет, и гробы надо вести из Чебаркуля или Челябинска. А люди мрут каждый день. Вот меня и просят земляки по-свойски делать их.

- Да ты последователь славного мастера гробовых дел Бизенчука – известного литературного героя «Двенадцати стульев». И гробы сотворяешь любительские, огурчики! Вот что значит столяр – на всю жизнь кусок хлеба. А писатели нынче перебиваются с хлеба на квас...

Ему было вроде смешно и вместе с этим немного жутковато, неловко. Разве место гробу в хозяйстве, где нет покойника? Да и хозяйства-то, считай, не стало. Коров и телят перевели. Стайка пустует. Только огород оставили. Без него – погибель. Он всю жизнь и во всех трудностях, голодных годах помогает прокормиться. Памятник нужно поставить Ее Величеству картошке. Видно, людей довели до последней черты и на Урале – опорном крае державы. Богатом природными кладовыми, варившем в жарких горнах и доменных печах миллионы тонн металла, выпускающем с конвейеров тяжелые трактора, танки, автомобили, трубы и многое другое. Да такого количества товаров не выпускают даже иные государства. А еще и хлеб, и овощи, и рыба в многочисленных озерах, и лес с углем. Это какими нужно быть неумехами правящим демократам, «профессионалам», как они себя называют, или откровенным врагам, чтобы завалить гиганта мировой промышленности?!

- Живем, считай, на нефтяной и газовой трубах, снабжаем Европу, Азию, а сами без газа, будто в средневековье, как сапожник без сапог. Да и если будут тянуть к нам линию, то монтаж каждой семье обойдется в десятки тысяч! Где их взять пенсионерам? – подливал масла в огонь Александр. – Вот и

кладбища уже стало мало. И ему новой земли прирезали. Как мухи, мрут люди...

Услышав о приезде гостя, к ним зашел сосед Леня Лисовский, наверно, единственный оставшийся в живых одноклассник, тоскливо подумал Владимир. Он с детства был спокойным, всегда пребывал в хорошем настроении. Напевал или мурлыкал песенки, как будто его ничего не касалось. И сбить его с панталыку было невозможно. Поэтому и выжил в этом уральском бедламе. И ему не страшной оказалась авария на заводе «Маяк» и заразившая земли и реки радиация.

Долго говорили, вспоминали детство, школу, ушедших в лучший мир товарищей. И писатель подарил ему на прощание один из своих романов. Пусть читает мужик и дает соседям, которые едва ли поверят, что из бишкильского хулигана вышел большой человек. И это даже радовало ставропольца.

А еще Овчинникову-младшему захотелось пройтись по улицам родной станции, посмотреть, какой она стала. Возможно, встретить старых знакомых. И они не раз прошлись с братом по всем улицам, переулкам. И он отметил, что Бишкиль почти не изменился за эти десятилетия. Но выглядел безлюдным, словно после чумы. Только вот желтое здание вокзала было обшито современной белой гофрированной жстью. Да построенный за ним магазинчик, еще не сданный в эксплуатацию. Правда, в глаза ему бросились останки и пепелища нескольких сгоревших изб, чего никогда не было раньше. Будто их кто-то специально поджигал, чтобы вышвырнуть на улицу и сжить со свету несчастных погорельцев. Значит, не стало пожарных команд и машин, которые раньше держали элеватор и фарфоровый завод. Не обошла беда и Серёгин дом, в котором жили уже чужие люди. И который он построил своими руками.

- Да, где тонко, там и рвется, - не раз с обидой проговорил он, готовый разрыдаться от тоски и бессилия.

Вскоре они оказались у отцовского дома. Подход к нему зарос высокой травой и ромашками, в которых была пробита

еле заметная робкая тропка, ведущая к малым воротцам. Разве бы отец или другой хороший хозяин допустил таких зарослей, недовольно подумал писатель, недоверчиво осматривая поместье. Но большие ворота, сохраняемые от дождей железной крышей, построенной десятки лет назад Иваном Аверьяновичем, еще стояли. Срубленный из шпал дом под железной крышей показался маленьким, низеньким и темным, несмотря на яркое сентябрьское солнце. И душа гостя заволновалась, затрепетала, как раненая перепелка.

- Можно, Соня? – несмело спросил Александр новую хозяйку, татарку средних лет. - Брат вот приехал, хочет посмотреть родной отцовский угол, - как бы оправдывался он за неожиданный визит.

- А-а, ярар, ладна, входите! - Приветливо встретила она. – Будете гостями. Бутылку поставите – хозяевами будете, - пошутила женщина и показала на табуретки.

Сколько раз за детские и юношеские годы Володька входил и вбегал в эти низкие двери и ни у кого не спрашивал разрешения! Он вырос тут, врос в землю корнями. А вот теперь оказался случайным прохожим. Как можно понять такое! Он отметил, что внутри многое изменилось. Перегородку между комнатами сломали. Из большой русской печки, гревшей их когда-то холодными зимними вечерами, сделали небольшой очажок на татарский манер. За ним, в бывшей спальне, стояли не то традиционные деревянные татарские нары, не то широкая кровать без спинок. Гость помнил, как они въезжали в купленный отцом саманный татарский домишко, стоявший на этом месте. Ворота из четырех поперечных палок. И вот уже этот дом обрел национальный вид. Осталось сломать деревянные ворота. Чем не гегелевская спираль – все повторяется?

Александр с Соней о чем-то говорили, а он сидел, внимательно рассматривал все углы и знакомые окна. Кинул взгляд в огород, где должна была стоять русская баня, но там лежала только куча головешек. Не осталось и высоких кудрявых бе-

рез, по которым Володька лазил в детстве, стараясь походить на Тарзана. Их специально не трогали. Теперь, скорее всего, пошли на дрова. А почти под ними росла черная крупная смо-родина, из которой Мария Алексеевна варила вкусное и души-стое варенье. Но ничего этого не стало. Безработица, пьянка, духовная распущенность делали людей безответственными и беззаботными, живущими только сегодняшним днем. Зачем же нам Господь и природа-мать дали такие непомерные богатства, земли, спрашивал себя прозаик. И почему мы их бросаем без присмотра и обихода, ведь это смертельный грех?

Станционный поселок и бывший казачий хутор приходили в запустение. Умирали. Не стало хозяина поселкового Совета коммуниста Виктора Савельева, а последователи, видно, были временщиками, не годились ему и в подметки. Опустевшие дома нередко скупали пожилые горожане, чтобы под старость пожить на свежем воздухе в селе, позаниматься огородами, за-вести коров, другую живность, от которой из-за невозможности держать уже отказывались даже местные. Но и они недолго хозяйничали и отводили душу непосильным сельским трудом. И вскоре оказывались на кладбище, занимая предназначенное для коренных жителей место. И писателю казалось, что вместе с ними умирает и он сам, приехавший на родину в последний раз.

Пройдя не единожды по станционным улицам, он не уви-дел строящихся домов, как это было сразу после войны. Значит, Бишкиль-Казанка в самом деле умирал медленной и подлой смертью, устроенной профессиональными болтунами и узур-паторами, как умирали тысячи безвестных городов и сел, как умирала Великая Россия.

Эти острые чувства и воспоминания в родном гнезде, где он вырос, конечно же, не принесли ему радости. Наоборот они угнетали, давили на нервы, как бы говорили о скором уходе из этого некогда яростного и прекрасного мира, становящегося могилой российского общества и государства.

- Зачем был рожден и зачем жил я? – с неудовольствием спрашивал он себя. – Чтобы в конце концов умереть и навсегда исчезнуть из этого мира? А зачем жили наши родители, предки, чья жизнь прошла в непосильных трудовых и бытовых муках? Чтобы воспроизвести на свет таких же горемык, как сами, и мучеников? Но родители хотя бы уничтожили эксплуатацию, построили социализм. А узурпаторы и олигархи не хотят быть такими, как остальные. Поэтому и стремятся снова закабалить народ и сделать рабами. Поэтому и покатило все в тартарары. Поэтому дармоеды и стали возносить царей и дворян, чтобы через эту власть устроить себе жизнь всласть. Для этого и придумали рыночные отношения. Поэтому всю жизнь и правят народами кровожадные князьки, царьки и узурпаторы-президенты. Господи! С ума можно сойти от таких мыслей и такой жизни!

Голова его кружилась от напряжения. Мысли путались. Не хотелось уже ни думать, ни говорить. Он снова почувствовал себя ребенком, сиротой, у которого нет ни отца, ни матери. И за которого некому заступиться.

На обратном пути он ступал прямо по ромашкам, будто по лесной поляне. Так ими заросла земля перед когда-то прибранным палисадником, в котором раньше росло много цветов, цвела сирень, краснели малина и дикие ранетки и который теперь был непростительно заброшен нерадивыми хозяевами. Тысячи лет назад люди эту землю отвоевывали у природы, теперь природа ее отвоевывала у людей обратно. Не абсурд ли, не дикость?

Узнав о приезде писателя-земляка, его пригласили в местную школу, бывшую семилетку, где он учился с первого класса. И откуда полвека назад ушел в люди, в город. Они реденько переписывались и перезванивались с педагогом и заведующей школьным музеем Татьяной Тихомировой. Он знал ее покойного отца Александра Пастухова – знаменитого тракториста подсобного хозяйства. Она собрала полный музей учащихся. Он подарил несколько своих последних книжек. А потом расска-

зывал о себе. Долго отвечал на вопросы. Даже сфотографировался на память с детьми, многие из которых напоминали своих бабушек и дедушек в детстве и юности, что были далекими одноклассниками Овчинникова. И он угадывал их фамилии.

А потом ему показали толстый альбом с записями и фотографиями местных знаменитостей – выпускников Бишкильской школы. И несказанно удивился, когда в самом его начале встретил свой портрет и биографию. Кстати, помещенных рядом с вице-адмиралом Германом Угрюмовым, чья жизнь прервалась на чеченской войне, бывшим его соседом по Элеваторной улице, которого все звали не иначе, как Геркой. Значит, все-таки не зря жил и творил, коль являешься гордостью школы и земляков? Наверно, со стороны виднее, чем самому себе?

А еще были теплые встречи с племянниками, другими родственниками и прощание. И гнетущая сердце мысль, что это последнее свидание с ними и родной станцией. Что живая связь с ними навсегда порывается, будто он уезжал не домой, а переселялся на кладбище. И это угнетало, казалось неотвратной трагедией. Пассажирский поезд Новокузнецк – Кисловодск отправлялся ранним утром. Его провожал внучатый племянник Санька. И он все утро просмотрел в вагонное окно, когда ехали по родным и знакомым местам. В последний раз проводил скучающим взглядом дома отца и брата. Станции и города Чебаркуль, Миасс, Бердяуш. Холмы и горы, поросшие хвойным лесом, быстрые реки, бегущие вдоль и поперек железнодорожной насыпи. И пытался не думать о расставании с родиной, а думать о теперешнем своем жилье, семье, по которым сильно соскучился за эту неделю и к которым его очень тянуло. Как и к Ставрополю, ставшему его второй родиной, которое он, оказываясь, тоже сильно любил. Это несколько успокаивало расстроенную душу и вселяло оптимистические надежды.

Уходили из жизни внуки казачьего рода Овчинниковых и Ильиных, и обливалось кровью сердце последнего сына Ивана Аверьяновича. Скоро придет и его черед, как тут останутся без него? Кто понесет дальше фамильное дело, продолжит нелегкую историю одной из ячеек южноуральских казаков?

- Да и об этой истории, что уже совершилась, надо поведать людям, может, извлекут что-нибудь полезное, особенно твоим внукам, правнукам и дальним потомкам, чтобы, как знамя, гордо несли дальше по жизни память о казачестве. Не превратились в Иванов, не помнящих родства, не забыли свои уральские корни и своих славных предков, отдавших жизни за Отечество на полях сражений, на хлебных нивах и трудовых фронтах. Были патриотами России, на которых бы равнялись их дети и внуки,- тревожно рассуждал сам с собой Владимир Иванович, боявшийся не своей скорой кончины, а того, что не успеет как литератор донести до потомков эту историю. Так незаметно, по-лишьему, подкралась старость.

- А кроме тебя больше некому. Только тебя Господь наградил писательским талантом. И этим нужно умело воспользоваться. Причем срочно, ведь на тебя с надеждой смотрят несколько поколений, иначе не успеешь. Унесешь с собой. И не думай наивно, как в молодости, что будешь жить вечно. Это несбыточная сказочка. Вон сколько их, боевых сокольников и твоих друзей, ушло в другой мир! Иные покрепче тебя, посильнее физически, покрупнее фигурой, побогаче кошельком не справились с этой непредсказуемой и жестокой жизнью! Так и ты можешь не сегодня-завтра сыграть в любительский ящик, как называл его легендарный гробовых дел мастер. Значит, пора браться за казачью историю.

Но от желаний и задумок до претворения в жизнь дистанция огромного размера.

- Книги писать ты насобачился, и хлебом не корми. Уже

два десятка наката, да перевел на русский язык около сорока. Только вот жупельническое государство не стало их издавать. Не государство, а вампир. Лишь из своих граждан сосет. Все чиновники и правители растащили. Не случайно им быстро дали клички: Хряк, Мышонок, а кого и ласково-снисходительно назвали Чижиком. Видно, ожидали улучшения жизни. Кто-то ведь занимается этим и придумывает ярлыки. И не в бровь, а в глаз попадает! Вот она, неистребимая фантазия Его Величества Народа, жизнь которого эти воображаемые зверюшки делали невыносимой, - говорил сам с собою доведенный до крайности Овчинников. – Когда-то в добрые времена на романы о шерстяниках выделил денег генеральный директор шерстяного комбината Зуб. На книги о газовиках – по ходатайству Максима Колкина - начальство линейного управления газопроводов. За заказное издание о колхозе имени Чапаева – его покойный председатель Михаил Шикун. Но тот был Герой Социалистического Труда. И сделал колхоз передовым в стране не только при Советах, но и после перехода на рыночные отношения. Не сдал, как хотели того демократы. Он все мог, этот великий человек. Но не все заказчики были такими ответственными и доброжелательными. Уговорили городские медики написать к юбилею больницы книгу-очерк. Умело убеждали:

- Не беспокойся, не обманем, мы же – интеллигенты, за работу тебе и издание в типографии заплатим!

И ты, добрая душа, поверил. Четыре года писал и пробивал книгу, встречался с десятками людей, изъездил на личной машине тонну бензина. И она, по отзывам читателей, получилась замечательной, на двести с лишним страниц, да еще с черно-белыми и цветными снимками. На презентации в городской библиотеке некоторые медики плакали от радости и благодарили, что и их, скромных тружеников медицины и последователей Гиппократ, не забыли, наконец-то! А платить гонорар и типографские расходы лупоглазый заведующий горздравотделом нагло отказался. Если верить краевым СМИ, то горздравом был

допущен большой перерасход средств при закупке дорогого медицинского оборудования. И это многие горожане восприняли как злой умысел. Да этому никто и не удивлялся. Но автору и типографии от этого не стало легче.

И пошел вездесущий Колкин к председателю Городской думы Надежде Богдановой. И думцы помогли частично заплатить за типографские расходы. А десятки тысяч рублей за работу автору остались невыплаченными. Половину гонорара не заплатила за книгу об ее коллективе и нервная директриса небольшого завода, которая при встрече как-то неестественно и угловато размахивала руками, похожими на механические конечности робота. Неожиданно закатывала под лоб глаза. И автор принял ее за сумасшедшую, которой со смертью мужа, бывшего директора завода, привалила такая нежданная ответственность. А ведь литератор хотел оставить добрую память не только о коллективе, но и об ее покойном муже, когда-то хорошем своем знакомом. Только, как ему показалось, плевать ей на эту память, когда от мужа, кстати, уже не первого, осталась более существенная материальная память – акции завода на огромную сумму и директорское кресло.

- Заботливый, как Иисус Христос, Колкин даже договорился с бывшим министром МПС Конаревым, и тот перечислил на типографию 15 тысяч рублей. Не Бог знает, какие деньги. Но на безрыбье и рак – рыба. Их хватило на часть очередной книги. Не подвели земляки, низкий им поклон обоим! Но спонсоров уже не стало. Гонораров не платили. Творить нужно было по собственной инициативе, то есть бесплатно. И издаваться нужно было за свой счет, за свою мизерную пенсию, которой и на жизнь не хватало, и гробовые деньги, если сумел хоть что-нибудь отложить. Такова судьба провинциальных творцов. И все-таки роман о казаках написать надо, - решил он и принялся за новый труд.

И работа пошла быстро, как никогда ранее, будто казачья история стремилась сама на страницы рукописи или вошла в него с молоком матери. Текст и страницы прибавлялись стре-

мительно, словно обрушивался проливной дождь. Предложения, фразы и образы моментально возникали в богатом воображении автора и один за другим заполняли мелким почерком большие чистые листы бумаги и несказанно радовали взволнованную душу писателя. Набранный темп даже не выдержала еще сравнительно новая пишущая машинка. Этих машинок он за жизнь сменил не одну. Последнюю уже никто не соглашался ремонтировать, и ему со злорадством советовали:

- Дед, это прошлый век. Выкинь ее на свалку! Заводи компьютер...

Казалось, все. Дальше ехать некуда. Не нужны вы оба с машинкой. Но мир не без добрых людей. Пришел на помощь неутомимый Почетный гражданин Колкин со своей оптимистичной улыбкой, выпросивший у газовиков списанный компьютер. И он самолично начал его осваивать. Купил самоучитель. Правда, долго не получалось. Хорошо хоть, что мастерски владел клавиатурой. И не сдавался.

- Лев Толстой в семьдесят лет научился ездить на велосипеде. Так неужели я не овладею самой современной техникой? – подбадривал себя литератор. И овладел.

Но несчастья продолжались сыпаться на его голову. Одним апрельским днем 2007 года позвонил его друг Колкин.

- Владимир Иванович, крепитесь. У нас большое горе – ушел из жизни знаменитый земляк и гордость – Николай Семенович Конарев. Не вынес несправедливости демократическо-капиталистических властей.

От этих неожиданных и немилосердных слов в голове Овчинникова помутилось, словно огрели обухом. Он бесконечно уважал этого великого человека. Даже боготворил. И понимал, что без него мир станет значительно беднее.

- Надо написать некролог в городскую газету и послать соболезнование в его семью и Акционерное общество «Интертранс», которое он возглавлял более пятнадцати лет до самой смерти.

- Какое огромное горе! – только и смог вымолвить старый диспетчер, больше не найдя других слов. Он вспомнил фотоснимок в отраслевом журнале, где бывший министр выступал перед микрофоном в присутствии еще худолицега Путина. Наверно, просил обратить внимание на сохранение железнодорожного транспорта. Но его не услышали. – Я постараюсь, Максим Сергеич...

Всё отложив, он стал читать данную в журнале биографию Конарева. Писать некролог, вдумываясь в каждое слово. А еще в текст вставил несколько пришедших на ум четверостиший:

Он принял жезл, что шел от Витте,
Ведь был талантлив и умен.
И человеческих душ строитель,
Стальных дорог Наполеон.

Они длинней всех в мире стали,
Грузопоток был не пустяк.
Министр наш вылит был из стали,
Как те же рельсы на путях.

Гремели по стране составы,
Везли и уголь, и зерно...
Не верим, что его не стало.
Мы знали так его давно!

Он – наш земляк и наша слава!
Он – наша гордость навсегда!
И в память пусть спешат составы
И скоростные поезда.

ЗЕМЛЯКИ-НЕВИННОМЫСЦЫ.

Никто ни в городе, ни в краевом центре не догадался выступить в печати с соболезнованием по поводу кончины этого

неординарного человека, как будто его не почитали раньше, а то и не раболепствовали перед его министерским чином, не просили помочь вагонами, жильем, трудоустройством. И от этого Овчинникову было вдвойне больно и обидно за человека, который создал симфонию железнодорожного труда.

* * *

За свою жизнь Овчинников не раз лежал в больнице и с самого детства боялся ее, как огня. Поэтому обращался к медикам только тогда, когда дальше тянуть было некуда, за что неоднократно выслушивал нотации стоящих на страже здоровья врачей. Но предыдущие болезни в основном относились к простудным и другим заболеваниям, которых не в состоянии избежать ни один человек. И надо признать, доктора не раз его удачно «ремонтировали» и приводили в надлежащий порядок. В восьмилетнем возрасте, когда от купания в холодной реке сильно простыл и заболел воспалением легких и когда температура поднималась за 40, умелые врачи вытащили его с того света. И он всю жизнь будет им благодарен. Станет относиться к ним с большим почтением, как и к педагогам.

Поэтому когда два Почетных гражданина Невинномысска – Колкин и Тумарцов, бывший главврач городской больницы – попросили его написать к 50-летнему ее юбилею книгу, он не отказал. Хотя неприятностей и трепания нервов эти труд и издание принесли невообразимо много. И Владимир Иванович, стойко выдержав четыре года, до того рассердился, что собрался написать разгромную статью и словесно отодрать руководство городских медиков, что он прекрасно научился делать.

Узнав об этом, забеспокоилась заместитель главы города, курирующая медицину. Но главным их спасителем явился все тот же вездесущий Колкин – Христос наших суровых дней, как его уважительно именовал писатель. И городская Дума приняла решение помочь горздраву и заплатить за часть тиража типографии.

- А я пролетел с гонораром, как фанера над Парижем! – возмущался обиженный литератор, вложивший в книгу много-летний труд. – Это не потомки, а подонки Гиппократата!

Хотя и такому не очень веселому исходу был рад, ведь герои книги, с которыми он встречался, которых дотошно интервьюировал, с трепетом надеялись прочитать о себе и родном коллективе в толстом фолианте, показать детям, близким и похвастать перед знакомыми, мол, вот какие мы уважаемые и великие! Целая фабрика здоровья. И нас не возьмешь за рубль двадцать!

Старый литературный волк хорошо понимал психологию книжных героев, их слабости и наивные надежды. И ему от всей души было жалко их и их несбывшиеся мечты, которые он в них зародил. Как, впрочем, и жалко своего огромного труда, сил, нервов и времени, которые, думалось, могли пойти собаке под хвост. И стоило-то все это мелочь, о которой уважающим себя руководителям стыдно и говорить! А люди старательно откапывали и несли ему старые пожелтевшие фотографии, неподкупных свидетелей того, как воздвигали корпуса больницы, нового роддома и других объектов, проводимых хирургических операций и праздников. Отыскивали в старых шкафах и сундуках заплесневелые от времени документы тех далеких лет, ставших давно историей коллектива городских медиков, число которых доведено до двух тысяч человек, и историей бывшей казачьей станицы, и самого города химиков и шерстяников, на чьей территории полвека назад и была построена одна из лучших в крае больниц. И руководил этим масштабным строительством главврач Иван Никитович Тумарцов, кандидат медицинских наук, живой инициатор и свидетель тех горячих и неповторимых свершений. И он немало поведаст из былого, вспомнит многие интересные и знаковые события, которые грех забывать ветеранам и не знать подрастающему поколению.

- Но почему нынешние чиновники, вскормленные нашим поколением и трудом, не понимают важности этого момента го-

родской жизни и исторического значения этой книги? Почему живут только для себя, в рабочее время пропадают на строительстве собственных особняков, используют казенные деньги, стройматериалы и транспорт? – справедливо возмущался писатель. – При Советах бы таких законопатили куда-нибудь в Сибирь, где Макар не пас телят. И это совершенно справедливо. А теперь эти жулики стали уважаемыми людьми, «умеют жить», как нагло воображают они. Да не жить вы умеете, а воровать, сволочуги!

На многое бы он мог подумать, только не на глаза. С детства они видели прекрасно и были его гордостью. Как у кошки, говорят про такие глаза. И они всю жизнь не отказывали ему, не подводили, хотя нагрузка была большая. Однажды ехал он за рулем своей «Лады», и ему показалось, что над дорогой плавает легкий туман. Ну, туман и туман, мало ли бывает по утрам туманов, предвестников сухой погоды, подумал спокойно он и забыл про этот случай.

Но через полгода ему вдруг показалось, что стал видеть хуже, особенно левым глазом. И решил на всякий случай сходить в поликлинику.

- Да у вас вовсе развивается катаракта! – напугал его окулист. – Можете потерять зрение! Копите денег, мы пошлем вас на операцию в Ессентуки или Ставрополь, где вам вставят новые хрусталики. Крайне надо. У вас уже преклонный возраст. А пока я вам выпишу «квинакс» и другие капли. Закапывайте четыре раза в день. Капли дорогие, но глаза дороже.

И Овчинников не на шутку испугался. Насторожился и все чаще проверял, как далеко видят глаза, как четко и ясно различают предметы? И пришел к невеселому выводу, что четкость взгляда уже не такая, как раньше, что предметы слегка расплываются.

- А как тогда ездить за рулем, ведь можно совершить аварию? И как писать книги, без которых ты не мыслишь жизни? А если совсем ослепнешь, как твоя бабушка Арина или как Ни-

колай Островский? Тебе по таким дощечкам, как использовал в работе он, в жизнь не написать! Видел я их в Сочинском музее. Конечно, слепота для любого человека трагедия. А для писателя вдвойне! – невесело рассуждал Овчинников, не в силах даже представить, как это будет выглядеть?

Через год его положили в глазное отделение. И он такого насмотрелся и наслушался, что ночами не мог заснуть.

- Лежала тут слепая старуха. Пошла в туалет, держась за стенку и ища его дверь. И вышла раньше времени в дверь лестничной клетки. Свалилась и чуть не до смерти разбилась на бетонных ступеньках, - увлеченно рассказывали однопалатники. А впечатлительный литератор со страхом представлял эту трагическую картину и разбитую до крови немощную старуху. Подобное могло ожидать и его!

- А вон молодой мужик из шестой палаты ехал за рулем машины и вдруг почувствовал сильную боль в глазу, потом увидел короткую вспышку яркого света. И мгновенно ослеп. Теперь лечится. И такое может ожидать каждого из нас, - пугали разговорчивые и знающие люди. – А какая тут гнетущая обстановка! Помещение старое, палаты обшарпанные. С потолков сыплется. Нижний этаж с целью уплотнения отдали ухо-горло-носам. И нас вытеснили на второй этаж. Никто об этом не думает. А другое двухэтажное здание, где раньше был старый роддом, отдали частникам. Теперь отделявают. Будут стричь денежки в собственный карман. А нас поместили по соседству с моргом, чтобы быстрее отдали Господу душу и угодили прямо в морозильник...

От таких мрачных разговоров оптимизма у писателя не прибавлялось. И он не мог дождаться выписки. Но полным противовесом нытикам и пессимистам была лечащий врач и заведующая отделением Ирина Дмитриева. Она возглавила его совсем недавно, придя из городской поликлиники, и с первых же дней зарекомендовала себя внимательным и знающим специалистом. По таблице проверяла зрение на дальность. Тща-

тельно изучала состояние глаз через соответствующие приборы. Закапывала глаза и мерила глазное давление. Давала между делом полезные советы.

- Да у вас явная катаракта. Особенно в левом глазу.

- И что? Надо менять хрусталики? – с тревогой спрашивал начитавшийся специальных брошюр Овчинников. – Согласитесь, ведь это большой риск. Многие после подобной операции вообще становятся слепыми. Может, у местных глазников сговор с глазными хирургами, и им за это отстегивают деньги? Поэтому чуть ни силой и посылают туда пациентов.

- Не каждому верьте и не спешите с операцией. Будем лечить. Назначим процедуры, уколы, капельницу и другое. У вас зрение на 75-80 процентов. Вполне можно управлять машиной...

По возрасту Ирина Михайловна годилась ему в дочери. Но убежденность, с которой она говорила, пристальный взгляд черных внимательных глаз, казалось, проникали не только в его зрачки и глазные яблоки, но и в самую душу. И он, как малое дитя, сразу поверил в эту убежденность и профессиональные знания.

- После выписки будете лечиться дома. Выполняйте все наши рекомендации. Закапывайте каплями. Периодически обращайтесь к нам за консультацией и ложитесь на профилактику. Сами не будете беречь зрение, никто вам не поможет. Одна старушка не послушала моего совета. Все лето работала на даче, полола, держа голову в горизонтальном положении, чего нельзя делать ни в коем случае, ведь у нее было высокое глазное давление. И ослепла, бедняга. И огород стал не нужен.

Владимир Иванович был послушным пациентом и исполнял все рекомендации доктора. Принимал десяток уколов за день, в том числе в вену, виски, под глаза и за глазные веки, чего очень боялся. Чуть дрогнет рука у медсестры, и можешь остаться без глаза. Уж лучше без ноги или даже руки. Но Бог миловал. Он не раз мысленно представлял себе ослепших людей, ничего

не видящих вокруг. И беспомощно шаривших руками по стенкам. В том числе и самого себя. Это значило никогда не видеть солнца и звезд на небе, погрузиться в вечную темноту. И приходил животный страх. А еще на психику давила окружающая обстановка в расхристанных палатах. Ощущение ненужности бедного и больного человека в зажравшемся обществе дельцов и олигархов. И ему хотелось помочь этим бедным людям, глазами больным и всеми забытому отделению.

- Ирина Михайловна, может, мне об этом бедламе написать статью в краевую газету или на радио? – от души предлагал он врачу, понимая, как она белкой в колесе крутится со своими проблемами. Приезжает чуть свет в отделение и уезжает потемну. А ведь у нее, небось, есть семья и дети, которые целыми днями без матери. – Про отделение забыли. Операции по установке хрусталиков перестали делать. Я даже заголовок придумал: «Кто зажигает звезды?» А можно и кто гасит. Два варианта.

- Надо подумать, - через время ответила она. – Спросить своего начальника Рафаэля Захаровича Макушкина, чтобы больше не навредить. А то и без этого грозятся закрыть наше отделение. А в нем лечатся не только местные горожане, но и кочубеевцы, андроповцы. Тогда придется ездить в Ставрополь. Это же очень накладно и неудобно. Половина больных туда не поедет.

- Вот это здорово! – возмутился литератор. – Невинка является донором, кормит край и Москву, хотя тут вредные производства. И властям нужно улучшать медицинскую заботу о тружениках и жителях. А не только непродуманно давать, как это придумал Медведев, уникальное оборудование, на котором никто не умеет работать и которое при существующих жульнических сделках обходится в три дорога.

Не скоро, правда, но помещение глазного отделения пообещают капитально отремонтировать, чему несказанно обрадуются больные. Видно, Дмитриева и главврач больницы Беляйкин достучались до самых верхов. Правда, обещанного три года ждут.

В будущем Овчинников еще не раз ляжет на профилактику, хотя эта процедура ему и не нравилась. А однажды Ирина Михайловна ему сообщила:

- У вас еще и обнаружилась глаукома, глазное давление в правом глазу двадцать семь. Если вырастет за тридцать и более, можете лишиться зрения. Операцию по этому поводу делать пока рано. Я выпишу вам капли «ксалатана». Они помогут сбить давление. И привыкайте носить очки с зелеными стеклами, берегите глаза. Зрение у вас твердо равно 0,8. И меня это радует, ведь по идее мы его не можем улучшить, а лишь сохранить и оттянуть трагедию. А писателю зрение нужно больше, чем воздух, нужно больше всех...

И лечение шло на пользу. Он годами пользовался услугами глазных врачей, что продляло его творческую жизнь. Конечно, и старость не дремала. Но это такая навязчивая, неотвратимая и мерзкая старуха, отделаться от которой на планете Земля еще никому не удавалось.

29

После очередной выписки из больницы Овчинникову сообщили горькую весть:

- Без тебя Метелькова схоронили...

- Как схоронили? – неподдельно удивился он, подумав, что его разыгрывают.

- Умер, и схоронили, как водится у христиан. Разве бывает по-другому?

- Не возьму в толк, как может умереть такой силач полтора центнера весом, способный ударом кулака завалить быка? Ему жить да жить целый век, как былинному богатырю Илье Муромцу. А потом превратиться в легенду и снова жить.

- Видно, и богатыря, как Сивку, укатали крутые горки рынка...

С распадом Советского Союза жизнь у большинства людей стала невыносимо тяжелой. И многие искали, где можно зарабо-

тать или подработать. Овчинников знал, что пенсионер Метельков подрабатывал на своих оранжевых «Жигулях», временами таксуя по улицам города и в пригороде, пока это было возможно и позволял возраст. Потом новые налоговые законы взяли бомбил за горло, и многие случайные водители отказались от затеи таксования. Среди них оказался и Владимир Федорович.

Но у него были дочери и внучки. Им край нужно было помогать выжить в годы экономического и воровского беспредела. И Метельков продал по дешевке своего старого «Жигуленка», чтобы хоть на какое-то время поправить материальное положение. Его супруга, ученая ЦНИИ шерсти, тоже была отправлена на пенсию, да и институт уже дышал на ладан, что не могло не сказаться отрицательно на семейном бюджете.

Тогда Метельков продал и гараж, где не только часто возился с машиной, но и отдыхал от квартирному шуму, встречался и расслаблялся с приятелями, отводил душу анекдотами, которые даже печатала фабричная газета «Шерстяник». А два оставшихся стула принес на память своему другу Овчинникову.

- Прими скромный подарок от старого фабричного прораба,- заявил он, занося в гараж Овчинникова стулья. – Они хотя и старенькие, но надежно испытаны временем и моим немалым весом.

- Спасибо, дорогой! Со старого прораба-шерстяника хоть мериносо клок, - пошутил хозяин.

- Какой уж тут меринос? Обор, скорее всего, а то и гнилой кизяк, от которого даже голодная моль харю воротит.

- Значит, завязал с гаражом? – с сожалением спросил бывший диспетчер. – Жаль. Теперь совсем перестанем видеться.

- Такова селявуха! – не без видимой боли произнес гость, опускаясь на свой же стул, который пришелся к месту возле недавно выкрашенного синего верстака, при случае служившего и столом.

- Тогда отходную сыграем и мебель обмоем. Плеснем по две капли...

- Ну и кум, хрен нам двум! Ты, как справедливо говорится, и мертвого сблатуешь. А уж меня-то, слабохарактерного, тем паче, как два пальца обмочить.

- Вот и ладненько, пока она не прокисла.

Хозяин достал бутылку самогона, купленного по дешевке в соседнем гараже, низкие пузатые рюмки, которые за ненадобность и устаревший фасон переехали сюда из квартиры, как и многие домашние вещи. Откопал в загашнике хранящуюся на всякий случай банку кабачковой икры, небольшого вяленого лещика, высохшего от времени, как доска, зная, что его старший друг был любителем вяленой рыбы.

- Извини, барана и шашлыки не приготовил. Не знал, что порадуешь присутствием. А этой закуси лишь на один зуб. Но такие уж пошли времена...

- С приходом рынка я теперь тоже скромнее стал в желаньях, как выражался Сергей Есенин. Да ведь нам ни драться, ни бороться, нам бы лишь бы напороться, как шутил мой друг-баянист Шурик Шпак, преждевременно упокоившийся. Virtuоз был. Откровенно жаль. Ну, тот – человек тонкой кости. А Володя Горюнов, твой кум, моментально свалился. А какой жилистый, верткий был! Еще пацаном ко мне в секцию ходил. Большие надежды подавал. Ну, царство им небесное.

Он осторожно брал двумя могучими пальцами рюмку, очевидно, боясь ненароком раздавить, и выплескивал в круглый, как стакан, рот. И как бы с неподдельным интересом смотрел круглыми желто-кариными глазами на окружающий мир, словно он мог за это время значительно измениться. И его загорелая на южном солнце лысина, как казалось Овчинникову, довольно блестела. А крупная круглая голова смахивала на спелый арбуз. И диспетчер сдерживал пробивающуюся улыбку.

- Слушай, ты хороший рассказ написал про нас, про трех Федоровичей. А почему фамилии изменил? – любопытствовал Метельков, по-ивановски окая.

- Чтобы неприятностей не случилось, - откровенно при-

знался литератор. – Если ты изобразил героя положительным, хоть сколько ври и расхваливай – он рад до небес. Если хоть грамм сказал отрицательного, не оберешься греха. Однажды мой начальник по службе, вор из воров, смертельно обиделся. В другой раз партийная деятельница станции. Хотя их фамилии были изменены, но они увидели в героях себя. Эта, из партбюро, даже в газету ходила и судом грозила. И до самого последнего дня потом гадила. Правда, ей отказала редактор, мол, фамилия изменена, а героев выбирать авторское право. Видать, меня испугалась, я ведь и пропесочить могу в других СМИ. А эта чиновница-ортодокс была такой тварью и карьеристкой! За начальничье кресло отца родного продаст. И партию потом предала, чтобы только не выперли с хлебной должности единороссы. Не вытолкали из кресла, без которого она и жизни не мыслила. Потому я и не восстанавливаюсь в партии, из которой, правда, и не выходил по собственному желанию. Хотя коммунистические идеи поддерживаю. Но в одной партии с ней быть не хочу, как известный герой Шолохова из «Поднятой целины».

- Против начальства переть, как против ветра мочиться, - с улыбкой констатировал прораб.

- А нам теперь - кругом против ветра: кого-нибудь да обмочишь. Тогда уж лучше в штаны, чтобы не забрызгаться.

- Я сейчас ментов тренирую. Иду как-то вечером с тренировки. В сумке несу свои боксерские перчатки, трико. Подходят двое сокольников, давай, дед, сумку. Да вы чо, ребята, говорю, там ничего ценного. Не слушают, зашли с двух сторон. Думаю, если понужну кулаком, на части рассыплется. Огрел легонько одного этой сумкой – вверх тормашками полетел. Потом оба подхватили и дёру. В наше время такого беспредела не было, - с сожалением признался Владимир Федорович. – А этот знаешь? – вдруг рявкнул он. – А-а, слышал. Тогда вот старый. Пришли два зямы, Янкин и Френкель, на станцию. Видят, на вагоне написано жирным шрифтом: ПЖД (Приволжская железная дорога).

- Что это означает? – спрашивает друга Янкин.

- Поезжай, жид, даром, - уверенно отвечает Френкель.

И сели без билетов. А там пошел контроль.

- Ваши билетики! – потребовали с них.

- Мы – жидаы! – гордо отвечают они в один голос.

- Ну и что, а мы – мордвы?

- А вон на вагоне же написано ПЖД – поезжай, жид, даром.

- Ошибаетесь, уважаемые. Это - плати, жид, деньги! – поправили их и оштрафовали.

Друзья еще долго рассказывали анекдоты, словно предчувствовали, что эта встреча окажется последней. О чем-то непринужденно говорили, смеялись и хохотали. Вспоминали слова песни Высоцкого: «Есть у нас что-то больше, чем рюмка вина, у друзей, у друзей...»

И, услышав горькую новость о кончине известного на весь край человека, Овчинников чуть не застонал от душевной боли. Сотни юношей тренер Метельков приобщил к любимому спорту. Из десятков сделал мастеров и кандидатов в мастера спорта, добившихся побед на многих престижных соревнованиях. Поднимавших авторитет краевого и советского спорта. Не стало еще одного прекрасного человека.

Тогда, наверное, не думая о смерти, они чего-то не досказали друг другу важного и интересного. И, к сожалению, уже никогда не скажут. И на душе растроганного писателя появились непрощенная обида на себя и непреходящая горечь.

* * *

Послереформенная Россия, казалось патриоту Овчинникову, катилась в бездну. И он мысленно искал спасительные идеи, которые бы помогли стране и народу выбраться из бездны падения, снова встать крепко на ноги и почувствовать себя сильными и неуязвимыми, как при Советском Союзе. Без боязни рожать и воспитывать детей. Досматривать до смерти стариков. Строить светлое будущее российского общества.

Мышиная возня бывшего президента и его команды, кроме дальнейшего развала экономики и общества, ничего путного не принесла, был уверен литератор, и возлагал большие надежды на нового президента Медведева. Его, правда, многие не воспринимали всерьез, снисходительно называли Живчиком, Чижиком, Детским садом, Мальком. Но ведь Ленин со Сталиным тоже не считались богатырями, а вон как подняли разрушенную войнами страну! Настоящие гиганты! И если демократические предшественники преданно заглядывали в рот зажавшемуся Западу и беспрекословно выполняли все его прихоти, вплоть до сдачи стратегического урана, то молодой и неопытный вроде бы Медведев не побоялся возразить им и заступиться за Южную Осетию и Абхазию. Освободить соседей от разбоя грузинского царька Саакашвили, как с сарказмом величали его оппоненты. И это совсем не одно и то же, когда предшественники сдали американцам Югославию.

И литератор Овчинников не посчитал себя наивным, а был восхищен его поступком. И готов был помочь молодому политику в подъеме России. А тут как раз вышло обращение-призыв Медведева – «Россия, вперед!» И Овчинников поверил, что он ждет от патриотов и преданных России людей помощи, что он может помочь ему в благородном деле возрождения и подъема на былую высоту родного государства. Внимательно несколько раз перечитал призыв. Сделал нужные пометки. Много дней и ночей обдумывал тему и будущий текст послания. Потом долго и старательно писал, обсасывая каждое слово, зачеркивал абзацы, добавлял нужные фразы, продолжал дальше, чтобы не обидеть случайно высокого начальника и дать полезный совет, за который он не ждет награды. Ведь истинные патриоты лично для себя ничего не просят. Им лишь бы крепла страна и лучше жили люди. Сколько потерял нервов и крови, словно участвовал в многодневной битве!

И, наконец, текст был готов. Он не раз внимательно перечитывал его, портя и без того неважное зрение. Откладывал

на день-два, чтобы отлежался, чтобы самому успокоиться, ведь не дружку-приятелю посылал, а первому лицу державы. Могут появиться и другие ценные мысли, которые можно изложить. Подумать над сокращением объема. Он метался, как лихорадочный, не зная, как правильно поступить, чтобы органы не заинтересовались, чтобы от его писанины была польза. Чтобы Дмитрий Анатольевич не посчитал его выскочкой и графоманом. И однажды сказал себе:

- Все! Хватит! Дальше только изводить себя. И написал на чистом листе:

В блог Президента РФ МЕДВЕДЕВА Д. А.

ВПЕРЕД – ЭТО НАЗАД

С большим интересом изучил статью Президента РФ Д. А. Медведева «Россия, вперед» и понял: это первый из президентов, обеспокоенный настоящим и будущим Великой России и ее многострадального народа. Что человек он решительный, принципиальный, показали действия молодого руководителя во время грузинской агрессии в 2008 году. Он не заискивает перед сильными мира сего и отвечает им достойно. Не в пример правящим последние 25 лет предшественникам. Само имя Дмитрий на Руси связано с защитой земли русской и Отечества: вспомним князей Донского и Пожарского. И очень радуется, что нас, ветеранов, родившихся до ВОВ, патриотов, и его, годящегося нам в сыновья, до глубины души беспокоят одни и те же проблемы, что он в открытую признал неспособность государства бороться с коррупцией. Это, по-моему, гражданский подвиг.

Что бы сказал своему сыну человек, испытавший в военном детстве голод и холод, поднимавший экономику и промышленность страны, помогающий строить жилье и предприятия, написавший не на вольных хлебах, а в свободное от работы время и издавший более 20 книжек, переведший на русский язык около 40 книг иноязычных авторов?

- Не верь тому, что мы были никчемными и не умели жить. Мы умели жить, справедливо утверждал В. Шукшин. Только не умели воровать, добавил бы я. Прежде, чем выполнять стратегическую задачу, выдвини четкую идею государства, спокой и помири народ, как это сделали в Испании. Ни у каких сверхбогатырей не хватит сил и здоровья жить десятилетия в духовных распрях и политических междоусобицах, что ведутся с начала 90-х, быть изгоем на своей земле. Потому у нас до полутора миллионов в год умирает больше населения, чем рождается. Разве это не геноцид своего народа! Даже в пресловутых сталинских лагерях погибло 600 тысяч человек, да и то врагов народа. Даже голод, нехватки, с которыми мы устали бороться, не убивают так души людские, как пляска на могильных плитах политических трескунов и недоумков, для которых чем больше положить российского народа, тем лучше. По бестолковости они думают, что отыгрываются на Ленине, Сталине, которым уже все до лампочки, а на самом деле издеваются над нами, нашей юностью, прошлым, Отчизной.

В мою задачу не входит оправдание коммунистических вождей, пусть об этом судят история и Господь. Только можно привести сотни примеров, когда правители хваленого Запада пролили моря крови своего и чужого народов. А если честно говорить о способностях руководить государством того же «тирана» Сталина, то надо признать, что равных ему не было не только у нас, но и в мире, особенно во время войны. В России вообще почти не было умных царей, генсеков и президентов, которые бы могли равняться с этой неординарной личностью, способностями верховного руководителя. Не зря же его закадычный враг Черчилль восхищался достоинствами дядюшки Джо, принявшего Россию с сохой, а оставившего с атомной бомбой. Большим счастьем для России, говорил он, было то, что в годы тяжелых испытаний ее возглавлял такой гений и непоколебимый полководец, как Иосиф Сталин. Он был выдающейся личностью, вполне соответствовавшей жесткому пери-

оду истории, в котором протекала его жизнь... Нет, что бы ни говорили о Сталине, таких история и народы не забывают.

Да, был жесткий, ходил в подшитых валенках и старом полушубке и не воровал из казны. Потому и расхристанную страну вывел в передовые. И никто ее не победил в холодной войне, как мочатся от радости и представляют некоторые «радетели», а сдали свои же правители-предатели, проклятые своим народом. Помни, сынок, русские непобедимы. Об этом даже Бисмарк сказал.

А где предательство, там воровство и взяточничество. Мы ж сами их поощряем. Первому президенту СССР, «лучшему немцу» за сдачу страны подарили миллиардный фонд, не считая Нобелевской премии, и американский орден За победу над СССР. Первому президенту России Ельцину – 60-миллионную пенсию. Мошеннику Собчаку, который в оные годы успел наследить и в нашем городе, прощение всех грехов и триумфальное возвращение в страну, а его неадекватной дочке – разгул и телестриптиз. «Планета милая, катись, гуляй и пей», как выражался С. Есенин. Так кто же оставил доброе семя России, кроме большевиков? Может, племя зажавшихся чиновников, которых вдвое больше, чем в целом СССР? А ведь это производственный потенциал, который не переплюнет через губу, если не позолотишь ручку. Порою они становятся такими человеконенавистниками, что страшно подойти, особенно пожилым. Работают через пень колоду, хотя занимают государственные посты. Особенно те, кто выдает документы, оформляет жилищно-бытовые бумаги. Их можно сравнить только с саранчой, безжалостно пожирающей наши деньги и нервы.

История взяточничества уходит в древность. Еще воеводы 17 века привыкли брать взятки и смотреть на свое место, как корыстное, прибыльное. Приняв город, они торговались с посадом о размерах «вседневных харчей», «винных браг», «пивных варей». Например, в 1636 году Федор Левашов за приезд в Сольвычегодск потребовал «полтора ста рублей, однорядку и

харчи всякие, которые надо носить на двор всякие дни». Но горожане написали в Москву, и воеводу удалили.

Петр 1 без устали вколачивал своим вороватым чиновникам «фортецию правды», в том числе и дубинкой. Но они брали даже при Екатерине Второй, назначившей жалованье для чиновников. Ведь всяк подьячий любил калач горячий. И взятка – это порождение государственности. Неужели с тех далеких времен и жизни Салтыкова-Щедрина никто не может бороться с взяточниками? В Союзе умели, китайцы умеют, не стеснясь, ставят к стенке. А сейчас и за преднамеренное убийство не поставят, мол, Европа против и не примет нас в свой Союз. Надо дело поставить так, чтобы не мы к ней, а она к нам стремилась. Есть за чем. А мы что возьмем у заплесневелой Европы и Запада, кроме подянки? Пора бы сбросить старые шоры.

Один из ставропольских писателей – известный предприниматель. В начале 90-х, когда жил в соседней Грузии, у него похитили сына и требовали миллионный выкуп. Ему удалось бесплатно вырвать ребенка и переехать в наш край, где развернул дело. Но у него появились завистники в лице силовых структур. Стали преследовать старших детей, требовать деньги. Не будь дураком, он написал об этом книгу и судился с милиционерами, которых суд справедливо наказал.

Но силовики не успокоились. Вновь началось преследование одного из сыновей, нападки на предприятие и разбой на рабочем месте. Чиновники, как он утверждает в книгах, под руководством бывшего мэра, а позднее депутата Госдумы РФ, оттяпали у него часть недвижимого имущества. 8 лет он судится за эту недвижимость. Большинство судов поддерживают его и предписывают оппонентам выплатить ему немалые деньги. Но иные судьи берут на лапу, а воз и ныне там. В результате родилась книга «Арбитражный суд длиною в 8 лет».

Другая книга называется «Я обвиняю», где автор разложил все по полочкам, назвал пофамильно сотрудников милиции, прокуратуры, суда, ФСБ, которые вцепились в его толстый

кошелек, как клещи, ведь им же надо строить особняки, и не отпускают. Книги уже напечатаны и ждут своего часа. И их выброс в свет будет подобен взрыву бомбы. И он держит силовиков на крючке. Но ведь не каждый человек - писатель и миллионер. Да за такие факты нужно руками и зубами хвататься соответствующим органам, которые борются с коррупцией, и прокуратуре всех уровней, которая в курсе дела, и Счетной палате. Если мы, конечно, в самом деле хотим избавиться от коррупции и не хотим, чтобы расправлялись с порядочными предпринимателями. В одной из книг этот успешный хозяин пишет:

- Капитализм возвращается в еще более жестоком, зверином обличье, чем было до революции. Жадность, стремление нажиться любой ценой, «человек человеку – волк»!- вот современные идеи и лозунги. СССР не знал такого размаха коррупции и взяточничества. И эта болезнь, как инфекция, поражает все новых и новых людей... Теряются завоеванные человечеством ценности: гуманизм, великодушие, уважение... Мораль уходит на последнее место, уступая хамству, лицемерию, фальши. Чиновничество просто озверело. У него появилась скрытая ненависть к другим, явные притязания на чужие доходы, которые оно стремится захватить любыми путями: на болезни, на несчастья, на оплошность. И совершенно отсутствуют мерила доброты, человечности, благородства, чести, гуманизма. Они заражены бациллой хищничества, часто хапая про запас совершенно ненужное и пустяковое, лишь бы урвать.

Деморализация общества, в первую очередь чиновничества, делает его хронически больным, неуверенным в жизни, а уверенным лишь во взяточничестве, мздоимстве. Даже простые люди перестают верить друг другу, не желая ни помочь, ни просить помощи ни у кого, рассчитывая только на хитрость, физические способности, деградируя, как личность! Это не рыночные отношения, а алчность чиновничьего аппарата, которая, в конце концов, подрывает устои государства и силу народа.

На купленных местах устраиваются неквалифицирован-

ные «специалисты», издевательски называя себя «профессионалами», которые только и способны дать взятку, а как работать, они не знают ни слухом ни духом! Это недоучки и лентяи, которые тоже взятками купили свои дипломы. А что они могут в деле? Опять же брать взятки. А кто будет управлять государством, развивать экономику, медицину, просвещение? Эти недоумки-«профессионалы»?

Потому далеко не бедный человек, кандидат наук, литератор горой стоит за возвращение советского строя, готов отдать все богатства народу, только чтобы вернулась нормальная жизнь, уважали человека и его труд, не унижали.

- Кстати, о перспективе: на высоких чиновничьих должностях сидят дети не умеющих работать олигархов и чиновников, которые в случае чего способны защитить своих провинившихся отпрысков. Одаренные же специалисты из бедных семей остаются в тени, в развалинах безработицы, жерновах торговли или на низших ступенях чиновничьей иерархии. В таких случаях госпотери гораздо больше собственных средств самого народа. Всю страну ныне разъедает ржавчина нечистоплотного чиновничества. Оно приравнялось к богатейшим слоям населения, хотя у всех них твердая госзарплата. У них иномарки, дворцы, отдых за рубежом, золото, бриллианты, мебель на заказ. И плевали они на простого работягу, за чей счет преступно процветают. Вот оно, процветающее демократическое общество, которое похлеще коммунистического светлого будущего. Там хоть обещали и что-то делали для всех, а тут только для избранных. Снова получается: за что боролись, на то и напоролись!..

Реформаторы развалили экономику и разворовали богатства государства. И Президент спрашивает – должны ли мы полагаться в решении проблем на государство? А на кого тогда полагаться доверчивому народу, отдавшему ему все силы и здоровье? Тогда зачем нам государство и дармоеды, которые управляют им и обществом, ведь в нем условия создаются только для чиновников и воря? Им и предприятия не нужны, и народ.

Более 110 лет кормил горожан Невинномысский шерстяной комбинат, когда-то крупнейший не только в Союзе, но и мире. В начале 90-х он выпускал более 50 тысяч тонн мытой мериносовой шерсти в год. Примерно на 2 миллиарда советских рублей, содержал до 60 процентов бюджета города и 25 % края. На помощь старой, столетней шерстомойке там построили новую по очистке шерсти органическими растворителями, вторую в мире после бельгийцев, камвольно-прядельную фабрику на самом современном итальянском оборудовании. И на комбинате трудилось до 6 тысяч человек. Перейдя на арендный подряд, работники процветали. Была хорошая зарплата, бесплатные обеды в столовой. Продавались легковые автомобили. Как грибами, оброс жилыми домами поселок. Сбывались мечты фабричных революционеров, ведь был почти коммунизм.

И эти политические шарлатаны и предатели все слизали, как корова языком. Шел я недавно по комбинату. Электричества нет. Людей нет. Новые фабрики давно развалились. Разгрузочные механизированные площадки, которые они построили своими руками, и у них перенимали опыт все союзные шерстомойки, вырезаны под корень, как косой. Стокилограммовые кипы шерсти снова носят «в горбовую». Многие склады сломаны.

Мрак. На ТЭЦ из семи работает лишь один котел для обогрева поселка. Даже прохожих не встретишь. Запустение, словно после ядерной бомбежки. Числится на фабричке всего несколько сот человек. Раз в 10 сократилось число рабочих мест. Зарплата не выдается по нескольку месяцев. А ведь комбинат более века кормил тысячи людей. Теперь в крае от 7 миллионов голов мериносовых овец остались рожки да ножки. И вспоминается выражение одного бывшего руководителя-демократа, что на Ставрополье не любят баранину. Он и не знал, что тонкорунная шерсть приносила 60 % прибыли от всей сельхозпродукции края, даже больше зерна! Вот от каких баранов нужно избавляться. Не стало шерсти, не стало и теплой воинской формы солдатам, и пока новобранцы доберутся до места службы, повально

заболевают. В 90-е годы заставили его приватизировать. Но акции пропали, комбинат купили посторонние люди и разорили. И это все принес дурацкий рынок и горе-реформаторы.

Еще худшее положение на таком же старейшем предприятии – Невинномысском комбинате хлебопродуктов. Приехали бойкие инородцы, забрали в свои руки, разорили и умыли эти руки. А ведь от него тоже кормилось несколько сот рабочих. Теперь пропадают строения элеватора, комбикормового цеха, мельницы. А крестьянам некуда деть зерно! И не случайно вопрос строительства элеваторов поднимал сам Президент.

Подобное случилось и с молокозаводом. А недавно разорился и авторемонтный завод, которому в 2009 году исполнилось 55 лет. Не успела выйти к юбилею моя книга «Сквозь дебри испытаний», которые коллектив благополучно миновал, как мгновенно разорился от нового кризиса. А ведь еще вчера ему завидовали многие. Теперь в нашем самом промышленном городе края почти невозможно поступить на работу, только разве грузчиком. И оплата на большинстве предприятий до позора мизерная. Да и многие из них захвачены бойкими варягами, москвичами, которые выкачивают все до копейки, выделяя местным только на канцелярские скрепки. И люди уезжают в другие места, идут служить в Чечню. Им ли думать о модернизации? Лишь бы детей прокормить.

* * *

Нас все пугают нерентабельностью, низким качеством продукции. Приводят в пример Запад. В СССР эти явления тоже существовали, но руководство не закрывало предприятий, давало людям работу. Да и не зависели они от зарубежных партнеров. Так зачем же мудрить, придумывать велосипед, внедрять то, что завело весь мир в пропасть? Была плановая экономика, которой у нас учился весь мир. И нас не брали никакие кризисы. А в бедах большевикам сопутствовала удача, видать, сам Господь помогал, чего не скажешь про нынешних господ, хотя и церковью настроили тысячи, думали, что они с богатеев сни-

мут грехи. Напрасно надеялись ворье, узурпаторы и расстриги! На небе-то с них спросят. И в горячей смоле покипят. И их же собратья - бесы подкочегарят печку. Разве бы в СССР довели до аварии Саяно-Шушенскую ГЭС, до взрывов на железнодорожных путях, пожара и гибели в пермском кафе? Власть терпит поражение за поражением. Причем поражения дикие. Так не пора ли ей честно признать свои ошибки и отказаться от пагубного курса, где никто и ни за что не отвечает, а только ищет для себя кормушку? Или не хватает смелости? Тогда она просто не любит Россию и свой народ, и нам никогда не выбраться из «демократической» клоаки.

Раньше был сильный директорский и председательский корпус. Не в пример нынешним олигархам, гребущим только под себя, и некоторым бизнесменам. Поэтому загубленная промышленность при них едва ли поднимется. А уж чего говорить о нанотехнологиях, которыми руководит всем осточертевший Чубайс, «профессионально» посадивший на мель энергосистему?

А вот социалистического Китая почти не коснулся кризис. И товары там самого низкого качества, а он не качеством, а дешевизной легко обошел не только знаменитые американские фирмы, но и весь мир. Значит, успехи зависят и от системы, и от руководства. А наши министры-руководители не могли до такого додуматься, хотя это наше детище. Бьются не на живот, а на смерть не за укрепление рубля, а чужого доллара. Значит, неумно, если не враждебно, перевели нашу экономику на иностранную валюту. И набили ею свои карманы. Не зря о таких говорят: не суйся в ризы, коль не поп.

Этим летом в соседнем колхозе имени Чапаева среди бела дня убили председателя. Видать, кому-то он или хозяйство помешали. В 2004 году я написал о коллективе документальную повесть. Тогда им руководил Герой Соцтруда М. Шикун. Хозяйство не только не разорилось при рыночном обвале, но и больше разбогатело. Его называли островом социализма. Оно входило в число 100 лучших колхозов России. И море прекрас-

ного зерна, и сахарная свекла, по 10000 голов свиней и дойных коров, хорошая зарплата, копеечный обед и многое другое.

В многочисленных беседах с колхозниками и покойным ныне Михаилом Ивановичем я многое понял в их нелегкой жизни. И растаскивание земли на пай, а потом ее продажа пайщиками новым кулакам, нехватка паёв новым членам колхоза, бешеные цены на горючее и низкие на зерно, молоко, которое отправляли цистернами, и непродуманные, губительные реформы здорово мешали крестьянам. Но коллектив выжил при умелом руководителе. Он объехал многие страны и фермерские хозяйства и сделал заключение, что колхозный строй – самый приемлемый для России.

- У фермеров от силы 50 – 200 коров, сотня гектаров земли, и они всю жизнь топчутся в этом дерьме,- говорил Михаил Иванович.- Одному частнику трудно приобретать племенных животных, дорогостоящую технику, удобрения, химикаты. Поэтому российские фермеры дают всего несколько процентов продукции. А коллективно легче. Да и у нас такой менталитет – работать сообща. При умелом планировании у нас все есть. Строим свои заводы, колбасный цех, мельницы, пекарни, в том числе в Эссентуках, коровники, телятники. Предлагаем породистых телят колхозникам – не хотят брать. Зачем они им? Молоко, колбаса, мясо, хлеб, сахар, масло, кукуруза на корм скоту – все колхозное. И они после работы не идут в свой хлев, а занимаются воспитанием детей. А мы их учим потом в институтах за счет хозяйства. И еще думаем построить в поселках кафе, чтобы хозяйки после работы не потели у домашней плиты, а ходили с семьей туда отдыхать.

И самые известные иностранные фермеры с восхищением разводили руками, мол, разве возможен такой размах для нормального человека! Они на это не способны, поэтому и завидовали, учились у него. Так зачем же мы теряем в ущерб себе или в угоду иноземным советчикам такие хозяйства, такое богатство? Проедь по Ставрополю, Кубани – душа кровью облива-

ется. Стоят заброшенные фермы с провалившимися, как нос у сифилитика, крышами. Заросшие бурьяном бесконечные поля. Ютятся безработные люди. Спивается и сходит с жизненных орбит великое племя механизаторов. Никто, как они, не проведет при посеве сахарной свеклы ровный, как линейка, ряд, не обработает от блошки. Не болеет за землю и урожай. Так почему они должны существовать или вымирать, как динозавры, а развязная Ксенька Собчак задирать перед телезрителями юбку, показывать худосочный зад и пользоваться неизвестно кем и как заработанными средствами? И юмористы с певцами, которых при царях и дворянах считали третьесортными людьми, будто чувствуя апокалипсис, сходят с ума, исполняют дешевые трюки и песни и пляшут на тех же людских могильных плитах, пропагандируя свои грехи и разврат, как высший смысл жизни демократического общества. А доведенный до психоза и затурканный народ аплодирует этим бесам. А как бы этот трудовой резерв пригодился на стройках!

Почему кое-кто забывает, что события и смены формаций могут происходить с бешеной скоростью, как это случилось с падением СССР? Да и куда ни кинь, для страны и народа нужно возвращаться к старому, к социализму, единственно правильному и жизненному учению. Мы ведь всегда бежим то впереди паровоза, то плетемся в хвосте. Французская революция 1789 – 1794 годов, захватившая тюрьму Бастилию и потеснившая феодальный строй, названа Великой, до сих пор является там самым большим праздником. А наша поистине Великая Октябрьская социалистическая, свергшая капиталистическое рабство, способствовавшая во многих странах взять власть в руки народу, даже перестала считаться праздником. Вместо гордости за нее, кое-кто проклинает ее и наше прошлое. А ведь еще А. Пушкин говорил: «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости». Значит, если мы еще не последние дикари, то попали под их влияние.

А Запад и остальной мир не гнушаются учиться у Великой

Октябрьской революции. Не зря возник процветающий европейский социализм. В Германии вернулись к изучению трудов К. Маркса, а в США даже возник город коммунизма. Про Китай и говорить нечего, двигается в будущее семимильными шагами, как когда-то СССР, и плюет на мировой кризис. И как бы России, родине социалистической революции, вновь не остаться за бортом своих же идей. И давно пора признать ошибочность нового курса. Но СМИ затирают и клянут великого Ленина, чье ученье принесло свет всему миру, и нахваливают Чегевару, Манделу, которые против того серенькие мышки.

Неплохим подспорьем для народа были дачные участки. На них не только выращивали картофель, овощи, но и цыплят, поросят, кроликов, даже бассейны с рыбой заводили. Это было такой помощью трудящимся и государству. Вокруг городов выростали тысячи и миллионы дач, где с желанием трудились люди. Сейчас все разорено, и никто не хочет работать впустую. Да и разучились за время вредительских реформ. У меня в 2009 году 5 раз взламывали двери домика, решетки, рамы, крышу. На стенах нарисовали фашистскую свастику и прочую гадость. Утащили ржавую сетку с забора, столбики. Сожгли домики мой и нескольких соседей, и дачи бросаются. Пропадают «зеленые легкие» планеты. Приватизированные в 1992 году участки заставляют вновь приватизировать. А это еще ночью надо выезжать за 20 км и оформлять в районном центре, на чьей земле они находятся. А там тебя еще пошлют в суд, чтобы доказать, что это твои 4,5 сотки. И эта земля становится никому не нужной, в том числе нашим детям. Оформлять и мучиться для того, чтобы платить за нее налог государству? Так пусть оно само идет к нам и безболезненно оформляет, а не бесится с жиру.

И еще один трудовой потенциал – отмена дурацких новогодних каникул на предприятиях, в которые большинство семей остаются без денег.

И повернуться лицом к писателям, ведь это воплощенная боль народа, как выразился классик. И художественная лите-

ратура, а не пошлые СМИ, телевидение, радио, которые только врут и придумывают болезни, пропагандируют поддельные лекарства, сможет помочь обществу в воспитании настоящих патриотов и выходе из кризиса. Не зря Сталин прочитывал в сутки до 400 страниц литературного текста, учился у писателей. Думаю, в свои 70 лет я бы написал еще не один полезный роман, но на какие шиши его издавать и как реализовать, когда у людей не хватает на хлеб?

Только не допускать диких ошибок, совершенных прежними лидерами. Не верить слепо своим помощникам. Искать новое, жизненное для государства и общества. Почему бы Россию не сделать страной счастливого детства и достойной старости? Не создать условия для значительного рождения детей, ведь придет время, и для охраны природных богатств и территории потребуются защитники. А когда-то за минуту у нас прибывало на 4 человека больше, чем умирало. За год - 2 миллиона.

Даже Гитлер помогал бедным рабочим, продавал дешевле автомобили, помогал приданным невестам. А в молодом Катаре и сейчас богатые властители на свадьбу каждой молодой семье дают ссуду на квартиру. И если в течение трех лет рождается ребенок, то половину ссуды списывают, а если за пять лет рождаются трое, то списывают всю ссуду. В другом эмирате лично эмир платит за свадебный стол на 200 человек и дает денег, чтобы молодой муж мог заплатить калым за невесту. В третьем эмирате мужчине дарят новую машину. Известен и тот факт, что в нефтеносных странах при рождении ребенка власти кладут на его банковский счет миллион долларов.

А на кого же работают недра России? Разве это не народные богатства? Почему, как еще в 90-е годы писали газеты, у премьера страны и газового короля Черномырдина в заграничном банке лежало 15 миллиардов долларов? Почему, по слухам, у нового газового императора, как называют в прессе Путина, состояние составляет более 150 миллиардов даже не «зеленых», а евро, есть свои скважины, огороженные «колючкой» и

охраняемые автоматчиками, и он считается самым богатым в мире?! Это за какие же глаза, за те, которые он часто опускает от стыда? И, естественно, при любом удобном случае дятлом долбит по каждому фонарному столбу, что возврата к прошлому не будет. Впрочем, пример было с кого брать: у тюфяка Николая II состояние составляло 300 миллиардов долларов. Вот и принимаются непродуманные проекты, а то и ведется агрессивная энергополитика, как говорят специалисты, ибо руководят ресурсами не хозяева – народ, а присвоившие их личности.

Я за свою жизнь, уважаемый Дмитрий Анатольевич, столько насмотрелся, что глаза бы не глядели. И, конечно же, руками и ногами голосую за будущее России, за умное решение стратегических задач, за честных и интеллектуальных руководителей. Но, на мой взгляд, нужно начинать с устранения старых ошибок, затесавшихся во власть дельцов и хапуг. И не отрицать хорошее, что было в прошлом. Иначе будет не в коня овес. Тогда перед каждым откроются огромные возможности. А народ у нас талантливый, преданный, добрый душой и помыслами. Запустить остановленные предприятия, чтобы избавиться от безработицы. И модернизацию нужно начинать с умов и поступков чиновников, а не с надуманного для форса Сколково. Реформаторы у нас забрали по мощи вторую в мире державу. Сделайте ее такой же великой и верните народу, и вам не будет цены. И верните народные деньги из-за границы.

Иначе получится, как в старом анекдоте. Принимает дела новый директор и спрашивает у бывшего, как ему работать?

- Вот тебе три письма. Одно прочти в первом году, другое – во втором, третье – в следующем.

Преемник читает первое письмо: «Вали все на меня». Второе: «Объявляй модернизацию». Третье: «Заготавливай письма».

С глубоким уважением Владимир ОВЧИННИКОВ,
член Союза писателей России.
Город Невинномысск.

Свое электронное послание Овчинников отправил через главпочтамт, надеясь, что уж там-то оно не потеряется, ибо почта при новой власти работала невыносимо плохо. И стал с нетерпением ждать ответа. Но надежды старого писателя-оптимиста с каждым днем таяли все больше. Пусть президент – человек занятой. Ему некогда отвечать на каждое предложение или жалобу из провинции. Но в его распоряжении огромная армия помощников и шестерок, получающих баснословные зарплаты и живущих за счет этой бедной провинции.

- Значит, им всем до лампочки обращения и боли своего народа? – гневно рассуждал кавказский патриот. - Какое наплеватьство, неуважение к людям государственных чиновников, которым даже лень поблагодарить и сообщить о получении твоего материала, размышлений, которыми ты, старый и наивный дурак, хотел помочь этим горе-реформаторам вытащить Россию из приготовленной ими же клоаки! Обращение президента – это очередной хитрый ход, рассчитанный, как и многие другие, на русских простачков. Он и не ждет совета, он ему совершенно не нужен. Это деталь очередной технологии обмана и запудривания мозгов трудовому народу. Повсюду только ложь и обман. И власти, ничего в этом не соображая, придумывают фиктивные несбыточные проекты улучшения экономики, подъема производства и сельского хозяйства, здравоохранения, деторождаемости, улучшения жизни народа, а теперь и пресловутой модернизации. Ну что могут понимать в сельском хозяйстве бывший неизвестный фээсбэшник или институтский клерк, в жизни не видевшие русских хлебных полей, шумящих беспокойным морем? Не представлявших проблем крестьян и села? Все это лапша на уши послушным российским гражданам и электорату, бессовестные прожекты и обман, чтобы дольше удержаться у власти и больше разорить страну. На другое эти мышата, медвежата, живчики и прочие зверюшки не способны.

Не случайно Михаил Полторанин в своем знаменитом фоллианте назвал их сиаемскими близнецами-уродцами. Доказал, что их предшественники придумали экономические реформы 88-го – перекачку госресурсов в карманы частников, позволившую дельцам обзавестись крупными капиталами, придержать на складах дефицитные продовольственные и промышленные товары, тем самым создать искусственные нехватки и недовольство населения, способные перерасти в народный бунт. Затем безбрежная либерализация внешнеэкономического и банковского сектора. А потом уже раздача собственности «своим», то есть приватизация по-ельцински и по-путински с беспрепятственным выводом активов из нашей страны. В этом активно участвовала команда Бнай Брита, созданная из демократов – агентов американского влияния. Чем не хунта? Иначе и не назовешь.

У литератора глаза полезли на лоб от такой неожиданности и беспредельной наглости демократов, которые он увидел при прочтении книги «Власть в тротиловом эквиваленте», где автор еще и подозревает господина Путина в участии в расправе над славным генералом и патриотом Львом Рохлиным. Впрочем, это же утверждает в книге «Война за Россию» принципиальный депутат государственной Думы РФ Виктор Илюхин, вскоре вдруг так неожиданно и загадочно скончавшийся. Настоящий патриот и коммунист.

«А попроси скомпрометировавших себя квазицарей освободить трон – не получится – приросли к нему задницами. Если приспичит, без «хирургии» не обойтись,- пишет Полторанин. – Радикальные либералы, недовольные темпами сдачи интересов России, стали называть политику Путина неосталинизмом. Но это по недоразумению. Во-первых, все уже сдано. А во-вторых, зачем сместить народ – какой из Путина Сталин? Это антипод генералиссимуса. Из Путина Сталин, как из чайника паровоз.

Все, кажется, делает Кремль, чтобы сохранить в незыблемости свою диктатуру. Чтобы не дать личности заявить о

себе народу. Во властные структуры кадры подбираются через процедуры моральной и интеллектуальной стерилизации. Политические евнухи произвести диктатора, тем более со знаком плюс, не способны. В разрешенных режимом партиях и движениях будущим Сталиным тоже нет места...»

- Вот и сажаются за решетку противники правителей Навальневы, Удальцовы, которым по каким-то непонятным критериям пришивают грязные пакости! – возмутился старый писатель. – Россия вновь становится тюрьмой народов? И если я не заступлюсь за Россию, за ее народ, тогда кто заступится?

- А если лишат тебя жизни? – с сомнением спрашивал он себя. Но тут же с уверенностью отвечал: - У человека есть вещи дороже жизни – это Родина! А они ее растоптали и предали.

Точно выразился по этому поводу в «Литературной России» прозаик Сергей Минин: «Тебя государство пытается уничтожить и физически, и морально. Потому что у нас, конечно, не лагеря, а концлагеря, по-другому не назовешь: бараки все переполнены, рядом с тобой ВИЧ-инфицированные, туберкулезные больные, харкающие кровью. Ужасное питание – просто баланда...»

- Поистине: за что боролись, на то и напоролись, - рассуждал запутавшийся в разномастных мыслях литератор. – И со своего прибыльного и хлебного места президенты-неумехи и их приспешники добровольно не уйдут. И будут работать на США до победного над населением конца, как утверждает Полторанин, ибо их огромные сбережения находятся в заграничных банках, которые янки при поражении и провале не вернут.

«Ничего существенного не поправилось при новом президенте. По оценке экспертов до 70 процентов экономики уже не принадлежало России. Как были, так и остаются на месте построенные в советское время комбинаты, заводы, горно-рудные предприятия, трубопроводы. Но все это де-юре не наше. Наши – грязь и гарь от них, залежи вредных отходов, тысячи трупов русских людей после аварий и взрывов. И территория тоже не

наша. Она поделена между новыми и старыми иностранцами: на какой-то части устроил свой концлагерь для населения один олигарх, еще на какой-то - другой. Там соревнуются между собой садистские порядки помещицы Салтычихи и пушкинского крепостника Троекурова, - с ужасом читал Владимир Иванович... - Россия шаг за шагом опускается в ад. Уже тошнит людей от серного запаха преисподней...»

- Значит, все эти перестройки, переход на рынок, демократия – хитрая капиталистическая западня? – возмущался старый литератор. – Народ гибнет от бандитов, в авариях, рушащихся от ветхости домах, безработицы, нищеты, а правители, олигархи, чиновники жируют. Устраивают помпезные встречи на саммитах «восьмерки» и «двадцатки», бессовестно вкладывая в них народные миллиарды, чтобы потрафить заморским хозяевам? Кому нужны были затраты на обустройство почти пустующего острова Русский на Дальнем Востоке, где даже только что построенные дороги от стыда сползли с места, загорелся, не успев войти в строй, длиннющий бетонный мост? Как и Олимпиада, Универсиада, где дельцы украли огромные средства? Для чего и кого строились они, ведь оттуда бегут русские, для японцев, китайцев, для показухи, что мы что-либо еще можем? Да ничего мы не сможем при новом строе, потому что это направлено против народа, его материального благосостояния и жизни! И для того, чтобы нашим правителям незаслуженно разбогатеть и войти в число «золотого миллиарда», который намерен истребить всех лишних, лишь бы выжить самому. А остальные шесть миллиардов населения Земли окажутся невостребованными, и их постепенно выдавят, сотрут с лица планеты. Безжалостно умертвят детей, женщин, обессилевших стариков? И через умелое оболванивание политиков люди планеты не видят грядущей мировой катастрофы. Да ведь тут надо не только России, но и всем миром подниматься против узурпаторов-капиталистов! Иначе погибнем. А уж коли умирать, то всем вместе. Не об этом ли нас предупреждали теоретики коммунизма?

Не об этом ли постоянно твердят Зюганов и фракция КПРФ?

Голова старика шла кругом от этих показавшихся крамольными мыслей. И он хотел от них быстрее избавиться, чтобы зря не терзать душу, ведь жить-то ему осталось с гулькин нос. Не довести себя до инфаркта. Разве ему, затерявшемуся в российских просторах казачьему потомку, больше всех надо? Но избавиться не мог. Лишь опустошенно сидел с низко опущенной головой, как старый грач на расхристанном от дождей и ветра гнезде, и глотал от бессилия и обиды редкие и едкие, как кислота, слезы.

* * *

Хотя и ряды коммунистов после роспуска Ельциным их партии поредели, на заседаниях горкома КПРФ и собраниях местных партийных организаций кипели немалые страсти. Не сдавшиеся, как некоторые проходимцы-прилипалы и карьеристы, вступавшие в члены ради начальничьего портфеля, и верные своей вселенской идее, коммунисты были недовольны положением дел в выборной кампании в городскую, краевую и Государственную думы и на пост главы города, края, страны.

- Педросы, как в народе называют партию «Единая Россия», используют административный ресурс. Подключают средства массовой информации, руководителей предприятий, прокуратуру, суды, студентов, избирательные комиссии, устраивают преждевременное голосование, куда, как баранов, сгоняют народ целыми цехами и заводами. Думают, они умнее всех, - с жаром выступал многолетний первый секретарь горкома Василий Рябчук, ветеран труда химического комбината. – И в открытую уже заявляют, что эти быдлы – в смысле народ – никуда не денутся и пойдут на выборы, как стадо баранов за козлом на бойню. На подкуп идут денежные подачки, колбаса, крупа, лапша, которую они потом повесят на уши своим доверчивым избирателям.

- Абсолютно верно – не раз такое случалось!

- Специально нанимают молодых людей, голодных студентов, чтобы срывали агитационные материалы других партий и конкурентов. Они даже ходят вслед за почтальонами и вытаскивают из почтовых ящиков! – доносилось из зала.

- Таких нужно ловить на месте преступления, фотографировать, - подавал голос Яков Авдеев, преданный партии рядовой. - Надо подать жалобу губернатору и краевой Думе.

- На каждого фотографа и свидетеля не наберешься, да еще и ночью. И ты попробуй их схватить за руку и доказать, когда все законы на их стороне, - справедливо высказалась секретарь горкома Алла Алифирова, симпатичная и привлекательная на вид белокурая женщина, бывшая работница горкома КПСС, не сдавшая под нажимом первого президента России партийных позиций в смутное время 90-х годов.

- Давайте усилим контроль, будем бороться через суды, коль нам не оставили других возможностей! Чего терять трудовому народу, кроме своих цепей? – высказался прямолинейный и честный до глупости, как выражались окружающие, Иван Зазуля, бывший депутат краевого Совета и машинист тепловоза, наездивший за трудовую карьеру целый миллион километров.

- Суд-то не на нашей стороне, - вновь заговорил Рябчук. – Напечатала газета несколько строк и дала фото бывшего уважаемого мэра, а его конкурент и команда посчитали это нарушением предвыборной агитации. И, конечно, суд их поддержал. И кандидатуру бывшего главы сняли. А на пост мэра прорвался бесцеремонный конкурент, фотографии которого газета публиковала потом до десятка в каждом номере. Отвела мэру специальную колонку. А в юбилейном для города номере дала даже четырнадцать снимков. Постаралась реабилитироваться. И ничего. А он потом и редактора кинул. Больше одной фотографии Сталина даже центральные газеты не помещали. А этого господина пачками! И никакая комиссия, ни суд не пристебались. Все в нормах морали и лицемерия. Сейчас они правдами и не-

правдами сняли семь наших кандидатов. Остался один Колкин. И его всеми силами нужно удержать.

- И это их обещанная демократия, о которой кричат с каждого столба?

- Какая, к черту, демократия!

- Я ведь говорил, что мою кандидатуру не надо выдвигать, возраст большой, идет восьмой десяток, - возражал Максим Сергеевич. - Может, кто помоложе, и проскочил бы.

- Проскочишь у этих церберов, как же! Вылитые безбашенные исаевы. Вы, Максим Сергеич, самый авторитетный и уважаемый в городе человек. Уж если вас вышибут, то кого тогда выдвигать? У них ничего святого нет. Давайте еще больше усилим пропагандистскую работу и выполним намеченное.

- Да я не поднимаю вверх лапки. Не отказываюсь от выполнения решений собраний и заседания горкома. Хорошо понимаю важность момента. Но соперники же беспощадны, особенно с коммунистами. Хотя и других не щадят. Вот и недавно победили в краевой Думе справедливороссы. Хотели что-то полезное сделать для народа. Разработали дополнительный проект на присвоение звания Ветеран труда, хотя во многих регионах оно давно присваивалось. И стали присваивать бывшим заслуженным труженикам, обойденным в свое время властями, немного приплачивать за него старикам. И уважение к партии сразу выросло. Так не понравилось это партии власти. И денег жалко, хотя на свои нужды везут самосвалами. И председателя Думы законопатили куда следует. Мэра-справедливоросса вынудили скрыться за границей. А руководство партии не заступилось, - с сожалением констатировал Колкин.

- Наверно, их руководство, как и у либералов, подсадные утки. На словах за народ, на деле против. Голосуют за установку президента и правительства. Штрейкбрехеры, одним словом, - заговорили в зале.

- По-хорошему, можно было бы с ними объединиться, если они за народ. И Зюганов выдвигал им условия...

- За народ, который с миллионами в кармане! – понеслось из зала.

Предвыборный штаб коммунистов находился в пустующем больше, чем наполовину, помещении бывшего ЦНИИ шерсти. Его многолетний директор, кстати, доктор экономических наук Николай Константинович Тимошенко, был не только образованным и эрудированным человеком, но и хорошим руководителем, умело лавирующим между рифами и айсбергами рыночной экономики, потопившей десятки тысяч промышленных предприятий, колхозов, учреждений, институтов и других многочисленных заведений. Он никогда не кричал на подчиненных, был сдержан и учтив. И вместе с этим не боялся заступиться за человека в трудную минуту. Умел посочувствовать, пожалеть и был до конца предан немеркнувшей ленинской идее, как он считал. Не метался из угла в угол, как угорелый, когда запретили коммунистическую партию. В тяжелые 90-е не выходил из ее членов. Даже не боялся по этой причине потерять пост генерального директора института. И хотя его штат был немилосердно урезан высшими инстанциями, он не падал духом и убеждал подчиненных.

- В крае было семь миллионов овец, а теперь остались от них рожки да ножки. И нужно потерпеть, ведь России не впервой выгребать из сложных ситуаций. Будем искать темы для научных разработок не только в России, но и в бывших братских республиках, за границей. Как-нибудь переживем смутное время, - доходчиво и терпеливо объяснял он доверительным и негромким голосом. И подчиненные с ним соглашались. И даже оставались работать за половину или треть ставки. Ведь у каждого были дети и семьи.

Идеалом для Тимошенко являлся известный на весь мир ученый, лауреат Нобелевской премии Жорес Алферов, настоящий коммунист и патриот России.

У предвыборного штаба коммунистов было много работы. Нужно держать связь с головным штабом, администрацией

города, территориальными советами. Договариваться о проведении встреч избирателей с кандидатами. Выбивать помещения, обеспечивать явку слушателей и жильцов. Проводить встречи по месту жительства. Следить за политическими конкурентами, которым пальца в рот не клади – по плечо отхватят. И самое главное – разьяснять людям позиции коммунистов и их конкурентов. Необходимость возвращения в страну бывшего политического устройства. Ведь только коммунистическая формация может сделать жизнь народа счастливой и плодотворной. Возродить предприятия и колхозы, нормальное образование и здравоохранение, которым когда-то завидовал весь мир и учился у СССР.

Предвыборная гонка в сознании Колкина походила на беспощадный горный поток, выбраться из которого очень даже не просто. Но бывалый машинист не боялся потоков. Он вырос в кубанском селе, был крепким физически и устойчивым морально. Конечно, разобраться в тонкостях выборных технологий было нелегко. Возникали сотни каких-то непредвиденных обстоятельств. Появлялись десятки неизвестно откуда взявшихся агитаторов и доброхотов, которые раньше считались тише травы и ниже воды. Из которых и слова, бывало, не вытянешь. Но заплаченные рвущимися во власть олигархами и политическими проходимцами деньги, как допинг или наркотик, возбуждали неумелых ораторов. И они бесцеремонно драли глотки, обгаживали коммунистов и Советскую власть, которая их лечила, учила, давала работу и жилье. Награждала орденами, посылала в заграничные туристические поездки, причем за копейки, если не совсем бесплатно. Почему же память на сделанное им добро у этих людей оказалась короткой? Почему же они предали без оглядки все хорошее, чем было богато советское общество?

- Что случилось с людьми, будто зашорены? – дивился Почетный гражданин города.- Будто мозгами свихнулись! Не помнят добра? Сами себя толкают в пекло погибели, в сатанинский пожар? Чуть не бросаются в смертельную драку...

- Бросьте вы к черту это коллективное избиение вас и по-

зорище! – не раз в сердцах советовал ему Овчинников. – Я б такого не вынес – ходить по домам и подъездам, уговаривать каждого. Никогда не думал, что у нас окажется такой тупой и необразованный народ! Он не хочет себе добра, так зачем унижаться перед ним? А большевики привыкли цацкаться с ним, как с ребенком. Отвадили думать самостоятельно, чем и испортили его.

- Это демократы его затупили, сделали нищим. А нищий и голодный человек пойдет на любое предательство, - упорно не соглашался старший товарищ. – Вы не понимаете трагичности момента. Народу забили голову перестройкой и рынком, как наметили сионские мудрецы. И он стал заблудшей овцой. И ему только коммунисты помогут.

- Ну и терпеливый же вы... - подыскивал подходящее слово писатель.

- И твердолобый баран, что ли? Только бараны да дураки бывают твердолобыми, - с улыбкой помог ему Колкин.

- Агитатор и пропагандист, имел я в виду.

- И на том спасибо. Лучше пойдем на встречу во двор дома по улице Маяковского, 16.

И со временем Овчинников понял, что Максима Сергеевича невозможно разубедить и зомбировать. Видно, у него в крови и характере был заложен нестигаемый стержень справедливости и добра, честности и заботы о людях. И он, несмотря на преклонный возраст, показался литератору таким молодым и энергичным, которому многие современные молодые люди негодились и в подметки.

Он будет часами убеждать каждого человека, будь он интеллигентом или побирушкой, шерстяника и мукомола, встреченных в закубанском поселке, в правоте учения своей партии, ее чрезвычайной необходимости русским людям и государству. Отдаст последний рубль, последнюю рубаху, если кому-то они нужнее. Но отдаст как лицо добродетельное, а не как подлый покупатель избирательных голосов. Овчинников был уверен:

пусть Колкин даже проиграет выборы, а коммунисты их при таком безнадежном раскладе обязательно проиграют, он все равно не отречется от своих гуманных и справедливых убеждений.

- Да, это настоящий коммунист, которого не купишь никакими благами и взятками. Не переманишь на вражескую сторону. Не чета многим, в том числе и таким, как ты, правдоискатель-одиночка. Не ортодокс, а чистокровный партиец с большой буквы! – чистосердечно признался себе писатель Овчинников. – И пусть ему сопутствует удача, как и этим заблудшим агнцам, за счастье которых он рвет душу и кладет дорогое здоровье.

31

- К сожалению, мы проиграли, - вскоре после выборов говорил товарищам Максим Сергеевич. – Всего на двадцать голосов обошел меня соперник. Эти молодые негодяи пустили в ход несусветную ложь, ввали, что они сделали то, другое, третье для жителей. И обгаживали немилосердно конкурентов. А я ли не объяснял будущим избирателям, что за время мнимой демократии мы потеряли тридцать миллионов населения России. До полутора миллионов в год умирает россиян больше, чем рождается. На социальные нужды народа даже Латинская Америка тратит 64 процента бюджета, а Россия 15. На смех курам! Чиновников в трехсотмиллионном Союзе было 700 тысяч, а в 140-миллионной России – 1 миллион 900 тысяч. Вот сколько дармоедов содержит на своей шее народ! На госаппарат развитые страны тратят 11 процентов, наша страна – 42.

- А помните, что обещала «Единая Россия» в своем Манифесте 2002 года? – спросил писатель.

- Да. Обещала в 2004 году плату за тепло и электроэнергию сократить в два раза. В 2005-м каждый гражданин получит долю за использование природных ресурсов.

- А получили, как всегда, дулю, - вставил фразу Владимир

Иванович. – Как Ельцин начал брехать, так и продолжается.

- В 2006-м году у каждого будет работа по профессии. В 2008-м каждая семья будет иметь жилье, достойное третьего тысячелетия.

- Очень достойное, что дома рушатся от ветхости над головами жильцов, к чему и стремятся педросы, - вступил в разговор Рябчук.

- В том же году Чечня и Северный Кавказ станут курортной Меккой России, - долбил, как дятел, несостоявшийся депутат.

- А стали рассадником терроризма, бандитизма и безработицы! – цинично комментировали товарищи.

- В 2017-м году Россия будет лидером мировой экономики...

- Доврались до предела! Мозгов и совести совсем нет у правящей партии и правителей. Они многое обещают и к 30-му году, и к 50-му. Только вот жить-то в ту пору прекрасную, как говорил поэт Некрасов, никому из нас не придется. Бессовестная ложь и вранье.

- Спрашиваешь знакомых после выборов думцев и президента: за кого голосовал? За коммунистов, отвечают в один голос. А на деле получается, что проходят другие.

- Это подтасовка, разработанные Западом технологии. Всякие вишняковы, чуровы действуют без прищуря, глаголят в народе.

- Этак честным людям никогда не выиграть. Власть нужно брать старым проверенным методом. Опыт в этом у русских огромный. Никто не даст нам избавленья, ни бог, ни царь и ни герой, - справедливо говорилось в Интернационале. Народ это выстрадал и заслужил за многие века рабства и бесчеловечной эксплуатации. А теперь снова совать голову в ласковую петлю капитализма?

- А новые жертвы?

- А разве не жертвы ежегодная потеря миллионов людей от нервных потрясений, переживаний, унижений, безработицы,

нищеты и разбоя, которые устроили своему, то есть нашему народу, эти деятели, что узурпировали власть и награбили денег?

- Все видели, как наши соперники приводили и привозили в личных машинах, не боясь заразиться, автобусах на избирательные участки бомжей и пьяниц, как неводом выловленных в заброшенных общежитиях, подвалах, теплотрассах! – с горечью произнес потерпевший незаслуженное поражение Колкин. – И купили за бутылку водки бомжей, за пакет лапши немощных стариков и инвалидов, которых они презрительно называют быдлами! Господи, что же будет с Россией?..

- Это вам благодарность народа за то, что вы помогали всему поселку и добивались вывоза мусора, ремонта дорог, устраивали стариков в больницу, помогали материально и сочувствовали бедным. Выпустили за свой счет книжку о давно развалившейся при помощи демократов мельнице, чтобы вспомнили былые славные дела коллектива, имена ветеранов, ушедших в историю! – с упреком высказал писатель. – И это вас, сегодняшнего Иисуса Христа, дико прокатали по кочкам и подвели. Такие вот и предали настоящего Христа и отвели на Голгофу.

- Зачем подобные параллели? – не согласился скромный Максим Сергеевич.

- А зачем такие жертвы? Что-то упускаете вы в работе, уважаемые товарищи коммунисты! Делаете примитивно и по старинке.

- Тогда не стой в стороне. Возвращайся в наши ряды, и мы тебя на первом же собрании восстановим, - в один голос с воодушевлением заявили Рябчук и Колкин.- Нам такие очень нужны.

- Не вы первые. Меня и единокороссы звали, и справедливороссы с либералами. Но я не хочу ни от кого зависеть, ведь писатель – это одинокий волк. И его партия и лучший друг – литература. И если он, конечно, честный писатель и порядочный человек, то может принести пользы для Отчизны и народа значительно больше, чем сотня рядовых членов. И этим его ок-

ружающим надо дорожить. Беречь творческого человека, его индивидуальность и развивать дальше способности. Недаром декабристы не принимали в свое общество Пушкина. Берегли для великих дел. Я, конечно, не Пушкин, но и вы не декабристы. И я в таком возрасте не хочу тратить драгоценное время на собрания, текучку, выполнение мелочных поручений, от которых вы меня не освободите, хождение по дворам с агитацией, ибо создан для другого, для чего мне и дан Всевышним талант. Выслушивать бредни таких партийных секретарей, как у нас на железнодорожном узле была Софья Натановна Расшибей. Однажды мы утверждали на совместном с профкомом заседании бюро кандидатов на поездку за границу по туристической путевке. Попалась одна семья. Члены бюро одобрили кандидатуры, а она высказала свое нетленное мнение: мужу разрешить поездку, а супруге нет!

- Как так? – возмутились мы.

- Мы ее плохо знаем.

- Зато его хорошо знаем! Что они убегут за границу, оставив тут своих детей?

- Ну, это частно-бытовой и не характерный случай, - возразил Рябчук.

- Она и в партийном строительстве не блистала умом, и в производственных вопросах Зато умела понравиться горкому, за что и избрали членом бюро. Ради портфеля поддакнуть секретарям, подкрякнуть, где нужно. А когда партию прикрыли на производствах, сумела перекраситься. Предать всех и всё святое, что совсем недавно так рьяно отстаивала с пеной у рта. И снова оказалась на коне. Эта чиновница не мыслила себя без высокой должности. Уж лучше умереть, чем не болтаться наверху, как дерьмо в проруби.

- Ну, таких же единицы из тысячи.

- Согласен. Везде есть приспособленцы, наглядный пример тому – правящая партия, в которую и перескочили эти партийные перевертыши. Они теперь и обделывают дерьмом сво-

их бывших соратников и вождей. Это откровенные предатели и проститутки. Я не предавал интересов и идеологии коммунистов и партии. Более того – поддерживаю ее, ибо другой такой партии, которая бы твердо стояла за трудовой народ и родное Отечество, пока и на горизонте не видно. Но есть замечательное понятие – патриот своей Родины, своего многострадального народа. У патриотов не проводятся собрания, не берутся партийные взносы, не выдаются поручения и материальные блага. Они не просят зарплат и поощрений, доходных должностей и мягких кресел под свою недворянскую задницу. Они обходятся обществу бесплатно. Зато действуют, как им подскажут ум, совесть и сердце. А они у патриотов светлые, как горный ручей. И их очень много, ведь когда-то в партии были двадцать миллионов человек. Но партию незаслуженно обгадили безбашенные политики. И теперь не каждый из бывших готов разделить с ней судьбу. Но дух-то в них остался партийный. И вот в патриотах они нашли бы себе подходящее место, только надо сделать на них упор. Оценить. Вселить веру. Вовлечь в работу. Да ведь и вы, коммунисты, не меньше нас патриоты. Мы испечены из одного теста.

- Ты нас не агитируй и не разлагай дисциплину, - терпеливо выслушав тираду разгоряченного литератора, серьезно сказал Василий Семенович, тоже словесный боец, каких мало. Но он ценил и щадил Владимира Ивановича. И знал, что тот тверд в своих убеждениях. Не предаст того, чему и кому дал свое слово.

- Ну и маста-ак, далеко бы пошел при определенном стечении обстоятельств, - не то в шутку, не то всерьез заметил Почетный гражданин. – Но что-то есть в его словах, как ты думаешь, товарищ секретарь? Ведь мы делаем одно дело. И разве плохо, когда люди понимают друг друга? В Бога, думается, верует большинство землян, но не каждый в этом признается и хочет попасть под влияние попов и церкви – опиума народа. И верует по-своему, как ему удобнее. Вот и патриоты любят Родину по-

своему. А почему все мы должны любить ее одинаково? И их целая армия. А вместе с нами и подобными партиями – непобедимый фронт!

- Вот так вас и перетягивают на свою сторону, - тоже не то в шутку, не то всерьез с улыбкой ответил Рябчук.

- Никто и никого не перетянул. Да и мы по одной стороне ходим, - миролюбиво возразил Колкин. – Все равно этих бандюг надо вышибать. А совместно и батьку бить легче.

* * *

Одним солнечным утром Овчинников поехал в паспортный стол городского Отдела внутренних дел, который занимал солидную территорию и со всех четырех сторон отгородился высокими зданиями, имел обширный двор, закрытый от внешнего мира мощными железными заборами и воротами, которые охранялись автоматчиками. Окна первого этажа были зарешечены. А на входе сидели охранники с автоматами Калашникова, будто боялись нападения населения или каких-то предполагаемых банд. И территория ОВД походила на неприступную крепость.

- Небось, гранатометы и минометы на всякий случай приготовлены, - не без ехидства проговорил литератор. – И полиция фабричного поселка сидит за закрытой на засов железной дверью. Зря Маяковский их хвалил: «Моя милиция меня бережёт». Сама себя бережет, позабыв про население, за чей счет живет. А раньше Иван Ильич Цындриин один со всей закубанской частью справлялся без проблем. Его жулики и хулиганы типа покойного Сашки-Партизана боялись, словно огня. Также и его преемника Анатолия Ронина, о которых я писал в свое время хвалебные очерки. Теперь, как утверждает Полторанин, власти борются не с внешними врагами – что может сделать армия численностью в миллион человек и с разбитой допотопной техникой, - а с населением? Уже полиции больше армии. Да всяких Омонов, Собров, охранников, прокуратур, эМЧезСни-

ков, других служб доходит до шести миллионов. Для чего такая армия дармоедов, для умирения собственного народа? Видать, про них пел Высоцкий: «До чего вы, суки, дожили!»

Все проезды, проходы вокруг УВД были плотно заняты личными автомобилями сотрудников, в основном иномарками. И он долго искал, но не нашел места для парковки. Попробовал стать у окошка для передач посылок заключенным, но места не хватило, и багажник выдавался на узкую проезжую часть, занятую с обеих сторон машинами. Владимир Иванович осторожно сдвинулся немного назад, чтобы вывернуть и никого не зацепить. Он бы уловил даже легкое прикосновение или звук. И тут же тронулся вперед искать место на соседних улицах. И нашел его аж возле школьного двора совсем на другой улице. Через два квартала.

Сходив по своим делам, он уже возвращался к своей старенькой «Ладе», верно служившей ему третий десяток лет. И тут заметил направившегося к ней полицейского офицера. Тот стал осматривать ее спереди. Щупал буфер и предохранительные резиновые угольники. Крылья.

- Твоя, дед, колымага? – с неприязнью обратился невысокий молодой подполковник.

- Моя, а в чем дело? – забеспокоился хозяин.

- Помял мою машину и скрылся с места происшествия. На полтора года лишишься за это прав или отсидишь полтора месяца в заключении.

- Никакой аварии я не делал, - обескуражено проговорил Овчинников. – За двадцать с лишним лет ни одной.

Внешний вид у его машины был на самом деле хороший. Да и движок работал, как часы. Он ездил очень бережно. И сейчас на ней не нашли и малейших следов аварии.

- Свидетели там тебя видели. И камера слежения записала момент наезда на мою машину,- зловеще каркал, как ворон, подполковник, блестя на солнце красным околышем профессиональной фуражки, в которой показался старому охотнику похожим на косача. – Документы на машину и личный паспорт есть? Давай.

- Как я мог наехать передом, когда двигался задом? – размышлял Овчинников, от неожиданности поначалу испугавшийся такого непредвиденного случая и оборота дела. Даже в руках и теле почувствовал легкую дрожь, ведь так до инфаркта могут довести эти держиморды. А тот словесно накатывал и накатывал на старика, видимо, стараясь психологически сбить с панталыку и насмерть перепугать. А там еще и к врачам повезут на предмет выпивки.

- Пойдем ко мне! – забрав документы, повел он в отделение. Позвонил в металлическую дверь, ему отворил дежурный с автоматом на груди. Открыл и турникет.

Офицер подвел его к двери кабинета на третьем этаже, где на табличке было написано: «Заместитель начальника уголовного розыска».

- Ни хрена себе – сказал я себе! – от очередной неожиданности прошептал в конец растерявшийся автолюбитель. – Да этот кого хочешь, законопатит и пришьет не только аварию, но и мокрое дело. А на вторые сутки на след напали суки, на след напали суки и нашли! И завязали суки и ноги мне, и руки. Как падаль, по земле поволокли! – вновь вспомнилась известная песня Высоцкого.

Хозяин кабинета, забыв предложить пожилому человеку стул, чинно устроился в служебном кресле, с подозрением введливым взглядом изучал паспорт Овчинникова, водительские права, документы на машину, которые из его цепких рук уже будет трудно вырвать. «Руссишь культуришь!» - Владимир Иванович вспомнил метельковский анекдот и с неприязнью посмотрел на этого далеко не богатырского сложения полицейского чиновника. В свое время он, как говорится, вертел и лупил таких хамов и самонадеянных деятелей. Одним длинным ударом вышиб бы от обиды и оскорбления помороки из этого изобретательного и наглого враля. Но ни в коем случае нельзя. Мент при исполнении, хотя и решал личный вопрос И тут уж они упрячут его до конца дней жизни. Да и как-то не с руки

известному писателю, инженеру человеческих душ, как мальчишке, махать кулаками.

И от этих крамольных мыслей старик даже начал постепенно успокаиваться, ведь не убийца он и не вор, и стал приходить в себя, трезво оценивать обстановку. И когда полицейский начал кому-то названивать, обсуждать со знающими и подчиненными людьми ситуацию и попросил его очистить помещение и подождать в коридоре, он вышел с облегчением, долго ходил, рассматривал таблички на соседних дверях и все больше убеждался в своей правоте. Вон сколько стало тут дармоедов – сотни! И все хотя, как и новая власть, жить всласть. Ездить на таких же «Фордах», как этот подполковник. А они, небось, стоят целые миллионы, мрачно рассуждал литератор. Вот эти без чести и совести и стригут попавшихся под горячую руку людей, как мериносовых овец, отхватывая вместе с ушами и ногами. А преступность в стране растет, словно на дрожжах.

Через полчаса появился подвижный невысокий лейтенант-автоинспектор. Они повели его к месту происшествия и стали обрабатывать вдвоем, то и дело повторяясь.

- Тебя лишат водительских прав. Наложат штраф. И ты останешься без колес, то есть без машины! Тебе это надо, честно признайся? – как пьяные дятлы, долбили они.

А писателю в самом деле нельзя без колес. Нужно ездить на встречи с читателями, школьниками, героями будущих книг. На дачу, которая хоть чуть-чуть помогает кормиться их несколькими семьям. Да и не будут же топтать пешком в такую даль старики! И зарастет она чертополохом, что сами не узнают свое детище. Нет, никак нельзя ему оставаться без прав, без транспорта. Но ведь и не докажешь им свою невиновность, коль они ни за какие пироги не хотят ее признавать. Даже если подашь в суд, то потеряешь кучу драгоценного времени. А для тебя время – ненаписанные книги. Да и собака собаку не ест. Только инфаркт заработаешь. Уж лучше отдай, что просят. Он полез в карманы, нашел несколько бумажек.

- Возьмите вот полторы тысячи, больше нет. Ваш погнутый номер стоит в десять раз дешевле.

- Ты чо, дед, с Эльбруса рухнул? Номер этот дорогой! – не соглашались те.

- Золотой, что ли? Ведь только номерной знак погнут. Да и как я его мог погнуть, если б даже и зацепил, ведь он находится в нише? И больше ничего не тронул? И почему на моей машине не осталось следов?

- Умудрился как-то. Ну и хитрый ты, дед. Еще и бампер задел.

- Где задел, покажите?

Автоинспектор достал какие-то инструменты, начал замерять расстояние от проезжей части и почему-то даже от дальнего бордюра, высоту, на которой установлен номерной знак, писать протокол, униженно заставляя Овчинникова подписать его, который сразу подумал, что ему морочат голову.

Недалеко от них давно стояла председатель их дачного кооператива Галина Николаевна Дудка. Она могла стать свидетелем, что Владимир Иванович не совершал наезда, решил он. Но кто в наше ералашное время согласится таскаться по судам?

- В чем дело, Владимир Иваныч? – подошла и спросила она.

- Говорят, что наехал на машину и помял им номер.

- Ничего он не мял. Я тут нахожусь давно и увидела бы, - заступилась бойкая женщина. – Это же заслуженный человек, наша гордость, писатель!

- Писатель? – удивились те. – Тогда почему на такой захудалой машине ездит?

- Вы думаете, писатели нынче гребут деньги лопатой, как некоторые чиновники в погонах? – спросил он сердито.

- Нечего считать деньги в чужих карманах...

Инспектор велел ему ехать в городскую ГИБДД, которая находилась на Пятигорском шоссе, где заставил писать объяснительную и еще чего-то. Овчинников достал дешевенький мо-

бильник и позвонил кому-то, объясняя ситуацию.

- Ни в коем случае не признавайся, что ты наехал. Не подписывай ксивы. Пусть докажут в суде, - посоветовал слушатель.

- Я и не признаюсь. Но пока суд да дело, останусь без прав и машины, - ответил Владимир Иванович.

- Кому вы звонили? – предусмотрительно назвал его на «вы» гаишник.

- Другу, директору гостиницы.

- А-а, - сразу смекнул тот и продолжил извинительным тоном. – Вы не обижайтесь на меня, я всего лишь гаишный клерк, выполняю свою не очень веселую работу, - сразу заканючил страж шоссейных дорог. Видать, понял, с кем имеет дело. Этот директор давал отпор многим силовикам. И вокруг него было много прилипал, в том числе из силовых структур, которые кормились от его щедрых даров. И связываться с ним, значит, сделать только хуже себе. – Пойдемте на третий этаж. Там нужные люди решат вашу судьбу, - чтобы быстрее избавиться от такого клиента, потащил его полицейский.

Кабинет по коридору находился с правой стороны. Но чтобы войти в этот коридор, нужно было нажать специальную кнопку и позвонить. Только после открытия невидимого запора можно войти в очередную железную дверь и продолжить путь. И таких кнопок с первого по третий этаж стояло две или три, не считая входной в помещение ГИБДД. Очевидно, и тут боялись народной расправы, мрачно подумал литератор и про себя усмехнулся. Как же им, бедным, трудно и невыносимо опасно!

В полутемном кабинете сидели за компьютерами два лейтенанта или старших лейтенанта. Их звания по звездочкам на погонах было трудно различить подслеповатому старику. Тот, что находился слева, взял с места в карьер и безапелляционно заявил:

- Рассказывай, дед, как было дело, как покушался на командирский состав нашей доблестной полиции? Как смылся с

места происшествия? Знаешь, что за это положено? Суд, лишение прав на полтора года или заключение на полтора месяца под стражу, - помявшись, сообщил он.

- Ну и шуточки у вас! Кому нужна ваша полиция, она сама покусится на любого невинного гражданина, - недовольно проворчал Овчинников, присаживаясь у стены.

- Но можно найти и приемлемый вариант, - вполголоса доверительно продолжил тот.

- Чтобы овцы были целы и волки сыты? – съязвил Владимир Иванович, поведя недовольным взглядом. – Да уж лучше заключение. Отволоку по-стариковски срок, как у вас выражаются, чем платить такие деньги. Может, и паханом стану. У меня есть полторы штуки, и я готов их отдать, ведь номерной знак не стоит таких денег. И мент обещал затраты на ремонт получить за счет страховки ОСАГО, как и положено по закону. Зачем мы тогда страхуем транспорт, платим каждый год бешеные деньги? Чтобы содержать лишних нахлебников? Или он не хозяин своего слова?

- Этот особый номер, дорогой. Мы вот тут обговорили с потерпевшим и специалистами. В общем, пять тысяч гони, и мы в расчете...

- Да ведь это половина моей пенсии! – ужаснулся ответчик. И как ни пытался, ни уговаривал чиновника, пришлось ехать домой за деньгами, хорошо хоть пенсию получили вчера. – Не зря вас называют ментами погаными.

- Ты, старик, потише на поворотах, а то ведь еще придется за оскорбление отвечать, - пригрозил ему лейтенант.

Анна Пантелеевна встретила его тревожным взглядом и спросила:

- Что случилось?

- Да вот, говорят, в аварию угодил. Откупаться надо. Пять кусков требуют, - объяснил он ей коротко.

- Лучше отдай, чем разводить споры с таким дерьмом – ментами. Сам в дерьме вымажешься. А мы уж как-нибудь про-

тянем до пенсии. Овощами с дачи покормимся, - со слезами на глазах посоветовала супруга и отвернулась, чтобы не показать свою старческую слабость, не зарыдать.

После отдачи денег полицейский на радостях, что выполнил не совсем обычное поручение старшего по званию начальника, чуть не обнимал Овчинникова. Старался показаться добрым и приветливым, будто приходился родственником. Правда, фамилии своей не назвал, когда его спросил ветеран, как будто при желании литератор ее не узнает.

- Мы очень добрые, и ты ездил, дед, на здоровье. Только не лихачь. Видишь, за силовыми органами и судом всегда последнее слово.

- Вы - добрые уголовники, с которыми сами призваны бороться. Нет, господин полицейский, последнее слово будет не за уголовниками и судом, а за писателем. Поэтому и писатели нынче не в почете у властей. Да уж как-нибудь перебьемся, пока наша народная власть не вернется.

Вскоре, встретив товарища, Колкин с интересом спросил:

- А что там случилось с вами в милиции? Уже весь город возмущается.

И Овчинников, будто ему наступили на больной мозоль, рассказал без утайки.

- Фамилию подполковника помните?

- Кажется, Кузин или Лузин. Вроде так на дверях кабинета написано. Не больно они открывают свои фамилии, боятся, будто шпионы. Видно, знает кошка, чье мясо съела.

- Это не его ли отца мы устраивали в линейное управление газопроводов? Сжалились и выделили квартиру, они ведь беженцы из Чечни. Этот его сынок-мент, наверно, тысяч семьдесят огребают зарплаты? И все мало! Надо еще и со стариков сдирать шкуру! И за то, что их тут приютили, они нас отблагодарили!

- Вот оно что! И этот мент вместо того, чтобы русских людей защищать в разбойной Чечне, рванул спасать свою шкуру

на Ставрополье! А мой сын четыре с половиной года вместо него проливал там кровь! Рисковал жизнью, мог оставить сиротами детей! Хоро-ош полицейский. Блюститель порядка из правящей партии...

- Я обязательно разберусь в этом. Нельзя прощать таких подонков. Приглашу на встречу отца. Пусть воспитывает, если вовремя не воспитал. И мы все решим. Пусть полицейское руководство узнает и сделает выводы.

Писателю было как-то неудобно отвлекать от дел такого серьезного и большого человека, доктора наук, профессора. Он прекрасно видел, как истинно Почетный гражданин города неподдельно и горячо переживал за него всем сердцем, как, впрочем, и за любого другого. Хотел помочь восстановить справедливость и защитить. И с горечью подумал: «Нынче трудно найти таких. Он поистине Христос наших дней...»

32

- В России за все ее существование, наверно, не было такого форменного беспредела, неоправданных убийств, воровства, разбоя, казнокрадства, техногенных катастроф, какие, как чума, налетели на русский народ и территорию государства и все нещадно уничтожают! – с болью в сердце и дрожью в голове говорил отчаявшийся Овчинников, то и дело потирая грудь в его области. - Видно, и сам Господь от нас отвернулся, когда-то помогший выстоять против царских генералов, иностранной интервенции и гитлеровского фашизма. И позволивший построить в отдельно взятой стране социализм. Значит, посчитал его приемлемым для России и простого народа, работяг. Спасительным в деле выживания в волчьем стаде капитализма.

- А как иначе, ведь Христовы заповеди, можно сказать, совпадают с заповедями-идеалами строителей коммунизма! – горячо поддерживал его Почетный гражданин города и ветеран стальных магистралей Колкин. – После войн, разрухи, голода

менее, чем за две первых пятилетки, почти вручную воздвигли девять тысяч огромных предприятий типа Магнитки, Днепрогэса, Уралмаша. Десятки тысяч колхозов, деревень, школ, институтов, больниц, дворцов культуры. Мы первыми в мире после войны отменили карточную систему, вышли в космос. А демократами и единосроссами за два десятилетия разрушено и закрыто 72 тысячи промышленных предприятий, миллионы людей оставлены без работы. Посажены на мель военная промышленность и боеспособность армии. Свертывается сельское хозяйство, составляющее в структуре ВВП лишь 4,4 процента. Свыше 41 миллиона гектаров пашни брошены, зарастают сорняками и чертополохом. Такая у нас чертополоховая власть, не зря чижиками дразнят. Деревни исчезают тысячами. А ведь там был лучший людской генофонд. Варварски разрушена инфраструктура села. Закрыты 14 тысяч школ, 16 тысяч клубов, 4 тысячи библиотек. Разве это не вредительство со стороны верховной власти и ее сподвижников? Хочешь – не хочешь, но как это можно назвать по-другому?

- Недаром по рейтингу ООН Россия скатилась на 53-е место по уровню образования и на 120 по уровню медицины! По продолжительности жизни Россия занимает лишь 97-е место в мире! – с негодованием констатировал литератор.

- Почему же мы не дуем во все трубы возмущения? Не даем по шапке таким партиям и вражьим правителям? Ждем, когда нас всех до одного изведут, а сами со спокойной душой и чувством выполненного долга подадутся в пресловутый Золотой миллиард с гордостью за уничтожение матушки России? В конце концов, мы люди или на самом деле быдлы, не думающие о своих детях, нации и своем будущем? – все чаще раздавались вопросы возмущения и негодования обнищавшего народа в транспорте, магазинах, подъездах, на рынках. – Почему не даем отпор узурпаторам? Не восстанем против этих жуликов и хриstopродавцев?

- Восстанешь, как же?- не соглашались циники. – Сейчас

пройти по улице без разрешения не дают, сразу Омон заберет и срок пришьют. Сдавили горло удавкой. Еще почище ненавистного царизма станет!

Овчинников тоже не раз задавал себе подобные вопросы. Выступал с газетными статьями и книгами. Казалось, делал все, чтобы открыть людям глаза, чтобы они поняли, что стоят на самом краю бездонной пропасти. Но с душевным страхом понимал, что его не слышат. И, вопреки здравому смыслу, не хотят слышать, будто зазомбированы. Нет, он не призывал к вооруженному перевороту, расстрелу Белого Дома, как это сделали в 90-х годах демократы, которых даже не привлекли к ответу за многочисленные невинные жертвы. А лишь призывал к тому, чтобы разобрались, что к чему. Активно ходили на выборы и голосовали за тех кандидатов, которые стоят горой за народ, за подъем его материального благосостояния и экономической мощи государства. И не покупались за бутылку водки или пачку лапши, которую им дельцы вешали на уши.

Что касается самого писателя, то он бы не пожалел своей скромной жизни и положил ее на алтарь победы униженного трудового народа. Готов был идти на баррикады, если от него там будет хоть какая-то польза, и без сожаления отдать эту жизнь. Кто-то же должен это сделать! Тогда почему не он? Но звать на баррикады и погибель других, на новую революцию и новые жертвы писатель-гуманист не мог. Хотя помнил статью Ленина о партийности литературы и не поддерживал и высказывание уважаемого классика Достоевского, который не очень жаловал революции и ставил их дешевле слезы ребенка. Но великий прозаик в конце 20-го – начале 21-го веков не жил. Не видел нечеловеческих условий, в которые было загнано большинство народов прошлой и современной России. Не видел детских жертв и сиротства, принесенных неоправданным переворотом 90-х. Да и Федор Михайлович был хотя и из небогатых, но дворян. А дворянин крестьянину и рабочему не товарищ, как гусь свинье.

Овчинников же происходил из рабоче-крестьянской и казачьей породы, которая за несколько столетий насмотрелась и натерпелась такой несправедливости и унижений, что он даже ни секунды не сомневался в правоте и торжестве родного ему рабочего класса. И был уверен, что каждый грешный должен знать и помнить о своем происхождении. Ведь почему-то даже самые захудалые отпрыски дворян не только помнят об этом, но и кичатся этим. А все остальные варианты считал подлым предательством интересов трудящихся.

День и ночь он нередко проводил в душевных мучениях. Безжалостно напрягал голову и думал, как выйти из этого жестокого положения? Как помочь обществу и отделить котлеты от мух, ведь теперь только бедный и честный до глупости не гордится своим происхождением. Появились миллионеры, дворяне, банкиры, потомственные режиссеры, певцы и проститутки, художники и доктора, картежные шулера, сводники и гадалки, футболисты и киллеры. И только самый необходимый для производства материальных ценностей класс где-то затерялся в иерархиях сотен профессий и незначительных специальностей. А ведь совсем недавно на первом месте стоял создатель материальных ценностей, несомненный кормилец народа! А на втором - талантливый человек творческой профессии, писатель, художник, композитор. И где-то только в конце оставалось место для чиновника! Что же случилось с мозгами кормильца? Почему Его Величество Трудящийся Народ так опустился и дал себя снова зануздать бездельникам и сладкоежкам? Стал пониженьки выпрашивать у них самим же им заработанный кусок хлеба?

Как помочь людям, своим детям и любимым внукам вырваться из этого жестокого мира несправедливости, бедности и безумия, в который затянули народ политики? Причем политики не только России, но и других стран. Той же хваленной Франции, где, по слухам, прозябает его старший внук Женька, которого разведенная мать больше десяти лет назад увезла в поисках лучшей

доли в капиталистическое процветание. Очевидно, думала, что ее встретят там по-русски с распростертыми объятьями, шаньгами, красной икрой, роскошью и несметным богатством. Но сказочки бывают только в книжках. В том числе у бывшего свекра Овчинникова, который создает не только романы, но и легенды со сказками, правда, называя вещи своими именами.

По признанию эмигрантов, порядочных людей и богатых аристократов там для бедных русских соломенных вдов не нашлось. И пришлось этим вдовушкам против своей воли рожать детей в поту лица своего, чтобы хотя бы временно добиться социальной помощи и жилья, которого в России вообще не дождешься. Но детей уже из этой очень «демократической республики» не вывезешь. Они стали собственностью члена НАТО. То есть нашими врагами. За эти годы эмигранты не могли ни разу приехать на родину в гости. А лишь стирали обделанные детьми пеленки и грязное белье, как пушкинская старуха в сказке о рыбаке и золотой рыбке. Поистине: за морем телушка – полушка, да рубль перевоз. Так получается и у русских бедолаг, которых политические дельцы оставили без родины. Они там будут всю жизнь чужими и кусать свои локти.

И Овчинников был уверен, что счастье нужно искать не в чужой стране, а строить в своей собственной, как это делали революционеры и большевики. Причем самому, не надеясь на других и их обещания. Ведь никто не даст нам избавленья...

И он напряженно думал до боли в висках. Искал в многочисленных книгах, газетах приемлемый выход. Но, к несчастью, не находил. И вдруг ему пришла новая мысль – подключить к этому писателей России, которые самой судьбой и божественным назначением обязаны быть со своим народом. Заступаться за него, не щадя своей жизни. Ведь писатель – чистильщик людских нравов и уставших душ! Как волк – санитар леса.

Ну, на кого еще положиться? Церковь, получив от правительства свои дивиденды и выгоды, ему и поет осанну. И позоляет целовать крест.

- Зачем нашему городу со стотысячным населением строить десяток храмов и содержать попов, от чего мы не стали лучше жить? – рассуждал Владимир Иванович. - Чтобы бедный народ обирать? И доить жуликов-богачей, которые норовят за грехи откупиться деньгами от Господа Бога? Я не против Бога и верую в него. Но зачем мне лишние посредники, чтобы жировали на шее прихожан? Лучше бы помогли беднякам...

А вот трое ветеранов труда организовали Городское общество защиты прав пациентов: бывший комсомольский секретарь Всесоюзной стройки – химического комбината – Геннадий Васильевич Стрижаков. Иван Никитович Тумарцов и общепризнанный любимец города Колкин. Видно, не зря им в свое время присвоили звание Почетного гражданина города. Они меня и сагитировали тоже на доброе дело – написать книгу о медиках. Вот бы так каждый вносил посильный вклад в общее дело. Но сейчас не до попов, - вернулся он к прежней мысли. - Надо с простым народом и правителями разобраться...

И прозаик сел за свой рабочий стол. И полились, как из рога изобилия, буква за буквой, образуя длинные строчки, как муравьи испуганно разбегающиеся по белой бумаге, и целые абзацы, постепенно наполняющиеся смыслом.

Обращение к писателям России

ХВАТИТ БЫТЬ МЕЖДОМЕТИЕМ

Много лет задаю себе вопрос: почему «эти» упорно отлучают писателей от литературной деятельности, политического и издательского процесса? Ведь еще несколько десятилетий назад мы справедливо считались инженерами человеческих душ, участвовали в воспитании молодежи, подъеме культуры и образования, призывали своими произведениями самоотверженно любить Родину и в трудную минуту не жалеть себя на

защите ее рубежей. Не случайно творческие люди в обществе считались вторыми после создателей материальных ценностей, то есть трудящихся, опережая управленцев, политиков и прочих политических трескунов.

Звание «писатель» так же, как «учитель», «доктор», считалось почти святым в народе, поэтому он и шел к литераторам за помощью и советом. Учился у них, сверял по ним свои мысли и поступки. Спросить их совета не гнушались ни цари-императоры, ни генсеки. И всячески помогали. И прозаики, поэты, драматурги старались не ударить в грязь лицом, выдать «на-гора» высокохудожественные произведения.

И вдруг после «демократического» переворота все изменилось до наоборот. Бюджетную писательскую организацию закрыли. Сделали ее общественной. Подчинили региональным отделам культуры, у которых своя неизбывная боль – не на что содержать клубы и библиотеки. И они нужны друг другу, как мертвому припарка.

Разве писателям с так называемыми «демократами» и преобразованиями не по пути? Или «они» поняли, что преобладающее большинство литературных творцов, в чьей среде провели литературный переворот, абсолютно не поддерживает их и к нововведениям, как и большинство граждан, относится с ненавистью, ибо прекрасно видит, что случилось с народом и страной. И литература стала не нужна архитекторам перестройки, ибо может вякнуть что-то лишнее, наставить обреченный на нищенство и вымирание народ на путь праведный. Кому же нужны правдолюбы и несогласенцы? Уничтожить в зародыше, пока в суматохе не встали крепко на ноги. Ату их! А тем, кто с нами, сделать жизнь в шоколаде. Противники же рынка пусть выгребают сами. Вот и «выгребаем».

Последний раз за счет государства я, член Союза писателей с 1982 года, издался в 1991-м. Увидев мою книгу, тогдашний редактор «Литературной России» Э. Сафонов искренне удивился:

- Почему тираж всего 3000 экземпляров?

Наивные, мы оба даже не подозревали, что вскоре такой тираж покажется заоблачным, тем более писателям из глубинки!

С тех пор я выпустил еще более 20 книг, в том числе 7 романов, за них платили или спонсоры, которых с годами уже невозможно найти, или я из своей пенсии, которую за 40 с лишним лет заработал на производстве. Вот и за два последних романа выложил из своих гробовых. А тираж их мультивысокий – аж по 100 экземпляров каждый. Правда, из этого числа издатели отнимают по 21 экземпляру для посылки в Книжную палату, центральные и местные библиотеки. То есть мой многолетний труд и издание диологии, на которую была хорошая пресса, совершенно не оплачены, хотя работа делалась для государства. А уж хоронить будут писателя – в чем Бог пошлет, ведь мне отстукивает 8-й десяток.

В издании литературы надеяться не на кого. Спонсоры уже смотрят, как на врага народа. Да и не стало свободных денег даже у газовиков, которым Газпром решил отпускать средства только на конторские скрепки. И его можно понять: сколько на его шее сидит дармоедов-политиков, футболистов, певцов и прочих «самых необходимых государству», без которых оно завянет. А о других и говорить нечего – сами с хлеба на квас перебиваются. И зарплату платят рабочим по 4 – 5 тысяч, хотя средняя по России почему-то выходит под 30. Откуда это? Значит, начальство, чиновники, депутаты получают баснословно? Строят за счет народа дворцы и покупают острова, вытирая об него ноги.

Затепилась, было, надежда издать небольшую книжонку легенд за счет Краевого министерства культуры. Да лопнула она мыльным пузырем. Больше 10 лет талдычу на каждом писательском собрании, чтобы на Ставрополье, как в Орле, Кемерове, членам Союза писателей выплачивали пособие по 5 – 6 тысяч рублей, которые можно направить на издание литерату-

ры. Даже в разгромленной Абхазии его выдают. Да вот руководители культуры не держатся долго на своих местах.

Кто-то может упрекнуть, мол, есть литературные премии. Только, живя за тридевять земель от столицы, попробуй их получи. Губернаторской-то не добьешься, ибо ее распределяют такие «знатоки литературы», перед которыми надо прогибаться. И у них свои амбиции и любимцы. А если ты еще выступишь с критикой на собраниях или в газетах, то вообще сливай воду, хотя далеко не самый последний из местных «классиков», и тебе за свои произведения не стыдно.

Ну ладно я, чей век уже измерен. Но ведь в таком аморфном состоянии находятся почти все авторы и литература России, некогда самой читающей и образованной страны, руководству которой они не нужны, как и промышленные предприятия, колхозы, учреждения, от которых они руками и ногами отбиваются, боятся, как черт ладана. Поэтому, на мой взгляд, за что ни возьмутся – везде прокол. Хотя бы за тот же переход на летнее время.

И их мнимые проекты на деле оказываются показухой и обещанием на десятилетия вперед, когда рак на горе свистнет. Так они «подняли» промышленность, сельское хозяйство, медицину, деторождаемость, провели модернизацию-воровизацию, в смысле развели воровские шайки не только среди мелких чиновников, но и в Министерстве обороны, космической отрасли, которая до того домодернизировалась, что космические аппараты делают в гаражах, выбрасывая на ветер и разворовывая астрономические миллиарды. Среди работников прокуратуры и МВД, других силовых структур. «Приехали, девочки!»- только и скажешь.

Кому же верить, когда опаскудили и опустили самое святое – защиту родного Отечества! Зачем нам такая страна и такая власть? Даже ее ярый пропагандист и правая рука узурпатора Ельцина М. Полторанин отрекся от их нечеловеческой идеи – разрушить СССР и Россию. И выступил с разгромной

критикой в книге «Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса». По ведал, как и с какой целью разграбили и распродали за понюшку табаку вторую в мире страну. Даже весь стратегический уран – 500 тонн – сплавил США. Зачем и чем нам вооружаться, лучше элитную мебель, апартаменты и сотню колец с дорогими бульжниками подарить своим профурсеткам, чем оборонять детей, население и богатства страны?

А ведь Полторанин предупреждал: «Не с бухты-баракхты лёг на общинную Россию ельцинский олигархат – бесчеловеческая людоедская система. Лёг и держится на штыках по сей день. Все больше укрепляясь, наглея и дожёвывая страну». Многие литераторы его поддержали? Почему забыли, что от наших изданий государство ежегодно получало миллиардные прибыли в советских рублях. Поэтому оставили без домов творчества, поликлиник, санаториев, детучреждений. Помогают только прикормленным. Миллионы долларов выделяют на посредственные, лживые кинофильмы, в которых оплевываются достижения Страны Советов и народ, на шее которого они бессовестно восседают и жируют. И плевать им, что скоро половина нации свою фамилию не напишет без ошибок.

«Не могу молчать» называлась статья Льва Толстого, направленная против несправедливости. Почему же молчим мы, советско-русские писатели, которых, как мусор, вымели за борт политического и экономического парохода? А от мелких точечных ударов и беззубых укусов некоторых наиболее смелых отдача невелика. А ведь еще покойный философ А. Зиновьев, понявший, что они разрушили не только компартию, но и Россию, давал полезный совет: «Понять произошедшее и происходящее с беспощадной объективностью. Никакого одобрения перевороту, его организаторам и исполнителям, перестройщикам и реформаторам. Никакого соучастия в их деятельности. По возможности сопротивляться им, разоблачать сущность их роли. Одним словом, неприятие того пути, по какому направили Россию, и сопротивление ему».

Многие ли из нас послушались умного совета ученого, признавшего переворот трагической ошибкой? Многие ли восстали против этого или хотя бы написали книгу-протест, статью? То-то и оно, ведь таких авторов не любят власти. Другие боятся правды. Недавно я написал книгу к юбилею разваленного рынком предприятия, так один респондент от души предупредил:

- Не говори правду – убьют!

До чего народ запуган! Докатились! В своей-то стране убьют?

И его можно понять. Правду не говори. На демонстрацию не ходи, в кружок не собирайся. Когда-то мы проходили это. За что боролись, на то и напоролись! Так теперь писатель уже и не человек, а никчемное междометие? Потому у нас и такие выборы. По словам избирателей, все голосуют за коммунистов и патриотов. А на деле политтехнологи дадут народу, как в тюрьме пайку, 13 процентов.

Почему же мы допустили подобное и миримся с этим? Какой-то шелкопер Егор Гайдар впарил нам ваучеры и приватизацию. Очевидно, этот иудушка даже не читал великолепных сказок и статей своего прадеда Павла Бажова, как захватывали немцы и русские купцы-хитники в частные руки казенные заводы и рудники. Тогда бы знал, что из этого получается. Как, впрочем, и дремучий партийный выходец с Урала, разрушивший ипатьевский дом. Да и его дед, Аркадий Гайдар, был ярким пропагандистом советского строя.

Наш небольшой Невинномысск негласно считается донором и промышленной столицей СКФО. В нем разрушены еще не все предприятия, хотя многие приказали долго жить, а когда-то на их плечах держалась треть краевого бюджета. Их уникальное оборудование бойкие людишки, естественно, выломали и сдали в металлолом, накупив за это автомобилей и построив особняки. Управление другими предприятиями переместилось в центр, в Москву, которой все мало и мало, хотя 80 процентов

денежных потоков находится в ней. Провинциалы уверены, что москвичам правительство создает лучшие условия, зарплаты и пенсии, поэтому те и молчат, как будто находятся в другом государстве. Тогда отделитесь от нас, России. Чего вы ее обираете до нитки? И нищая периферия ненавидит Москву. Со злорадством вспоминает, что Гитлер хотел сравнять ее с землей и затопить озером. Вот до чего довели русский народ! Да ведь та Москва спасла мир от фашизма. А вот эта...

И население усиллено вымирает. В нашем городе, несмотря на приток беженцев, каждый год население уменьшается почти на 2000 человек. Что тогда говорить о моногородах и районах?

Почему же мы, писатели, не воспротивимся губителям России, как их называл А. Зиновьев? Ведь мы вышли из самого сердца народа, и он ждет нашей помощи. Почему не зазвоним во все колокола? Из междометий, до чего нас довела капиталистическая система, не превратимся в непримиримые глаголы и не станем жечь сердца людей? Не станем в оппозицию никомушным правителям, ведь не зря же нам дан Божий дар? И не зашагаем в одном строю с журналистами, ведь еще не все СМИ карманные и продажные, деятелями культуры, другими обиженными слоями населения? Уж если писатели не скажут правду – тогда кто скажет? Не послушались реформаторы умных советов писателей Павла Бажова, Аркадия Гайдара, твердо знавших, что капитализм - это всеобщее воровство и грабеж, и навернулось Великое государство. Об этом нам и надо звонить день и ночь, чтобы воскресить хоть останки его.

Все реже ветеран Овчинников вспоминал о прошлом. Видно, сильно занимали его неотложные дела. Все чаще и больше думалось о проблемах сегодняшних, полонивших народ со всех сторон, сдавивших его железными неразъемными тисками, что

ни вздохнуть, ни охнуть. Помогать ему надо, да как поможешь? Вон, какие зубры пробовали, и им обламывали рога. Написал он обращение к писателям России и на всякий случай выслал текст в «Литературную газету», редакции газет «Завтра», «Советской России» и другие. А они не спешили публиковать. То ли не получили – почта вон как плохо работает?! А может, и органы какие, цензоры вновь появились, как в старой России, и изъяли его труд? Значит, Россия снова стала тюрьмой народов, с ужасом думал литератор. Или средства массовой информации, на языке ратующие за демократию и свободу слова, на деле пугливые, как стреляные зайцы, и боящиеся, как черт лаdana, честных и острых материалов, перестраховываются?

Особенно его поразила позиция любимой газеты «Литературная Россия». Когда-то его послания сразу давали в номер. Но его тогдашний знакомый редактор Эрнст Сафонов, человек талантливый и бесстрашный, постоянно отбивавшийся от нападков демократов и либералов, страстно поддерживающий не только свой народ, но и борющийся с американскими захватчиками-акулами сербский во главе с Героем Югославии Карадовичем, умер ночью на даче, работая над очередным номером газеты. А вот последний редактор особо острые статьи Овчинникова публиковать не стал. Так остались ненапечатанными «Музей предателю-стукачу Солженицыну», «Вам тротила-то хватило? Или как разоряли Россию» – горячий отклик на книгу Полторанина, «Вперед – это назад» - послание президенту Медведеву.

В последние годы «ЛитРоссия» в каждом номере усиленно печатала длинные простыни нового главного редактора, который часто на нескольких страницах громил бывших партийных и литературных чиновников, явно соболезуя почти неизвестным инакомыслящим либералам, ученым, писателям, многие из которых ничего путного в литературе после себя не оставили. Зато от признанных покойных классиков летели перья.

- Видно, он из «наших», как таких называют в определен-

ных кругах, - с обидой рассуждал Овчинников. – А о настоящих наших, русских, не хочет говорить и публиковать их авторские материалы. Освобождает в газете место для своих сентенций. Так кто же заступится за народ, за нашу бедную старушку Русь? Все ее бросили, все ее предали! Грех-то какой непростительный! Или она не нарожала себе достойных сыновей?

И только «Родина» - краевой печатный орган коммунистической партии России – относилась с пониманием и давала зеленую улицу публикациям Владимира Ивановича. Вот и обращение к писателям поместила рядом с главами из книги «Война за Россию», снабженными шапкой: «Виктор Илюхин против Владимира Путина». И это было приятно провинциальному литератору. И он отзывался:

- Эта правильная книга честнейшего и умнейшего депутата Госдумы Илюхина вместе с «Властью в тротиловом эквиваленте» Полторанина, бывшего сподвижника Ельцина, открыто признавшего переворот 90-х дикой ошибкой, противонародным и противоправным, должны быть настольными книгами каждого патриота и честного гражданина России, чтобы постоянно помнить о случившейся трагедии и сделать все для возврата Советской власти. А что рано или поздно она вернется и наведет социалистический порядок, я не сомневаюсь. Об этом и ясновидящая Ванга сказала, что замалчивают власти. И приравнивала учение Ленина к учению Христа. И пусть тогда не воют по-волчьи узурпаторы и новые помещики, не извлекшие уроки Октября...

А беды сыпались каждый день. Встретил он однажды приятеля и старого газетного зубра и не узнал. Станислав ковлял с батожком в руке, смахивая на покойного кубанского казака Ивана Ильича. И батожок со скрипом тащился по асфальту, будто курлыкал по-журавлиному и тянул заунывную похоронную мелодию: скурлы-скурлы. Куда делась его кудрявая шевелюра, вместо которой блестела классическая лысина? Веселый взгляд голубых доверчивых глаз и беззаботность? Его когда-то

привлекательное лицо было испещрено глубокими бороздами. Ключки редкой небритой бороденки смотрелись сиротливыми болотными кочками, спаленными случайным пожаром, словно в них угасала жизнь.

- Что с тобой, старина? – от неожиданности воскликнул писатель. – Заболел?

- Не только заболел – почти умер. Свалил инсульт. У нас случилась беда.

Овчинников знал Станислава почти полвека. Талантливый журналист, он перед уходом на пенсию в конце 90-х признался приятелю:

- Хочу открыть книжное издательство. Время пришло такое, открываются широкие горизонты! Тебя возьму главным редактором, если согласишься. Ты потянешь...

- Ну-ну, - с недоверием улыбнулся писатель. – Ты хоть представляешь, что это такое? Нужно помещение, дорогое оборудование, знающие редакторы, корректоры, печатники, бухгалтеры, юристы, рабочие, оформление документов, уплата налогов. А бумага, ведь это наша вечная проблема! И где возьмешь на ее организацию средства?

- Справимся! Сейчас большие возможности для предпринимательства, бизнеса, кредиты,- наивно надеялся Старченко.

- Это приманка для дураков. Таких капканов понаставят, чтобы доить вас и раздеть догола, - возразил более приземленный Владимир Иванович.

Он считал его заявление легкомысленным, хотя хвастуном Стасик вроде бы не слыл. Может, под воздействием выпитого? И чем черт не шутит? Он подозревал, что Станислав был несколько необычным человеком. Многие вокруг стремились завести дачи, построить гараж, купить легковую машину. И бредили этим, считая высшим достижением в обществе. Но журналист был равнодушен к таким ценностям, как и ко многому другому в жизни и быту. Жилье ему досталось от сердобольных стариков. И большего уже не хотелось. Не без

их помощи купили мебельную стенку, где было много места для книг. А уж заполнить его считалось обязанностью внука-книголюба.

И большая часть семейного бюджета уходила на домашнюю библиотеку, которая росла с каждым днем и которой все больше завидовали соседи. Он покупал на книжных развалах редкие фолианты, заказывал почтой нужные вещи. Выбывал подписные издания в своей редакции, которую не обходил вниманием горком партии. И на полках шкафов, как ровный строй солдат, росли ряды всевозможных сочинений. Знаменитых классиков Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Чехова, Белинского, Горького, Шолохова, Есенина, иностранных авторов. И не так знаменитых, за произведениями которых гонялись книгоманы, признанные знатоки и любители художественной литературы. Не зря большие библиотеки считались хорошим тоном, немалой заслугой и достижением хозяина, что говорило о его высокой культуре. Не брезговал этот интеллигент и ежедневными печатными средствами массовой информации.

И мозг Станислава Михайловича впитывал все это многочисленное разнообразие, как резиновая губка. Он многого не замечал в бытовой обстановке. Но и на многое имел свое индивидуальное мнение и мог его популярно высказать не только подходящими к теме словами, но и письменно в публицистике. Имея критический склад ума, мог, как думалось близким, стать современным Белинским. И уж никак не меньше известных в этой области Золотусского и Дедкова, чьими критическими перлами пестрили современные журналы и газеты.

Мог выдать «на-гора» и произведение беллетристики. И Овчинников, относясь к нему с почтением и оптимизмом, долго ждал от него соответствующей способностям продукции. Но, к сожалению, не дождался. Он часто заставлял его празднично лежащим на диване с редкой книгой в руках.

- Понимаешь, как завернул этот щелкопёр! – не то с восхищением, не то с сарказмом говорил тот о каком-либо авторе.

– Правит под Солженицына. Хотя тот был сам щелкопёр масштаба районной газеты, не выше. Все святое предал в своих лживых доносах и поставил с ног на голову правду, чтобы затуманить мозги доверчивому народу. Настоящий популист и лагерный перевертыш.

Как и все слабохарактерные люди, Старченко быстро загорался, но еще быстрее гас, как будто только что поднятая им тема его совершенно не касалась и не интересовала. Не про таких ли говорят – калиф на час?

- Хватит лодырничать, старик! – накатывал на него писатель. – Ни Богу свечка, ни черту кочерга! Непростительный грех лежать на диване талантливому человеку, когда вокруг творится светопреставление! Опрокинута богатейшая в мире страна, наша славная Отчизна! Сделан нищим народ! Разве порядочные литераторы и интеллигенты имеют право оставаться в стороне от них, не помочь в критическую минуту? Никто не даст нам избавленья...

Взгляд Овчинникова горел недовольством и непримиримым осуждением. Казалось, он вот-вот подбежит к Станиславу Михайловичу, непочтительно схватит за грудки и посадит за письменный стол, чтобы день и ночь трудился в поту лица своего, не знал удержу и покоя.

Но седовласый его приятель только виновато улыбался. И на что его только хватило – это поступить на работу.

- Понимаешь, Володя, у нас двое внуков, надо им помогать. А пенсии не хватает. Устроился я сторожем на пять тысяч рублей. Все в дом, не из дома, - признался он однажды при встрече.

- Ты так дорого ценишь свой данный Богом талант? – возмутился литератор. – Если верить правительству, то среднемесячная зарплата в России составляет около тридцати тысяч деревянных.

- Это если считать вместе с заработком правителей, - оправдывался журналист.

Так он и работал сторожем на каком-то полуразвалившемся предприятии. И они почти не виделись. Горько было Овчинникову, что у друга пропадает талант. Что он стал пассивным ко всему или элементарным лодырем. Но напоминать ему об этом он больше не хотел. И вот сейчас он неожиданно встретил духовно униженного и физически разбитого человека.

- Что случилось? Развелся с красавицей женой, встретил другую женщину? – по привычке пошутил Владимир Иванович и тут же перефразировал известное комсомольское выражение: - Если тебе многоженец имя – имя крепи бабцами своими...

- Твоими устами мед бы пить. А у меня случилась беда. Якобы в мое дежурство украли грузовик с дорогими трубами. Приняв смену, я его и в глаза не видел. Хотя и не спал. Никакого шороха даже не слышал.

- Книгу, наверно, читал на вахте? Так все на свете прочитаешь! – высказался Владимир Иванович.

- И немилосердный директор предъявил мне счет за приписываемую потерю. А она стоит бешеные деньги. Хоть продавай квартиру. А где тогда жить? И что сказать Маргарите?

Старченко нередко замолкал, хватался ладонями за голову, которая, вероятно, сильно беспокоила. Да и говорил он с трудом, не как раньше, когда слова из него лились сплошной соловьиной песней. И Овчинников, понимая сложность, не торопил его. Пусть соберется с мыслями и возможностями. И тот вскоре продолжал:

- Подал я на суд. Судья Воскресенская, бабенка дебелия и вальжная, разевшаяся на судейских харчах, что на козе не подъедешь, все чего-то крутила носом, вертела бумажками. Затягивала начало заседания, будто чего-то ждала. И мы с женой догадались – ей нужно сунуть на лапу. Собрали все, что за душой имели, заняли у родственников и позолотили ей ручку. Я со стыда сторал, ведь в газете много лет боролся с такими подлыми людьми и явлениями. А теперь самому пришлось наступить собственной совести на горло, подкупать и унижаться. А

она как-то буднично и привычно взяла пакет и отработанным приемом небрежно скинула в ящик рабочего стола, будто смахнула надоедливого таракана.

Рассказчик безвольно опустил голову и о чем-то с усилением думал. Наверно, вспоминал детали той невеселой картины. Долго вытирал слезящиеся глаза. Прикуривал сигарету. Прерывисто кашлял. Его длинные морщинистые пальцы нервно подрагивали. Глазные веки дергались. И смотреть на него было больно. Куда делись всегдашняя невозмутимость и оптимизм? И это литработник, когда-то считавшийся лучшим журналистом в городской газете! Вот, что может сделать жизнь с человеком, с горечью подумал Владимир Иванович.

- Мы так надеялись, но судья неожиданно повернула все по-другому. Видно, директорская взятка оказалась щедрее, а он за мой счет хотел присвоить материальные ценности. Она вернула мои нищенские откупные и приняла жестокое постановление, признать меня виновным и заплатить бешеные деньги. Хотя я машины той не видел в глаза. Иначе посадят. Ты представляешь себе, как позорно и тяжело на восьмом десятке лет остаться без жилья, которое нужно отдать за долги, вылететь на улицу или сидеть в тюрьме, от которой, как и от нищенской суммы, не зарекайся? Мы со старухой просто не вынесем этого! – не проговорил, а простонал убитый горем Старченко. - Своих и откупившихся они не сажают, как и крупных государственных деятелей. Многие миллиарды присваивают разные сердюковы-пердюковы и их потаскухи и живут-маются от безделья в тринадцатикомнатных квартирах. Не знают, куда деть и на что напялить бриллианты. Другие убивают десятки людей и выкручиваются от тюрьмы. И такие, как наши доблестные прокурор и судья, выполняют спущенный сверху план. За что же им сделали такие бешеные зарплаты? Чтобы цепными церберами накидывались на народ? Скажи, мой товарищ писатель, где эти справедливость и демократия, которыми нас кормят двадцать лет?

- Сам не найду ответа. А вякнуть нельзя. И ты, стоя в стороне от народных проблем, только что догадался? Недавно я прочитал в «Литературной России» о сочувствии патриотам в статье Романа Сенчина. Отчаяние берет за 28 человек по болотному делу, - возмущается он, - почти все они по возрасту мои дети. Что за родина-мать, которая давит своих детей? После таких отсидок и выходят на волю революционеры, полные ненависти к владельцам страны. Держат второй год за два перевернутых биотуалета, кинутую в полицейского пустую пластиковую бутылку и нанесенные омоновцу травмы от брошенного апельсина! За гнилой апельсин шьют чуть ли не свержение строя. Да эту власть не то, что апельсином – метеоритом не прошибешь. Да, опасно нынче быть патриотом! Даже эта трусливая газета не может терпеть несправедливости и бесправия, - беспомощно развел руками Владимир Иванович.

- Крадут нещадно министры, генералы, губернаторы, директора, чиновники! – тихо продолжил его собеседник. – Берут за милую душу взятки прокуроры, судьи, полиция, юристы всех мастей и калибров, врачи, педагоги, словно все ошалели, словно потоп всемирный ожидается. Тогда зачем брать?

- Жадность фрайера губит, - ненавязчиво вставил фразу литератор.

- Легче назвать тех, кто не берет. Ну ладно, слезами горю не поможешь. Надо к этому подходить серьезно и философски. Разговорился я. Ты уж извини, старик, и прощай, - медленно и с неохотой поднялся бывший газетчик и, не выслушав сочувствия товарища, прихрамывая, сиротливо побрел в сторону своего дома. Скрык-скрык, скрипел его батожок. И писатель долго и с жалостью смотрел ему вслед.

По всему было видно, что журналиста скоро не станет. Немилосердный инсульт не выпустит его из железных лап. И таких трагических случаев в России было неисчислимое множество.

- Может, я по своей стариковской глупости стал слишком подозрительным и привередливым? – жаловался Колкину писатель, которого считал жизненной энциклопедией, знающей все на свете. Да и как-никак он недавно защитил докторскую диссертацию, был профессором. А к педагогам и ученым людям Овчинников всегда относился уважительно. – Все мне, старому брюзге, не так, все не нравится. Во всем подозреваю злой умысел и вредительство властвующих структур. Конечно, настоящий и правдивый писатель должен находиться в оппозиции к ним, ибо его профессиональное назначение – защита обиженного народа. Может, по старой идеологической привычке мой глаз зашорился, не видит добрых и полезных изменений в новой стране и общественной формации? Может, зря мы поливали грязью царей-самодержцев и все негативное, связанное с капитализмом? Заели сомнения, которые не дают душе успокоиться, не приносят сна долгими и мучительными ночами.

- Какая же это новая формация? Новая, да со старыми дырами. Конечно, по спирали Гегеля все возвращается на круги своя, но ведь только в другой форме, более совершенной и приемлемой для жизни. А ныне Россия просто вернулась в проклятое народом прошлое, с эксплуатацией человека человеком, с гигантской несправедливостью, неравенством и другими пороками. Это после советского-то равенства и братства? Извольте! Это шаг в дремучее вчера! – возражал доктор технических наук. – Не хватало еще образованным людям заплакать по старому времени и невыносимому режиму, когда нещадно эксплуатировали народ и пороли нагайками, чтобы помнили царя-батюшку и милосердных дворян.

Приведу простой пример. Мне недавно рассказала супруга Инна Ивановна, прочитавшая заметку из «Истории русской армии». Там виновных пороли и наказывали страшно. Правда, император Николай Павлович был противником жестоких те-

лесных наказаний. В 1839 году он отменил фухтели и ограничил применение шпицрутенов рядом негласных распоряжений, втрое уменьшив количество ударов. Строжайше запретил производить экзекуции без врача, который имел право запретить экзекуцию слабосильного или прекратить ее в любой момент. Прежние драконовские положения о полевом управлении войск 1812 года и Положение 1846 года продолжали, однако, оставаться в тексте для острастки.

В соответствующем комментарии (автор Нелипович) сказано, что «тем не менее», на 250 тысяч солдат, погибших в войнах в 1826 – 1855 годах, приходится 1 миллион запоротых. В четыре раза больше, чем погибло на фронтах в бою!

В Большом толковом словаре русского языка дается несколько значений слова «запороть». По этой тематике запороть – засечь розгами, то есть поркой довести до смерти... Если 1 миллион разделить на 29 лет, то получится, что в русской армии в год забивали до смерти 33482 солдата. В месяц – 2865. Каждый день запарывали 7, 85 человека! Вы это бесправие хотите вернуть?

- Боже упаси! – замахал руками Владимир Иванович.

- Этому пресловутый ГУЛаг, придуманный провокатором Солженицыным, и в подметки не годится. В ГУЛаг сажали врагов Советской власти, всевозможных бандитов, жуликов и воругов. А там истребляли защитников России. Что уж тогда говорить о всяких помещиках Салтычихах и Солженицыных?!

- Я все это прекрасно понимаю, - соглашался Владимир Иванович.- Только не пойму, как население одного государства по-разному относится к своему государству? Одни готовы утопить его в народной крови, разрушить и на этом сколотить миллионы, разбогатеть, а другие – отдать жизнь за его процветание, благополучие и счастье народа?

- Наивные вы люди, писатели. Да все потому, что Боженька при рождении не каждому одинаково отмерит разума. Как вечное противостояние добра и зла на земле. Как существова-

ние самого Господа и беса, антипода. Одни защищали страну от врагов, справедливо завоевывали власть рабочих и крестьян, спасли мир от фашизма, другие поддерживают и выполняют план мракобеса Даллеса.

- Мы бросим все, что имеем, - говорил он. – Все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей в Советском Союзе... Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв хаос, мы незаметно подменим его ценности на фальшивые и заставим в них верить. Как? Отвечаю:

- Мы найдем своих союзников, единомышленников в самой России... Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа – русского народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания.

Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино – все будет изображать и прославлять все низменные человеческие чувства.

Мы будем всячески поддерживать и поднимать тех, так называемых творцов, которые станут насаждать и вдальблывать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, гомосексуализма, предательства – словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточничеству, беспринципности. Бюрократизм и политика будут возводиться в добродетель.

Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого... Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть

к русскому народу – все это будем мы ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом.

И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества...

Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы народной нравственности... Расшатывать таким образом поколение за поколением. Будем братья за людей с детских, юношеских лет. Главную ставку всегда будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов.

Вот так мы это и сделаем.

Этот план разработал человеконенавистник, душегуб и бес – космополит и госсекретарь США Ален Даллес в 1945 году, даже не дождавшись окончания войны. Хорош союзник! Разве можно доверять капиталистам? Это повторение Протоколов сионских мудрецов. Только те свои подлые планы наметали провести во всем мире, а этот подонок – уже конкретно в СССР и России. А кто ею правит сейчас – их безропотные исполнители. А кое-кто их хочет пожалеть или оправдать. Нет этим перевертышам-расстригам и откровенным врагам народа ни оправданий, ни сочувствия даже за большой давностью лет! И ни один порядочный человек не должен стоять в стороне от спасения Великой России. Иначе он – предатель и инородец.

- Я тоже не остаюсь в стороне, ведь я тут живу, ведь это – моя Родина, и как можно иначе? - без сомнения соглашался Овчинников, радуясь убежденности Почетного гражданина города и своей непоколебимой преданности Отечеству.

Колкин и его сподвижники стопроцентно правы, признавался себе литератор, и несут правду, говоря, что в течение короткого времени американская отравка проникла в организм тех, кто возглавлял, направлял, охранял Советское государство, решал вопросы его развития. Кто управлял сознанием советских

людей, тех, кого народ обучал, кормил, выдвигал на должности, предоставлял жизненные льготы. Предавшие раз, они еще предадут бессчетное количество раз. Эти люди, а точнее – нелюди – давали клятву, присягали народу, что будут защищать его жизнь, благополучие, само государство. И именно эти нелюди «в управлении государством создавали хаос и неразбериху», преследуя свои шкурные интересы. Да ведь, если честно, они откровенные враги этого государства и народа!

И в августе 1991 года они выполнили задуманное – совершили подлый переворот, когда рухнуло одно государство с его идеологией и образовалось другое с диаметрально противоположной идеологией, но с теми же правителями у власти, как утверждают знающие люди. Любой переворот совершается лицами, идущими на предательство, нарушающими присягу, данную народу, правительству. И в данном случае было совершено небывалое в истории массовое предательство людей, давших клятву верности партии, служению ее идеологии, предательство военных и в первую очередь офицерского состава, генералов, присягавших на верность народу, на защиту государства. Именно за это погибли миллионы наших соотечественников, чтобы не допустить падения Советской державы, не потерять свободы, не попасть в капиталистическое рабство.

Но в этом и заключался план хищника Даллеса – так затуманить людям разум, чтобы они не поняли, что теряют и что получают. И они смогли опьянить разум людей через своих извращенных ставленников сначала приведением государства к разрухе, а затем обещанием свободы (не понятно, от чего) и райской жизни. Хотя сами американцы утверждают, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Не зря говорят, что от добра добра не ищут. И народ не сопротивлялся и сдался на милость хамелеонов, перекусившихся из коммунистов в капиталистов.

Эти перевертыши начали с уничтожения духовных ценностей, культуры и того положительного в сознании людей, что

еще оставалось от советского периода. Опираясь на бандитов, спекулянтов, понаехавших из-за границы «советников», вчерашние коммунистические лидеры отобрали у людей все, что только можно было: сбережения, имущество, бесплатное образование, медицинское обслуживание и десятки других достижений народной власти до переворота. И люди поняли смысл поговорки: «Что имеем – не храним, потерявши – плачем».

Перевертыши получили полную свободу для незаконного обогащения и предоставили эту свободу тем, кто их поддержал и помог совершить переворот. Те, кто был «умом, честью и совестью партии», кинулись делить народное имущество под лозунгом организатора и вдохновителя этой оргии «берите столько власти, сколько сможете», а ведь власть – это деньги. И начался грабёж. Вчерашние партийные, комсомольские и профсоюзные вожаки, директорат, бывшие подпольные дельцы, бандиты, головорезы в одночасье стали «владельцами заводов, газет, пароходов», присвоив себе все, что создано руками теперь уже бывших советских людей.

И теперь уже открыто, с молчаливого согласия новой власти, продолжалось выполнение основного замысла Плана Даллеса – «грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа – русского народа, окончательного необратимого угасания его самосознания».

Уничтожаются промышленные предприятия. Сельское хозяйство, культура, наука – золотые кадры перетекают за рубеж. В прессе, театрах, кино, на телевидении, как мечтал неофашист Даллес, изображаются самые низменные человеческие чувства. Исчезла сатира, а юмор теперь у людей ниже пояса. Порнография, секс, мат, жестокость, измененность льются на народ круглые сутки. Из России вывозится все сырье, научные открытия, передовая техника, продаются предприятия, акции компаний, добывающих природные ресурсы. И, конечно же, земля. Скоро уже россиянам ничего не будет принадлежать. А те, кто продает, уже миллионеры, долларовые миллиардеры. У них Родина –

деньги. Завтра они смоются за границу, где у многих уже семьи и деньги в банках, оставив русский народ, как голодных свиней у пустого корыта. И доведут План Даллеса до конца. Там же и Стабилизационный и прочие фонды, переведенные туда по милости мурого правительства. Эти дельцы помнят историю Руси и ее беспощадные бунты. Ведь разрушители непременно должны ответить за уничтожение своего государства и нищего народа.

Так писали патриотические средства массовой информации. Говорили лидеры КПРФ и народных движений. И Овчинников их горячо поддерживал, хотя и не исключал возможности пострадать от этого и откровенной расправы верховных благодетелей, как это уже не раз случалось. Да и его уже пугали расправой за написание злободневных книг. Но многострадальная Россия и истина для патриота были дороже жизни.

- Только от Золотого миллиарда добра ждать не надо, - доказывал он себе, - который из семи миллиардов населения Земли оставит только себя. А ты войдешь в число тех шести миллиардов, которые рано или поздно будут уничтожены. Тогда стоит ли жалеть этих, кто незаконно правит народом и ведет его, как козел глупых баранов на бойню?

- Какой парадокс! Мы всему миру хотели сделать добро, а сделали лишь себе худо! – возмущался писатель. - Но План Даллеса нанесет вред и самим американцам, ведь США сами стоят на грани гибели от непомерных долгов, вмешательства в дела других стран, народного возмущения и природных катаклизмов. Поистине, не рой яму другому – сам в ней окажешься. Это же утверждал в «Российской газете» В. Снегирев: «За все рано или поздно надо платить. За брак по расчету. За абсолютную власть. За интриги при дворе. За предательство. За то, что ради карьеры поступаешься честью. За все!»

* * *

Ему казалось, что верховные власти не понимали народ и его бед. Делали все наоборот. Под видом улучшения жизни

устраивали ухудшение. И Россия добивалась до основания после ее разгрома горбачевско-ельцинской командой. Поэтому за копейки продавались или приватизировались такие гиганты промышленности, как Челябинский металлургический завод, крупнейший в мире в своей отрасли Невинномысский шерстяной комбинат, десятки тысяч других флагманов промышленности, на которых зиждилась экономика СССР. Разваливались огромные колхозы-миллионеры, кормящие всю страну, неодолимые конкуренты забугорным фермерам и капиталистическому сельскому хозяйству, такие, как «Расшеватский», «Победа», «Совруно», имени Ленина на Ставрополье, и тысячи других в России. Дробились на паи и продавались плодородные земли, дающие до 60 центнеров с га первоклассной пшеницы. Умники из банды Ельцина – Гайдар, Чубайс во главе с американскими консультантами из ЦРУ нагло посчитали их неперспективными, вредными для экономики. А заслуженный председатель колхоза имени Чапаева из Ивановки Михаил Иванович Шикунов поведал Овчинникову об островке социализма, как называли его газетчики. Его хозяйство в конце 20 и начале 21 веков входило в сотню лучших в России.

- Я родился и вырос в колхозе. Ни помещиков, ни единоличников, ни другого вида частников не застал. Но видел десятки иностранных фермерских хозяйств. Вообще сельскохозяйственное производство – тяжелейшая штука, как говорится, цех под открытым небом. На каждый час нужна своя технология, особенно в животноводстве, его ведь не закроешь на день или неделю из-за отсутствия запчастей, как заводской участок. Урожай с полей убирают за несколько дней, а трудятся на них целый год. День год кормит! И будь то ферма или колхоз – там повседневно нужны рабочие руки. И разницы между крестьянскими руками нет. На ферме – 50-60 коров. Ее содержит семья: муж, жена, дети, которые постоянно трудятся, ибо связаны с животными, пастбищами.

- Ты когда в отпуск? – спрашивают фермера.

- А кто меня заменит? – отвечает он.

И поэтому отпуска, отдых отодвигаются к глубокой старости, когда отойдут от дел.

Колхоз, по идее, более гуманен к трудовому человеку. В нем больше возможностей для отдыха и трудового отпуска, духовного развития, учебы, спорта. В любое время можно пойти в отпуск. Фермеры же живут хуже, хотя и получают дотации от государства. Закупить и содержать большой набор техники одному невозможно. А сколько специального агрохимического, технологического оборудования надо отдельно для каждой культуры: зерна, свеклы, кукурузы и т. п. Русский национальный характер предрасположен к общественному труду, к соборности, и этого забывать нельзя. У нас в хозяйстве трудятся десятки национальностей и живут одной дружной семьей. Даже цыгане работают, и неплохо. В принципе же, коллективное хозяйство – это то же фермерское, только масштабом в десятки раз крупнее, - убеждал Герой Социалистического Труда Шкунов.

- А земельный вопрос в России всегда был острым. Поэтому столько крови за нее пролито. И еще прольется, если по-прежнему принимать непродуманные и вредительские законы, скоро колхоз может остаться без земли. Растащат пайщики, скупят предприимчивые и богатенькие проныры. А тысячи пойдут по миру. У фермеров Англии 200 га – самое большее. Мне бы их заботы! Был бы самым счастливым. Поставь их в наши условия, они руки поднимут в гору. Удобрения – сегодня одна цена, завтра другая, и энергия, и зерно, и все прочее. Перед самой уборкой обязательно поднимают цены на ГСМ. Специально делают, ведь не может быть капитализма, если есть колхоз. И власти нам не друзья, а враги. Наши специалисты во много крат лучше фермерских. Без дотаций тянут на себе колхозы. Это издевательство властимущих похуже продрозверстки, похуже партийных вмешательств. Тогда хоть долги списывали. А сейчас заживо хоронят.

Поэтому, приезжая к нам за опытом, голландские, канад-

ские, израильские и другие фермеры с восхищением дивились нашим непревзойденным успехам. Им такие масштабы и не снились. Поняли, что колхоз – это движитель сельского успеха, способный накормить миллионы людей. А духовные карлики и мелкотравье гайдары, черниченки, бурбулисы во вред народу хотят нам впарить фермерское земледелие. Враги они нам и России. И должны за это ответить по всей строгости советских законов. И хочется по-русски сказать этим политическим прыщам: не учи ученого, поешь дерьма толченого! И еще добавлю: ни мать, ни Родину нельзя предавать. Это смертный грех. И если даже мать простит тебя за предательство, то Родина – никогда!..

Даже сама природа восстала против реформаторов и необдуманного рынка, с возмущением констатировал Овчинников. Сколько произошло техногенных катастроф!

Почти каждый день падают самолеты: вот, сколько настроили их в СССР, против единиц ныне, что еще не все загубили! Случаются автомобильные аварии, безжалостно уносящие десятки тысяч жизней. Появились и железнодорожные – некогда самого надежного транспорта. Террористические акты. В одной европейской стране взорвали электричку, так ее руководитель без раздумий подал в отставку. А наши чижики разве подадут? Почтирикают для блезиру по телевизору, пообещают откупиться деньгами и замажут доверчивым телезрителям глаза. А гибель лучшей в мире атомной подлодки «Курск», где если верить смелой прессе, не обошлось без участия наших заклятых друзей – американцев! Но президент нашел общий язык с американским. И все осталось шито-крыто. А жизни более сотни людей и миллиардные затраты кинуты собаке под хвост. А авария крупнейшей в мире Саяно-Шушенской ГЭС, где погибло из-за безответственности руководства энергетической системой более 60 человек? А немилосердные теракты по всей бескрайней стране, в том числе и в Невинномысске, Волгограде, за что квазицари давно заслужили «хирургии», как выражался Полторанин?! Но

разве наши правители уйдут с поста по собственному желанию или по просьбе граждан, ведь у них не то воспитание и не те задачи? Да и переизбрание президентов хитро спланировано. Будут избираться по очереди, пока не отдадут Богу душу. При этом, естественно, забыв про совесть и честь, которые им вдруг оказались ненужными.

Со всех сторон себя обгадили единороссы, ставшие большинству народа ненавистными. Но попробуй у них выиграть на выборах, ведь там применяются западные жульнические технологии, обманывающие миллионы людей без стыда и совести. Да и запасной вариант готовится на случай избавления от в конец скомпрометировавшей себя «Единой России». Кто безбожно ворует? Министры, губернаторы и генералы из этой «кристально чистой» партии! Кто берет взятки? Из нее же родненькой - доблестные прокуроры, неподкупные судьи, офицеры полиции и армии, чиновники всех мастей, мэры. И чего греха таить – выжить их могут только баррикады или Варфоломеевская ночь с вендеттой, к которым они, падкие до халявной наживы, сами так стремительно толкают народ. А на баррикады и даже демонстрации теперь русскому обществу нельзя: правители могут пришить преступление против государства и смелости власти. Но как это против государства, когда народ борется за нормальное и процветающее государство, хочет выступить против жуликов и воров? Выгнать из кресел расстриг и предателей? Наоборот за государство.

Понимая неизбежность горького конца и провала партии власти, политические закоперщики придумали запасной вариант, назвав его «Народным фронтом», где и нормального народа не найдешь, без стыда и совести в очередной раз слямзив название у патриотов и коммунистов. Да разве им привыкать? Сколько они и другие партии добросовестно повозились с Программой КПРФ, присвоив себе многие наметки и положения? И тянутся во «фронтвики» знакомые все лица, перевертыши и прилипалы, которые когда-то с писком лезли в члены КПСС, а

потом ее беспардонно предали. Впереди всех - незаменимый рыцарь порядочности и чести пионер дурных починов и известный доктор, космонавты, перед которыми в былые годы простофиля Владимир Иванович снимал шапку, кинорежиссеры, которых он очень уважал за отличные фильмы и от которых ожидал только справедливости и неизменной правды, которых сделал знаменитыми СССР. Многие политики, и даже писатели, интеллигенция, как всегда, забывающая о своем народе, за счет которого кормится многие века. Прикормленные депутаты – народные слуги, работающие только на себя и олигархов-богачей.

- Посмотреть бы им в глаза! С какой совестью, если она у них есть, конечно, все они, жующие из антинародной кормушки, забыли о народных бедах и благах, свободе, равенстве, братстве и с остервенением предали родную Отчизну ради сладкого куска с маслом и места в стойле президентской конюшни, чтобы в такт согласия махать ушами! – никак не мог понять старый писатель. – Ведь им без сомнения верил народ, их фильмы и книги встречали на бис! Пели их песни. Их беззаветно любили, как самых непорочных и близких! И, видно, теперь не зря все чаще в открытую негодует народ, называя их иудами и бесами. Возмущаются честные актеры, военные, писатели. Вот и вчера в «Литературной России» опубликована правдивая статья литературного аксакала и участника Великой Отечественной войны Владимира Бушина, мнения с которым у провинциального Овчинникова во многом совпадали. Она называлась «Позвольте заметить», посвящалась защите бывшей страны и Иосифа Сталина, с которым кое-кто из задолизов уже сравнивает Путина, называя его «Путин – это Сталин сегодня».

«Да, подумать только, как Сталин отнесся бы к такому собратству. Оно же для него просто оскорбительно... А ему все плевать, утверждает Бушин. Ему лишь выпендриваться, прокукарекать, а там хоть не рассветаи».

А чего Путин за черные очки-то спрятался? Не потому ли, что боится, как бы ему в глаза не посмотрели матери Беслана,

или вдовы Саяно-Шушенской ГЭС, или сироты «Норд-Оста», или 20 миллионов русских, оставшихся за рубежом в положении людей второго сорта? Или вдруг стыдно стало за то, как на ранчо Буша упал на колени перед его собакой, прижался к ней щекой, облобызал, а потом вычесывал у нее блох, или за то, как угодничал перед французским забулдыгой Депардье, примчавшись к нему на край света с российским паспортом в зубах?

И что же в нем нового? С каких пор? Придя к власти, он первым делом ликвидировал две советские военные базы – во Вьетнаме и на Кубе, позволявшие нам контролировать Америку; потом помог американцам устроить две базы в Киргизии и Узбекистане...

Разве президент, действительно думающий и переживающий о достоинствах и чести родины, ее духовном развитии, мог бы назначить министром культуры малограмотного и злобного русофоба Швыдкого, эту «бл...дь рублевую», как сказал поэт? А вслед за этим мог бы глава государства, озабоченный безопасностью страны, назначить министром обороны такое чучело огородное, как Сердюков, ничего не понимающий в военном деле? Честному государственному человеку это не позволило бы сделать даже одно лишь созвучие Сердюков – Смердяков, тот самый у Достоевского, что досадовал, почему в 1812 году просвещенная нация не покорила отсталую? Назначил он его шесть лет назад. Тогда это был «старый» Путин? Допустим. Но он же его и теперь, когда вскрыли устроенный им развал армии да еще чудовищное воровство в министерстве, как только может, выгораживает, защищает, оправдывает – уж это-то новый, буквально сегодняшний Путин. Мало того, подключил и любимого местоблюстителя, родившегося из головы Илизарова: «К Смердякову нет никаких претензий. Он ни в чем не виноват. Это лучший министр обороны со времен Грачева. А какая дебелая у него пассия! Ну, давайте наденем ей на левую ляжку колечко, и все». Кому на пользу такие министры, как не Америке?

А кто заселяет исконно русские земли и города, включая

столицу, чужеземцами? Путин. Кто с помощью «Протонов» швыряет в океан миллиарды? Кто приказал впарить в беззащитные головы школьников «ГУЛаг», самую лживую книгу, когда-либо написанную на русском языке? Кто недавно нахваливал Чубайса за «мужество» при разграблении и развале страны в содружестве с агентами ЦРУ... Кто на днях по поводу великого героя Эдварда Сноудена лихо заявил: «Мы никогда никого не выдавали!» Лжец! А кто выдал Хоннекера – Турция? Персия? Монте-Карло? Мало того, что выдаете, но вы еще и отдаете. Наша разведка когда-то схватила американского шпиона Эдмонда Поупа, который нанес нашему флоту многомиллиардные убытки. Ему дали 20 лет. Но не прошло и 20 недель, как президент Путин помиловал его и отправил в Америку, дав на дорожку три баночки икры...

Это человек абсолютно аморальный. Таких русская земля еще не рожала. Можно сказать и так: среди всех времен и всех народов не было таких предателей, как Горбачев и Ельцин, Путин и Медведев. Им поставлена цель – истребить русский народ, уничтожить Россию. Первые два отработали свое, теперь Путин, как старый, так и новый, послушно выполняет задачу геноцида, прикрывая это речами о патриотизме и военных асигнованиях. Не видеть, не понимать предательства родины, мурлыкать о «новом Путине», лепетать «Путин – это Сталин сегодня!» могут только обиженные Богом тупицы или такие же предатели своего народа, напялившие кресты...»

- После такой статьи и сказать нечего! – невесело соображал удрученный Овчинников и в очередной раз осознал постигшую Россию трагедию. – Но честные люди уже не боятся высказывать правду, а газеты печатать. Да чего далеко ходить? И всевидящий Колкин не спит. Готовит фотообвинение властям о разрушенных в крае фабриках, заводах, производствах, колхозах, на высоком уровне сделав сотни цветных фотоснимков. Готовит к выпуску целых два солидных альбома. Значит, лед тронулся. И надо ждать серьезных событий.

- А бесконечное повышение живодерских налогов ЖКХ – разве произвол только местных коммунальщиков и чиновников! – кричали на рынках и дворовых скамейках недовольные граждане. – Это скрытая затея грабежа правительства! Мало им нефти и газа, других народных достояний, откуда, как пивки, сосут средства? Так еще и три шкуры дерут за квартиры, электричество, воду, газ! У пенсионеров забирают последние копейки. Все им мало, все не нахапают, не насытятся! И цены на товары растут, как на дрожжах. А себе острова покупают...

А Овчинникову вообще нельзя было показаться в людном месте. Зная его литературные увлечения и успехи, люди по старой советской привычке доверительно искали у писателя защиты, как будто он еще что-то мог. Без утайки высказывали свои беды и недовольства. И ему приходилось терпеливо и долго выслушивать, и это тоже по старой советской привычке, ведь до нынешних властей не достучишься. А литератор хоть выслушает, посочувствует.

- Воло-одя! Только тебе одному скажу! – кричал на всю улицу бывший кузнец Белых. – Жить нету сил и не хочется! Такой мы комбинат построили, такую страну! А эти болтуны все развалили и растащили...

Высокий, как жердь, высохший у жаркого кузнечного горна до худобы, он походил на старое отживающее свой срок дерево, перевитое сухими нитями-мышцами. И смотрелся нелепым расхристанным грачом, от тяжелой работы и долгой жизни немилосердно теряющим свое оперение. В глазах мастерового коваля была такая безысходная тоска, похожая на хмурившееся перед ливнем небо, что Владимиру Ивановичу становилось не по себе. Ему было жалко каждого человека.

- Живу только на таблетках, которые не помогают, и жду, когда треснет голова от такой невыносимой боли! - жаловался он.

Нельзя было без паники и нехороших предчувствий открыть газет, материалы которых изматывали душу не менее, чем жалобы горожан. В хвост и гриву кляли правящую партию и правительство. Вот и уважаемая им «Родина» в последних номерах публиковала главы книги Илюхина, где он во всех красках представлял и крестил «уважаемого и неповторимого ВВП». Овчинников твердо знал, что этот материал по своей неоспоримой правде и накалу не принесет радости и здоровья. Ибо в его возрасте все принималось близко к сердцу. Но, как пьяница перед рюмкой, не мог устоять. И с интересом читал.

«...Вступив во власть, он оказался неготовым эффективно и надежно ею распоряжаться... Сказался период времени, когда В. Путин находился в командах А. Собчака и Б. Ельцина. Его взгляды и убеждения во многом сформировались под их воздействием, в атмосфере отвратительного духа стяжательства, лжи и интриганства.

Сила государственной власти во многом определяется ее авторитетом и уважением, очевидной нравственностью лиц, пришедших во власть, их гуманизмом в отношениях с людьми и верой в нее, а не наличием у государства огромного аппарата подавления, грубой военной и полицейской машины, то, что мы наблюдаем сейчас в России. Власть, замешанная на авторитаризме, на насилии, существовать долго не может и, рассыпаясь, чаще ударяет по тем, кто ее создал...»

Но это были цветочки, разгон для серьезных и объективных обвинений, каких, коснись лично Овчинникова, он бы не выдержал и пустил себе в лоб картечь. Но с этих чижигов, как с гуся вода. Разве бросился на рельсы словоблуд Ельцин, как в порывах пьяного признания обещал сделать? А преемник ответил за приют и оформил ему неприкосновенность, огромные материальные льготы и блага.

«Ни одна европейская страна не знает примеров, подобных нашему, когда 10-15 процентов населения России владеет основным объемом собственности, ранее находившимся в ру-

ках общества. По большому счету, Путин заставил государство работать не на мощь страны и благополучие людей, а на небольшую кучку олигархов... Стал инициатором сокращения давностных сроков по пересмотру приватизационных сделок с 10 до 3 лет. Преступники практически были амнистированы, а обществу преподнесен урок чудовищной безнравственности. В интересах крупного капитала и преступного мира Путин ввел мораторий на смертную казнь, внес законопроект об исключении из Уголовного кодекса такого вида наказания, как конфискация имущества у лиц, совершивших тяжкие преступления. Только за это казнокрады и взяточники готовы поставить ему золотой памятник...

Россия в своем развитии на десятилетия злонамеренно отброшена назад. И сделано это руками ее правителей, внутренней, пятой колонной...

Путин и его команда поставили перед президентом Белоруссии А. Лукашенко неприемлемые условия. Одним из них является приватизация крупнейших белорусских промышленных гигантов... Цель одна: после приватизации уникальные объекты будут скуплены, перейдут в чужие руки крупного российского и зарубежного капитала, чем будут подорваны государственность и независимость Белоруссии, позиции ее президента... Тем самым поставить на колени ее экономику и социальную сферу... Министерство экономического развития и торговли, возглавляемое Г. Грефом, направило регионам России указание не закупать белорусских товаров... А Белоруссия – единственная страна из бывших союзных республик – в промышленности, сельском хозяйстве, в социальной сфере перешагнула рубеж начала 90-го года прошлого века. Это больше всего раздражает ее врагов. Кремлевская команда взяла на себя роль душителя братского нам славянского государства...»

И это были еще цветочки, почти бальзам на душу главному герою. Продолжать читать дальше не у каждого хватит сил и терпения, будто его подвергают фашистским пыткам. И хотя

Овчинников о многом из перечисленного Илюхиным хорошо знал, но то и дело хватался за сердце, читая все новые и новые обвинения юриста и депутата, в который раз заново переживая развал страны. Автор опубликовал в «Войне за Россию» любопытные материалы суда Военного трибунала Общероссийского офицерского собрания от 10 февраля 2011 года, которое заканчивается неллицеприятными строками.

«Обвинение считает правильным квалифицировать распоряжения В. Путина, связанные с ликвидацией военных баз во Вьетнаме (Камрань), на Кубе (Лурдес), уничтожение нескольких дивизий ракетных комплексов на железнодорожной основе (РТ-23), а также уничтожение российской космической станции «Мир» как враждебную деятельность, совершенную в ущерб внешней безопасности РФ (ст. 275 УК РФ).

Ряд иных деяний также подпадает под Уголовный кодекс. Однако после квалификации действий, связанных с уничтожением военных российских баз за рубежом, станции «Мир», нескольких дивизий стратегических ядерных сил, оснащенных ракетами РТ-23, обвинение уже не видит необходимости в дополнительной уголовной оценке. Для обвинения уже очевидно, что деятельность В. Путина в сфере обороноспособности и безопасности страны является разрушительной и опасной для будущего России.

В силу этого обвинения считает необходимым заявить о невозможности дальнейшего нахождения В. Путина на государственной службе. Так пусть свершится правосудие и восстановятся правда и справедливость.

**Приговор Военного трибунала
Общероссийского офицерского собрания**

Москва, 10 февраля 2011 г.

Трибунал в составе председательствующего генерал-майора Е. Копышева, членов трибунала контр-адмирала В. Попови-

ча, полковника В. Усова, с участием главного обвинителя государственного советника юстиции В. Илюхина, защитника Н. Прокопенко, при секретаре судебного заседания подполковнике В. Федосеенкове, рассмотрев в закрытом судебном заседании материалы обвинения о противоправной и разрушительной деятельности В. Путина, постановил:

1. Деятельность Владимира Владимировича Путина, бывшего президента Российской Федерации, бывшего Верховного Главнокомандующего Вооруженными силами, ныне Председателя Правительства России, в сфере обеспечения обороны страны признать несовместимой с национальными интересами, как наносящую осознанно враждебный характер и причинившую невосполнимый ущерб внешней безопасности Российской Федерации.

2. Считать невозможным дальнейшее пребывание В. В. Путина на государственной службе, а его деятельность подлежит тщательному расследованию правоохранными органами РФ и дальнейшей судебной-правовой оценке.

3. Решение трибунала довести до сведения действующего Президента РФ, военнослужащих армии и флота, всех граждан Российской Федерации.

- Серьезное обвинение, - размышлял Овчинников. – А какое обвинение вынесут многострадальные граждане России?

Познакомившись с этими материалами, писатель схватил за голову и застонал: А еще он вычитал в «Российской газете»: «2,8 миллиона человек (каждый 50-й) живет в коммуналках – их больше всего в Санкт-Петербурге. Примечательно, что 30 тысяч человек живут в Питере в коммуналках, построенных после 2003 года. 2,6 миллиона человек постоянно живут в общежитиях. 12 % живут в домах, построенных до 1957 года, то есть до массового строительства хрущевки. 18 % (каждый пятый) живут в деревянных домах. Приезжайте в Астрахань, полюбуйте на эту покосившуюся прелесть.

Меньше половины, то есть 44 % домов и квартир России, оборудованы всеми базовыми видами благоустройства

(свет, отопление, горячая вода, туалет, ванная, кухня). На дворе XXI век! 1,5 миллиона домохозяйств не имеют электричества, 13 миллионов – горячей воды, 8,8 млн. – туалета в доме (12 млн. пользуются туалетом типа «сортир»). В 254 тысячах домохозяйств нет кухни или кухонного угла. Печи для обогрева используют в 7,68 миллиона домов и квартир. В Москве нет электричества в 58 тысячах домохозяйств. У 64 тысяч нет отопления, у 9 тысяч – горячей воды, у 1,3 тысячи – кухни, у 640 тысяч – нет туалетов. Печи используют 2000 московских домохозяйств. Горячее водоснабжение в российской деревне – роскошь. Центральное есть всего в 17 тысячах домов, индивидуальное – в 2 миллионах. А для 5,6 миллиона деревенских семей горячее водоснабжение – сказка из новой жизни». Прямо Тмутаракань и средневековье!

Все, господа капиталисты и правители, приехали, как говорится! И об этом со скорбью сообщает общенациональная общественно-политическая газета, то есть правительственная. Даже ей уже не вмоготу такая дикая и первобытная жизнь, ведь на дворе уже идет 21 век, ведь разьевшиеся чиновники и депутаты имеют многотысячные и многомиллионные прибыли, с которыми мы прибыли в век ужасов и хаоса, в непросветную жизнь и чиновничий беспредел. А они строят себе дворцы, яхты и покупают острова.

- Что же сделали с Россией и народом? Предали и продали за понюшку табака! Все пошло на вонтараты, как выразалась моя покойная матушка Мария Алексеевна. Ни чёрта, ни Бога не боятся эти политики-расстриги. И продажные СМИ им в этом всячески помогают, как и вражеские голоса инородцев сванидзе и познеров. А в телепередачах РЭН ТВ «Территория заблуждений» преподносится такое будущее землян, такой кошмар, что волосы становятся дыбом. И Бог у них уже не один, а много их, которые, по предположению ученых, спускались на Землю, строили пирамиды и сожительствовавали с людьми, словно какие-то распутники, чтобы оставить на Земле потомство. Да

еще и нещадно воевали между собою. И вроде уж совсем они не боги, а великаны-грешники, тогда кто правит миром? Или вообще во Вселенной нет никаких богов? И у кого в трудную минуту просить земным грешникам помощи? И что тогда делать церковникам, столько столетий благополучно сидевшим на их шее? Кому пудрить мозги? И правителям, которые нагло считают себя божьими посланниками?

А еще многие ученые прочат и конец света. Ведущий Игорь Прокопенко, конечно, подкован, и передача интересная, даже в чем-то пугающая, зловещая, страшная, заставляющая вновь бояться за себя, детей и их будущее. Только вот от науки ли и новых научных познаний она исходит или опять же по приказу правителей, чтобы запудрить мозги бедным гоям, чтобы отвлечь от насущных проблем и заставить бояться новых всемирных потоков, землетрясений, межпланетных войн и забыть о требованиях лучшей для себя доли? Чтобы не знали о назначении и наметках дельцов Золотого миллиарда, продолжателей кровавых планов сионских мудрецов, не предполагали о дне, когда их, как баранов, выдрессированный рогатый козел ровным строем и с песней поведет на бойню...

- Может, нечистая сила вселилась в мой дырявый ум и ослабшее стариковское тело? – с испугом спрашивал себя ветеран. – Изыди, сатана! Отпусти душу на покаяние!.. А может, высший разум, провидение открывают мне глаза? Не зря Господь дал на это талант?

Ему показалось, что сходит с ума и теряет последние силы. И он свалился на диван и как будто потерял сознание. А может, и совсем преставился, ведь его возраст с лихвой перевалил на восьмой десяток этой неласковой и часто несправедливой жизни? Ну и ладно, что прибрал Господь, думал не то он, не то уже его душа или ангел-хранитель. Отмаялся, сердечный, как метко выражается простой народ. Пусть земля будет ему пухом. Такovy, видать, казачьи козыри.

В Святом Писании сказано, что дух покойного после смер-

ти не умирает и сорок дней витает на земле, находится рядом с родственниками и близкими. Слышит и видит, что делается вокруг. Только не может участвовать в событиях, как будто сторонний наблюдатель. Слышит причитания или радость родни, приглушенные разговоры и сострадания близких, соседей. Звон лопат на кладбище, музыку духового оркестра и прощальные надгробные речи. Видит цветы и венки на холмике.

Увидел и он свою могилу, старательно утрамбованную, наверно, чтобы не вылез, больше не смущал людей своими статьями и крамольными речами, и прикрытую венками, словно одеялом из цветных лоскутов и заплат. Скромный памятник из серого гранита – не богачи ведь, не до черного объемного мрамора! И за это спасибо. Но на этом небольшом памятнике даже были видны слова эпитафии. И дух покойного, как делал в жизни тот сам, прищутив подслеповатые глаза и нагнувшись, с трудом прочитал:

Устав от тяжести дорог,
Ты отдохнуть в тиши прилег.
Но вновь, как солнце из тумана,
Прорвешься к нам в своих романах,
Легендах, сказках и стихах –
Ничто пред ними смерти прах!..

* * *

До зимы еще было далеко, и до осени еще оставался срок. А за окном уже качались и гнулись от сильного ветра деревья, стоящие на берегу стремительного Большого Зеленчука. Река бесконечным потоком несла грязные после частых дождей воды, в которых ныряли бородатые комли и стволы снесенных потоком деревьев, покрытых еще зелеными листьями. В последние месяцы с природой что-то творилось неладное. Может, в самом деле, приближался конец света, о котором в последний год говорилось и писалось особенно много. Верующие люди талдычили об Армагеддоне. Другие апеллировали каменными

надписями-посланиями народа индейцев майя и прочили конец земного мира. И в душах людей жила неутрахающая тревога. А может, это тоже был политический ход мировых правителей, решивших до конца свести население Земли?

В начале августа, когда еще должно жарко припекать беспощадное солнце, налетали стремительные ветры-ураганы, ливни с грозами и крупным градом. Они, как пьяные дятлы, немилосердно долбили по стеклам окон и крышам домов, стараясь расколотить их, как в 2006-м году, наделать людям беды. Ломали ветви фруктовых деревьев на дачах и высокие стебли помидоров, на которых в этом году плоды и без того были редкими и какими-то уродливыми, с черными пятнами и вздутыми, как дизентерийные животы, боками. А Европу вообще то заливало водой, то пекло невыносимым жаром. Да и Сибирь не забыло немилосердное наводнение. Пугал чебаркульский метеорит. Как тут не поверишь в конец света?

- Такой оказии мы еще не видали! - дивились дачники Овчинниковы, часто приезжавшие за урожаем. – Огурцы вдруг ни с того ни с сего почернели и засохли. Помидоры на ладан дышат, как туберкулезники последней стадии. В прошлом году ведер двадцать набрали. И кусты были густые и выше человеческого роста. Что случилось нынче с природой? А теперь столько труда вложили, и все понапрасну!

- А с людьми что случилось? Конец света, одним словом, как предрекают руководители и баламуты.

Правда, уже поспедали фрукты, картошка. И вдоль дороги на Ивановской горе, напротив старого кладбища, кавказцы начали продавать первые арбузы и дыни. Они еще не были достаточно сладкими, выращены на вредных химических добавках, но, не боясь отравиться, их уже покупали рискованные жители мельничного и фабричного поселков.

На обратном пути с дачи Овчинниковы привычно купили крупный полосатый арбуз, смахивающий на молодого дикого кабана, и желтую дыню. Все это вместе с дачным урожаем до-

ставили в квартиру и стали ожидать постоянных гостей – любимых внуков, для чего хозяйка плотно накрыла блюдами стол, где бросались в глаза и первенствовали яркие цветом овощи и фрукты, выращенные заботливыми хозяевами. Так было всегда.

К сожалению, рассуждал хозяин, соберутся не все внуки. Старший, Женька, проживал и учился в далекой и чужой Франции, куда занесла его мать нелегкая. «Небоскребы, небоскребы, а я маленький такой! – вспомнились ему зловещие слова песни Вилли Токарева. – Все вы там, за границей, становитесь маленькими и сиротливыми, ведь это только СССР всех возвеличивал. А иных вертухаев даже и очень незаслуженно». Второй внук, Егорка, отдавал солдатский долг Родине. Юлька закончила восьмой класс. Была еще худенькой и стройной, как молодой пирамидальный тополек. Но уже с модной прической и маникюром, что не очень одобрял ворчливый дед. Но куда денешься, думал беззлобно он, когда внуки считаются умней стариков? Скоро совсем станет невестой и упорхнет в институт или замуж. Будет рожать казачье потомство, чтобы продолжить наш род. Только вот фамилия будет другая, но кровь-то наша. Да и на помощь придут братья, чтобы дальше понести по свету породу Овчинниковых, ведь ребята не лыком шиты. А Юрка уже в седьмой класс пойдет. Фигурой ладный, как сбитый. И силенки имеет. Тренируется и кикбоксингом занимается. Правда, последний бой в Кисловодске проиграл, зато вчера в родном спортзале легко выиграл.

- Дедушка, приходи, у нас краевые соревнования! Посмотришь, как я буду биться за честь города! – просил внук Владимира Ивановича. – Ты ведь ни разу меня не видел в бою.

- Приду, дорогой, приду! – серьезно пообещал старик, собираясь наверстать упущенное. Отец Юрки, Вадим, как всегда находился на работе. Старший брат его далеко. Кто-то же должен поддержать и подбодрить молодого бойца-удальца. – Ты хоть про защиту не забываешь? Хорошая оборона – не хуже

нападения. И не даст сопернику набирать очки. А бить старайся «двойкой» и «тройкой» - левой – правой – левой руками. Самый эффективный прием, - от всей души советовал дед, когда-то знавший боксерскую тактику и приемы.

Приемы кикбоксинга он хорошо не знал. Это был новый вид спорта, где, кроме кулаков, пускали в ход ноги. Но основные элементы были общими. Владимир Иванович прекрасно помнил то десятилетней давности время, когда Юрка чуть не остался инвалидом. Ему вшили под колено пластмассовую пластинку, которая, видно, хорошо прижилась. И внук не только не хромал, но и бегал целыми днями с мальчишками, гонял футбол. И все-таки ветеран беспокоился, чтобы не навредить старой ране, чтобы внучек не стал из-за спорта на всю жизнь инвалидом.

И он отговаривал Юрку, советовал заняться более мирным видом спорта. Хотя бы стрельбой, волейболом, плаванием, шахматами. Но внук был упорным мальчишкой. В душе ласковый, нежный и приветливый, он в трудной ситуации мог собраться и сжаться в комок, который не так-то просто одолеть. Короткая темная стрижка, черные непримиримые глаза-смородинки и напрягшиеся мышцы говорили о его психологической и физической собранности, готовности броситься в бой, если нужно, и достойно постоять за себя.

Проницательный дед заметил, что вокруг него всегда собирались мальчишки. Приходили издалека, заходили к ним домой и названивали по телефону, спрашивали его мнение и слушались. Видно, он был лидером и в школе, и даже в дедовом дворе. Атаманом! И не раз вспоминал свое бишкильское детство, когда сам был признанным главарем мальчишеской бойкой стайки, когда их большой сельский двор набивался разновозрастными подростками, и некоторые из них учились уже в старших классах. И это радовало Овчинникова. И хотя в течение двадцати сентябрьских дней неожиданно покинули белый свет двое его старших братьев – Борис и Александр - и он остался последним

из братьев, вселяло надежду, что их казачий род, ведущий родословную со времен Емельяна Пугачева, не кончится на нем, последнем сыне Ивана Аверьяновича и Марии Алексеевны, а пойдет дальше, как хорошо плодоносящее дерево, будет сеять свои фамильные семена на просторах русской и не только русской земли. Передавать их кровь и неумный характер будущим поколениям. И ему вспомнилось свое стихотворение:

Опали лепестки прекрасных роз,
Стручки акаций белых гонит ветер.
Ударит скоро враг цветов - мороз,
А я иду с улыбкой – чист и светел!

На сердце и в душе моей светло,
Хоть шебаршат в кустах стручки акаций.
По жилам разливается тепло,
Шагает рядом внуков моих братство.

Мое богатство! Да, не беден я,
Хоть нет дворцов, «Тойот» и бриллиантов.
И счастлив, ведь растет моя семья.
Не обошлось в ней вроде без талантов.

Немало, уж восьмой десяток мне,
Знакомы и лишения, и голод,
И счастье было в нашей стороне.
Вот почему душой я очень молод.

И с малолетства труд, тяжелый труд,
Как сталь, он закалил меня, дал силы.
Надеюсь, внуки так же вот пойдут,
Чтоб не упасть в пути, не обессилеть.

Деяния мои им продолжать.
Рожать детей, трудиться на заводах,

Пахать поля, пшеницу сеять, жать,
Лечить людей на Минеральных Водах.

Пусть опадают лепестки у роз,
Стручки акаций белых гонит ветер!
Мне не страшны ни вьюга, ни мороз.
Живу с улыбкой – счастлив, чист и светел!

Соревнования кикбоксеров длились долго. Но дед стойчески выдержал и дождался, когда на ринг вышел его самый младший внучек. В блестящих серых спортивных брючках, разрисованной модной майке, красном шлеме и синих перчатках. Со стороны казалось, что взгляд его сосредоточен только на противнике. Но Владимир Иванович заметил, как короткой молнией стрельнули глаза в его сторону и заблестели радостью и удовлетворением, мол, надо показать деду, на что способен. И это ему добавило силы. И старику вспомнилась история казни старшего сына Тараса Бульбы. И он даже напряг слух, словно хотел уловить слова спортсмена: «Слышишь ли, деду?» И готов был ответить: «Слышу, внучек, слышу!»

А тот коршуном налетел на соперника и стал покрывать его не по-детски стремительными ударами рук и ног. И соперник яростно отбивался и отступал, метался по рингу. Но Юрка был неотступным. Откуда и что бралось у всегда мирного и спокойного в быту мальчишки? Словно дед каким-то таинственным образом посылал ему дополнительные силы. Наверно, такими же неуступчивыми и напористыми бывают русские воины в настоящем бою. Дед собирался напомнить ему о двойном и тройном ударах, но тот и без его советов побеждал.

Когда чемпионам вручили награды и затихли приветствия, они дружно двинулись домой. Надев на плечо спортивную сумку с перчатками, формой внутри, внук казался вновь беззаботным и независимым и твердо шагал рядом с довольным предком. А тот радостно думал свои беспокойные стариковские думы. Нет,

на самом деле не было его кончины, похорон и витания духа над могилой. Видно, приснились, как и эпитафия.

- Зачем мне умирать и прорываться назад сквозь туман, когда еще нужно пожить, закончить трилогию о казаках и сделать что-то полезное людям, городу, Отчизне, которые оказались в глубокой беде? Кто им больше поможет? – рассуждал он негромко. - Хорошо, хоть родной Невинномысск не сдается. Благоустраивает территорию, асфальтирует дороги, создает технопарк, строит новые заводы. Ледовый дворец отгрохал. Конечно, масштабы не те, что были раньше, но ведь и возможности совершенно другие. И он по праву считается краевым донором и промышленной столицей. Значит, можно, если захочешь! Нет, не зря я когда-то написал о нем песню, целый гимн, - вспомнил он слова:

Трудом встречает утро южный город,
Рассвет приходит с кликом журавлей.
Живет народ в нем работающий, гордый,
Его считая родиной своей.
Он нынче – вновь окраина России,
Он стережёт ее покой давно.
Тут ветры революций проносились
И загоралось золотом руно.
Невинномысск, ты юность моей жизни,
Моих детей и внуков колыбель.
Ты дорог мне, как дорога Отчизна,
И чувствам сына своего поверь.
У солнца тут особое свечение,
Слова любви тут шепчут тополя.
Заводы, комбинаты, учрежденья –
Тут все мое! И Родина моя!
Тут горных рек бушующие волны
Души горячей остужают пыл.
И город свой я вечно буду помнить,
Хоть вдруг расстанусь, где бы я ни жил.

Невинномысск, ты – юность моей жизни,
Моих детей и внуков колыбель.
Ты дорог мне, как дорога Отчизна,
И чувствам сына своего поверь.
Живи и здравствуй, трудовой мой город.
Твори, строитель, химик и студент.
Я счастлив, что живу, тобою горд я –
Другого для меня такого нет!

- И эти достижения нужно улучшать всем вместе, и рабочим, и казакам. Только труд поможет выжить в любой беде и принесет счастье, - расчувствовавшись, рассуждал он сам с собой. - Потому и наш город выжил, что в нем живут трудолюбивые люди. Нелегки и казачье счастье, и казачьи козыри, которые если и приходят, то так же стремительно и уходят, не успеешь оглянуться. Труд, дети, внуки и правнуки – вот самые главные казачьи козыри и удача! Эти не подведут и помогут в тяжелую минуту жизни. Скоро придет из армии крепыш и штангист Егорка. На днях звонил из Франции и порадовал Женька, сообщив: - Жениться буду только на русской. И после учебы вернусь в Россию. Ну их, мусье-слабаков!

Старший внук, голубоглазый красавец и мастер рукопашного боя, с фотографии уже смотрелся дюжим мужиком. Вымахал под метр девяносто ростом. Да и сыновей еще не надо сбрасывать с фамильных счетов. Вон, какая сила подходит, способная одолеть другую силу! И если разобраться, совсем не царям и правителям служили казаки, с чьими войсками не раз воевали за правду и свое выживание, а служили России, Отечеству, которые сейчас и нужно спасать. Не зря говорили казачьи предки: Душу – Богу, жизнь – Отечеству, а честь – никому!

И на душе старого казака потеплело. Она наполнилась духовными силами и оптимизмом. И верить хотелось только в выжившую Россию и счастливую для потомков жизнь.

КАЗАЧЬИ КОЗЫРИ

Послесловие

Вновь порадовал очередным романом «Внуки и правнуки» писатель-земляк Владимир Кожевников, который продолжил историческую тему казачества, поднятую в его книгах «Отцы и матери» и «Сыновья и дочери». Он начал с пугачевских времен, когда предводитель казаков и бедного крестьянства поднял народ против царей и помещичьего гнета. В бунт были вовлечены и предки главного героя – южноуральские казаки, прятавшие на своем хуторе беглого Емельяна Пугачева и участвовавшие в восстании. И чтобы не быть казненными после его подавления, они даже поменяли фамилию и место жительства.

А потом случились Первая мировая война, Гражданская, во время которой отступающий адмирал Колчак вместе с друзьями снял с обжитого места и казаков Травниковской станицы и увел в Сибирь, где многие сложили буйные головы.

Затем создавались колхозы, проводились коллективизация, раскулачивание, и многие казаки от греха подальше подались в города. Устраивались на заводы, железную дорогу. На небольшую станцию Бишкиль уехала семья Ивана Овчинникова, поступившего путевым обходчиком и отдавшего дороге десятки лет, сменившая казачьих коней на стальных. Не обошла их и Великая Отечественная. За отцом последовали и дети. Самый младший, Владимир, сначала трудился слесарем в вагонном депо. Затем выучился на движенца, стал передовым диспетчером. Управлял целыми потоками тяжелых поездов, бегущих по стальным магистралям Союза, пока не обрушилась новая беда – беспощадный рынок.

Поднимались после военной разрухи страна, ее промышленность и сельское хозяйство. Осваивались новые земли и регионы. Наступил век романтиков. И молодые поехали на их освоение. Не остались в стороне и потомки южноуральских ка-

заков, наивно надеявшиеся, как и предки, вытащить из жизненной колоды козырную карту. Одни подались в далекую Сибирь, другие в Прибалтику, на Украину, Черноморское побережье, Северный Кавказ. Оказалась на Ставрополье и семья четвертого сына Овчинниковых – Владимира, о чем и повествуется в этом романе. Но ему нашлось только место стрелочника, с которого, благодаря труду, знаниям и энтузиазму, он вновь дорос до отделенческого диспетчера, а потом и диспетчера управления железной дороги.

Познакомился с талантливым министром Путей Сообщения Николаем Конаревым, славным невинномысским земляком, который оценил его по достоинству. А также со старым кубанским казаком Иваном Ильичом, бывшим когда-то членом волчьей сотни полковника Шкуро и беломечетской банды атамана Васюка. И загубившим немало невинных жизней в Гражданскую войну, за что отбывал срок на соликамских копях.

С годами казак понял, что зря ввязался в далекой молодости в войну со своим народом и Советской властью, губил напрасно людей, что его угнетало до глубокой старости. И он искал, кому бы выплеснуть душевные переживания и боль. Покаяться в содеянном. Снять с души грех, после чего со спокойной совестью отойти в лучший мир, где смогут смилостивиться и приютить покаявшегося грешника.

Воспоминания и покаянные признания старого кубанца вызвали неподдельный интерес у молодого литератора, которым стал Владимир Овчинников. И он вдруг понял, что история кубанских казаков оказалась схожей с историей южноуральских, как две капли воды. Там зверствовали Колчак, Каппель, здесь – Корнилов, Деникин, Врангель, Шкуро. Там хлестался за народную власть Чапаев, здесь – Кочубей. Там невинная кровь лилась рекой, здесь от пролитой крови были красными воды Кубани.

Вызывает неподдельный интерес судьба комбрига Ивана Кочубея, почти мальчишкой зарубившего рощинского атамана,

который по пьянке хотел залезть в станичную кассу. Паренек убежал на станцию Невинномысскую, где как будто специально его поджидал эшелон полковника Шкуро, направляющийся в Иран. Шкуро приблизит бесстрашного Ивана к себе, а вскоре будут воевать друг против друга. И Кочубей вызовет его на бой с собою, от чего мастер джигитовки откажется, мол, с холопами не дерется. А даже больной тифом Иван Антонович, находясь в плену у белых, не откажется от светлых народных идей под страхом смерти и пойдет на эшафот.

А Андрея Шкуро судьба, как и многих белых офицеров, забросит в Европу, где позже он будет просить у самого Гитлера дивизию, чтобы навести капиталистический порядок на Верхней Кубани и создать самостоятельную страну Казакию. Но судьба распорядилась по-другому. После войны хитрые англичане выдадут его СССР, где этот беспощадный каратель пролил реки крови и где будет справедливо осужден.

Вызывает живой интерес трагическая история казачьей банды белополковника Васюка, о которой Овчинникову поведают старый кубанец Иван Ильич и бывший работник шерстомойки и боец ЧОН Петр Степанов, истинный большевик, чьего отца в 1918 году расстреляют корниловцы на кубанском мосту и сбросят в волны реки. И она, как и история всей Гражданской войны, вызовет в чуткой душе литератора неизбывную боль, ведь брат шел на брата, сын на отца, отобрав у России миллионы человеческих жизней. И он станет писать об этом правдивые книги.

Понявший правоту и суть Советской власти и беззаветно любящий Россию, Овчинников встанет во весь рост на ее защиту от новой напасти – переворота 90-х годов и беспощадного рынка. Поднимется на защиту Отечества, которое предали и развалили архитекторы перестройки, пятая колонна Запада и демократы. На защиту обездоленного народа, ставшего в одночасье безработным и нищим. А как иначе, ведь правящие «профессионалы» ничего не могут или не хотят сделать. Их никто

не слушает, и они только наивно поучают с экранов телевизоров: «Наша одна их приоритетных задач должна неукоснительно выполняться... Надо скорректировать планы... Вывести на качественно новый уровень...» И как тут не вспомнить выражение Бернарда Шоу: «Кто умеет – делает, кто не умеет – учит». Затевают Сочинскую Олимпиаду, которая обойдется в полтора триллиона. Чемпионат мира по футболу, на который потратят, по словам премьер-министра, 660 миллиардов рублей. А ведь на эти средства страна могла построить 220000 домов для сельских учителей, врачей и специалистов, 100000 трехкомнатных квартир для ветеранов войны и труда. 4000 детских садов. 2000 типовых школ. 660000 детских спортплощадок. 200 современных театров.

Но зачем они? Лучше устроить показуху, мол, какие мы добренькие и богатенькие, несмотря на всемирный кризис! Пусть на головы несчастных жильцов валяются ветхие коммуналки и хрущобы! Пусть синим пламенем горят леса и села. Заливает наводнение целые регионы, на помощь которым нужны огромные средства! Пусть процветает мировой Золотой миллиард. Зато мы увидим испанскую и бразильскую футбольную невидаль. Потрясем дырявыми штанами и опозоримся в очередной раз на поле.

Не от легкой жизни, как утверждают статистика и писатель Э. Тополь, за последние 20 лет покончили с собой 800 тысяч россиян. Целая армия, которой ГУЛАГ, где уничтожали только врагов народа, и в подметки не годится! И Россия вышла на первое место в мире по самоубийству среди подростков.

Избавлению от несправедливости и посвятит последние годы жизни сын казачьего рода. Пойдет вместе с такими, как знаменитый министр Путей Сообщения Конарев, философ Зиновьев, машинисты Зазуля, Колкин и другие многочисленные патриоты униженной и расхристанной России, на которых он очень надеется в борьбе за ее возрождение. Ведь патриотов

больше, чем представителей любых других партий. И их репутация не запачкана.

Он, как и его казачьи предки, не вытащил козырей из жизненной колоды. И понял, что их там не бывает. Их надо искать в детях, сыновьях, внуках и правнуках, которым и поднимать на ноги обездоленную и униженную Россию, в которую он свято верил. И хочется поблагодарить автора Владимира Кожевникова за удачи в этой и последних книгах, которые он выстреливает с вулканической силой и быстротой.

*Иван КОКЛИН,
доктор технических наук.*

ОБ АВТОРЕ

Владимир Иванович КОЖЕВНИКОВ, член Союза писателей России, родился в 1940 году на южноуральской станции Бишкиль Челябинской области. Работал на стройке, в вагонном депо, на химическом и шерстяном комбинатах.

Окончил ремесленное училище, вечернюю школу, отделение журналистики Ростовской ВПШ, Высшие литературные курсы при Литературном институте имени Горького. Автор 27 книг, в том числе восьми романов: «Левиафан», «Рунное устье», «Белоруния», «Линия отреза», «Шапка Газомаха», «Отцы и матери», «Сыновья и дочери», «Внуки и правнуки». Многих книг повестей и рассказов, сказок и легенд, стихов, документально-исторических сборников. Перевел на русский язык четыре десятка книг иноязычных авторов.

Лауреат Всесоюзного фестиваля радиоспектаклей, Всероссийского литературного конкурса имени В. Шукшина «Светлые души» и литературной премии имени С. Бабаевского. Делегат VII съезда писателей России.

СОДЕРЖАНИЕ

Внуки и правнуки. Роман.....	3
Казачьи козыри	366
Об авторе	371

Владимир Иванович КОЖЕВНИКОВ

ВНУКИ И ПРАВНУКИ

Роман

374 стр.

Технический редактор В.И. Владимиров.
Корректор В.И. Иванов.
Компьютерный набор и дизайн обложки
Н.И. Барановой, Н.Н. Боярских.

Подписано в печать 17.03.2014 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Усл.печ.л. 22,20.
Тираж 100 экз. Заказ 689.

Отпечатано в ЗАО «Невинномысская городская типография»,
357100, Ставропольский край, г. Невинномысск,
ул. Первомайская, 66-а.